

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

<http://crimescience.ru>

2013. №2

ТЕМА НОМЕРА:

IV Международная научно-практическая конференция
«Современные проблемы уголовной политики»
Россия, г. Краснодар, 27 сентября 2013 года

Региональная общественная организация
**СОЮЗ
КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ**

Добро пожаловать!

Новости Союза Наши партнеры План работы на 2013г.
Фотоальбом

Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», воссозданная в 2010 г., является региональной общественной организацией, объединяющей на основе общности профессиональных интересов ученых и практиков, разрабатывающих основы социально-правовой политики, методологические, правовые, организационные, методические, технические проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

Союз продолжает традиции Русской группы Международного союза криминалистов (1897-1914 гг.) под руководством И. Я. Фойнцко, а также «Союза криминалистов и криминологов» (1995-2002 г.) под руководством проф. В. Е. Эминова и, руководствуясь их принципами, объединяет ученых и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы.

Союз взаимодействует с государственными органами и негосударственными организациями, ведущими борьбу с преступностью, государственными и иными научно-исследовательскими и учебными заведениями и организациями, разрабатывающими проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

Целью Союза является объединение криминалистов и криминологов для содействия укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью и иными правонарушениями, профессиональной консолидации специалистов, работающих в различных сферах науки и правоохранительной практики, подготовке кадрового потенциала в области наук уголовно-правового цикла, координации фундаментальных и прикладных исследований в пределах полномочий, предусмотренных Уставом.

Поиск

Рубрики

- ★ Без рубрики
- ★ Наши партнеры
- ★ Новости
- ★ О Союзе

Июль 2013

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

« Июль

Мета

- ★ Войти
- ★ RSS записей
- ★ RSS комментариев
- ★ WordPress.org

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

2013. № 2 (2)

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Издатели:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Информация о журнале:

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53307 от 29 марта 2013 г.

Редакция:

Главный редактор

Игорь Михайлович Мацкевич, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский

государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, советник министра МВД РФ, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов

и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист России, (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия:

Елена Александровна Антонян, помощник Президента Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал оглы Велиев, заведующий отделом уголовного права и уголовного процесса Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Лидия Алексеевна Воскобитова, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, проректор по научной работе НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Евгений Петрович Ищенко, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Васильевич Лунеев, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки (ФГБУН) «Институт государства и права Российской академии наук», д.ю.н., профессор, лауреат Государственной премии России, член Экспертного совета Комитета по безопасности и Комиссии по борьбе с коррупцией Государственной Думы РФ (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», директор Владивостокского Центра по изучению организованной преступности, д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)

Владислав Николаевич Орлов, ответственный секретарь Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)

Алексей Иванович Рарог, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель

науки Российской Федерации
(Россия, г. Москва)

Елена Рафаиловна Россинская,
член Президиума Союза криминалистов
и криминологов, заведующая кафедрой
судебных экспертиз ФГБОУ ВПО «Московский
государственный юридический университет

Представители:

в Южном федеральном округе России:
Алексей Николаевич Ильяшенко,
член Президиума Союза криминалистов
и криминологов, заместитель начальника по

Ассистенты журнала:

Алексей Васильевич Ковальчук,
член Союза криминалистов и криминологов,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров ФГКОУ ВПО
«Московский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,

Переводчики:

на английский язык:
Елена Владимировна Гридякина,
директор Негосударственного образовательного
учреждения образовательного центра «Лингво
Профешнл» (Lingvo Professional), кандидат
педагогических наук (Россия, г. Ставрополь)

Художественное оформление:

Владимир Игоревич Романов (Россия, г. Москва)

Корректор:

Татьяна Алексеевна Перевозчикова
(Россия, г. Ставрополь)

Адрес:

121357, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, дом 65, кв. 9

Телефон:

8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vkk@mail.ru

Сайт:

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2013. — № 2.
М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина, 2013. — 200 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики.

Подписано в печать 13.12.2013 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 25,0 п. л. Тираж 1050.
Цена свободная.

© Мацкевич И. М.

© Орлов В. Н.

В оформлении обложки использована фотография Краснодарского университета МВД России

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор
(Россия, г. Москва)

Уве Хелльманн,
заведующий кафедрой уголовного и экономического
уголовного права юридического факультета
Потсдамского университета, dr. iur. habil., профессор
(Германия, г. Потсдам)

научной работе ФГКОУ ВПО «Краснодарский
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», д.ю.н., профессор
(Россия, г. Краснодар)

майор милиции
(Белоруссия, г. Минск; Россия, г. Москва)
Николай Филиппович Бодров,
член Союза криминалистов и криминологов, эксперт
АНО «СОДЭКС МГЮА имени О. Е. Кутафина»
(Россия, г. Москва)

на немецкий язык:
Екатерина Сергеевна Серебрякова–Шибельбейн,
переводчик НОУ ОЦ «Лингво Профешнл»
(Lingvo Professional),
кандидат педагогических наук
(Россия, г. Ставрополь)

Компьютерная верстка:

Александр Николаевич Панов,
Любовь Брониславовна Панова
(Россия, г. Москва)

Periodische Druckausgabe, Zeitschrift

KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND

2013. Nr. 2 (2)

wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Verleger:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Zeitschriftinformationen:

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation, Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor) registriert.

Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-53307 vom 29. März 2013.

Redaktion:

Chefredakteur:

Igor Michailovitsch Mazkevitsch,
Präsident des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche

juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowitsch Owtshinskij,
stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Ministerberater des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)
Wladimir Jevgenjewitsch Eminov,
stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für

Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)

Redaktionskollegium:

Elena Aleksandrovna Antonjan,
Assistentin des Präsidenten des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin (Russland, Moskau)
Isahan Veysal ogly Veliev,
Leiter der Abteilung für Strafrecht und Strafprozess des Instituts für Philosophie, Soziologie und Recht der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Republik Aserbaidschan, Baku)
Lidija Alekssewna Voskobitova,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls für Strafprozeßrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)
Saitsev Oleg Aleksandrovich,
Prorektor für Wissenschaft der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht», Verdienter Wirtschaftsarbeiter der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Evgenij Petrovitsch Ischtschenko,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Moskau)
Viktor Vasiljewitsch Luneev,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Sektors für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für Wissenschaft «Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Preisträger des Staatspreises der Russischen Föderation, Mitglied des Experten Sachverständigenrates des Komitees für Sicherheit und der Kommission für Korruptionsbekämpfung der Staatsduma der Russischen Föderation (Russland, Moskau)
Vitalij Anatoljewitsch Nomokonov,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Fernöstliche Föderale Universität», Direktor des Zentrums für Erforschung des organisierten Verbrechen, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Wladiwostok)

Vladislav Nikolaevitsch Orlov,
verantwortlicher Sekretär des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Dozent am Lehrstuhl für
Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen
staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung
für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche
juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer
staatliche juristische Akademie), Kandidat der
Rechtswissenschaften, Dozent
(Russland, Moskau)
Aleksej Ivanovitsch Rarog,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls
für Strafrecht an der föderalen staatlichen
haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische
O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische

Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor,
Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)
Elena Rafailovna Rossinskaja,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls
für Gerichtsgutachten an der föderalen staatlichen
haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische
O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische
Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften,
Professorin (Russland, Moskau)
Uwe Hellmann,
Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht
an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam,
Dr. iur. habil., Professor
(Deutschland, Potsdam)

Vertreter:

im Südlichen Föderationskreis Russlands:
Aleksej Nikolaevitsch Iljaschenko,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, stellvertretender Leiter für
wissenschaftliche Arbeit an der föderalen staatlichen

fiskalischen Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Krasnodar Universität des
Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor
der Rechtswissenschaften, Professor
(Russland, Krasnodar)

Assistenten der Zeitschrift:

Aleksej Vasiljevitsch Kovaltschuk,
Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes,
Doktorand an der Fakultät für Vorbildung der
Wissenschafts- und Fachlehrkräfte an der föderalen
staatlichen fiskalischen Bildungseinrichtung für
berufliche Hochschulbildung «Moskauer Universität des
Innenministeriums der Russischen Föderation», Major der
Miliz (Weißrussland, Minsk; Russland, Moskau)

Nikolaj Filipovitsch Bodrov,
Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes,
Experte der autonomen nicht gewinnorientierten
Organisation der Expertengemeinschaft der Moskauer
staatlichen juristischen O.E.Kutafin-Akademie»
(Russland, Moskau)

Übersetzer:

ins Englische:
Elena Wladimirowna Gridjakina,
Direktorin der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung des
Bildungszentrums «Lingvo Professional», Kandidatin der
pädagogischen Wissenschaften (Russland, Stavropol)

ins Deutsche:
Ekaterina Michailowna Serebrjakova-Schiebelbein,
Übersetzerin der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung des
Bildungszentrums «Lingvo Professional», Kandidatin der
pädagogischen Wissenschaften (Russland, Stavropol)

Künstlerische Gestaltung:

Wladimir Igorevitsch Romanov (Russland, Moskau)

Korrektorin:

Tatjana Alekseevna Perevostschikova
(Russland, Stavropol)

Computerkorrektur:

Aleksandr Nikolaevitsch Panov,
Lubov Bronislavovna Panova
(Russland, Moskau)

Adresse:

121357, Russland, Moskau, Kutusowskij Prospekt, Hausnummer 65, Wohnungsnummer 9

Telefon:

8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vkk@mail.ru

Internetseite:

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Kriminalisten- und Kriminologenverband: periodische Druckausgabe, Zeitschrift. — 2013. — Nr. 2. — Moskau:
Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Akademie, 2013. — 200 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

Am 13.12.2013 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruckpapier. Druckliste 25,0. Auflage 1050 Exemplare.
Der Preis ist frei.

© Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

In der Gestaltung des Umschlages wurde das Foto der Krasnodar Universität des russischen Innenministeriums
verwendet.

Periodical printed edition, bulletin

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

2013. № 2 (2).

Published since 2013.

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Publishers:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Information about the bulletin:

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass

Media (Roscomnadzor). Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-53307 on March 29, 2013.

The Editorial Board of the Bulletin:

The editor-in-Chief

Igor Mikhailovich Matskevich,
President of the Union of Criminalists and
Criminologists, Professor of Criminology and Criminal
Executive Law Chair at FSBEI HPE "Moscow State

Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of
Law, Professor, Honored scientific worker of the Russian
Federation
(Moscow, Russia)

Executive Editor-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky,
Vice-President of the Union of Criminalists
and Criminologists, Council to the Minister of MIA RF,
Doctor of Law
(Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov,
Vice-President of the Union of Criminalists and
Criminologists, Head of the Chair of Criminology and
Criminal Executive Law of FSBEI HPE "Moscow State
Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of
Law, Professor, Honored jurist of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

The Editorial Board of the Bulletin:

Elena Aleksandrovna Antonyan,
Deputy to the President of the Union of Criminalists
and Criminologists, Associate Professor at the Chair
of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI
HPE "Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin
(MSJA)", Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow, Russia)
Isakhan Veysal ogly Veliev,
Head of Criminal Law and Criminal Procedure
Department of Institute of Philosophy, Sociology and
Law of the National Academy of Science of Azerbaijan,
Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)
Lidia Alekseevna Voskobitova,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Procedural Law
Chair of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute
by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich,
Pro-rector on Scientific Work at NSEI HPE "Moscow
Academy of Economics and Law", Honored scientific
worker of RF, Doctor of Law, Professor, Honored worker
of Professional Education of RF
(Moscow, Russia)
Evgeny Petrovich Ischenko,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Investigation
Chair of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute
by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Victor Vasilievich Luneev,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Senior scientific worker of Criminal

Law and Criminology Department of the Federal State
Budget Institution of Science (FSBIS) "Institute of
State and Law of Russian Academy of Science", Doctor
of Law, Professor, laureate of State award of Russia,
Member of the Expert Council of the Safety Committee
and Corruption Counteraction Committee of the State
Duma of RF
(Moscow, Russia)

Vitaly Anatolievich Nomokonov,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Professor at Criminal Law and
Criminology Chair of FSAEI HPE "Far-Eastern
Federal University", Director of Vladivostok Center
on Organized Criminality Studying, Doctor of Law,
Professor (Vladivostok, Russia)

Vladislav Nikolaevich Orlov,
Responsible secretary of the Union of Criminologists
and Criminalists, Associate Professor at the Chair of
Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI
HPE "Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin
(MSJA)", Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow, Russia)

Aleksey Ivanovich Rarog,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Law Chair
of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute by
O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya,
Member of the Presidium of the Union
of Criminalists and Criminologists, Head of Judicial
Examination Chair of FSBEI HPE "Moscow State
Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)",

Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Uwe Hellmann,
Head of Criminal and Economical
Criminal Law Chair of Law Department
of Potsdam University, PhD,
Professor (Potsdam, Germany)

Representatives:

In the Southern Federal Region of Russia:
Aleksey Nikolaevich Ilyashenko,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Deputy Chief on the Scientific Work

of FSBEI HPE “Krasnodar University of the Ministry of
Inner Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law,
Professor
(Krasnodar, Russia)

Assistants to the Bulletin:

Aleksey vasilievich Kovalchuk,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Competitor of the Scientists and
Teachers’ Training Department of FSCEI HPE “Moscow
University of the Ministry of Inner Affairs of the
Russian Federation”, Major of Militia
(Minsk, Belorussia; Moscow, Russia)

Nikolay Fillipovich Bobrov,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, expert of ESD “SODEKS MSJA by
O.E.Kutafin”
(Moscow, Russia)

Translators:

In English:
Elena Vladimirovna Gridyakina,
Director of the Non-State Educational Institution
Educational Centre “Lingvo Professional”, Candidate of
Pedagogies (Russia, Stavropol)

In German:
Ekaterina Sergeevna Serebryakova-Schibelbein,
translator at NSEI EC “Lingvo Professional”,
Candidate of Pedagogies
(Russia, Stavropol)

Decoration:

Vladimir Igorevich Romanov (Moscow, Russia)

Proof-Reader:

Tatyana Alekseevna Perevozchikova (Stavropol, Russia)

Desktop publishing:

Aleksandr Nikolaevich Panov,
Lubov Bronislavovna Panova
(Moscow, Russia)

Address:

Appart. 9, Building 65, Kutuzov Avenue, Moscow, 121357, Russia

Telephone:

8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vk@mail.ru

Web-site: <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2013. — №2. —
Moscow: MSJU by O.E. Kutafin, 2013. — 200 p.

Works in the sphere of criminal sciences and criminal politics are published.

Signed for press on 13.12.2013 г. Format 60×90 1/8. Offset paper. Бумага офсетная. Pr. Sheets 25,0.
Circulation 1050. Open price.

© Matskevich I.M.

© Orlov V.N.

In the cover design, a photo of Krasnodar University of MIA of Russia is used.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЖНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СКК В РОССИИ

И. А. Калининченко Краснодарский университет МВД России	13
А. Н. Ильяшенко Обсудили проблемы уголовной политики	15
В. Н. Григорьев Начало уголовного производства: система сдержек и противовесов	17
А. Г. Кибальник Освобождение от уголовной ответственности: новые перспективы	22
А. П. Кузнецов Уголовная политика: межотраслевые коллизии и пути их разрешения.	25
Г. Ю. Лесников Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью	31
А. Х. Миндагулов Есть ли альтернатива у суда присяжных?.	35
А. С. Подшибякин Правовые основы криминалистики	40

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

Е. А. Антонян Наказание в виде лишения свободы как объект теоретического исследования*	46
Н. Ф. Бодров Рецензирование заключений экспертов-почерковедов*	50
С. В. Борисов Проблемы формирования международно-правовых понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности*	54
О. Л. Дубовик О потребности устранения дисбаланса между оценкой общественной опасности и наказуемостью экологических преступлений по главе 26 УК РФ*	60
Г. А. Есаков Негативные признаки состава преступления*	66
О. А. Зайцев Институт уголовно-процессуального задержания по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии*	72
А. Н. Ильяшенко Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности по УК РФ и УК ФРГ: сравнительно-правовой анализ*	78
Н. Г. Кадников Новеллы российского уголовного законодательства о категоризации преступлений*	84
А. В. Ковальчук Электрическая энергия как «предмет» хищения или причинения имущественного ущерба? Анализ законодательных и научных подходов*	92
И. М. Мацкевич Десять причин преступности*	96
В. Н. Орлов Состав отбывания уголовного наказания: понятие и элементы*	100
Т. Г. Понятовская Объекты преступлений против собственности и качество уголовно-правовой охраны*	104

Материал, не отмеченный в содержании, публикуется на русском языке; материал, отмеченный одной звездочкой, публикуется на двух языках: русском и немецком; материал, отмеченный двумя звездочками, публикуется на трех языках: русском, немецком и английском.

<i>А. И. Рарог</i>	Ответственность за взяточничество по законодательству России и Германии*	108
<i>Н. Тупанчески</i>	Наука об уголовном праве и ее соотношение с рядом других (новых) наук о преступности*	112

Трибуна Московской Академии Экономики и Права

<i>О. А. Зайцев, В. Н. Орлов</i>	Международный круглый стол по теме: «Принудительные меры в уголовном праве и уголовном процессе России и Германии» (Россия, г. Москва, 20 ноября 2013 г.)	116
<i>А. П. Гуляев</i>	Применение мер принуждения в современном уголовном процессе России	118
<i>П. А. Смирнов</i>	Задержание и первый допрос задержанного подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России и Германии	120
<i>А. О. Зайцев</i>	Европейский суд по правам человека об основаниях для заключения под стражу	124

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Г. В. Дашков</i>	Современные потребности в проведении совместных криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных исследований и разработок	127
<i>Н. А. Лопашенко</i>	Размышления о регистрации преступности в России	131

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>В. Д. Ларичев</i>	Проблемные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела	140
<i>Н. Г. Муратова</i>	Международные договоры и их значение в механизме защиты прав личности в уголовном судопроизводстве	145
<i>С. П. Щерба</i>	Проблемы нормативного определения сущности и содержания прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе России	150

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

<i>Л. А. Закаляпина</i>	Туризм и терроризм: криминологический аспект	154
<i>Е. А. Рыбакова</i>	Криминальный захват недвижимости.	159

ПИСАТЕЛЬ-КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

<i>У. Хелльманн</i>	Капитан из Кёпеника: одна немецкая криминальная история.	163
---------------------	--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ**	166
--------------------------------	-----------	-----

АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ТИПЫ ПУБЛИКАЦИЙ И ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ**	174
---	-----------	-----

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

<i>Редколлегия журнала, Н. Ф. Бодров</i>	Порядок рецензирования статей и материалов в журнале**	195
<i>Редколлегия журнала, А. В. Ковальчук</i>	Условия и требования к опубликованию в журнале**	198

INHALT

SÜDLICHE REGIONALE ABTEILUNG DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBANDES RUSSLANDS

I. A. Kalinichenko

Krasnodar Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation 13

A. N. Iljaschenko

Diskussionen des Problems über Strafrecht 15

V. N. Grigoriev

Beginn des Strafverfahrens: gegenseitige Kontrolle 17

A. G. Kibalnik

Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung: neue Perspektiven 22

A. P. Kusnetsov

Kriminalpolitik: interdisziplinäre Kollisionen und deren Konfliktauflösung und Möglichkeiten, sie zu lösen . 25

G. Yu. Lesnikov

Strafpolitik als Strategie und Taktik zur Kriminalitätsbekämpfung 31

A. Kh. Mindagulov

Gibt es eine Alternative für Geschworenengericht? 35

A. S. Podschibyakin

Rechtsgrundlagen der Kriminalistik 40

DER INTERNATIONALE RUNDTISCH

E. A. Antonian

Strafe in Form des Freiheitsentzuges als Objekt der theoretischen Forschung* 46

N. F. Bodrov

Überprüfung der Ergebnisse der Handschriftenexperten* 50

S. V. Borisov

Probleme der internationalen Rechtsbegriffe des Extremismus und extremistische Straftaten* 54

O. L. Dubovik

Über die Erfordernisse der Disbalanzbehebung zwischen der Bewertung der öffentlichen Gefahr
und der Strafbarkeit der Umweltverbrechen gemäß dem Kapitel 26 des Strafgesetzbuches
der Russischen Föderation* 60

G. A. Esakov

Negative Merkmale des Tatbestandes* 66

O. A. Zaitsev

Institut für Strafprozessgesetzgebung der Russischen Föderation und der Bundesrepublik Deutschland* 72

A. N. Ilyaschenko

Strafrechtliche Haftung für extremistische Straftaten nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation
und dem Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland: eine rechtsvergleichende Analyse* 78

N. G. Kdnikov

Novellen der russischen Strafgesetzgebung über die Kategorisierung von Verbrechen* 84

A. V. Kovaltchuk

Elektrische Energie als „Subjekt“ des Diebstahls oder Sachbeschädigung? Die Analyse der rechtlichen
und wissenschaftlichen Konzepte. Zehn Gründe eines Verbrechens* 92

I. M. Mazkevitsch

Zehn Ursachen der Kriminalität* 96

V. N. Orlov

Struktur der Abbüßung des Strafvollzuges: Konzept und Elemente* 100

T. G. Ponyatovskaya

Objekte der Verbrechen gegen das Eigentum und die Qualität des strafrechtlichen Schutzes* 104

A. I. Rarog

Verantwortung für Bestechung nach den Gesetzen von Russland und Deutschland* 108

Die Materialien, die nicht im Inhalt stehen, sind in russischer Sprache veröffentlicht; die Materialien, die mit einer Fußnote gekennzeichnet sind, sind in zwei Sprachen Russisch und Deutsch veröffentlicht; die Materialien, die mit zwei Fußnoten gekennzeichnet sind, sind in drei Sprachen Russisch, Deutsch und Englisch veröffentlicht.

<i>N. Tupancheski</i> Die Wissenschaft des Strafrechts und ihre Beziehung mit einer Reihe von anderen (neuen) Wissenschaft über Kriminalität*	112
---	-----

TRIBPÜNE DER MOSKAUER AKADEMIE FÜR WIRTSCHAFT UND RECHT

<i>O. A. Zaitsev, V. N. Orlov</i> Internationaler Rundtisch zum Thema: Zwangsmaßnahmen im Strafrecht und Strafverfahren in Russland und Deutschland” (Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht (Moskau), 20. November 2013).	116
<i>A. P. Gulyaev</i> Zwangsmaßnahmen im modernen Strafprozess Russlands	118
<i>P. A. Smirnov</i> Festnahme und erstes Verhör des verhafteten Verdächtigen in der Strafgesetzgebung Russlands und Deutschlands.	120
<i>A. O. Zaitsev</i> Europäischer Gerichtshof für Menschenrechte über die Haftgründe	124

KRIMINOLOGIE

<i>G. V. Daschkow</i> Moderne Bedürfnisse in der Durchführung der gemeinsamen Kriminologie-, Strafrecht- und Strafprozessrechtsforschungen und Ausarbeitungen.	127
<i>N. A. Lopaschenko</i> Überlegungen zum Thema Registrierung der Kriminalität in Russland.	131

STRAFPROZESS

<i>V. D. Larichev</i> Problematische Fragen der Verweigerung in der Einleitung eines Strafverfahrens	140
<i>N. G. Muratova</i> Internationale Verträge und ihre Bedeutung im Mechanismus des Rechteschutzes einer Person im Strafverfahren	145
<i>S. P. Shcherba</i> Probleme der Normativdefinition und des Inhalts der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers im Strafprozess Russlands	150

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHES BÜRO

<i>L. A. Zakalyapina</i> Tourismus und Terrorismus: kriminologischer Aspekt	154
<i>E. A. Rybakova</i> Kriminelle Besitznahme der Immobilien	159

SCHRIFTSTELLER-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

<i>U. Hellmann</i> Hauptmann von Köpenick: eine deutsche Kriminalgeschichte	163
--	-----

AN DIE AUTOREN**	166
-----------------------------------	-----

ANNOTATION, SCHLÜSSELWÖRTER, PUBLIKATIONSTYPEN UND VERSTECKTE BIBLIOGRAPHIEN**	174
---	-----

<i>Die Zeitschriftredaktion, N.F. Bodrov</i> Die Vorgehensweise der Materialienrezension in der Zeitschrift «Kriminalisten- und Kriminologenverband»**	195
--	-----

<i>Die Zeitschriftredaktion, A.V. Kovaltschjuk</i> Bedingungen und Anforderungen zur Publikation der Materialien in der Zeitschrift «Kriminalisten- und Kriminologenverband»**	198
--	-----

CONTENTS

SOUTHERN REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA

I.A. Kalinichenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 13

A.N. Ilyashenko

The Problems of Criminal Politics Discussed 15

V.N. Grigoriev

Beginning of the Criminal Proceedings: System of Suppressions and Counterbalance. 17

A.G. Kibalnik

Release from Criminal Responsibility: New Perspectives 22

A.P. Kuznetsov

Criminal Politics: Interdepartmental Collisions in the Criminal Law and Interdepartmental Collisions 25

G.Y. Lesnikov

Criminal Politics as a Strategy and Tactics of Criminality Counteraction 31

A.Kh. Mindagulov

Has the Trial Jury any Alternative? 35

A.S. Podshibyakin

Legal Bases of Criminalist Investigation 40

INTERNATIONAL ROUND-TABLE DISCUSSION

E.A. Antonyan

Penalty in the Form of Freedom as an Object of Theoretical Research* 46

N.F. Bodrov

Reviewing the Conclusions by the Handwriting Experts (Graphologists)*. 50

S.V. Borisov

Problems of Formation of the International Legal Notion of Extremism and Crimes of Extremist Character* . 54

O.L. Dubovik

On the Necessity of Elimination of the Misbalance between the Evaluation of the Social Danger and the Punishability of Ecological Crimes according to the Chapter 26 of the Criminal Code of RF* 60

G.A. Esakov

Negative Features of the Corpus Delicti* 66

O.A. Zaytsev

Institute of the Criminal Procedural Detention according to the Legislation of the Russian Federation and the Federative Republic of Germany* 72

A.N. Ilyshaenko

Criminal Responsibility for Crimes of Extremist Character according to the Criminal Code of RF and the Criminal Code of the Federative Republic of Germany: Comparative Legal Analysis* 78

N.G. Kadnikov

Novels of the Russian Criminal Legislation on the Categorization of Crimes*. 84

A.V. Kovalchuk

Electric Energy as a “Subject” of Theft or Property Damage? Analysis of Legislative and Scientific Approaches* 92

I.M. Matskevich

Ten Causes of Criminality* 96

V.N. Orlov

Contents of Servicing Criminal Penalty: Notion and Elements* 100

T.G. Ponyatovky

Objects of Crimes against Property and Quality of Criminal Legal Protection* 104

The material, not marked in the Contents, is published in Russian; the material, marked by one asterisk, is published in two languages: Russian and German; the material, marked by two asterisk, is published in three languages: Russian, German and English.

<i>A.I. Rarog</i> Responsibility for Bribery according to the Legislation of Russia and Germany*	108
<i>N. Tupancheski</i> Science of the Criminal Law and Its Correspondence to the Other Fields of Science on Criminality*.	112

TRIBUNAL OF MOSCOW ACADEMY OF ECONOMICS AND LAW

<i>O.A. Zaytsev, V.N. Orlov</i> International Round-Table Discussion on the Topic “Measures of Compulsion in Criminal Law and Criminal Procedure of Russia and Germany” (Moscow Academy of Economics and Law (Moscow), November 20, 2013)	116
<i>A.P. Gulyaev</i> Application of Measures of Compulsion within the Contemporary Legal Procedure in Russia	118
<i>P.A. Smirnov</i> The Detention and the First Inquiry of the Detainee Suspect according to the Criminal Procedural Legislation of Russia and Germany	120
<i>O.A. Zaytsev</i> European Court of Human Rights on Foundations of Taking into Custody.	124

CRIMINOLOGY

<i>G.V. Dashkov</i> Contemporary Needs in the Maintenance of Collaborative Criminological, Criminal Legal and Criminal Procedural Researches and Elaborations	127
<i>N.A. Lopashenko</i> Reflections on the Registration of Criminality in Russia	131

LEGAL PROCEDURE

<i>V.D. Larichev</i> Problematic Questions of Denial to Open a Criminal Case	140
<i>N.G. Muratova</i> International Agreements and Their Notion in the Mechanism of Personal Rights Protection in Criminal Legal Proceedings	145
<i>S.P. Scherba</i> Problems of Normative Definition of the Essence and Contents of Rights and Freedoms of Human and Citizen in the Criminal Procedure of Russia.	150

MOSCOW CRIMINOLOGICAL STUDY

<i>L.A. Zakalyapina</i> Tourism and Terrorism: Criminological Aspect	154
<i>E.A. Rybakova</i> Criminal Seizure of Immovable Property	159

WRITER-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

<i>U. Hellmann</i> Captain from Kopenik: A German Criminal Story	163
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**	166
--	-----

ANNOTATIONS, KEY WORDS, TYPES OF PUBLICATIONS AND CLAUSE-BY-CLAUSE BIBLIOGRAPHY**	174
--	-----

AD NOTAM TO THE AUTHORS

<i>The Editorial Board of the Bulletin, N.F. Bodrov</i> The Order of Reviewing the Materials in the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists”***	195
<i>The Editorial Board of the Bulletin, A.V. Kovalchuk</i> Conditions and Requirements for Publication of the Materials in the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists”***	198

ЮЖНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ

И. А. Калиниченко,

кандидат педагогических наук, генерал-майор полиции
(ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», начальник)

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» ведет отсчет своей истории с 11 марта 1977 года — со времени создания в городе Краснодаре школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД СССР.

В 1983 году образовательное учреждение преобразуется в специальную среднюю школу милиции, в 1994 году — в юридический институт, в 2003 году — в академию, а в феврале 2006 года — в университет МВД России.

В настоящее время научная деятельность в университете осуществляется на 20 кафедрах и в 3 филиалах: Ставропольском, Новороссийском и Северо-Кавказском институте повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Нальчик).

Университет ведет подготовку, переподготовку и повышение квалификации руководящих работников и специалистов для службы в органах внутренних дел более 50 субъектов Российской Федерации по специальностям: «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Экономическая безопасность», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Психология», «Психология служебной деятельности», «Информационные системы и технологии», «Безопасность информационных технологий в правоохранительной деятельности», «Педагогика и психология девиантного поведения».

С 1997 года в вузе действует адъюнктура по 15 научным специальностям, а в 2009 году открыта докторантура.

Педагогическую и научную деятельность в университете и его филиалах в настоящее время осуществляют свыше 400 сотрудников, в том числе более 50 докторов и 220 кандидатов наук. Значительная часть научно-педагогического состава университета (более 60%) имеет стаж практической работы в органах внутренних дел не менее трех лет. Научно-исследовательская работа вуза направлена на разработку проблем повышения эффективности оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности органов внутренних дел в современных условиях; усиление борьбы с преступностью; укрепление законности и правопорядка. Значительное количество научных исследований посвящено изучению вопросов совершенствования содержания, форм и методов обучения в специализированном вузе.

Краснодарский университет МВД России является учредителем и издателем двух научно-практических журналов — «Общество и право» (с 2003 г.) и «Вестник Краснодарского университета МВД России» (с 2008 г.). Оба журнала ежеквартальные, зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, имеют номер ISSN, включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и подписной каталог «Пресса России». Журнал «Общество и право» также включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Ежегодно в университете проводятся десятки международных, всероссийских и региональных конференций, семинаров, круглых столов. В те-

чение ряда лет осуществляется взаимовыгодное сотрудничество с полицейскими структурами Афганистана, Вьетнама, Германии, Китая, Палестины, США и других стран ближнего и дальнего зарубежья.

В университете созданы все необходимые условия для учебы и службы курсантов и слушателей. На территории расположены оборудованные на современном уровне учебно-административные корпуса, благоустроенные общежития гостиничного типа, специализированная поликлиника и стационар, комплекс спортивных сооружений и залов, два стрелковых тира, культурный центр, оздоровительные комплексы. В настоящее время продолжается строительство нового учебного корпуса, легкоатлетического манежа и стрелкового тира международного класса.

Уникальная база создана в загородном учебном центре, расположенном в предгорном Северском районе Краснодарского края в станице Григорьевской. В ходе проведения в центре практических полевых занятий по физической и служебно-боевой подготовке курсанты и слушатели совершенствуют технику и тактику обезвреживания и задержания незаконных вооруженных групп.

В центре созданы необходимые условия для проживания и эффективной организации учебного процесса: оборудованные стрельбища, инженерный городок, тактическое поле, полоса препятствий для занятий по специальной тактике, строевые плацы, караульное помещение.

Учебно-материальная база центра позволяет проводить на современном уровне практические занятия и тактико-специальные учения в сложных условиях, с учетом рельефа местности, с применением оружия, средств индивидуальной защиты и активной обороны, имитационных средств, позволяющих приблизить обучение к реальной обстановке, в которой действуют сотрудники органов внутренних дел.

Ветеранская организация университета в течение ряда лет прочно удерживает лидирующее положение среди ветеранских организаций не только Кубани, но и Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Сборные команды вуза по рукопашному бою, боксу, игровым видам спорта достойно представляют коллектив на соревнованиях российского и мирового уровня, занимая призовые места.

Наряду с оптимальными условиями для учебы и службы созданы возможности эстетического и духовного развития курсантов и слушате-

лей. Участников творческих самодеятельных коллективов объединяет клуб, где проводятся занятия хора, вокальной группы, танцевального и поэтического кружков, духового оркестра и эстрадного ансамбля, команды КВН. Гордостью университета являются казачий ансамбль «Кубанцы», ансамбль «Офицеры», вокальная группа «Горлица». Большой популярностью пользуются показательные выступления взвода карабинеров и взвода барабанщиц.

Всемирную славу имеет команда альпинистов университета, участники которой побывали на гималайских восьмитысячниках Макалу (8 463 м) и Эверест (Джомолунгма) (8 848 м), а в июле 2007 года совершили успешное восхождение на труднейшую вершину планеты — гору Чогори (К-2) (8 611 м). Выдающуюся спортивную победу альпинисты университета посвятили зимней Олимпиаде 2014 года в городе Сочи.

В течение ряда лет коллектив университета осуществляет деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних, шефствует над воспитанниками детского дома, расположенного в городе Лабинске, организует правовое обучение старшеклассников в ряде школ города Краснодара.

Более десяти лет сотрудники, курсанты и слушатели вуза оказывают практическую помощь Героям Советского Союза, Героям Российской Федерации, полным кавалерам ордена Славы, проживающим на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, шести семьям военнослужащих 47-й отдельной бригады оперативного назначения Внутренних войск МВД России, посмертно удостоенных звания Героя Российской Федерации. Организуется шефская работа над участниками Великой Отечественной войны, которые проживают в кубанских станицах.

За свою историю учебным заведением подготовлено почти 40 тысяч специалистов для России, стран ближнего и дальнего зарубежья: Вьетнама, Гвинеи, Кубы, Никарагуа. Личный состав университета неоднократно участвовал в мероприятиях по охране общественного порядка, борьбе с преступностью в различных регионах: в Закавказье, Средней Азии, на территории бывшей Югославии, в Восточном Тиморе. За личную смелость и мужество, проявленные при выполнении служебного долга, более 100 человек награждены орденами и медалями.

В течение ряда лет университет входит в число лучших учреждений высшего профессионального образования МВД России.

ОБСУДИЛИ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

А. Н. Ильяшенко,
доктор юридических наук, профессор, полковник полиции
(ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации», заместитель начальника
по научной работе)

27 сентября 2013 года в Краснодарском университете МВД России состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы уголовной политики».

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник Краснодарского университета МВД России генерал-майор полиции Калиниченко Игорь Александрович.

В работе конференции в качестве почетных гостей приняли участие заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края, доктор юридических наук, профессор Курдюк Петр Михайлович, и председатель Экспертного совета ВАК по праву Минобрнауки России, президент международного Союза криминалистов и криминологов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Мацкевич Игорь Михайлович, который сообщил о создании на базе Краснодарского университета МВД России регионального отделения Союза криминалистов и криминологов в Южном федеральном округе, председателем которого назначен заместитель начальника Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции Ильяшенко Алексей Николаевич.

Международный уровень конференции обеспечили ученые из Германии: заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета Уве Хелльманн, главный научный сотрудник уголовного права Потсдамского университета Головенков Павел Валерьевич, старший научный со-

трудник кафедры уголовного права Потсдамского университета Диана Штаге, а также профессор кафедры уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности Гуманитарного университета транспорта и права им. Д. А. Кунаева (Казахстан), доктор юридических наук, профессор Миндагулов Алькен Хайдарович.

С докладами на пленарном заседании выступили ведущие российские ученые:

проректор по научной работе Московской академии экономики и права, член Экспертного совета ВАК по праву Минобрнауки России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Зайцев Олег Александрович;

заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), член Экспертного совета ВАК по праву Минобрнауки России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Парог Алексей Иванович;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России Кузнецов Александр Павлович;

начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России, член Экспертного совета ВАК по праву Минобрнауки России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России Лебедев Семен Яковлевич;

профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор Григорьев Виктор Николаевич;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор Лопашенко Наталья Александровна;

главный научный сотрудник отдела стратегических проблем управления в ОВД научного центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор Капитонов Сергей Анатольевич;

заведующий кафедрой уголовного права Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор Кибальник Алексей Григорьевич;

начальник научно-исследовательского центра ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор Цоколова Ольга Игоревна;

главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор Лесников Геннадий Юрьевич;

главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент Воронин Михаил Юрьевич;

профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор Пудовочкин Юрий Евгеньевич;

профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор Иванцов Сергей Вячеславович.

В работе конференции приняли участие представители 26 образовательных и научных учреждений России и зарубежных стран, а также сотрудники практических подразделений — Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу.

В рамках конференции были обсуждены актуальные проблемы уголовной политики России.

НАЧАЛО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

В. Н. Григорьев,

доктор юридических наук, профессор
(ВИПК МВД России (г. Москва), Международный межведомственный
центр подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева, профессор)

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Весьма эффективным среди таких способов является защита путем уголовного преследования в рамках и по правилам уголовного судопроизводства, когда гражданин обращается с заявлением о совершенном в отношении него или других лиц преступлении и правоохранительные органы в установленном порядке начинают уголовное преследование, а суд, при наличии к тому оснований, выносит приговор.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ). Государство признает и обеспечивает возможность каждому гражданину защищать свои права и свободы путем обращения за уголовным преследованием. В постановлении Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»¹ установлено, что правовое регулирование должно согласовываться с предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 года),

по смыслу статьи 6 которой, право на судебную защиту, предполагающее обеспечение каждому при определении его гражданских прав и обязанностей, доступа к правосудию в разумный срок, должно служить гарантией от чрезмерного, не обусловленного конституционно оправданными целями ограничения прав и свобод граждан, в частности, на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Вместе с тем, уголовное преследование связано с применением мер принуждения, сам факт уголовного преследования является официальным отрицательным обстоятельством в биографии человека. Не говоря уже об изъятых ценностях, уничтоженном бизнесе, потерянной работе, утрате социальных связей и т. д.

В этой связи возникает вопрос о необходимости ограничения права на уголовное преследование, исключения случаев необоснованного, произвольного, без достаточных оснований уголовного преследования. Такая позиция прямо вытекает из конституционного положения о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации).

Проблема, связанная с вопросами начала уголовного преследования, обжалования незаконных и необоснованных решений, принимаемых по результатам проверки заявлений и сообщений о преступлениях, важная и актуальная в современной правовой ситуации. Об этом свидетельствует активность по затронутым вопро-

¹ Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1749.

сам Законодателя, Конституционного Суда РФ, ученых и исследователей.

Особую актуальность затронутые вопросы приобретают в связи с переменами, которые произошли в правовом регулировании начального этапа уголовного производства в России в последнее время. В раздел VII «Возбуждение уголовного дела» УПК РФ внесено более двух десятков изменений и дополнений, большая часть которых носит отнюдь не формальный характер. Подтверждением этому служит Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»², которым ст. 144 УПК РФ дополнена двумя частями, а части первая и третья изложены в новой редакции, в результате чего перечень проверочных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, существенно и принципиально расширился.

Об этом же свидетельствует частота, с которой к вопросам производства на стадии возбуждения уголовного дела обращается Конституционный Суд Российской Федерации. Правовые позиции, касающиеся действий, решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, выражены в более чем 30 решениях Конституционного Суда РФ³. В частности, в Определении Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 374-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белюсовой Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁴, отмечено следующее: «Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, следователь, орган дознания или дознаватель (ст. 21). На реализацию целей уголовного преследования и направлены полномочия указанных должностных лиц по возбуждению уголовного дела при наличии к тому предусмотренных законом поводов и оснований, отказу в его возбуждении при их отсутствии и отмене незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении дела (ст. ст. 140, 146–148)».

2 Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 9. — Ст. 875.

3 См.: Волинский В. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. — М.: ВНИИ МВД России, 2013. — С. 12.

4 Вестник Конституционного Суда РФ. — № 6. — 2007.

Различные аспекты процедуры судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела были предметом исследования многих российских ученых, по этим проблемам защищены ряд диссертаций (О. О. Аваков, И. Р. Дочия, Е. В. Носкова, О. В. Рябкова, В. В. Волинский и др.).

Одним из основных в современной правовой ситуации средств ограничения от произвольного уголовного преследования является институт возбуждения уголовного дела в его нынешнем российском варианте. У этого института давняя история. Наибольшее развитие он получил с принятием УПК РСФСР 1960 г. как реакция на утвердившуюся в первой половине 20 века в России практику произвольного уголовного преследования. Основная идея этого института состоит в том, что возможность производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения допускается лишь при наличии документально подтвержденных достаточных данных, указывающих на признаки совершенного преступления.

Предварительное расследование по уголовному делу связано с приведением в действие сложного механизма, а также значительного арсенала обеспечивающих его средств принуждения. Последовательно обеспечивая охрану гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан, законодатель допускает предварительное расследование только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. С другой стороны, нельзя допускать, чтобы какие-либо общественно-опасные деяния остались без реагирования и надлежащей правовой оценки. С целью обеспечения законности и обоснованности начала предварительного расследования и полноты охвата этой деятельностью всех случаев преступлений в уголовном процессе существует стадия возбуждения уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, на которой полномочные органы государства или должностные лица, получив сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие основания для производства по уголовному делу и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Сущность этой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принужде-

ния и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В этом смысле стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан в Российской Федерации.

На протяжении всего периода своего существования данный институт подвергался систематическим попыткам реформировать его с целью устранения запрета на производство следственных действий и задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела. Наибольший напор в этом направлении, обусловленный потребностями борьбы с преступностью, был со стороны практических работников оперативных служб, хотя немалую толику внесли в это дело и различного ранга «исследователи».

Характерной иллюстрацией сложности ситуации, которая образовалась с институтом возбуждения уголовного дела, является неразбериха с допуском следственных и других проверочных действий до возбуждения уголовного дела по УПК РФ 2001 года за всю его весьма непродолжительную историю. В нем эти действия на протяжении сравнительно короткого исторического отрезка времени то разрешаются, то запрещаются, некоторые формулировки закона иначе как странными, с точки зрения законодательной техники, не назовешь.

В частности, в первоначальной редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ 2001 года, регламентировавшей порядок рассмотрения сообщения о преступлении, вообще не упоминалась возможность каких-либо проверочных действий на этом этапе. Между тем, в ч. 4 ст. 146 в редакции 2001 года, регламентирующей порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения, упоминаются случаи производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы). В последующем эти непонятным образом оказавшиеся в УПК случаи, Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ были исключены. Однако при этом регулярно расширялся арсенал проверочных действий в ч. 1 ст. 144 УПК РФ:

— в редакции 2001 года он, как уже было отмечено, вообще не предусматривал проверочных действий;

— Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ было предусмотрено право требовать производст-

ва документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов;

— Федеральным законом от 09.03.2010 № 19-ФЗ число проверочных действий было дополнительно правом требовать исследований документов, предметов, трупов;

— Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ дополнил этот арсенал правом давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

— наконец, Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ установил, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе к дополнению к имеющимся проверочным действиям еще получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование.

Таким образом, на фоне отмены нормы о возможности ряда следственных действий при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, очевидна тенденция к расширению арсенала проверочных действий на этом этапе.

Кульминация в развитии данной тенденции наступила с принятием УПК Украины 2012 года, к факту которого российская юридическая общественность отнеслась с большим вниманием. В УПК Украины 2012 года нашла реализацию крайняя позиция, согласно которой начало уголовного производства обусловлено лишь техническим актом внесения сведений о поступившем заявлении в Единый реестр досудебных расследований (ст. 214 УПК Украины). Никаких проверочных действий украинский законодатель для данной ситуации не предусмотрел. То есть производство начинается не с проверочных действий, а непосредственно с расследования.

Многие российские исследователи по горячим следам этого нерядового события высказывали весьма высокие оценки, расценивая такой поступок украинского законодателя как торжество демократии, победу здравого смысла над косностью, своеобразный триумф воли.

Правда, через некоторое время после вступления УПК Украины в силу, от украинских коллег стали поступать сведения о возникших проблемах — то сервер стал регулярно зависать, то обя-

занных проводить досудебные расследования захлестнула волна вздорных заявлений, то граждане стали жаловаться на злоупотребления сотрудников правоохранительных органов, которые сами себе стали писать заявления с целью инициировать начало уголовного производства, и т. д.

Так, украинский автор Андрей Портнов в своей статье «Не читал, но осуждаю...» отмечает, что сегодня сообщение о преступлении вносится в реестр, его больше нельзя скрыть. Оно обязано быть зарегистрированным, даже если впоследствии окажется, что это вообще не преступление, а гражданский спор. Теперь на гражданине не лежит бремя жить в дежурной части районной милиции с неприятным заявлением, теперь правоохранитель обязан письменно по строго установленной форме дать юридическую жизнь обращению гражданина. И с того момента, как человек выпустил из рук свое обращение, он автоматически получил целый ряд новых правовых возможностей, в том числе — иметь процессуальные права потерпевшего, обжаловать действия следователя, прокурора, судьи⁵.

Однако эти небезосновательные рассуждения тут же получили весьма нелюбимый комментарий со стороны некоего «Практик (поневоле)»: «Прочитал. Прослезился. И даже может быть все-му бы поверил. Если бы не собственный опыт. В декабре месяце прошлого 2012 года, судом было закрыто очередное (ЧЕТВЕРТОЕ!) липовое уголовное дело. А в апреле 2013 года вынесено «повідомлення про підозру». А раньше данные по закрытому делу внесены в Единый реестр... Ларчик открывается просто. Не захотел «договариваться». Требовали 400 000 дол. Все то что пишет господин Портнов выглядит временами очень красиво и благородно. Но на практике это превращается в узаконивание методов рэкеты со стороны налоговой милиции, прокуратуры, судебных органов. Смею утверждать! Передача прокуратуре права на заключение «правового» соглашения о примирении, с последующим утверждением «соглашения» судом. На практике означает УЗАКОНИВАНИЕ передачи взятки сначала прокурору, а затем еще и судье. Причем суммы будут ими определяться произвольно»⁶.

Другой украинский автор Анна Шульгина в статье «Новый УПК: развенчивание мифов» отмечает, что «... можно с уверенностью утвер-

ждать, что введение автоматического начала досудебных расследований себя не оправдало. Новый механизм начала расследования имел целью защитить права потерпевших. Однако на поверку количество зарегистрированных заявлений об уголовных правонарушениях упало почти вдвое (300 тыс. заявлений ежемесячно в 2012 г. против 140 тыс. — в первой половине 2013 г.). Это происходит из-за нежелания представителей органов расследования регистрировать все без исключения заявления о преступлениях. Причем говорить о большей загруженности этих органов не приходится, поскольку штат следователей и прокуроров значительно увеличен, на это выделены бюджетные средства»⁷.

В итоге мы имеем два доступных для научного наблюдения характерных вариантов начала уголовного производства: российский с его трудно-преодолимыми барьерами и украинский, — предполагающий полную свободу в этом отношении.

Возникает вопрос: какой из них хороший, а какой — плохой? Что предпочесть? На мой взгляд, сама такая постановка вопроса некорректная. Как если бы спросили, что у лопаты лучше — клинок или черенок? Понятно, что держать ее лучше за черенок, и вонзать в землю и переворачивать ее клинком сподручнее. Инструмент не может быть плохим или хорошим. Все зависит от назначения и условий его применения, адекватности сложившейся ситуации. Может сложиться так, что лопатой не копать придется, а отражать удары и наносить ответные.

Так же и с моделью начала уголовного производства. Если общество захлестнула волна вздорных жалоб, клеветнических анонимок, а возбуждение уголовного производства стало прибыльным бизнесом для оборотистых сотрудников правоохранительных органов и удобным рычагом воздействия на оппонентов со стороны власть предержащих — более приемлема российская модель. Если же гражданское общество нуждается в раскрепощении, правоохранительные органы бездействуют и доступ к правосудию становится реальной потребностью как альтернатива косной, заангажированной правоохранительной системе — выбор в пользу украинской модели.

Следует только заметить, что в условиях современной ситуации, для которой характерны процессы взаимопроникновения, всемирной гло-

5 Андрей Портнов Не читал, но осуждаю... // «Зеркало недели. Украина». №16. 26 апреля 2013 // URL: http://gazeta.zn.ua/LAW/necital-no-osuzhdayu-_html

6 См.: Там же.

7 Анна Шульгина. Новый УПК: развенчивание мифов // Судебно-юридическая газета. 22.07.2013 // URL: http://cripo.com.ua/?sect_id=5&aid=159181

бализации, однозначные, крайние, «стерильные» варианты неуместны. И в одном и в другом обществе можно обнаружить все элементы, на которых основывается и одна и другая модель. Поэтому мудрость заключается не в том, какую модель выбрать и насадить, а в оптимальном сочетании различных элементов и одной и другой, с преобладанием в зависимости от конкретной ситуации и гибким, подвижным механизмом изменения их соотношения в зависимости от изменения этой ситуации.

Исходя из сказанного, гражданскому обществу, законодательно должна быть предложена система сдержек и противовесов при начале уголовного производства. Это задача исследователей, прежде всего, и конечно же представителей правоохранительных, законодательных органов.

Что могло бы войти в эту систему. Это факторы свободы начала уголовного производства и факторы сдержек начала уголовного производства. К числу таких свобод можно отнести отформатированность отношений, свободы для гражданина и обязанности для сотрудников. Факторы сдержек начала уголовного производства включают сдержки для гражданина и сдержки для сотрудников. В итоге всю эту систему можно представить следующим образом:

Факторы свободы начала уголовного производства

Отформатированность отношений:

- законодательное регулирование;
- подзаконное регулирование;
- ведомственное регулирование на уровне Административного регламента.

Свободы для гражданина:

- создание специальных служб для приема заявлений и сообщений о преступлениях — дежурных частей ОВД;
- свободный доступ в помещение дежурной части ОВД;
- круглосуточная работа дежурных частей;
- бесплатность обращения;
- безответственность в большей части заявителя;
- разнообразие и доступность форм обращения: устно, письменно, по телефону, по интернету и иным видам электронной связи.

Обязанности для сотрудников

- обязанность принимать заявления и сообщения о преступлениях как функция;

- документирование факта выполнения обязанности: протоколирование, составление талона-уведомления;

- допустимость отдельных проверочных действий;

- контроль за надлежащим выполнением обязанности: ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль;

- обязанность принимать заявления и сообщения вне служебного помещения;

- ответственность за уклонение либо за ненадлежащее выполнение обязанности: дисциплинарная, уголовная.

Факторы сдержек начала уголовного производства

Отформатированность отношений:

- законодательное регулирование;
- подзаконное регулирование;
- ведомственное регулирование на уровне Административного регламента.

Сдержки для гражданина:

- ограниченное значение анонимных сообщений;
- уголовная ответственность за заведомо ложный донос;
- необходимость сопровождать заявление фактическими данными, указывающими на признаки преступления.

Сдержки для сотрудников:

- документирование обращений;
- необходимость документальных оснований для принятия решения;
- запрет по преимуществу следственных действий и мер процессуального принуждения;
- документальное оформление начала производства;
- необходимость согласия начальника;
- необходимость согласия прокурора, других контролирующих органов;
- ответственность за обоснованность принятого решения: дисциплинарная, уголовная.

Сказанное приводит к выводу о необходимости смены научной задачи: вместо исследования вопроса о допустимости проверочных действий, следственных действий и мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела следует разрабатывать систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного производства, и факторы подвижности этой системы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Г. Кибальник,
доктор юридических наук, профессор
(ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», кафедра
уголовного права и процесса, заведующий)

27 июня 2013 г. Пленум Верховного Суда России принял Постановление «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее — Постановление). Важность этого документа трудно переоценить, хотя бы по той причине, что на сегодняшний день Постановление является единственным ориентиром для российских судов в плане единообразного применения норм об освобождении от уголовной ответственности. Позволю себе высказать несколько суждений о «ключевых моментах» этого документа.

Общие положения об освобождении от уголовной ответственности. Прежде всего, надо обратить внимание на судебное понимание юридической природы такого освобождения — его сущность составляет отказ государства от *реализации* уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление. Да, такой человек формально не признается виновным в совершении преступления. Но факт его освобождения не означает отсутствия в деянии признаков состава преступления и делает невозможной реабилитацию лица, совершившего преступление (п. 28 Постановления).

Одним из наиболее примечательных разъяснений Постановления стало указание на то, каких лиц надо считать *впервые совершившими преступление* для возможности применения ст. ст. 75,

76 и 76¹ УК (п. 2). В доктрине этот вопрос стал одним из наиболее дебатированных. В различных позициях не вызывали сомнений, пожалуй, только два основания юридического признания преступления «совершенным впервые» (естественно, при фактическом наличии ранее совершенного преступления/преступлений), — это истечение сроков давности ответственности за ранее совершенное преступление и/или аннулирование имевшейся судимости.

Указанные основания названы и в Постановлении. Однако в качестве несомненного позитива надо расценивать отнесение к кругу «впервые совершивших преступление»: а) лиц, совершивших одно или несколько преступлений, при отсутствии осуждения ни за одно из них; б) лиц, в отношении которых не вступил в законную силу приговор за ранее совершенное преступление; в) лиц, осужденных за деяния, впоследствии подвергшихся декриминализации; г) лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности.

Во-первых, отсутствие осуждения и/или вступившего в законную силу приговора за ранее совершенное преступление прямо корреспондирует к презумпции невиновности: если нет вступившего в силу приговора — значит нельзя человека признать ранее совершившим преступление. Во-вторых, официальное признание в качестве «впервые совершивших преступление» лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности,

подтверждает правильность высказанной идеи о том, что освобождение от уголовной ответственности по любым основаниям должно прекращать уголовное правоотношение как таковое¹ и, следовательно, аннулировать все правовые последствия совершенного преступления.

Далее, п. 3 Постановления значительно расширяет возможность применения ст. ст. 75–76¹ УК (что само по себе уже хорошо), указав на *возможность возмещения ущерба или заглаживания вреда* не только лицом, непосредственно совершившим преступление, но и иными лицами (не обязательно супругом или близкими родственниками), а также организацией (при совершении налоговых преступлений). Понятно, что такое возмещение (заглаживание), совершенное третьим лицом, должно иметь место *de facto*, без отсрочки «на будущее», и получить согласие со стороны самого причинителя вреда. По существу, такое понимание возмещения (заглаживания) корреспондирует к идее о том, что возможность освобождения от уголовной ответственности связана с утратой общественной опасности самим освобождаемым лицом или совершенным им преступлением.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Надо заметить, что Верховный Суд занял компромиссную позицию относительно решения вопроса о том, все ли действия, перечисленные в ч. 1 ст. 75 УК, необходимо совершить лицу, освобождаемому от уголовной ответственности. С одной стороны, в п. 4 Постановления говорится о том, что освобождение в связи с деятельным раскаянием возможно при условии «выполнения всех» таких действий. С другой — возможность применения ч. 1 ст. 75 УК связывается с совершением лицом хотя бы некоторых из этих действий, объективно свидетельствующих о деятельном раскаянии, при невозможности осуществить иные.

Большой «позитив» в судебном толковании деятельного раскаяния состоит в указании на то обстоятельство, что освобождение от уголовной ответственности на основании применения примечания к статье Особенной части УК возможно и в случаях, когда лицо совершило совокупность преступлений. В п. 8 Постановления приведен пример о возможном освобождению лица, добровольно прекратившего участие в незаконном

вооруженном формировании и сдавшего оружие, от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 208 УК РФ. Однако такое освобождение не должно препятствовать, например, «привлечению его к ответственности за совершение убийства в составе незаконного вооруженного формирования». И данное разъяснение обладает большой практической важностью, ибо впервые, как говорится, «на официальном уровне», приоритетным признается действие нормы о специальном виде освобождения от уголовной ответственности в случаях множественности преступлений.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Позиция Верховного Суда относительно применения положений ст. 76 УК однозначна: освобождение по этому основанию возможно при солидарном исполнении двух условий — наличия собственно факта примирения и заглаживании вреда, причиненного потерпевшему (п. 9 Постановления). При этом принципиально важно указание на то, что размер возмещения определяется волеизъявлением потерпевшего (это один из немногочисленных, к сожалению, примеров, когда защита прав потерпевшего на деле выдвигается «на передний план»).

Важным в практической плоскости представляется разъяснение, согласно которому, при конфликте мнений несовершеннолетнего потерпевшего и его законных представителей, приоритет отдается позиции самого потерпевшего.

Как известно, в доктрине спорным считается вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК в случаях смерти пострадавшего (речь здесь идет о привилегированных убийствах и неосторожном причинении смерти), когда статус потерпевшего «переходит» к близкому родственнику погибшего. Думается, что положения п. 12 Постановления (о возможности примирения лица, совершившего преступление, и близкого родственника погибшего, признанного потерпевшим в порядке ст. 45 УПК) будут встречены неоднозначно.

Наконец, в качестве принципиально важного надо расценивать прямое указание п. 13 Постановления о том, что при наличии нескольких потерпевших лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только при примирении с каждым из них.

Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях.

¹ Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. А. В. Наумова. — М., 2010. — С. 230.

Как известно, сам факт появления ст. 76¹ УК вызвал критику со стороны многих отечественных авторов. Одна из главных проблем состоит в вопросе приоритетности применения этой нормы и примечаний к ст. ст. 198 и 199 УК. К сожалению, Постановление ответа на этот вопрос не дает. Тем не менее, констатируется тот факт, что для применения ст. 76¹ УК к налоговым преступлениям уплата недоимки должна состояться в полном объеме, включая пени и штрафы, и до начала заседания суда первой инстанции (п. 14).

Что касается иных (не налоговых) экономических преступлений, то немаловажным представляется указание на то, что неполные возмещение ущерба и/или перечисление в федеральный бюджет дохода и возмещений препятствует применению не только ст. 76¹ УК, но и ст. ст. 75 и 76 УК. К сожалению, иных разъяснений по применению ч. 2 ст. 76¹ УК Верховный Суд не дал.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Исходя из положений пунктов 17 и 18 Постановления, можно утверждать следующее: срок давности уголовной ответственности понимается Верховным Судом как временной промежуток, в течение которого должно состояться не просто вынесение, а вступление в силу приговора или иного судебного решения по делу (в частности, включая решение об освобождении от ответственности по иным основаниям). Это весьма нужное разъяснение, отражающее, по существу, представление о сроке давности уголовной ответственности как о времени возможной реакции государства на совершенное преступление.

Не вполне однозначно можно расценить понимание уклонения лица от следствия и суда, содержащееся в п. 19 Постановления. С одной стороны, совершенно справедливо говорится об уклонении в случаях, когда подозреваемый либо обвиняемый нарушают избранную меру пресечения. Но здесь лицо, совершившее преступление, имеет вполне определенный процессуальный статус, и до его сведения официально доведена позиция государства о подозрении/обвинении в совершении преступления. Как быть в ситуации, когда лицо, совершившее преступление, скрывается (изменяет место жительства или нахождения), но официально ему лично обвинение не предъявлено, а вынесено заочно? Верховный Суд считает, что в этом случае уклонение имеет место. Более того, суд должен проверить «доводы лица о том, что оно не уклонялось от следствия и суда, в том числе и тогда, когда в отношении его объявлялся розыск». Почему лицо выдвигать доводы о том, что не скрывалось от следствия и суда — тоже неясно, учитывая, что, в силу известных предписаний, лицо в уголовном деле не обязано доказывать свою невиновность, та и так презюмируется.

Думается, что подобного рода позиция не вполне соответствует пониманию природы срока уголовной ответственности, как оно (понимание) изложено в пунктах 17 и 18 Постановления. Если срок давности уголовной ответственности «адресуется» государству, то его приостановление не может иметь места при заочном вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и/или заочном избрании меры пресечения.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А. П. Кузнецов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(Нижегородская академия МВД России, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, профессор)

Коллизии в уголовном праве. Одним из направлений уголовной политики является разработка научных положений по созданию уголовного законодательства, а также эффективности его применения. Согласованность и непротиворечивость уголовно-правовых положений выступает одним из обязательных условий функционирования уголовного законодательства, служит гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, несоблюдение юридико-технических правил, а также постоянно вносимые изменения и дополнения в процессе конструирования уголовно-правовых норм законодателем, способствуют рассогласованности созданной системы норм УК РФ, приводят к внутриотраслевым и межотраслевым коллизиям.

Проблема коллизий в праве не является новой для юридической науки. Она становилась объектом многочисленных научных исследований правоведов. В своих работах они высказывали различные суждения в отношении истоков появления коллизий, их определения, видов, взаимодействия между собой, правил преодоления, отграничения от смежных понятий. Однако, несмотря на это, решить ее до конца им так и не удалось. Все это заставляет нас вновь обратиться к определению коллизий в праве, уяснению их содержания.

Исследование терминологического значения слова коллизии показало, что коллизии (лат. *Collisio*) — это «столкновение противоположных

сил, стремлений, взглядов и интересов»¹. Толковый словарь русских слов аналогично трактует коллизию и определяет ее как «столкновение каких-нибудь противоположных сил, интересов, стремлений»².

В общетеоретической литературе коллизия понимается неоднозначно, ученые высказывают различные точки зрения. Так, в юридическом энциклопедическом словаре коллизия — это «расхождение (столкновение) двух или более формально действующих нормативных актов, изданных по одному и тому же вопросу»³.

С. С. Алексеев коллизии называет противоречия между отдельными правовыми актами⁴. А. А. Тилли определяет коллизию как «столкновение, конфликт двух законов или двух правовых систем, претендующих на применение»⁵. Н. А. Власенко считает, что коллизия — соотношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения⁶. А. Ф. Черданцев под коллизией понимает наличие двух законов, нормы которых имеют различия в со-

1 Краткий словарь иностранных слов. — М., 1979. — С. 134.

2 Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1981. — С. 248.

3 Юридический энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 179.

4 См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 2. — Свердловск, 1972. — С. 137.

5 Тилли А. А. Время, пространство, закон. — М., 1965. — С. 39.

6 См.: Власенко Н. А. Коллизия нормы в советском праве. — Иркутск, 1984. — С. 23.

держании, распространяющие на одни и те же фактические ситуации⁷. Как видно в источниках по общей теории права не сложилось единого понятия коллизии, что затрудняет применение этого института в отраслевых науках.

Не решена данная проблема и уголовно-правовой наукой. В действующем уголовном законодательстве проблема коллизий не получила надлежащей регламентации. В нем не дается понятия этого института, способов преодоления возникающих коллизий, что и предопределяет противоречия в преодолении коллизий уголовно-правовых норм правоприменителем.

По мнению В. Н. Кудрявцева и С. Г. Келиной в законодательном регулировании коллизий нет необходимости так как, во-первых, в Особенной части в принципе не должно быть конкуренции норм, а, во-вторых, упомянутые вопросы должны разрешаться не на уровне закона, а путем разъяснений Верховного суда и ученых юристов⁸. Несмотря на высказывания авторитетнейших ученых согласиться с ними трудно, так как, во-первых, коллизии в российской правовой системе и коллизии в уголовном законодательстве де-юре и де-факто существуют, во-вторых, их разрешение не может возлагаться ни на Верховный Суд Российской Федерации, ни тем более на ученых юристов. Устранение коллизий это прерогатива законодателя, а не правоприменителя.

Отметим, что феномен «коллизии» в уголовном законодательстве объясняется тем, что она является одной из разновидностей дефектов системы законодательства, возникающая по причине противоречивости и излишества нормативных предписаний, нарушения юридико-технических правил конструирования, законодательства вообще и конкретных норм в частности⁹.

Таким образом, под коллизией в уголовном праве следует понимать возникающие отношения по поводу регулирования одного и того же фактического обстоятельства двумя или более нормами права, противоречащими друг другу.

Межотраслевые коллизии. Коллизия № 1. В Российской Федерации экономическая политика государства реализуется в рамках бюджет-

ной системы с помощью финансово-кредитного механизма, регламентированного Бюджетным кодексом Российской Федерации¹⁰. Несоблюдение требований, установленных в указанном нормативно-правовом акте, или отступление от них признаются неправомерными действиями, нарушающими бюджетное законодательство. В этой связи, неслучайно законодатель Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в Уголовный кодекс РФ включил статью 285¹ «Нецелевое расходование бюджетных средств» и 285² «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Потребность в уголовно-правовой охране финансовых отношений в деятельности государства объяснялась тем, что в результате совершения названных преступлений нарушается не только законодательно регламентированная деятельность государственного аппарата управления и местного самоуправления, но и подрываются основы бюджетной системы, создаются благоприятные условия для различных форм злоупотреблений должностными лицами, причиняется существенный имущественный ущерб охраняемым законом интересам граждан, общества и государства.

Так, в соответствии со ст. 285¹ УК РФ, уголовно наказуемым деянием признается расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов, либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, совершенное в крупном размере. Бланкетная диспозиция конструкции указанной статьи обязывает правоприменителя обращаться к положениям Бюджетного кодекса РФ и использовать их при установлении признаков объективной стороны преступления.

В частности, ст. 160 Бюджетного кодекса РФ устанавливается ответственность главного распорядителя и распорядителя бюджетных средств за нецелевое использование выделенных в их распоряжение бюджетных средств. Следует отметить, что согласно данному правовому акту, главный распорядитель средств федерального бюджета — это орган государственной власти Российской

7 См.: Черданцев А. Ф. Системность норм права // сб. уч. тр. — Свердловск: СЮИ, 1970. Выпуск 12. — С. 58.

8 Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. — М., 1987. — С. 114–115.

9 См.: Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве: дис. ... док. юрид. наук. — Екатеринбург, 1995. — С. 32.

10 Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.

Федерации, имеющий право распределять средства федерального бюджета по подведомственным распорядителям и получателям бюджетных средств, определенный ведомственной классификацией расходов федерального бюджета. Главный распорядитель средств бюджета субъекта РФ и главный распорядитель средств местного бюджета — соответственно органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления, бюджетное учреждение, имеющее право распределять бюджетные средства по подведомственным распорядителям и получателям средств бюджета субъекта РФ, средств местного бюджета, определенные ведомственной классификацией расходов соответствующего бюджета (ст. 158 БК РФ). Распорядитель бюджетных средств — это орган государственной власти или орган местного самоуправления, имеющий право распределять бюджетные средства по подведомственным получателям бюджетных средств (п. 1 ст. 59 БК РФ). Как видно, Бюджетный кодекс РФ различает *распорядителей* (выд. авт.) бюджетных средств и *получателей* (выд. авт.) бюджетных средств. Исходя из того, что в ст. 285¹ УК РФ устанавливается ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств получателя бюджетных средств, можно предположить, что нецелевое использование бюджетных средств, совершенное должностным лицом, главным распорядителем или распорядителем бюджетных средств не подпадает под действие ст. 285¹ УК РФ и в связи с этим ее нахождение в главе 30 УК РФ становится бесполезной¹¹. Таким образом, можно констатировать об имеющихся рассогласованиях положений Бюджетного кодекса РФ и Уголовного кодекса РФ.

Коллизия 2. В соответствии со ст. 289 Бюджетного кодекса РФ, нецелевое использование бюджетных средств выражается в направлении и использовании их на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, определенным утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой о доходах и расходах либо иным основаниям их получения. Отметим, что одним из принципов бюджетной системы Российской Федерации является принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, означающий, что

бюджетные средства выделяются в распоряжение конкретных получателей бюджетных средств с обозначением направления их на финансирование конкретных целей. Несоблюдение требований адресности предусмотренных бюджетных средств, либо их направление на цели, не установленные в бюджете при выделении конкретных сумм средств, признаются неправомерными действиями, нарушающими бюджетное законодательство¹². Как видно, законодательные дефиниции уголовного и бюджетного законодательства имеют определенные отличия. Если в уголовном законе предусмотрена ответственность за *нецелевое расходование* (выд. авт.) бюджетных средств, то в бюджетном законе ответственность наступает за *нецелевое использование* (выд. авт.) бюджетных средств. Несмотря на некоторые семантические сходства, более точным и правильным с точки зрения юридической техники и филологии является применение термина «использование», так как использование бюджетных средств предполагает не только их расходование, но и пользование в любых других формах¹³.

Несогласованность правовых предписаний, выразившихся в установлении признаков деяния в данном случае требует, на наш взгляд, устранения.

Коллизия 3. В процессе правотворческой деятельности законодатель при разработке концепции уголовного закона должен был учитывать ранее сформулированные положения в других нормативных правовых актах. Такой подход позволит в рамках правовой системы унифицировать терминологический аппарат, обеспечить взаимосвязь правовых предписаний. Однако, несмотря на очевидность и бесспорность указанных положений, законодатель проигнорировал их. Примером межотраслевой рассогласованности может служить понятие «должностное лицо»: отметим, что, во-первых, термин «должностное лицо» используется в различных отраслях права, где выступает в качестве субъекта правоотношений; во-вторых, в нормативных правовых актах не только не дается общего определения понятия «должностное лицо», а напротив его трактовка

12 Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 3. — Ст. 3823.

13 См.: Тимченко В. А., Вершинин А. В. Уголовно-правовая квалификация хищения и нецелевого расходования бюджетных средств // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — М., 2007. — № 1. — С. 149.

11 См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2005. — С. 125.

осуществляется с учетом отраслевых особенностей права.

Так, в Уголовном кодексе РФ 1996 года в первоначальной редакции в примечании 1 к ст. 285 законодатель понятие «должностное лицо» определял следующим образом: «под должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а так же в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях в Российской Федерации»¹⁴. В последствии в указанное примечание Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ он внес изменения и дополнил его словосочетанием «государственных корпорациях»¹⁵. Таким образом, был расширен перечень органов, в которых лица признавались должностными.

Одновременно с этим законодатель в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁶ также сформулировал понятие должностного лица, отличающееся от уголовно-правового. В дальнейшем законодатель неоднократно вносил дополнения в формулировку указанного понятия. Однако, несмотря на законодательное определение должностного лица и неоднократное внесение дополнений, как считают ученые, решить данную проблему до конца не удалось¹⁷.

Установлено, что термин «должностное лицо» используется и в других отраслях права. Например, в Бюджетном кодексе Российской Федерации¹⁸ термин «должностное лицо» использовался законодателем, однако его понятие не раскрывалось, а лишь давался перечень лиц, относящихся

к категории должностных. В Трудовом кодексе Российской Федерации¹⁹ законодатель термин «должностное лицо» не использует, и данная категория подменяется понятием «руководитель»²⁰. В Земельном Кодексе РФ так же не дается понятие «должностное лицо», однако оно применяется в главах, где устанавливаются общие положения контроля за соблюдением земельного законодательства и ответственности за нарушения в области охраны и использования земель. Законодатель в указанном кодифицированном нормативно-правовом акте применяет наряду с термином «должностное лицо» термин «руководитель», причем разделяет их. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не только закрепляется термин «должностное лицо», но и осуществлена попытка его законодательного определения. Так, в ст. 2 указанного закона под должностным лицом местного самоуправления понимается выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления; выборное должностное лицо местного самоуправления — лицо, избираемое на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава и наделенное собственными полномочиями по решению вопросов местного значения²¹.

Дальнейшее исследование правового массива российского законодательства показало, что законодатель в ряде нормативно-правовых актов понятие должностного лица использует в названиях глав и разделов, но не раскрывает его. Примером могут служить Налоговый кодекс Российской Федерации²², Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, а также другие федеральные законы: Федеральный закон от

14 Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

15 Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 49. — Ст. 6079.

16 См.: Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ч. 1. — Ст. 1; 2009. — № 7. — Ст. 777; № 29. — Ст. 3597; 2010. — № 19. — Ст. 2291.

17 См.: Манохин В. М. Нужны основы законодательства о службе // Государство и право. — 1997. — № 9. — С. 5–11; Чанов С. Е. Правовой статус должностного лица органов государственной власти и местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2000; Воронков А. В. Понятие должностных лиц в административном праве // Правоведение. — 1999. — № 1. — С. 55–65.

18 См.: Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ч. 1. — Ст. 3. Отметим, что в настоящее время в анализируемом нормативном документе использует словосочетание «органы (должностные лица)».

19 Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 — Ч. 1. — Ст. 3.

20 См.: Ответственность руководителя организации за нарушение законодательства о труде. — М., 2000. — С. 15–18, 97–99.

21 Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

22 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²³; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»²⁴; Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1)²⁵; Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»²⁶; Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»²⁷.

Исследование понятие должностного лица показало, что решить данную проблему можно только путем подготовки и принятия на федеральном уровне закона «О должностном лице Российской Федерации» с отражением основных признаков, характеризующих его правовой статус с указанием специфических функций, полномочий, и на этих основаниях сформулировать единое понятие должностного лица для всех отраслей права.

Коллизия 4. Примером межотраслевой рассогласованности могут служить положения уголовного и административного законодательства в части установления ответственности за незаконное использование товарного знака. Законодатель в ст. 180 УК предусмотрел ответственность за «незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ним обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено *неоднократно* (выд. авт) или причинило крупный ущерб». Одновременно с этим законодатель так же предусмотрел ответственность за незаконное использование товарного знака в ст. 14.9 КоАП РФ и изложил ее в следующей редакции: «незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ним обозначений для однородных товаров».

Таким образом, исходя из законодательной фабулы, изложенной в ч. 1 ст. 180 УК на практике может возникнуть такая ситуация, когда лицо за первое правонарушение было подвергнуто административному наказанию в соот-

ветствии со ст. 14.10 КоАП РФ и после этого совершило вновь правонарушение (не повлекшее крупный ущерб). Исходя из этого его действия необходимо рассматривать, как совершенное не-однократно, если не истекли сроки, в период которого лицо считается подвергавшимся административному наказанию²⁸. В данном случае лицо совершает однородные действия, предусмотренные одной статьей и подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 180 УК РФ. На первый взгляд, здесь не возникает никаких проблем, но исследование административно-правовых норм показывает, что проблемы все же имеются. Если принять во внимание положение п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ — привлечение лица к уголовной ответственности невозможно. Согласно указанной статьи повторное совершение однородного административного правонарушения признается обстоятельством, отягчающим административную ответственность, если за совершение первого административного правонарушения лицо уже подвергалось административному наказанию, по которому не истек срок в течении которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Исходя их важнейшего уголовно-правового принципа — принципа экономии уголовно-правовой репрессии в случае повторного незаконного использования товарного знака, приоритет должен отдаваться административному законодательству. Объясняется это тем, что уголовно-правовая норма не может применяться к лицу, совершившему деяние, до тех пор, пока не будет исчерпан в полном объеме правовой потенциал, установленный в норме административного законодательства.

Коллизия 5. В действующем российском уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за: уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц (ст. 198 УК); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций (ст. 199 УК); неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199¹ УК); сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых производится взыскание налогов и (или) сборов.

Конструкции составов налоговых преступлений настолько сложны и неопределенны, как

23 Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.

24 Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.

25 Российская газета. — 1993. — 13 марта.

26 Собрание законодательства РФ. — 29.11.2010. — № 4. — Ст. 6252.

27 Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1455.

28 См.: Кондрашина В.А. Ответственность за незаконное использование товарного знака по уголовному праву России. — Казань, 2004. — С. 36.

с юридико-технического, так и с лексического построения, что с неизбежностью затрудняет их применение. Во всех случаях при квалификации указанных противоправных деяний, посягающих на налоговые отношения, правоприменитель в соответствии с диспозициями статей должен обращаться к законодательству Российской Федерации о налогах и сборах.

При описании признаков объективной стороны составов преступлений, законодатель в качестве криминообразующих признаков использовал термины: «уклонение», «налоги», «сборы». В свою очередь, при конструировании объективной стороны налогового правонарушения, указанного в ч. 1 ст. 122 Налогового кодекса РФ, законодатель использовал другую терминологию и изложил диспозицию в следующей редакции: «*Неуплата или неполная уплата сумм налога, сбора* (выд.авт.) в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления налога (сбора) или других неправомерных действий (бездействия)».

Сравнительное исследование налогового и уголовного законодательства позволило установить существенные противоречия в применении терминологического инструментария. При описании криминообразующих признаков объективной стороны, во-первых, использовано существительное

«налоги», «сборы» во множественном числе, а не «налог», «сбор» в единственном числе, как в налоговом законодательстве. Согласно филологическому толкованию, уголовная ответственность может наступать только в том случае, если уклонение будет совершаться в отношении двух налогов, сборов, а не одного налога, сбора, независимо от размера.

Во-вторых, при конструировании признаков объективной стороны законодатель использовал термин «уклонение» (в налоговом законодательстве неуплата или неполная уплата), тем самым создал определенные трудности в процессе квалификации ст. 198, 199 УК. Исходя их законодательной конструкции уголовно-правовой нормы можно в установленном порядке представлять налоговые документы без внесения в них заведомо ложных сведений, но налог не платить, так как за неуплату налога ответственность не наступает.

Возникшие рассогласования стали возможны в результате нечетко сформулированных положений, несовершенства конструкции смежных отраслей права — уголовного и налогового, их противоречивости. Возникшую межотраслевую коллизию необходимо устранить путем внесения изменений в уголовный закон.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Г. Ю. Лесников,
доктор юридических наук, профессор
(ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
НИЦ № 4, главный научный сотрудник)

В последнее время, осуществляя научный анализ понятия «уголовная политика», мы часто уходим в частные правовые и процессуальные проблемы, не делая акцент на основном аспекте уголовной политики — идеологическом, применительно к противодействию преступности. Ведь именно вопросы стратегии и тактики борьбы с преступностью являются ключевыми в формировании и дальнейшем развитии уголовной политики. В этом смысле крайне важно, как происходит предварительное обсуждение этих проблемных вопросов на уровне концептуальных идей, подходов? В каком режиме? Возможен ли мозговой штурм с участием экспертов в этой проблематике с предложением порою самых нетрадиционных, неординарных решений. Атмосфера рабочих групп, в связи с многочисленностью и научной разнонаправленностью экспертов, некоторой организованностью процесса не всегда способствует открытому высказыванию своих мыслей и их последующему учету при составлении итогового документа. Насколько существующая правоохранительная система с соответствующими ограничениями и запретами в отношении государственных служащих и их поведения способна поощрять критические высказывания в свой адрес с адекватным реагированием в сторону повышения эффективности своей деятельности. Существует ли механизм исследования последствий принятия знаковых государственных решений? В этом

плане интересен баланс принятия государственных решений в отношении приоритетных видов преступных проявлений, определенных в основных направлениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Таковыми являются — создание безопасных условий для реализации гражданами конституционных прав и свобод, минимизация и ликвидация угроз и рисков для развития личности, общества и государства, обеспечение достойного качества и уровня жизни Российской Федерации (терроризма, экстремизма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия) и другими видами преступлений, с точки зрения единства правоприменительной практики, а также прогноза криминологических последствий этих государственных решений.

По своей сути это программа дальнейших действий правоохранительных органов и органов внутренних дел в частности, по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в стране. Однако существует масса общих целей и задач, которые предшествуют непосредственному анализу преступности. Одна из них достаточно общая, но вместе с тем и конкретная — разрешение социальных конфликтов. Сейчас этими вопросами занимается отдельная наука конфликтология, которая тесно связана с уголовным, администра-

тивным и гражданским правом. Кажущаяся невозможность разрешения социального конфликта, неиспользованные нерепрессивные варианты его разрешения в итоге приводят к необходимости принятия мер государственного принуждения. При этом криминологические последствия принимаемых государственных решений, в рамках противодействия преступности, не просчитываются.

В нашем государстве уже имеется опыт, когда более активная борьба с одними видами преступлений влияла на криминальную ситуацию в целом (кампании по борьбе с хулиганством, отвлечение сотрудников территориальных органов внутренних на командировки в зону проведения контртеррористических операций и пр.).

Интересно в этом смысле высказывание известного норвежского криминолога Нильса Кристи: «Опасаться надо не столько преступности, сколько последствий борьбы с ней»¹.

Современная уголовная политика требует новых идей в теории стратегии и тактики разрешения социальных конфликтов с помощью внеправовых методов, которые составляют основу эффективного противодействия преступности. Необходимо также решать проблемы применения системного метода при осуществлении анализа преступности, ее контроля и разработки комплексных решений по противодействию преступности в отдельных регионах и в России в целом.

Рассматривая уголовную политику, как стратегию и тактику борьбы с преступностью, не углубляясь в детальный анализ законодательных изменений, которые происходят достаточно часто, следует рассмотреть несколько сопутствующих проблем, которые нуждаются в решении.

Теоретические вопросы уголовной политики, включая проблемы ее формирования.

Безусловно, необходима дальнейшая разработка теоретических проблем уголовной политики на диссертационном и монографическом уровнях. Наука движется вперед, и уголовная политика, безусловно, нуждается в корректировке с учетом новых достижений в теории государства и права, философии, социологии, криминологии, теории управления, социальной психологии, психиатрии и т. д. Причем исследование проблем стратегии и тактики должно быть определяющими.

Бытует мнение, что в ВАК Министерства образования и науки России относятся негативно к диссертациям по уголовной политике. Однако мнение некоторых бывших и ныне действующих экспертов ВАК свидетельствует о том, что такого предубеждения не существует. Дело здесь в другом: часто под уголовной политикой понимают практически все изменения, которые вносятся в УК, УПК и УИК РФ. Согласитесь, сложно признать направлением уголовной политики исключение конфискации из УК РФ или, например, декриминализацию товарной контрабанды. Есть здесь и другое объяснение — весьма низкий качественный уровень таких диссертационных исследований, особенно уровень анализа институциональных аспектов уголовной политики, попытка исследовать частные вопросы уголовной политики без детальной разработки общих с предложением порою нереальных мер стратегического и тактического характера.

Кроме того, в диссертациях наблюдается лишь исследование отдельных уровней уголовной политики, без подробного анализа их соотношения. Нельзя отдельно, вне отраслевых взаимосвязей рассматривать только уголовно-правовую или только уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политику. Речь должна идти о модели поведения государства в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние с момента привлечения к уголовной ответственности до момента снятия и погашения судимости.

Реализация уголовной политики на федеральном и региональном уровнях. Конечно, задача федеральной уголовной политики — это формирование принципов рамочных стратегических и тактических направлений, на основе которых должны разрабатываться и реализовываться региональные уголовно-политические программы. Необходимость в этом объясняется, в первую очередь, специфическими особенностями (экономическими, социальными, географическими и т. д.) развития регионов, именно их учет позволяет добиться требуемой эффективности уголовно-политических мер.

Однако содержание основных стратегических документов носит крайне общий характер, не позволяющий сформулировать соответствующий комплекс тактических мер. При этом необходимо учитывать, что Российская Федерация — полиэтническое государство, уникальное по форме государственного устройства, существенно отли-

¹ Кристи Н. Простые слова для сложных вопросов / под общ. ред. Я. Гилинского; пер. с норвеж. Е. Рачинской; лит. ред. Л. Альперн; пред. Я. Гилинского. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 68.

чающееся от классических его видов. В процессе реформирования здесь необходим поиск разумного компромисса, учет национальных особенностей народов России, ментальность ее населения, тем более что национальный фактор относится к числу определяющих развитие российской государственности. При этом необходимо учитывать, что определенный уровень конфликтности федеративных отношений современной России был заложен в самой форме национально-государственного устройства. Советская доктрина основывалась на ошибочном восприятии отдельных этнических общностей в качестве субъектов власти. Это привело к распространению идеи этногосударственности. Практика заключения договоров между Российской Федерацией и ее субъектами привела фактически к неравенству субъектов между собой, а неравноправие субъектов нередко ведет к неравноправию граждан, проживающих в различных по правовому статусу регионов. Кроме того, титульные нации, вне зависимости от своей численности, стали претендовать на исключительный контроль государственных институтов и собственности, нередко созданной руками некоренного населения. Такое положение, создает и может создать очаг напряженности практически в любом субъекте Российской Федерации, в частности это имеет место в Северо-Кавказском регионе.

Проведение региональных криминологических исследований продолжает оставаться актуальным для получения более детальной картины преступности в Российской Федерации. К сожалению, реакцию правоохранительных органов, выполняющих практические задачи по противодействию преступности, на результаты этих исследований нельзя признать оперативной и конструктивной. Отдельные положения этих исследований используются обычно для подготовки отчетов штабных подразделений об итогах оперативной деятельности отдельных подразделений и служб. Значительно больший интерес вызывают такие исследования в Советах безопасности субъектов РФ. Об этом свидетельствует опыт работы в двух региональных филиалах ВНИИ МВД России и научном центре исследования криминологических проблем этого же института.

На практике отношение к криминологии и криминологическим исследованиям продолжает оставаться в основном, как к сугубо теоретической науке, не имеющей практических выходов.

И это в условиях, когда научное сообщество практически ведет борьбу по внедрению криминологических исследований, касающихся противодействия организованной преступности, коррупции, введения криминологической экспертизы законопроектов и т. д. Этим порой объясняется отсутствие необходимости в научном сопровождении результатов исследований, а их выводы и прогнозы априори считаются недостоверными. При этом не ставится и других практических задач по формированию конкретных программ, направленных на снижение преступности в регионе.

Существенное уменьшение объема преподавания криминологии в вузах и его качества крайне негативно отражается на умении выпускников вузов осуществлять анализ криминогенных ситуаций, криминальных проявлений и комплексно решать проблемы по их предупреждению. Имеющийся зарубежный опыт по работе штатных криминологов в практических органах США, Канады и Великобритании не может быть использован в полной мере, так как преступность на подведомственной территории не подвергается постоянному криминологическому мониторингу с оперативным реагированием на возникающие и прогнозируемые криминальные ситуации.

Такое положение имеет свои объективные и субъективные причины. Представим гипотетически, что в отдельно взятом регионе криминологическая группа в составе криминолога, социолога, психолога, экономиста, специалиста по стратегическому менеджменту с использованием современных информационных технологий, подготовили комплексное криминологическое исследование преступности с конкретными причинами, условиями и мероприятиями по реальному ее общему снижению и рекомендациями по предупреждению отдельных видов преступных проявлений. Учитывая сложившуюся в России практику возложения ответственности за преступность на правоохранительные органы, то первыми, кто будет критиковать итоги исследования, будут именно они. Потому что показатели их деятельности будут показывать из года в год стабильный рост как качественно, так и количественно. Но это показатели работы, а не замеры реального состояния преступности в регионе. Кроме того, большинство регионов России — дотационные, и поэтому средств, в общем-то, на повышение качества жизни (ведь уровень преступности на-

прямую зависит от этого состояния) практически не имеется.

Восприятие уголовной политики как стратегии и тактики борьбы с преступностью свидетельствует о ее важности на современном этапе развития общества, когда значимые государственные решения антикриминального характера должны приниматься только после детального научного обоснования и с обязательным прогнозом по-

следствий принятия таких решений. Правоохранительные органы, осуществляющие противодействие преступности, и в частности органы внутренних дел, нуждаются в стратегической и тактической информации научно-аналитических центров, способных разрабатывать модели ситуационного реагирования, в том числе управленческого характера с элементами обязательного предвидения криминологических последствий.

Союз криминалистов и криминологов рекомендует второе издание учебника:

Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 2-е издание, переработанное и дополненное (М., 2014)

Опубликовано второе издание учебника по уголовно-исполнительному праву: Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 799 с. — Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

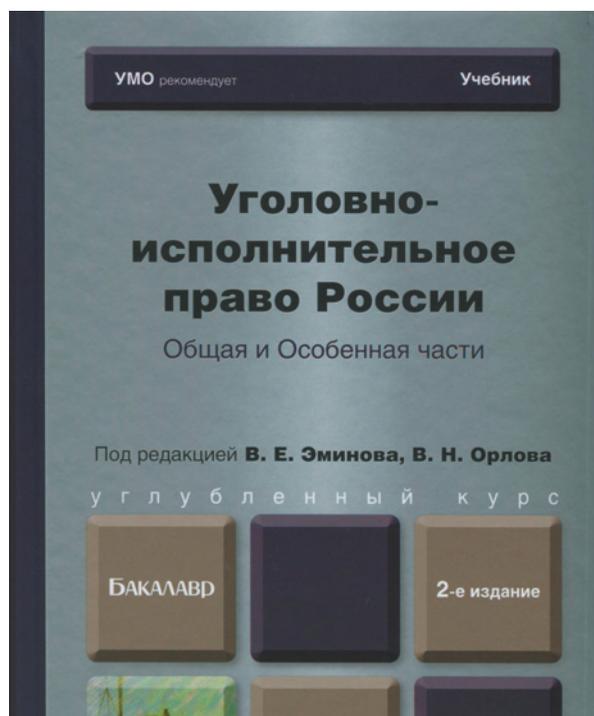
Авторский коллектив: Антонян Е. А., Борсученко С. А., Бриллиантов А. В., Гришко А. Я., Громов В. Г., Журавлев М. П., Кашуба Ю. А., Малинин В. Б., Милоков С. Ф., Орлов В. Н., Орлова Ю. Р., Рябова Л. В., Рясов Д. А., Селиверстов В. И., Скипа А. П., Упоров И. В., Уткин В. А., Хуторская Н. Б., Чорный В. Н., Шевелева С. В., Эминов В. Е., Южанин В. Е.

Изданию присвоены три грифа: 1) Допущено Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция»; 2) Рекомендовано к опубликованию Региональной общественной организацией «Союз криминалистов и криминологов» в качестве учебника для студентов вузов; 3) Рекомендовано к опубликованию редакцией журнала «Российский криминологический взгляд» в качестве учебника для студентов высших учебных заведений.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов, адъюнктов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, работников уголовно-исполнительной системы и иных правоохранительных органов, а также для всех, кто интересуется вопросами исполнения, отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Контактная информация ООО «Издательство Юрайт»: 1) адрес: 111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а; 2) тел.: (495) 744-00-12; 3) e-mail: izdat@urait.ru; 4) сайт: www.urait.ru.

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА У СУДА ПРИСЯЖНЫХ?

А. Х. Миндагулов,

доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет транспорта и права им. Д. А. Кунаева (Республика Казахстан, г. Алматы), кафедра уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности, профессор)

В последнее время в России уж очень часто оправдывают негодяев, объясняя все болезненным состоянием и аффектами, между тем эти оправдательные приговоры, это очевидное послабление и потворство, к добру не ведут. Они деморализуют массу, чувство справедливости припустилось у всех, так как привыкли уже видеть порок безнаказанным..., про наше время смело можно сказать словами Шекспира: «В наш злой, развратный век и добродетель должна просить прощения у порока».

А. П. Чехов

Суд присяжных в древние времена представлял собой суд народных собраний. Но по мере укрепления государственности суд присяжных был благополучно предан забвению на долгие века, поскольку стало ясно, что профессиональный, или, как принято говорить, коронный суд оказался более эффективен и надежен, нежели «суд публичный», «суд от народа». Профессиональный суд был более надежен в том смысле, что опирался преимущественно на уже писанные законы. Знание законов и умение их применять в каждом конкретном случае стало определяющим критерием при установлении степени общественной опасности того или иного деяния, или разрешении любых имущественных споров. Неизмеримо возрос авторитет и значимость судьи как общественной фигуры. Именно широта знаний и авторитет позволяли человеку называться судьей в различных спорах и конфликтах. При этом он опирался (что очень важно подчеркнуть) не только на закон, который не позволял в полной мере реализовать принцип справедливости, но

и прислушивался к своему внутреннему голосу, руководствовался своими убеждениями.

А. Ф. Кони приводит любопытный пример из практики одного из лондонских городских судей. Человек похитил хлеб из булочной в минуту отсутствия в ней булочника. «Я был голоден», — объяснял обвиняемый судье. «Закон осуждает за кражу, как куска хлеба, так и золотой цепи, — отвечает ему судья, — и не делает между этими предметами кражи никакого различия. Если бы я следовал только указаниям закона, то осудил бы вас. Но, руководствуясь моей судейской совестью, я вас оправдываю». Затем судья предложил имевшейся публике помочь молодому человеку и тем самым избавить его от необходимости совершения новой кражи. Обращаясь же к булочнику как обвинителю, судья сказал: «Из-за нескольких пенсов вы не затруднились лишить свободы человека, несчастный вид которого, равно как свойство совершенной им кражи, должен был бы указать вам на крайнее состояние, в котором он находился. На основании старого закона королевы Ели-

заветы, карающего всякого лавочника за уход из незапертой лавки, я приговариваю вас к одному дню тюремного заключения и к денежной пене»¹.

Вряд ли подобное возможно в практике наших судов. Если бы, вопреки всему, такое произошло, судье бы напомнили, что совесть — категория нравственная, а не правовая. Между тем, судья должен олицетворять не только законность, но и мудрость, компетентность и абсолютную независимость от чьего бы то ни было влияния. К нему всегда шли с надеждой на справедливость и в полной уверенности, что восторжествует правда. Его авторитет был непререкаем, он был надежным арбитром в любых спорах и конфликтных ситуациях.

Но время шло и постепенно, в силу повторяемости человеческих пороков, писанные законы охватывали все большее и большее число ситуаций, осуждаемых обществом и государством как опасные. Работа судьи как бы упрощалась, достаточно было знать эти законы и применять их на практике. Все реже и реже возникала необходимость выражения судьей собственного мнения. Зачем, если все предусмотрено законом. Его просто могут не понять. Как-то незаметно утрачивалось первоначальное значение слова «судья» — рассудить, творить правду, толковать истину, выносить вердикт по совести и долгу. Стало очевидным, что судья все-таки зависим, и зависимость его обусловлена судебным прецедентом и действующими законами. Авторитет судьи мерк перед авторитетом закона.

Однако, что же послужило причиной возрождения суда присяжных? Представляется, что одна из причин обращения к суду присяжных заключалась в чрезмерно строгом и неукоснительном следовании правовым предписаниям. Законность возведена в ранг конституционного принципа. Отныне ею должны руководствоваться все государственные структуры, включая и судей, и всех граждан. Она (законность) предполагает точное и неуклонное исполнение норм права всеми участниками общественных отношений. В то же время пылливому уму было очевидно, что закон зачастую не поспевает за теми процессами, которые происходят в обществе. Закон, естественно, стремится реализовать справедливость в своих

нормах, но не всегда это удается. И когда возникает противоречие между законностью и справедливостью, судья без колебаний претворяет в своих решениях принцип законности. В противном случае он может быть обвинен коллегами в некомпетентности, непрофессионализме и прочих грехах. Более того, он рискует расстаться с должностью. Известно, что **крайнее соблюдение законности может оказаться крайним беззаконием**. Не случайно говорят, что **наибольшее бесправие там, где царит только буква закона**.

Что касается профессионализма и компетентности суда, то есть и другая причина, заставляющая задуматься, а не следует ли профессиональный суд в необходимых случаях дополнить судом присяжных. Все дело в том, что право по своей природе связано с необходимостью следовать формально определенным и строго обязательным правилам по его реализации. В этом нет пороков права, напротив, установленные требования к применению права делают его более сильным. Однако, в процессе реализации правовых предписаний, практика нередко сталкивается с конфликтными ситуациями либо из-за неверного истолкования смысла правовой нормы (люди склонны к ошибкам), либо умышленного ухода противоборствующих сторон от правильного применения требований закона. Эти особенности применения права замечены давно и нашли отражение в известном выражении: **Summum jus, summa injuria** — **чрезвычайно строгое следование праву порождает наивысшую несправедливость**. Оно не прошло мимо внимания крупных политических и общественных деятелей и юристов прошлого — К. Маркса, Г. В. Плеханова, В. И. Ульянова (Ленина), они использовали его в своих трудах при анализе социальных явлений и процессов. Цицерону приписывают выражение: **«Часто возникают несправедливости из некоего крючкотворства и чрезмерно хитростного, но злокозненного истолкования права»**. В народном творчестве эта же мысль выражена в словах: **Строгий закон виноватых творит, и разумный тогда поневоле дурит**. А. Ф. Кони в своей работе, посвященной судам присяжных, цитирует слова, якобы сказанные Екатериной II: **«Строгое правосудие — не правосудие. Правосудие — справедливость»**².

¹ Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. // сост. С. М. Казанцев. Л.: 1991. С.41.

² Там же. С. 40.

В строгости закона вины самого судьи, разумеется, нет. Но он может оказаться крайним, если, следуя своему внутреннему убеждению, сочтет слишком суровыми инкриминируемые подсудимому деяния. Таковы условия, в которых он работает. Со студенческих лет будущему юристу внушается мысль, что он должен руководствоваться принципом: **Dura lex, sed lex — закон суров, но это закон.** Но законность и справедливость часто не совпадают, и когда между этими принципами возникают противоречия, суд не может во имя абстрактной справедливости пренебречь законностью³.

Существуют ли способы преодоления возникающих противоречий? Можно ли каким-то образом примирить законность и справедливость? Полагаю, что в примирении этих двух начал — законность и справедливость — заключается миссия суда присяжных. Герой одного из рассказов А. П. Чехова говорит: «Я не боюсь за нравственность и справедливость, когда говорят «невиновен», я, напротив, чувствую удовольствие. Даже когда моя совесть говорит мне, что, оправдав преступника, присяжные сделали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят *человеку*, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта *вера в человека* сама по себе не выше всяких житейских соображений? Веровать в бога не трудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте! Эта вера доступна только тем немногим, кто понимает и чувствует Христа»⁴.

Правда, есть и противники суда присяжных. Если его сторонники называют присяжных судом народных представителей, выразителями интересов широких слоев простых граждан, то его противники называют их **«судом толпы», «судом улицы»**. Он формируется из числа

простых граждан, далеких от судебной системы. Сторонники видят в этом его достоинства, противники — только недостатки. Талантливый публицист и юрист В. И. Ульянов (Ленин) писал в 1901 году: «Суд улицы ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения»⁵. Но в то же время надо помнить, что благодаря суду присяжных избежала уголовной ответственности террористка Вера Засулич, выстрелом из пистолета тяжело ранившая петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Это дело считается классическим с точки зрения практически полной независимости суда присяжных от властей. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, как оценить вынесенный по этому делу вердикт присяжных. Со времени оправдания Засулич (1878 г.) да наших дней не прекращаются споры относительно полезности суда присяжных в отправлении правосудия в целом, так и их участия по отдельным категориям уголовных дел. Согласно закону, принятому Госдумой РФ в декабре 2008 года, уголовные дела по преступлениям террористической направленности не могут рассматриваться судом присяжных. В перечень таких преступлений внесены террористические акты, захват заложников, организация и участие в незаконном вооруженном формировании, массовые беспорядки, государственная измена, шпионаж, насильственный захват или удержание власти, вооруженный мятеж, диверсия. Этот перечень легко может быть расширен, поскольку нет четких критериев отнесения дел к числу террористической направленности.

Конституционный суд России своим решением подтвердил правильность отстранения присяжных по делам о терроризме. В. Д. Зорькин довольно пространно, но неубедительно объяснял такое решение. Зато убедительно прозвучали доводы противника отмены суда присяжных для обвиняемых в терроризме — судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева: «Терроризм направлен на устрашение, и если мы с этой позицией согласимся, то мы должны будем признать, что нас уже запугали. Это самое простое — устранить суды присяжных. А что это означает? Закрытые судебные заседания. Так

3 В курсе уголовного права (см.: Общая часть. Том 1. Учение о преступлении. М.: 1999. С. 67–70, 75–77) отдельно рассматриваются принципы уголовного законодательства — законность и справедливость. Отмечается, что «от правильности криминализации деяний, от обоснованности видов и размеров санкций за них, беспробельности УК зависит, будет ли закон применяться на практике или нет». «Справедлив закон, который отвечает требованию социальной обоснованности криминализации деяний и пенализации преступлений. Не отвечающий этим требованиям закон обречен на бездействие как не отражающий правосознания общества и не защищающий его интересов» (С. 75–76). Все правильно. Но вот вопрос, какой судья решится в своем приговоре признать закон как не отвечающий духу справедливости? Если подобное случится, не повлечет ли это санкции в отношении самого судьи, не обвинят ли его коллеги в нарушении законности?

4 Чехов А. П. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 8. С. 343.

5 Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 4. С. 407.

не бывает — залезть на конституционную елку и не уколоться. Нужно принимать соответствующие решения. В противном случае, это действительно очень опасно»⁶. Передача дел о терроризме в руки исключительно профессиональных судей фактически означает создание неких «особых уголовных судов». Такие изменения законодательства, по его мнению, «необоснованны, произвольны и неразумны»⁷.

В отличие от профессионального суда, суд присяжных действительно более независим. Над ним не довлеет инстанция, перед которой он держал бы ответ за свой вердикт. Коллегия суда присяжных не готовит бюрократических отчетностей о своей деятельности. Присяжным заседателям не надо глубоко вникать в содержание законодательных актов. Их задача предельно проста: выслушав мнения сторон и показания свидетелей, оценив представленные доказательства, ответить на главные вопросы: перед ними преступник или нет; виновен он в содеянном или нет; если виновен, то заслуживает ли он снисхождения или нет. Лучшей формой для получения этой уверенности в виновности или невиновности подсудимого считается суд присяжных. При вынесении решения о виновности или невиновности у подсудимого должно быть доверие к тем, кто принимает такое решение. В уголовном процессе это доверие к суду как к суду себе равных, может быть достигнуто только при помощи суда присяжных. И такой суд Гегель называл публичным судом, гарантирующим права субъективной свободы гражданина. Он выступал против стремлений признания права исключительной монополией просвещенных юристов, замкнутых и отчужденных от простого народа еще и потому, что они пользуются терминологией, представляющей собой как бы иностранный язык для тех, о правах которых идет речь. Гегель настаивал на широком участии членов гражданского общества в отправлении правосудия и освобождении их от излишней опеки сословия юристов⁸.

Однако есть противники участия присяжных в отправлении правосудия. Попытки привлечь к поиску ответа на вопрос о виновности подсудимого присяжных заседателей, — «это всего

лишь неуклюжая попытка перекалывания ответственности за принятие решения на чужие плечи», — считает известный российский юрист Ю. В. Голик⁹.

Тем не менее, страстный призыв Гегеля к привлечению суда присяжных при вынесении вердикта «виновен — не виновен», был понят его современниками и услышан властью при его жизни, приветствуется и сегодня. Однако вряд ли можно согласиться с предложением об «освобождении их от излишней опеки сословия юристов». Присяжные заседатели — не юристы. Более того, зачастую они не знают как себя вести в зале суда. Поэтому они нуждаются в постоянном внимании и напутствии относительно порядка и сроков реализации ими своих прав и обязанностей, процедуры принятия присяги и т. д. Разъяснения, безусловно, должны осуществляться в форме опеки и дружеского совета. Единственное, в чем присяжные заседатели совершенно не нуждаются, так это в каких-либо подсказках и советах при принятии решения о виновности или невиновности подсудимого. Здесь они должны руководствоваться только голосом своей совести.

Почему все-таки основной вопрос судебного процесса — **признание вины подсудимого** — решено доверить присяжным заседателям? Признание вины влечет далеко идущие последствия вплоть до определения меры наказания. Этим актом по существу решается судьба подсудимого¹⁰. Правильно ли во всех случаях участие человека предоставлять решать одному профессиональному судье или это можно доверить коллегиальному органу, каковым является суд присяжных? Речь, в сущности, идет о том, чтобы по особой категории дел функцию признания вины выделить из компетенции профессионального судьи и передать ее суду присяжных. Если суд присяжных признает подсудимого виновным (или невиновным) в инкриминируемых ему деяниях, профессиональный судья вступает в свои полномочия и решает вопросы определения меры наказания подсудимому, вина которого признана судом присяжных, или об освобожде-

9 Голик Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб.: 2004. С. 9.

10 См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: 1997. С. 206; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении: учебник для вузов. М.: 1999. С. 295–305; Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: 2006. С. 210–221 и др.

6 URL: slam.news.ru/news-23837.html

7 URL: [Ingushetia.Kavkaz-uzel.ru/articles/...](http://Ingushetia.Kavkaz-uzel.ru/articles/)

8 См.: Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. Л., 1963. С. 355.

нии его от уголовной ответственности. У постоянного (профессионального) суда и суда присяжных задачи разные, они не образуют единую судебную коллегия. Присяжный суд привлекается к работе только по определенной и строго очерченной законом категории дел и реализует единственную функцию — признание или отсутствие вины подсудимого в уголовном процессе, и вопрос факта — в гражданском процессе. Все остальные вопросы решает постоянный (или профессиональный) суд.

В Казахстане с принятием Закона «О присяжных заседателях», проблемы, связанные с их участием в уголовном судопроизводстве, пожалуй, не уменьшились, а даже увеличились. Какие вопросы рассмотрены в этом Законе и решены ли они? С учетом содержания статей, его трудно даже назвать Законом. Скорее всего, это технический документ. В нем предпринята попытка разобраться с проблемами составления различных списков (предварительных, первичных, единых, дополнительных, запасных и пр.) ст. 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Некоторые статьи переписаны с уголовно-процессуального кодекса: ст. 13 (права, обязанности присяжного заседателя и ограничения в действиях, связанные с рассмотрением дела); ст. 14 (присяга присяжного заседателя) — соответственно со статей 559 и 558, только места их переставлены¹². Надо ли говорить, что Закон, каким бы он ни был, требует неукоснительного исполнения, но как преодолеть возникающие при этом трудности.

В Уголовно-процессуальном кодексе РК точно так же не решены многие вопросы участия присяжных заседателей в судопроизводстве либо они запутаны. В частности, почему согласно ст. 544 УПК РК в состав суда присяжных входят профессиональные судьи по формуле 1+10? В самом деле, профессиональный судья как бы пристегнут к присяжным заседателям, дабы они не сбились с правильного пути. Профессиональный судья, вероятно, призван оберегать «народных представи-

телей» от «юридически неграмотных решений», а по существу от имени присяжных заседателей готовит вердикт, который бы устраивал профессиональных судей. Не секрет, что любой оправдательный приговор, вынесенный по решению суда присяжных, вменяется в вину судей, поскольку они, дескать, не провели разъяснительной работы с присяжными заседателями относительно виновности подсудимых.

И в этой связи много несуразностей связаны с приемом сторон с участием и без участия присяжных заседателей; с постановкой вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями (ст. 565 УПК РК); с обращением председательствующего к присяжным заседателям и много других. В частности, обращение председательствующего к присяжным заседателям — это своего рода напутственное слово перед удалением их в совещательную комнату. Но, оказывается, председательствующий вовсе не собирается расставаться с присяжными заседателями. Он входит в состав коллегии присяжных заседателей, и у него там будет масса времени для напутствий и внушений не очень юридически грамотным присяжным, чтобы вынести необходимый вердикт. В этой связи под сомнение можно поставить вопрос: есть ли вообще суд присяжных в Казахстане. Скорее он напоминает народных заседателей в составе профессиональных судей былых советских времен.

В настоящее время идет интенсивная работа по подготовке новой редакции уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Хотелось бы, чтобы в нем были учтены критические замечания относительно суда присяжных. Но вероятнее всего ничего не изменится. Несмотря на то, что в проекте нового УПК производству по делам с участием присяжных заседателей посвящены тридцать шесть (608-643) статей (в действующем УПК — только одна глава и в ней 15 статей), все остается как есть, т. е. лишь создается видимость суда присяжных.

11 См.: Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года, № 121-III ЗРК «О присяжных заседателях».

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

А. С. Подшибякин,

доктор юридических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации», кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики, заведующий)

Вопрос о правовых основах криминалистики актуализировался в связи с разделением специальности 12.00.09 — Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность на 2 специальности: 12.00.09 — Уголовный процесс и 12.00.12 — Криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Кроме того, до сих пор недостаточно глубоко исследован вопрос о влиянии на развитие криминалистики положений п. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Хотелось бы напомнить, что многие почему то говоря о правовых основах криминалистики, в основном исследуют уголовно-процессуальный кодекс.

Между тем, часть наиболее важных положений, связанных с правами человека и их защитой, закреплена в Конституции РФ и лишь позже была дублирована (иногда дословно) в УПК РФ. Поэтому на первом месте, с точки зрения юридической силы, должна стоять Конституция Российской Федерации и лишь потом остальные законы.

Хотелось бы напомнить о словах профессора М. С. Строговича, который, рассматривая связь уголовного процесса и криминалистики, писал: «С уголовным процессом близко сопрягается специальная дисциплина — криминалистика. Криминалистика изучает научно-технические приемы собирания и исследования доказательств. В своем конкретном содержании, криминалистика строилась до сих пор применительно к условиям расследования уголовных

преступлений, и сводилась к сумме научно-технических методов следствия (сам термин «криминалистика» происходит от латинского слова *crimen* — преступление). Но несомненно, ряд криминалистических приемов и методов имеет непосредственное применение к сфере гражданского процесса, так как и по гражданским делам требуется научная обоснованность исследования ряда доказательств»¹.

Сразу хочу оговориться, что в этой статье речь пойдет лишь об уголовных и уголовно-процессуальных аспектах правовых основ, не затрагивая проблемы криминалистики в гражданском и арбитражном процессах, в административном производстве.

Описывая связь и различие уголовного процесса и криминалистики, М. С. Строгович указывал: «Уголовный процесс охватывает правовые формы и отношения, криминалистика — технические методы и приемы. С одной стороны, криминалистика способствует правильному выполнению процессуальных действий, с другой стороны — криминалистические методы свое применение могут находить лишь в тех правовых формах, которые установлены в уголовном процессе (например осмотр места преступления, производство криминалистической экспертизы и т. д.). Криминалистика находит все более и более широкое применение в следственной и судебной практике, способствуя

¹ Строгович И. С. Уголовный процесс. Юридическое издательство НКЮ СССР. М., 1941. С. 28.

научному оснащению следствия, обеспечивая научную базу расследования преступлений»².

Эта связь между уголовным процессом и криминалистикой развивалась и многократно привлекала внимание криминалистов.

Так, в учебнике «Криминалистика», напомним о служебной роли криминалистики как прикладной, практической, авторы указывали, что на начальном этапе криминалистика возникла и развивалась в рамках науки уголовного процесса до тех пор, пока накопленный эмпирический материал и сделанные на его основе научные обобщения не пришли в противоречие с представлениями о предмете науки уголовно-процессуального права»³.

Наиболее полно значение норм уголовно-процессуального права как определяющего фактора и правовой основы криминалистических рекомендаций описал Р. С. Белкин, определив роль этих норм.

1. Уголовно-процессуальный закон устанавливает общую процедуру расследования и изъятия из нее. Эта процедура явилась определяющей при разработке структуры частных криминалистических методик, описывающих последовательность действий следователя и содержание всех действий на каждом этапе.

Изменение процессуальной процедуры непосредственным образом влияет на криминалистическую методику в целом и ту или иную частную криминалистическую методику.

2. Уголовно-процессуальный закон исчерпывающе определяет круг следственных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания.

Большинство из них проводится по усмотрению следователя, но в отношении некоторых закон содержит императивные указания, относящиеся ко всем делам, либо некоторым их категориям.

3. Доказывание осуществляется только средствами, которые допускает уголовно-процессуальный закон⁴. В УПК РФ содержатся нормы, определяющие общие принципы допустимости использования.

² Там же. С. 28.

³ Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4 изд. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 84.

⁴ Сказанное относится к производству экспертизы и исследований специалиста. Отдельно правовые основы процессуальных действий рассматриваться не будут.

4. В уголовно-процессуальном законе содержится общая формула предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел.

5. Уголовно-процессуальный закон содержит требования о быстром и полном раскрытии преступления, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Эти требования в сочетании с требованиями обеспечения установленных законом процессуальных гарантий, прав и интересов участников процесса обязывают следователя планировать работу по делу так, чтобы исключить односторонний подход к исследованию событий, предвзятость и тенденционность⁵.

После написания этих строк не могу не вспомнить ч. 4. ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей приоритет норм международного права над внутренним законодательством потому, что:

1) последние годы, многие граждане РФ подают в Европейский Суд по правам человека иски о восстановлении их прав, нарушенных в процессе расследования уголовных дел, и выигрывают. При этом допускаются нарушения криминалистических рекомендаций, вытекающих из норм УПК, а иногда сами исследованные криминалистические методики нарушают и нормы УПК РФ, и нормы международного права;

2) многие международные договоры, тем или иным образом, содержат положения, имеющие прямое отношение к криминалистике и несколько по иному трактуемые нормы нашего законодательства, что помогает усовершенствовать отдельные положения криминалистики. В связи с этим представляется необходимым выделить нормы международного права в качестве самостоятельного правового источника криминалистики. Далее по тексту мы рассмотрим эти международные документы, так как они относятся не только к уголовному процессу, но и к уголовному праву России и другому нашему законодательству.

Прежде всего хотелось бы напомнить про Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, вступившей в силу 03 сентября 1953 года (с Приложениями к ней) и ратифицированной Россией принятием Федерального закона от 30 мар-

⁵ См. подробнее: Белкин Р. С. Криминалистика. — М.: Юрид. лит., 1988. С. 202–205.

та 1998 года № 54-ФЗ, с оговоркой и заявлениями. Согласно официальным данным на конец 2012 года в Европейский Суд по правам человека было передано судебным составом 28 600 жалоб из России (22,3%), содержанием которых было нарушение прав, описанных в этой Конвенции, в частности, на условия содержания под стражей, «бесчеловечное отношение» со стороны правоохранительных органов, нарушение разумного срока судебного разбирательства и др. Позже принята Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.).

Многие из запрещенных действий связаны напрямую с нарушением криминалистических рекомендаций.

Значительная часть международных договоров связана с запрещением отдельных преступлений и их содержание позволяет уточнить перечень вопросов, подлежащих выяснению, а иногда и доказыванию при расследовании уголовных дел. Их много, поэтому назову лишь отдельные, актуальные:

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.; Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г.; Конвенция о наркотических веществах 1971 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.; Конвенция о борьбе с незаконными аспектами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.; Конвенция Совета Европы об отмывании, изъятии и конфискации преступных доходов и финансировании терроризма 2005 г.; Конвенция ООН против коррупции 2003 г.; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы 1999 г.

Есть и более конкретные договоры по отдельным вопросам. Например, Европейская конвенция о контроле над приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (Страсбург, 1978 год). Россия ее подписала в 1999 году, но не ратифицировала; между тем, в отличие от

ФЗ «Об оружии», она по иному трактует понятие оружия, его классификацию.

Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно-наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. (См. п. 6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года. В редакции от 05.03.2013 года, № 4).

Решения Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности отдельных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

К компетенции Конституционного Суда Российской Федерации относится достаточно широкий круг проблем. Нас интересует лишь одно из направлений его деятельности — проверка конституционности отдельных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, которые являются одними из главных правовых основ криминалистики.

Таких решений принималось значительное количество. Видный юрист правовед, Судья Конституционного Суда, известный криминалист Н. Т. Ведерников создал и издал два сборника: 1) Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России 1995–2001 гг. М.: Изд-во «Палеотик-Маркетинг», 2002 г.; 2) Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России 2001–2007 гг. Изд-во «Юнити-Дана»; «Закон и право», 2009.

Можно для примера привести отдельные решения:

— Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного рассле-

дования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан»;

— Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко».

Решения Конституционного Суда вступают в действие после опубликования и отмене не подлежат, а значит должны исполняться правоохранительными органами и судами безусловно.

За последние два с половиной десятилетия в России, наряду с кодексами, появились и отдельные Федеральные Законы, направленные на регулирование значительного количества правоотношений и имеющие непосредственное отношение к криминалистике, как правовая основа отдельных разделов и отраслей криминалистических действий, положений, активно используемых при расследовании преступлений.

Наверное, прежде всего, это Федеральный Закон № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года. Именно положения этого закона используются в основном при раскрытии неочевидных преступлений, так как он служит основой оперативно-розыскных мероприятий.

Кроме того, ст. 5 Закона определила круг лиц, которые вправе использовать технические средства.

В ч. 2 ст. 11 Закона определена процедура передачи результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органам дознания, следствия и суда, которые тем не менее, могут использоваться в доказывании только при условии выполнения требований ст. 89 УК РФ. Есть и другие нормы, которые можно рассматривать в качестве правовой основы криминалистических положений.

Нельзя не вспомнить и Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», благодаря которому получила правовую основу отрасль криминалистической техники «Криминалистическое исследование оружия и следов ее применения». Его применение позволило использовать ранее доктринальное понятие «оружие» и понятие видов оружия, их классификацию привести в соответствии с законом.

Можно назвать и ряд других законов, ставших правовой основой отраслей криминалистической

техники: «Криминалистическая регистрация» — Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», закрепившем право ОВД на накопление и использование криминалистически значимой информации (ст. 17).

Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»; Федеральный закон от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Ряд Федеральных законов имеет прямое отношение к тактике отдельных процессуальных действий:

— Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;

— Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи», ст. 63 которого содержит положение о прослушивании телефонных переговоров только на основании судебного решения.

Важное значение для раздела методики расследования отдельных видов и групп преступлений имеют: Уголовный кодекс РФ; Таможенный кодекс РФ; Кодекс об административных правонарушениях и другие; так как составы описанных в них преступлений и других правонарушений являются обстоятельствами, подлежащими выяснению по уголовному делу (наряду с теми, которые подлежат доказыванию).

Так же значение имеют и отдельные Федеральные законы:

— Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

— Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другие аналогичного содержания.

Нельзя не сказать и о Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», которым установлено, что Российская Федерация подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права, принципу исполнения международных обязательств.

Нормативные акты министерств и ведомств достаточно широко регламентируют деятельность по криминалистическому обеспечению расследования преступлений. Они могут быть совместными, принятыми в качестве единого

документа (например, инструкция «О порядке применения полиграфа при опросе граждан», утвержденная приказом Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России и МВД России от 28 декабря 1994 года № 437).

Есть и отдельные приказы по этому вопросу. Так, 12 сентября 1995 года Министр внутренних дел РФ издал Приказ № 353 «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел».

Известны и другие приказы:

— Приказ МВД РФ № 612 от 2008 года «Об организации учетов в системе МВД РФ»;

— Приказ МВД РФ № 280 от 26.03.2008 года «Об утверждении положения об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений»;

— Приказ МВД РФ № 1070 от 2008 года «О едином учете преступлений».

В некоторых ведомствах приняты Приказы, регламентирующие особенности производства отдельных процессуальных действий. Так, существует Приказ, утвердивший «Методику осмотра места взрыва и взрывного устройства».

В криминалистических подразделениях правоохранительных органов новые методики, разработанные в них, принимаются на вооружение Приказами.

В последние годы структурные подразделения ведомств утверждают методики расследования отдельных видов преступлений.

Кроме правоохранительных органов, вопросы обеспечения расследования могут регулироваться приказами и других ведомств. Например, почта России, Министерство связи регламентируют приказами особенности процедур по прослушиванию телефонных переговоров, выемка почтовой телеграфной корреспонденции и т. д.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Об их месте и роли в Российском законодательстве продолжаются давние споры. Но практика следственной и судебной деятельности доказывает, что решения Верховного Суда как в виде Постановлений Пленума, так и по отдельным делам и как прецеденты, которые адвокаты приводят в обоснование своих позиций. Да и в большинстве учебников «Правоохранительные органы» они рассматриваются в качестве

правовой основы деятельности правоохранительных органов и судов.

Практически по большинству статей УК РФ имеются Постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие положения этих норм, нередко уточняющие вопросы, требующие выяснения и даже доказывания по уголовным делам. Но имеются разъяснения и по применению отдельных норм УПК РФ и др. Федеральных законов. Например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; Постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 1993 года «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» (о том, что согласие на прослушивание переговоров дает только суд); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 года № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» (в редакции от 27.12.2007).

Отдельные Постановления принимаются совместно двумя судами: Совместное Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 30, Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ № 64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Важнейшее место отводится Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2013 № 4).

Причем, разумеется, положения этого Постановления приняты не только судьями, но и используется всеми субъектами, участвующими в раскрытии и расследовании преступлений.

Таким образом, исходя из рассматриваемых выше вопросов, можно сформировать иерархию видов нормативных актов, являющихся правовой основой криминалистики.

На первом месте должна быть Конституция Российской Федерации, так как она является правовой основой принятия законодательства России.

В ней закреплены положения о защите прав и свобод человека и гражданина, гарантированности их согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации), судебная защита каждому его прав и свобод (ч. 1 ст. 46) и т. д.

Обязательно необходимо сказать о части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, закрепившей приоритет общепризнанных принципов и норм международного права.

Именно потому, что Конституция Российской Федерации закрепила этот принцип, Конституция и стоит на первом месте.

На втором месте должны стоять Международные договоры, общепризнанные нормы и принципы международного права.

Третье место должны занять по праву решения Конституционного суда Российской Федерации, так как Конституционный суд может признать неконституционным или соответствующим Конституции положения любого закона, в том числе и уголовно-процессуального.

Остальные нормативные акты должны рассматриваться в традиционном порядке согласно их юридической силе.

На основании изложенного, можно предложить следующую систему нормативно-оперативных актов, составляющих правовую основу криминалистики:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права.
3. Решения Конституционного Суда Российской Федерации.
4. Федеральные Кодексы (УК РФ, УПК РФ и др.), Федеральные законы.
5. Нормативные акты министерств и ведомств.
6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Именно правовая основа криминалистики как система способствует и ее развитию и предотвращению нарушений законодательства при решении задач криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Антонян,

кандидат юридических наук, доцент
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»), кафедра криминологии и уголовно-
исполнительного права, доцент; Региональная общественная организация
«Союз криминалистов и криминологов», помощник Президента)

Как известно, ни одна социальная система никогда не может сложиться и функционировать вне конкретной внешней среды, которая ее создала и подсистемой которой она является. При этом такая подсистема вырабатывает свою внутреннюю логику развития и его закономерности. Их проявлениями могут быть традиции, обычаи, специфические правила, даже собственный профессиональный язык, своя субкультура. Не является здесь исключением система условий исполнения наказаний в виде лишения свободы, она всегда соответствует обществу, стране, государству, можно даже сказать, что является слепком с них. Иными словами, указанная система не может воспользоваться никакими иными возможностями, кроме тех, в рамках которых она функционирует. Хотя здесь могут быть очень редкие и очень эпизодические факты оказания отдельным тюремным учреждениям помощи из-за рубежа, их поэтому не следует воспринимать всерьез.

Имея ввиду основные факторы, формирующие условия отбывания наказания в тюремных учреждениях, остановимся именно на этих условиях, которые включают в себя режим, конкретные ограничения для осужденных, способы и возможности их связи с внешним миром, их межличностные и межгрупповые связи, комплекс наказаний и поощрений, меры обеспечения безопасности, неформальные правила и отношения и т. д. Каждого преступника в первую очередь интересуют

именно эти условия и в гораздо меньшей степени что-то другое, тем более оторванное от жизни в данном месте, как бы не было оно важно в будущей жизни.

Основные внешние факторы, определяющие условия отбывания наказания в виде лишения свободы, представляются неизменными для всех времен и общественных формаций. При этом все они всегда действуют взаимосвязано и практически никогда в одиночку. Они таковы.

1. Уровень общей культуры, господствующие идеологические и нравственные ценности, их гуманистическая насыщенность или, напротив, ее отсутствие в конкретном обществе и государстве, в данной стране.

2. Уровень экономического развития, от чего зависит возможность использования материальных (финансовых) средств для создания таких условий отбывания наказания в местах лишения свободы, которые в наибольшей степени способствовали бы исправлению и перевоспитанию преступников, обеспечивали их безопасность, не унижали достоинства, подготавливали к жизни на свободе.

Именно эти два фактора формируют уголовную и пенитенциарную политику, которые, в свою очередь, создают конкретные условия тюремного содержания для осужденных. Понятно, например, что пенитенциарная система не может быть гуманной и справедливой, если в данном об-

ществе господствуют представления о преступлениях только как о жалких отбросах общества, не достойных никакого иного отношения кроме ненависти и презрения. В таком случае местами отбывания ими наказаний могут стать вырытые под открытым небом ямы или холодные подвалы. Если страна (общество, государство) бедна, ей просто негде взять средства для такого содержания осужденных, которые будут отвечать требованиям справедливости, они всегда будут жить хуже, чем остальное население.

Сама пенитенциарная политика является частью господствующей идеологии и нравственности, хотя тюремная система обладает собственными, весьма даже живучими, традициями и неформальными нормами, во многом определяющими поведение ее представителей. Так, после крушения советского строя многих сотрудников исправительных учреждений, особенно старшего поколения, оказалось очень трудно адаптировать к новым условиям функционирования таких учреждений и правилам обращения с осужденными. И сейчас, когда происходит реформирование тюремной системы, некоторые ее представители, к сожалению, не способны принять новые условия отбывания наказания.

Вообще условия отбывания наказания во многом, хотя и не во всем, сосредотачиваются в режиме исправительных учреждений, который относится к основным средствам исправления осужденных. Он, как известно, создает необходимые условия для эффективного применения других средств исправления осужденных (труда, обучения, воспитательной работы), хотя одновременно сам выступает одним из основных средств исправления. Именно в этом качестве проявляется его универсальность, режим нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, с режимных требованиях реализуется карательная сторона лишения свободы (изоляция, аудиовизуальная система надзора, вооруженная охрана, ограничение прав и свобод и т. д.). Именно по степени

изоляции и количеству имеющихся ограничений в правовом статусе осужденных и различаются между собой конкретные виды исправительных учреждений, с другой стороны, режим содержит требования, выполнение которых также обеспечивается принудительно, но обуславливается это не задачами карательного воздействия, а, прежде всего, заботой обеспечения безопасности самих осужденных, персонала и иных лиц, посещающих исправительные учреждения, и необходимостью профилактики правонарушений.

Соглашаясь с этими общими положениями, следует вместе с тем подчеркнуть, что режим любого вида всегда создает особую социально-психологическую атмосферу в тюремном учреждении, охватывающую всю совокупность занятых там людей и их действий (поведений). Эта атмосфера может быть воспринята и внешне, особенно опытным или даже профессиональным взглядом, в этом случае на первый план выступают атрибуты данного учреждения. Вместе с тем, режим не только ограничивает, но и дает осужденным то, без чего они не могут жить и без чего невозможно представить себе их исправление. Режим определяет образ жизни всех находящихся в местах лишения свободы осужденных, включая их общение с внешним миром и друг с другом, а также персонала, включая и его профессиональные и должностные обязанности. Даже объем и содержание воспитательной работы в определенной мере зависит от режима.

Необходимо также отметить, что режим (наряду, естественно, с другими факторами) призван также обеспечить безопасность общества от преступников именно своими запретами и ограничениями, но в то же время безопасность самих мест лишения свободы, самих осужденных и администрацию. В последнем случае речь должна идти не только о профилактике и пресечении преступных действий, лишения свободы, но и о блокировании вредных влияний наиболее опасных преступников на других осужденных.

FREIHEITSSTRAFE ALS OBJEKT THEORETISCHER FORSCHUNG

Dozentin Elena A. Antonjan,

Kandidatin der Rechtswissenschaften (к. ю. н.), Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin — Universität (Russland)

Es ist bekannt, dass jedes soziale System in einem direkten Abhängigkeitsverhältnis zum äußeren Umfeld steht, das dieses soziale System geschaffen hat. Dabei ordnet sich dieses System dem äußeren Umfeld unter und kann somit weder selbstständig entstehen noch außerhalb des Umfelds funktionieren. Es entwickelt dabei seine eigene Entwicklungslogik mit eigenen Gesetzmäßigkeiten. Diese können als Traditionen, Bräuche, spezielle Regeln, sogar als eigene Fachsprache oder eigene Subkultur in Erscheinung treten. Das System des Strafvollzugs stellt in diesem Zusammenhang keine Ausnahme dar. Es entspricht der Gesellschaft, dem Land, dem Staat und kann sogar als ihr Abbild bezeichnet werden. Das genannte System kann sich nur der Möglichkeiten bedienen, in deren Rahmen es funktioniert. Und obwohl es einige wenige Fälle der Auslandshilfe an Strafvollzugsanstalten gibt, können diese episodischen Fakten außer Acht gelassen werden.

Vorliegend sollen die Grundfaktoren näher beleuchtet werden, die die Bedingungen des Strafvollzugs in einer Anstalt prägen. Zu solchen gehören die Haftform, bestimmte Einschränkungen für die Strafgefangenen, Methoden und Möglichkeiten für Kontakte zur Außenwelt, interpersonelle Beziehungen und Verbindungen zwischen einzelnen Gruppen, das Bestrafungs- und Belohnungssystem, Sicherheitsmaßnahmen, informelle Regeln und Beziehungen u.s.w. Jeden Täter interessieren vordergründig genau die genannten Haftbedingungen und nicht andere,

möglicherweise ebenfalls wichtige Tatsachen. Der Haftinsasse wird aus seinem bisherigen Leben herausgerissen und so ist es nur allzu verständlich, dass andere, für die Zukunft bedeutende Gegebenheiten außer Acht gelassen werden.

Die beachtlichen äußeren Faktoren, die die Haftbedingungen bestimmen, können als unveränderlich bezeichnet werden und unterliegen keinem Einfluss der Zeit oder gesellschaftlicher Formationen. Dabei verstärken sie sich immer gegenseitig und haben kaum Einzelwirkung. Zu ihnen gehören:

1. Das Niveau der Gesamtkultur, herrschende ideologische und sittliche Werte, ihre humanistische Sättigung oder, das Gegenteil davon, das Fehlen humanistischer Sättigung in einer bestimmten Gesellschaft und dem Staat im bestimmten Land.

2. Das Niveau wirtschaftlicher Entwicklung, weil davon die Möglichkeit der Nutzung von materiellen (finanziellen) Ressourcen abhängt, die zur Schaffung der Haftbedingungen erforderlich sind. Die effiziente Nutzung dieser Ressourcen könnte in besonderem Maße eine Besserung und Umerziehung von Strafgefangenen fördern, ihre Sicherheit und Wahrnehmung von Grundrechten gewährleisten und sie für das Leben in Freiheit vorbereiten.

Genau diese zwei Faktoren bestimmen die Straf- und Strafvollzugspolitik, die ihrerseits bestimmte Haftbedingungen für die Strafgefangenen schafft. Es ist naheliegend, dass das Strafvollzug-System nicht human oder gerecht sein kann, wenn in der Gesell-

schaft ein herabsetzendes Bild von Straftätern verbreitet ist. So werden sie als armseliger Abschaum der Gesellschaft wahrgenommen, der keine andere Behandlung verdient, als eine solche, die von Hass und Missachtung geprägt ist. In einem solchen Fall kann die Vollzugsanstalt auch ein, in die Erde gegrabenes Loch unter freiem Himmel oder ein kalter Keller sein. Wenn jedoch ein Land (bzw. Gesellschaft oder Staat) arm ist, dann verfügt es über keine finanziellen Mittel um solche Haftbedingungen zu schaffen, die den Anforderungen der Gerechtigkeit entsprechen. Die Lebensbedingungen der Strafgefangenen werden somit immer schlechter sein, als die vom Rest der Bevölkerung.

Die Strafvollzug-Politik selbst stellt einen Teil der herrschenden Ideologie und Sittlichkeit dar. Ungeachtet dessen verfügt das Haftsystem über eigene, zum Teil wesentlich langlebigere Traditionen und informelle Normen, die zum großen Teil das Benehmen seiner Vertreter bestimmen. Exemplarisch dazu kann das Beispiel von älteren Justizvollzugsbeamten herangeführt werden, die nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion erhebliche Schwierigkeiten hatten, sich an die neue Funktionsweise der Anstalt sowie Regeln im Umgang mit Gefangenen zu adaptieren. Leider lässt sich dieses Phänomen auch im Rahmen der aktuell verlaufenden Strafvollzugsreform beobachten, da manche der Systemvertreter die neuen Strafvollzugsbedingungen nicht akzeptieren können bzw. wollen.

Allgemein kann festgestellt werden, dass sich die Haftbedingungen im Wesentlichen auf die Haftform der jeweiligen Haftanstalt konzentrieren. Die Haftform gehört zu den grundlegenden Maßnahmen zur Besserung des Strafgefangenen. Obwohl die Form des Strafvollzugs an sich als eine der Grundmaßnahmen der Besserung fungiert, schafft sie die notwendigen Bedingungen zur effektiven Anwendung auch anderer Besserungsmaßnahmen (Arbeit, Lehre, Erziehung). Genau auf dieser Art und Weise kommt ihre Universalität zum Vorschein, so dass die Haftform nicht einseitig bestimmt werden darf. Durch die Formanforderungen wird einerseits die sühnende Funktion der Freiheitsstrafe realisiert (Einzelhaft, Audio- und Videoüberwachung, bewaffnetes Wachpersonal, Einschränkung der Rechte und Freiheiten usw.). Eben

nach dem Grad der Isolation und dem Ausmaß der Einschränkungen von Rechten und Freiheiten unterscheiden sich die einzelnen Vollzugsanstalten. Andererseits enthält die Form des Strafvollzugs Anforderungen, die auch zwangsweise durchgesetzt werden können. Die Zwangsdurchsetzung wird nicht durch die sühnende Funktion der Strafe bedingt, sondern ist vor allem darauf gerichtet, die Sicherheit von Strafgefangenen, Justizvollzugsbeamten und Angestellten zu gewährleisten und präventive Wirkung gegen Regelverstöße zu entfalten.

Den angeführten allgemeinen Aussagen kann zugestimmt werden. Allerdings muss dabei berücksichtigt werden, dass jede Haftform immer eine besondere soziale und psychologische Atmosphäre in der Vollzugsanstalt bedingt und die dort beschäftigten Menschen sowie ihr Verhalten bzw. ihre Handlungen beeinflusst. Diese Atmosphäre kann auch von außen wahrgenommen werden, insbesondere dann, wenn man über entsprechende Erfahrung und über Fachwissen verfügt. In diesem Fall stehen die Attribute der jeweiligen Anstalt im Vordergrund. Zugleich hat die Haftform nicht nur einschränkende Wirkung, sondern bietet den Strafgefangenen einen lebenswichtigen Anknüpfungspunkt und ermöglicht erst ihre Besserung. Die Haftform bestimmt die Lebensweise aller Häftlinge, einschließlich ihrer Kontakte zur Außenwelt und miteinander, ebenso das Auftreten des Wachpersonals, die fachlichen und dienstlichen Pflichten von Justizvollzugsbeamten. Sogar Umfang und Inhalt von Erziehungsmaßnahmen hängen in bestimmtem Maße von der Haftform ab.

Des Weiteren muss angeführt werden, dass die Form des Strafvollzugs (wie ebenso auch andere Faktoren) die Gewährleistung der gesellschaftlichen Sicherheit bezweckt. Einerseits schützt sie die Menschen vor den Straftätern eben durch eigene Verbote und Einschränkungen. Andererseits gewährleistet die Haftform auch die Sicherheit der Haftanstalten, der Strafgefangenen und des Wachpersonals. Der Rolle der Justizvollzugsbeamten kommt in dem Zusammenhang eine besondere Stellung zu: sie sollen nicht nur repressiv und präventiv die Straftaten verhindern, sondern auch den Einfluss von besonders gefährlichen Straftätern auf andere Haftinsassen blockieren und verhindern.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ-ПОЧЕРКОВЕДОВ

Н. Ф. Бодров

(АНО «СОДЭКС МГЮА имени О. Е. Кутафина», эксперт;
Региональная общественная организация «Союз криминалистов
и криминологов», член)

За последнее время в экспертной практике существенно возрос объем работы, связанной с проверкой заключений экспертов¹ на предмет соответствия современным методическим требованиям, предъявляемым к почерковедческим исследованиям (так называемое рецензирование экспертных заключений).

Подобная деятельность существенно отличается от повторной экспертизы. Рецензирование не подразумевает ответа на вопрос первоначальной экспертизы, а направлено на критическую оценку исследования, проведенного другим экспертом.

Несмотря на большое количество подобных исследований, ни в теории судебной экспертизы, ни в экспертной практике не выработана концепция, позволяющая системно и единообразно осуществлять рецензирование, хотя в методической литературе судебной почерковедческой экспертизы сформированы критерии оценки заключений экспертов, систематизирована информация об экспертных ошибках². Разрозненность взглядов в вопросах рецензирования экспертных заключений привела к формированию двух недопустимых подходов.

¹ Здесь и далее термин «эксперт» обозначает лицо, обладающее специальными знаниями, а не характеризует его как процессуальную фигуру.

² Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Проспект, 2012; Предупреждение экспертных ошибок. — М.: ВНИИСЭ, 1990; О недостатках оформления и подготовки материалов при назначении судебно-почерковедческой экспертизы. Обзор экспертной практики. — М.: ВНИИСЭ, 1979; Коробочкина Т. А., Царев Г. Г. Вопросы организации и методики рецензирования заключений экспертов. 1979. № 14. С. 48–54.

Первый подход получил широкое распространение в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Он заключается в том, что эксперт, к которому обращаются с запросом на рецензирование, в интересах заказчика максимально подробно описывает не только объективные, но и, достаточно часто, мнимые недостатки представленного заключения. Таким образом, эксперт отрабатывает гонорар, создавая видимость содержательности рецензии.

Стоит отметить, что первый подход получил большее распространение среди негосударственных судебных экспертов не потому, что те или иные эксперты могут отличаться большей добросовестностью или профессионализмом, а потому, что государственные судебно-экспертные учреждения более ориентированы на производство повторных экспертиз, а не рецензирование.

Второй подход получил распространение в государственных экспертных учреждениях. Он связан с негласным отказом от рецензирования заключений в связи с подведомственностью экспертных учреждений, нежеланием подрывать репутацию других государственных судебных экспертов.

Оба подхода опасны для правоприменительной практики. В худшем случае, первый приводит к исключению достоверного доказательства, второй — к оправданию ошибочного или ложного вывода эксперта.

Существование подобных подходов осложнено тем, что следователи, судьи не имеют достоверных критериев проверки обоснованности

рецензируемых заключений и самих рецензий, чем активно пользуются эксперты-рецензенты, готовые оспорить любое заключение.

Как правило, при оценке результатов рецензирования следователи и судьи выбирают мнимые критерии экспертной квалификации. Как показывает практика, в качестве таких критериев выступают: стаж экспертной работы; наличие допусков, выданных государственными судебно-экспертными учреждениями; должность рецензента в каком-либо учреждении.

Ни один из этих критериев непосредственно не указывает на уровень квалификации эксперта. Стаж экспертной работы не отражает продуктивность и успешность деятельности отдельного эксперта. Тем более, что он, как правило, характеризует стаж работы по нескольким экспертным специальностям или подменяется общим трудовым стажем.

Допуски, в особенности, срок действия которых истек, не свидетельствуют о знании рецензентом современных методов исследования. С учетом того, что наличие допуска обязательно для работы абсолютно каждого из экспертов государственного судебно-экспертного учреждения, допуск не может быть использован для подтверждения высокой квалификации, достаточной для оценки заключения другого эксперта.

Должность эксперта свидетельствует о его положении в конкретной организации, как правило, хороших управленческих способностях, а не о высоком уровне владения методиками почерковедческой экспертизы.

Возникает вопрос о достоверных критериях квалификации эксперта-почерковеда. По нашему мнению, в современных условиях сформировались пока только два критерия квалификации эксперта-почерковеда. В первую очередь, для определения уровня квалификации может быть использована информация о наличии у рецензента ученой степени и ученого звания, опубликованных результатах самостоятельных научных исследований в области судебного почерковедения.

Ученые степени и звания экспертов-рецензентов могут быть использованы для оценки квалификации эксперта только в том случае, если его научные изыскания относятся к конкретному виду почерковедческого исследования. Как показывает довольно значительная практика рецензирования заключений экспертов, научная деятельность экспертов далеко не всегда связана со спецификой проводимого ими исследования или рецензируе-

мого заключения. Данный критерий должен подтверждаться не только наличием ученой степени или звания, но и указанием конкретных научных трудов по направлению рецензируемого экспертного исследования.

Еще одним достоверным критерием может служить регулярная сертификация эксперта, прохождение курсов по повышению квалификации. Однако деятельность по сертификации экспертов можно признать эффективной только в том случае, если орган сертификации постоянно осуществляет контроль качества экспертных заключений (так называемое наблюдательное производство). Большинство учреждений сертификации экспертов осуществляют лишь разовую или периодическую (раз в несколько лет) оценку качества работы эксперта на основании изучения предоставленных экспертом контрольных экспертиз и общих экзаменов. Если при этом не ведется регулярный независимый контроль качества экспертных заключений, деятельность по сертификации представляется нам нерепрезентативной.

Практика рецензирования заключений экспертов-почерковедов позволила выявить две основные группы причин экспертных ошибок.

Первая группа связана с большим «потоком» экспертных заключений. Причиной тому становится высокая загруженность эксперта или большой стаж проведения экспертных исследований. И то и другое обстоятельства приводят к тому, что эксперт не проводит исследование, а компилирует заключение из других ранее составленных заключений, формируя вывод не на основе изучения почеркового материала, а на основе беглого анализа или в результате, например, материальной заинтересованности.

Вторая группа связана пробелами в квалификации эксперта. Данный недостаток заключается в незнании отдельных методик (определения априорной информативности, многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз) или особенностей работы с определенными типами объектов (изображения записей и подписей, цифровое письмо).

В предмет рецензирования, по нашему мнению, необходимо включение максимально широкого круга обстоятельств (за исключением функций других участников процесса), вплоть до проверки вывода первичной почерковедческой экспертизы по существу, если качество представленных на рецензирование материалов позволяет рецензенту решить данную задачу.

ÜBERPRÜFUNG GRAPHOLOGISCHER GUTACHTEN

Nikolaj V. Bodrov,

Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Sachverständiger bei der unabhängigen gemeinnützigen Organisation „Sachverständigenverband der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität“ (Russland)

In den letzten Jahren ist der Arbeitsumfang gutachterlicher Tätigkeit erheblich gestiegen. Dieser Umstand lässt sich auf die Überprüfung von Gutachten¹ zurückführen, die sich auf die Übereinstimmungen der gutachterlichen graphologischen Überprüfungen mit den technischen Standards beziehen (sog. Rezension graphologischer Gutachten).

Eine solche Tätigkeit unterscheidet sich wesentlich von einem Zweitgutachten. Eine Rezension bezweckt nicht die Beantwortung der an das ursprüngliche Gutachten gestellten Frage. Sie ist auf die kritische Bewertung des Gutachtens gerichtet, welches durch einen anderen Sachverständigen erstellt wurde.

Obwohl solche Rezensionen sehr oft in Auftrag gegeben werden, wurde gegenwärtig noch keine entsprechende einheitliche Konzeption sowohl im gerichtsgutachterlichen Bereich als auch in der gutachterlichen Praxis ausgearbeitet. Eine einheitliche Vorgehensweise bzw. ein festgelegter Maßstab würde eine systematische und einheitliche Vorgehensweise bei der Erstellung der Rezensionen ermöglichen. In den graphologischen Fachzeitschriften² lassen sich dennoch Beurteilungskriterien für die Rezensionserstellung finden, die auch systematische Angaben über mögliche Fehler im Gutachten enthalten. Die Vielfältigkeit der Standpunkte in diesem Bereich

führte jedoch zur Herausbildung von zwei unzulässigen Verfahrensweisen.

Die erste Verfahrensweise ist in privaten gerichtsgutachterlichen Einrichtungen weit verbreitet. Sie besteht darin, dass der mit der Rezension beauftragte Sachverständige im Interesse des Auftraggebers nicht nur objektiv vorliegende, sondern auch nicht selten nur vermeintlich vorliegende Unstimmigkeiten im Erstgutachten beschreibt. Auf diese Art wird das für die Arbeit erhobene Honorar gerechtfertigt, da die Aussagekraft der Rezension dadurch scheinbar erhöht wird.

Zu beachten ist allerdings der Umstand, dass diese Vorgehensweise nicht durch unzureichende Kompetenz der Sachverständigen in privaten gerichtsgutachterlichen Einrichtungen bedingt wurde. Die Ursache liegt vielmehr darin, dass solche Einrichtungen auf die Erstellung der Zweitgutachten spezialisiert sind.

Die zweite Vorgehensweise ist in den staatlichen gutachterlichen Einrichtungen verbreitet. Sie bezieht sich auf die stillschweigende Verweigerung der Rezensionsdurchführung in den Fällen, in denen das Erstgutachten auch von einer staatlichen Einrichtung erstellt wurde. Die Ursachen liegen hier klar im hierarchisch aufgebauten System staatlicher Einrichtungen sowie dem Unwillen, die Kompetenz eines staatlichen Sachverständigen in Frage stellen zu müssen.

Die beiden Praktiken sind für die Rechtsanwendung gefährlich. Im schlimmsten Fall führt die erste zum Ausschluss eines unbestreitbaren Beweises und die zweite zur Exkulpation eines fehlerhaften oder falschen Gutachtens.

Die Anwendung der Praktiken erschwert sich zusätzlich dadurch, dass die Ermittler und Richter über keine unbestreitbaren Kriterien zur Nachprüfung der Stichhaltigkeit rezensierter Gutachten und die Rezen-

¹ Vorliegend wird der Begriff „Sachverständiger“ nicht im strafprozessualen Sinne gebraucht, sondern beschreibt eine Person, die über Fachkenntnisse verfügt.

² Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Росинской. – М.: Проспект, 2012; Предупреждение экспертных ошибок. ВНИИСЭ, М. 1990; О недостатках оформления и подготовки материалов при назначении судебно-почерковедческой экспертизы. Обзор экспертной практики. М., ВНИИСЭ, 1979; Коробочкина Т.А., Царев Г.Г. Вопросы организации и методики рецензирования заключений экспертов. 1979. № 14. С. 48–54.

sionen selbst verfügen. Dieser Umstand wird jedoch von vielen Sachverständigen aktiv dazu genutzt, jedes Gutachten in Frage zu stellen und die Durchführung einer Rezension zu initiieren.

In der Regel werden die Rezensionsergebnisse durch die Ermittler und Richter unter dem Gesichtspunkt der vermeintlichen fachlichen Kompetenz des Sachverständigen bewertet. In der Praxis werden dabei insbesondere zwei Kriterien deutlich. Zum einen geht es um die Dauer der gutachterlichen Tätigkeit und zum anderen um die durch staatliche gerichtsgutachterliche Einrichtungen erteilten Zulassungen bzw. Posten als Rezensent in einer Einrichtung.

Allerdings weist keines dieser Kriterien unmittelbar auf die ausreichende Qualifizierung des Sachverständigen hin. Die Dauer gutachterlicher Tätigkeit spiegelt weder die Produktivität noch den Leistungsindex der gutachterlichen Tätigkeit wieder, zumal sie in der Regel die Dauer der Tätigkeit in mehreren gutachterlichen Bereichen bedeutet oder durch die Gesamtdauer beruflicher Tätigkeit ersetzt wird.

Die Zulassungen, insbesondere solche, die aufgrund befristeter Dauer nicht mehr gültig sind, beweisen nicht die Kenntnis aktueller Forschungsmethoden. Bei der Berücksichtigung der Tatsache, dass eine solche Zulassung die Voraussetzung für berufliche Tätigkeit in staatlichen gerichtsgutachterlichen Einrichtungen für jeden Sachverständigen in Russland darstellt, kann die Zulassung nicht als Bestätigung exzellenter beruflicher Qualifizierung gewertet werden.

Der Sachverständigenposten bestätigt lediglich die Stellung in der spezifischen Einrichtung und in der Regel das Vorhandensein von guten Verwaltungsfähigkeiten. Auf ein hohes Niveau der Beherrschung graphologischer Forschungsmethoden weist der Sachverständigenposten dagegen nicht hin.

Demzufolge stellt sich die Frage über der Stichhaltigkeit der Qualifizierungskriterien von grafologischen Sachverständigen. Nach vorliegend vertretener Meinung haben sich gegenwärtig nur zwei Merkmale der Sachverständigenqualifikation herausgebildet. So können zur Bestimmung des Qualifizierungsniveaus die Informationen über den wissenschaftlichen Grad und den Titel sowie Veröffentlichungen in den Fachzeitschriften herangezogen werden.

Die akademischen Grade und Titel können jedoch nur in den Fällen relevant sein, in denen das Forschungsgebiet den in Frage stehenden Gegenstand des graphologischen Gutachtens umfasst. Die Revisionspraxis zeigt dagegen, dass die wissenschaftliche Tätigkeit von vielen Sachverständigen bei weitem nicht immer zu dem untersuchten Gegenstand oder der durchgeführten Rezension Bezug aufweist. Dieses Kriterium soll nicht nur durch den akademischen Grad oder Titel, sondern auch durch den Hinweis auf

wissenschaftliche Forschungsergebnisse im Bereich des rezensierten Gutachtens belegt sein.

Als ein weiteres unbestreitbares Kriterium kann ebenfalls die regelmäßige Personenzertifizierung des Sachverständigen fungieren, seine Teilnahme an Fortbildungsmaßnahmen. Allerdings kann die Personenzertifizierung nur dann zum gewünschten Ergebnis führen, wenn die Zertifizierungseinrichtung eine ständige Qualitätsüberwachung von Gutachten durchführt (das sog. Überwachungsverfahren). Die große Anzahl der Zertifizierungseinrichtungen führen lediglich einmalige oder periodische (alle paar Jahre) Qualitätsbewertungen der erstellten Gutachten durch, und zwar auf der Grundlage der ihnen vorgelegten Gutachten oder allgemeinen Prüfungen. Wenn dabei keine regelmäßige, unabhängige Qualitätskontrolle stattfindet, stellt sich die Tätigkeit von Zertifizierungseinrichtungen als nicht repräsentativ dar.

Die Erfahrung bei der Überprüfung graphologischer Gutachten ermöglicht die Bestimmung von zwei wesentlichen Ursachengruppen für die Gutachtenfehler.

Die erste Ursachengruppe ist mit der großen Anzahl der erstellten Gutachten verbunden. Die hohe Überlastung des Sachverständigen oder ein langes Berufsleben im Bereich gutachterlicher Forschung stellen ebenfalls einen Grund für die mögliche Fehlervornahme dar. Beide Umstände führen dazu, dass der Sachverständige keine eigenständige gutachterliche Überprüfung durchführt, sondern das Ergebnis aus früher erstellten Gutachten zusammensetzt. Auf diese Weise findet keine Untersuchung mehr statt und das Ergebnis wird nicht auf der Grundlage der graphologischen Erforschung, sondern auf der Grundlage einer flüchtigen Analyse oder bestehender materieller Interessen festgestellt.

Zu der zweiten Ursachengruppe gehören Lücken in der Qualifikation des Sachverständigen. Dieser Nachteil besteht im Unwissen einzelner Methoden (Bestimmung des apriorischen Informationsgehalts, graphologisch-gerichtliche Gutachten, die auf mehrere Objekte gerichtet sind) oder Besonderheiten der Tätigkeit im Bereich bestimmter Objektarten (Darstellung von Aufzeichnungen und Unterschriften, numerisches Schreiben).

Nach vorliegend vertretener Meinung ist es erforderlich, den Revisionsgegenstand maximal zu erweitern, so dass dieser ein breites Spektrum von Umständen einschließen kann (selbstverständlich müssen die Funktionen von anderen Verfahrensbeteiligten ausgeschlossen bleiben). Der Revisionsgegenstand kann sich somit auf die Überprüfung des inhaltlichen Ergebnisses von Erstgutachten erstrecken, wenn die Qualität der zu überprüfenden Materialien die Aufgabenlösung für den Rezensent möglich macht.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

С. В. Борисов,

доктор юридических наук, доцент
(ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», кафедра уголовного права, доцент)

Уголовно наказуемые деяния, совершаемые по мотивам ненависти либо вражды (преступления экстремистской направленности), занимают все более заметное место в общей структуре преступности, становятся привычным явлением в жизни нашего общества, состоящего из множества социальных групп, разделяемых между собой как национальной либо расовой принадлежностью, так и религиозными, политическими и иными идеологическими предпочтениями.

Негативные изменения и тенденции в межгрупповых социальных отношениях наблюдаются не только России, но и в большинстве других стран, ставших заложниками процессов глобализации.

Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун в своем выступлении на международной конференции отметил, что глобальный экономический кризис угрожает мировому сообществу распространением расизма и ксенофобии. Миру необходимо бороться с угрозой эскалации нетолерантности, в том числе антисемитизма и исламофобии, возбуждением ненависти с использованием новейших технологий¹.

В связи с выделенными обстоятельствами считаем, что для сотрудничающих государств весьма важным является осуществление унификации правовых средств, предназначенных для противо-

действия экстремизму в целом и преступлениям экстремистской направленности, в частности.

Отметим, что определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в последние годы на развитие уголовного законодательства Российской Федерации стали оказывать нормы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, относящиеся к региональному международному праву².

Например, международно-правовое определение экстремизма дается в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, где указано следующее: «экстремизм» — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон³.

² См.: Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова; отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 37.

³ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

¹ См.: Из выступления Генсека ООН Пан Ги Муна на конференции по проблемам расизма в Женеве // Российская газета. 2009. 3 июля.

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что понятие экстремизма в национальном законодательстве должно включать либо существенные и уникальные признаки, позволяющие выделить соответствующие им уголовно наказуемые деяния, либо (и) содержать указание на конкретные наименования преступлений и (или) статей Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом подчеркивается, что «настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье». То есть в российском законодательстве понятие экстремизма (экстремистской деятельности) может быть более широким по содержанию и объему.

В связи с последним положением позволим себе не согласиться с точкой зрения ученых, считающих, что понятие экстремизма, приводимое в Шанхайской конвенции, указывает на насилие как на основной криминообразующий признак данного явления, без которого состав преступного экстремизма отсутствует⁴. Как было указано ранее, Шанхайская конвенция не ограничивает участвующие в ней страны, в том числе и Россию, в возможности рассматривать экстремизм как более широкое явление, а значит, насилие может и не являться его неотъемлемым криминообразующим признаком.

На тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ (Постановление № 32-9 от 14 мая 2009 г.) был принят Модельный закон о противодействии экстремизму⁵, устанавливающий «основные принципы противодействия экстремизму, правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также ответственность за ее осуществление».

Отметим, что в ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму⁶ понятия экстремист-

ской деятельности и экстремизма не только не используются как синонимы, но еще и разделены между собой.

Так, под экстремизмом в Модельном законе понимается «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения». Экстремистская же деятельность рассматривается в основном за счет определения объема этого понятия, а именно как «деятельность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации, физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий», направленных на совершение посягательств, перечисленных в ст. 1 Модельного закона, в том числе и преступлений, осуществляемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Полагаем, что решение о разделении понятий экстремизма и экстремистской деятельности было принято с учетом сходной позиции относительно терроризма и террористической деятельности. Вместе с тем, на наш взгляд, не следует забывать о том, что экстремизм, как, впрочем, и терроризм, представляет собой социально-правовое явление, в котором первооснову составляет именно деятельность, проявляемая в социуме в определенных общественных отношениях. Поэтому экстремизм и экстремистскую деятельность целесообразно рассматривать в качестве синонимичных понятий, что позволит избежать еще большей путаницы в теории и практике противодействия соответствующему явлению. При этом в определении экстремистской деятельности (экстремизма) следует указать как содержание, так и объем данного понятия, а не прибегать к искусственному разделению последнего на две составляющие.

Изучение данного Модельного закона в целом привело нас к выводу о том, что своеобразным прообразом, основой для него послужил Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом, на наш взгляд, при

4 См.: Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права. С. 37; также см.: Гречухин М. А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М.: Международный юридический институт, 2011. — С. 449–450.

5 См.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2009. № 44.

6 Далее — Модельный закон.

разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, существовавшие на тот момент в России и других странах-участницах СНГ в области противодействия экстремизму. К таким проблемам, в частности, до настоящего времени относятся: 1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма; 2) отсутствие нормативно определенных критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий; 3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний.

Также отметим, что в Шанхайской Конвенции и Модельном законе не используется понятие «преступления экстремистской направленности», хотя в последнем упоминаются деяния, совершенные на основе ненависти либо вражды, входящие в объем экстремистской деятельности. Считаем, что такие деяния целесообразно обозначить как относительно самостоятельную группу

уголовно наказуемых деяний и сформулировать объединяющее их понятие, для наименования которого можно использовать словосочетание «преступления экстремистской направленности», уже нашедшее отражение в российском уголовном законодательстве.

Таким образом, несмотря на принятые меры по формированию исходных нормативных положений для противодействия экстремизму и преступлениям экстремистской направленности, в настоящее время не устранена потребность в едином международном нормативном правовом акте, определяющем соответствующие понятия и основные средства противодействия экстремистским проявлениям. Полагаем, что таким актом должна стать Европейская конвенция, перед разработкой которой следует осуществить комплексное сравнительно-правовое исследование законодательства сотрудничающих государств, прежде всего связанного с уголовно-правовой борьбой с преступлениями экстремистской направленности и иными деяниями, относящимися к экстремизму.

PROBLEMATIK DER BILDUNG INTERNATIONALER RECHTSBEGRIFFE IM BEREICH DES EXTREMISMUS UND DER EXTREMISTISCHEN STRAFTATEN

Dozent Sergej V. Borisov,

Doktor der Rechtswissenschaften (д. ю. н.), Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation

Straftaten, derer Begehung mit Hass oder Feindseligkeit motiviert wurde (extremistische Straftaten) belegen zunehmend einen bemerkenswerten Platz in der Statistik der Gesamtkriminalität. Sie fungieren mittlerweile als eine gewöhnliche Erscheinung in unserer Gesellschaft, die aus zahlreichen sozialen Gruppen besteht. Die unterschiedlichen gesellschaftlichen Gruppen können sowohl nach den nationalen Merkmalen als auch nach den religiösen, politischen oder ideologischen Vorstellungen voneinander abgegrenzt werden.

Die negativen Veränderungen und Tendenzen in sozialen Beziehungen zwischen den einzelnen gesellschaftlichen Gruppen lassen sich nicht nur in Russland, sondern auch in vielen anderen Ländern beobachten. Als besonders gefährdet gelten dabei solche Staaten, die als Geiseln des Globalisierungsprozesses bezeichnet werden können.

Der Generalsekretär der Vereinten Nationen Ban Ki-moon betonte in seiner Rede bei der Internationalen Konferenz in Genf, dass die globale Wirtschaftskrise für die Weltgemeinschaft eine Gefahr darstellt. Die Krise fördert die Verbreitung von Rassismus und Fremdenfeindlichkeit. Die Welt muss die Eskalation von Intoleranz, Antisemitismus und Islamophobie verhindern und gegen diese Bedrohung ankämpfen. Als besorgniserregend gilt

dabei die Hassverbreitung mittels moderner Informationstechnologien¹.

Auf der Grundlage angeführter Tatsachen erscheint folgender Umstand wichtig: Bei der Zusammenarbeit verschiedener Staaten kommen verschiedene Rechtsmittel zur Anwendung, die auf Bekämpfung des Extremismus sowie Verhinderung der extremistischen Straftaten gerichtet sind. Eine besondere Bedeutung kommt deswegen der Unifizierung dieser Rechtsmittel bei der zwischenstaatlichen Kooperation zu.

Einige wichtige Schritte in diese Richtung wurden bereits unternommen. So wurde in den letzten Jahren das russische Strafrecht von den Rechtsnormen der Shanghaier Organisation für Zusammenarbeit (SOZ), zu der die Volksrepublik China, Russland, Usbekistan, Kasachstan, Kirgisistan und Tadschikistan gehören, beeinflusst. Die SOZ-Rechtsnormen gehören zum regionalen Völkerrecht².

Der völkerrechtliche Begriff des Extremismus ist in Art. 1 Abs. 1 Nr. 3 der Shanghai-Konvention über die Bekämpfung des Terrorismus, Separatismus und

¹ Vgl.: Rede des Generalsekretär der Vereinten Nationen Ban Ki-moon auf der Antirassismuskonferenz in Genf // *Российская газета*. 2009. 3 июля.

² Vgl.: *Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учебное пособие* / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова; отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 37.

Extremismus enthalten: „Extremismus ist eine Tat, die auf

— gewaltsame Machterlangung oder gewaltsame Machterhaltung sowie

— gewaltsame Änderung der staatlichen Verfassungsordnung oder

— gewaltsamer Angriff auf öffentliche Sicherheit oder

— Bildung sowie Mitgliedschaft in einer bewaffneten Miliz³

gerichtet ist und gemäß nationalen Gesetzen der Mitgliedsstaaten strafbar ist“⁴.

Die Analyse des Begriffs lässt die Schlussfolgerung zu, dass im nationalen Recht die Definition des Extremismus entweder Wesens- oder solche besonderen Merkmale enthalten soll, die die relevanten Taten klar eingrenzen sollen. Dieser Zweck könnte auch durch die Auflistung bestimmter Straftaten und (oder) jeweiliger Normen des Besonderen Teils des SK RF erreicht werden.

Dabei wird in Art. 1 Abs. 2 der Shanghai-Konvention über die Bekämpfung des Terrorismus, Separatismus und Extremismus betont, dass „dieser Artikel keine internationalen Vereinbarungen oder kein nationales Recht der Mitgliedsstaaten verletzt, wenn diese / dieses Regelungen zur extensiven Auslegung der hier verwendeten Begriffe enthalten“. Dem zufolge könnte der Extremismusbegriff (bzw. Begriff der extremistischen Tätigkeit) im russischen Strafrecht weiter ausgelegt werden.

Nach Ansicht der Wissenschaftler bestätigt der in der Shanghai-Konvention genannte Extremismusbegriff die Annahme, dass die Gewalt ein Grundmerkmal einer solchen Tat darstellt. Beim Fehlen dieses Merkmals ist der Tatbestand des strafbaren Extremismus nicht erfüllt⁵. Bei der Berücksichtigung der zuletzt genannten Regelung der Shanghai-Konvention kann jedoch dieser Ansicht nicht zugestimmt werden. Wie bereits erwähnt, beschränkt die Konvention die Möglichkeit von Mitgliedsstaaten (einschließlich Rus-

sland) nicht, den Begriff des Extremismus weit auszuweiten. Dies bedeutet aber, dass die Gewalt auch kein unabdingbares Merkmal des Tatbestandes sein kann.

In der 32. Plenarsitzung der Interparlamentarischen Versammlung der GUS-Mitgliedstaaten (Resolution Nr. 32-9 vom 14 Mai 2009) wurde ein Modellgesetz zur Bekämpfung von Extremismus verabschiedet⁶. In diesem Gesetz wurden „die Grundprinzipien zur Bekämpfung von Extremismus, rechtliche und organisatorische Grundlagen zur Bekämpfung extremistischer Tätigkeit sowie Strafbarkeit derer Verwirklichung“ festgehalten.

Es ist zu beachten, dass in Art. 1 des Modellgesetzes zur Bekämpfung von Extremismus⁷ die Begriffe der extremistischen Tätigkeit und des Extremismus (1) nicht als Synonyme verwendet werden und (2) voneinander abgegrenzt sind.

So wird im Modellgesetz der Extremismus folgendermaßen definiert: Es ist ein „Angriff auf die staatliche Verfassungsordnung und staatliche Sicherheit sowie eine Verletzung von Rechten, Freiheiten und rechtlichen Interessen des Menschen und Bürgers, wenn sie infolge von Missachtung der Rechts- oder sonstigen allgemein anerkannten Normen bzw. sozialen Verhaltensweisen in der Gesellschaft vorgenommen werden“. Die extremistische Tätigkeit wird dagegen durch die Bestimmung der Reichweite dieses Begriffs definiert. Sie wird als „Tätigkeit eines gesellschaftlichen oder religiösen Verbandes, der Massenmedien oder jeder anderen Vereinigung oder natürlichen Person zur Planung, Organisation, Vorbereitung oder Verwirklichung der Handlungen“ umschrieben, die auf Begehung der in Art. 1 des Modellgesetzes genannten Angriffe gerichtet sind. Dazu gehören auch Straftaten, deren Begehung mit politischem, ideologischem, nationalem oder religiösem Hass oder mit Hass oder Feindseligkeit gegenüber einer sozialen Gruppe motiviert wurde.

Es kann davon ausgegangen werden, dass die Entscheidung zur Trennung der Begriffe von Extremismus und extremistischer Tätigkeit unter der Berücksichtigung der ähnlichen Position im Bereich des Terrorismus und der terroristischen Tätigkeit getroffen wurde. Darüber hinaus muss nach vorliegend vertretener Ansicht berücksichtigt werden, dass Extremismus, wie im Übrigen auch Terrorismus, eine sozial-rechtliche Erscheinung darstellt, deren Grundlage

³ Wörtlich: *gesetzeswidrig bewaffnete Strukturen (Anm. des Übersetzers)*.

⁴ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

⁵ Vgl.: *Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учебное пособие / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова; отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 37; Vgl. auch: Гречухин М.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Международный юридический институт, 2011. С. 449-450.*

⁶ Vgl.: *Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2009. №44.*

⁷ Im Folgenden: *Modellgesetz*.

eine Tätigkeit im Rahmen sozial-gesellschaftlicher Verhältnisse ist. Deswegen erscheint es zweckgemäß, den Extremismus und die extremistische Tätigkeit als gleichbedeutende Begriffe zu betrachten. Auf diese Weise werden Ungenauigkeiten in der Theorie und Praxis bei der Bekämpfung der genannten Erscheinung vermieden. Dabei müssen in der Definition der extremistischen Tätigkeit (des Extremismus) auch der Inhalt und die Reichweite des Begriffs enthalten sein. Auf die künstliche Trennung des Begriffs kann bedenkenlos verzichtet werden.

Die Analyse des Modellgesetzes führt zur Schlussfolgerung, dass es auf der Grundlage des Föderalen Gesetzes der Russischen Föderation vom 25. Juli 2002 „Zur Bekämpfung der extremistischen Tätigkeit“¹⁴ entstanden ist. Dabei fanden bei der Ausarbeitung des Modellgesetzes mehrere Probleme hinsichtlich der nationalen Gesetze und Rechtsanwendungspraxis keine Berücksichtigung, obwohl die Problematik im Bereich zum damaligen Zeitpunkt nicht nur für Russland, sondern auch für andere GUS-Mitgliedsstaaten signifikant war. Zu den Kernfragen gehören noch heute: (1) Fehlende Trennung bzw. Abgrenzung der Rechtsbegriffe extremistische Tätigkeit (Extremismus) und Terrorismus, (2) Fehlen der normativen Merkmale zur Einordnung der Tat in den Bereich der extremistischen Tätigkeit (des Extremismus), außer entsprechender Aufzählung von Handlungen, (3) die Aufzählung der Handlungen schließt sowohl strafrechtlich relevante Handlungen als auch Rechtswidrigkeiten ein.

Ebenso muss berücksichtigt werden, dass in der Shanghai-Konvention und im Modellgesetz der Begriff der „Straftat mit extremistischer Tendenz“ nicht verwendet wird, obwohl im Modellgesetz solche Straftaten genannt sind, die mit Hass oder Feindseligkeit motivierte sind. Diese Straftaten werden im Modellgesetz vom Begriff der extremistischen Tätigkeit erfasst. Es erscheint zweckgemäß, solche Taten in eine eigenständige Kategorie einzuteilen und einen für sie gemeinsamen Begriff zu formulieren. Zur Bezeichnung kann auf das Wortgefüge „Straftaten mit extremistischer Tendenz“ zurückgegriffen werden, welches bereits im russischen Strafrecht verankert ist.

Demgemäß kann festgestellt werden, dass bei der Bildung von grundlegenden normativen Regelungen zur Bekämpfung von Extremismus und Straftaten mit extremistischer Tendenz bereits wesentliche Fortschritte erzielt werden konnten. Nichtsdestotrotz bleibt die Notwendigkeit der Schaffung eines einheitlichen internationalen Rechtsakts, der die entsprechenden Begriffe und Grundmittel zur Bekämpfung von extremistischen Erscheinungen bestimmt, bis heute bestehen. Es kann davon ausgegangen werden, dass ein solcher Akt die Europäische Konvention sein wird. Vor der Ausarbeitung darf allerdings eine komplexe, vergleichende Untersuchung von Rechtsordnungen der Mitgliedsstaaten nicht außer Acht gelassen werden. Dies gilt insbesondere für den Bereich der strafrechtlichen Verfolgung von Taten mit extremistischer Tendenz und anderen Taten, die als extremistisch eingestuft werden.

8 Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

О ПОТРЕБНОСТИ УСТРАНЕНИЯ ДИСБАЛАНСА МЕЖДУ ОЦЕНКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ И НАКАЗУЕМОСТЬЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГЛАВЕ 26 УК РФ

О. Л. Дубовик,
доктор юридических наук, профессор
(ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»,
главный научный сотрудник)

В главе 26 Уголовного кодекса РФ сконцентрированы основные уголовно-правовые запреты посягательств на окружающую среду, ее компоненты и объекты. В то же время отдельные запреты содержатся и в других главах Кодекса (гл. 24, 25, 34), статьи которых устанавливают ответственность за преступления против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной нравственности, против мира и безопасности человечества. Эти запреты одновременно направлены и на защиту окружающей среды, и обеспечение экологической безопасности. Среди них можно назвать запреты ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», ст. 216 «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ», ст. 217 «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах», ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», ст. 245 «Жестокое обращение с животными», ст. 358 «Экоцид» и др. В настоящем докладе несмотря на значение перечисленных уголовно-правовых норм речь пойдет лишь о запретах по главе 26 УК РФ «Экологические преступления».

В процессе уголовно-правовой реформы, завершившейся принятием УК РФ 1996 г., вступившего в силу с 1 января 1997 г., определению

структуры главы 26 и формулированию ее статей было уделено достаточное внимание. В результате уголовное законодательство России обогатилось новеллами, воплощенными в ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», ст. 254 «Порча земли», ст. 259 «Уничтожение критических мест обитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов». Существенные изменения были внесены и в те нормы, которые регулировали ответственность за загрязнение вод, атмосферного воздуха, морской среды, за браконьерство.

Таким образом, законодатель отреагировал на возрастающую степень общественной опасности посягательств на окружающую среду, расширив круг охраняемых уголовным правом объектов. В то же время многие экологические преступления и на момент проведения реформы, и в процессе внесения изменений и дополнений в действующий УК РФ, расценивались и продолжают расцениваться как не представляющие значительной общественной опасности. Поэтому большинство из них было отнесено к категории преступлений небольшой и средней тяжести.

В соответствии со ст. 15 УК РФ, все преступления разделяются на четыре категории в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Категоризация преступлений по главе 26 УК РФ за время действия Кодекса до последнего времени изменялась незначительно. Ныне к категории преступлений небольшой тяжести относятся деяния, за которые установлена ответственность по ч. 1 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. ч. 1 и 2 ст. 249, ч. ч. 1 и 2 ст. 250, ч. ч. 1 и 2 ст. 251, ч. ч. 1 и 2 ст. 252, ч. ч. 1 и 2 ст. 253, ч. ч. 1 и 2 ст. 254, ст. 255, ч. ч. 1, 2, 3 ст. 256, ст. 257, ч. ч. 1 и 2 ст. 258, ч. 1 ст. 260, ст. 262. Как правило, это основные материальные составы преступлений и квалифицированные составы первой степени общественной опасности.

К категории преступлений средней степени тяжести относятся деяния, предусмотренные статьями 246, ч. 2 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 254, ст. 259, ч. 2 ст. 260, ч. ч. 1 и 2 ст. 261. В основном это материальные квалифицированные составы, сформулированные по признаку причинения по неосторожности смерти человека, реже — иных тяжких последствий.

К категории тяжких отнесены преступления, наказуемые по ч. 3 ст. 247, ч. 3 ст. 260, ч. ч. 3 и 4 ст. 261.

Особо тяжкими не признаются никакие экологические преступления по главе 26 УК РФ, но за экоцид, то есть за массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, установлено наказание в виде лишения свободы от 12 до 20 лет.

Анализ уголовно-правовых запретов, сопоставление санкций за их нарушение показывает, что существует явное несоответствие между общественной опасностью деяния и ее оценкой законодателем, которая выражается не только в наличии собственно запрета, но и в санкции. Например, причинение вреда в виде существенного изменения радиоактивного фона, массовая гибель животных, вред здоровью человека, иные тяжкие последствия по ст. 246, причинение по неосторожности смерти человека (части 2 и 3 ряда статей) расценены как преступления средней тяжести и наиболее суровое наказание за их совершение — это лишение свободы на срок до пяти

лет. В тоже время отдельные виды браконьерства отнесены к категории тяжких преступлений и максимальная санкция, например, по ч. 3 ст. 260 составляет лишение свободы до шести лет.

Новейшее дополнение главы 26 УК РФ, произошедшее летом этого года, т.е. введение статьи 258.1 изменило как оценку общественной опасности, так и наказуемость экологических преступлений, усилив дисбаланс между ними. Статья 258.1 «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» была введена Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ. Она гласит: 1. Незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и производных — наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет или без такового, и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

2. Деяния, описанные выше, совершенные должностным лицом с использованием своего служебного положения, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового, и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Это часть вторая. Важно, что часть первая и вторая — отнесены к категории преступлений средней тяжести.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй, совершенные организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от пяти до семи лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового. Часть третья — это тяжкое преступление.

Обращает внимание не только суровость санкций в виде лишения свободы, но и размеры штрафов (1 млн руб. — около 25 тыс. евро), которые до сего времени были значительно ниже и за другие экологические преступления установлены в размере до 200 тыс. рублей, до 300 тыс. рублей, реже более высокие, например, за исследование, поиск, разведку, разработку природных ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ, проводимых без соответствующего разрешения — от 100 до 500 тыс. рублей.

Конечно, суровость меры наказания за различные виды браконьерства, т. е. за незаконную рубку лесных насаждений, незаконную охоту, не-

законную добычу (вылов) водных биологических ресурсов смягчается позицией судов, которые склонны назначать за эти самые распространенные в России экологические преступления условное наказание.

При всей ценности таких компонентов окружающей среды как животный мир, особо охраняемые его виды, леса для охраны биоразнообразия в глобальных масштабах, для экологии и экономики России, возникший дисбаланс нуждается в устранении. Тем более, что, например, массовая гибель животных в результате нарушения правил производства работ наказуема ниже, чем незаконная добыча и оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ или охраняемых международными договорами, или незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, не говоря уже о причинении смерти человека.

По всей видимости, новеллизация УК РФ в 2013 г. требует обсуждения и разработки взвешенных предложений об изменении санкций статей гл. 26, причем, безусловно, не только и не столько в сторону их ужесточения, сколько для гармонизации степени общественной опасности деяний с мерами их наказания.

DIE NOTWENDIGKEIT DER LIQUIDATION DES UNGLEICHGEWICHTS ZWISCHEN DER BEWERTUNG DER GESELLSCHAFTGEFÄHRDUNG UND STRAFBARKEIT BEI UMWELTVERBRECHEN GEM. KAPITEL 26 STGB RF

O. L. Дубовик,

доктор юридических наук, профессор
(ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»),
главный научный сотрудник)

Im Kapitel 26 StGB RF sind alle grundlegenden strafrechtlichen Verbote der Einwirkung auf die Umwelt, ihre Komponenten und Objekte konzentriert.

Zugleich sind einige andere Verbote der Umwelteinwirkung in anderen Kapiteln des StGB (24,25, 34) enthalten. So wird in manchen Artikeln Vorgehen gegen allgemeine Sicherheit, gegen die Gesundheit der Bevölkerung und allgemeine Sittlichkeit, gegen den Frieden und Sicherheit der Menschheit sanktioniert.

Diese Verbote sind zugleich auf den Schutz der Umwelt oder die Gewährleistung der Umweltsicherheit gerichtet.

Als Beispiel kann man die Artikel 215 „Verstoß gegen die Regeln der Sicherheit auf den Objekten der Atomenergie“, Art. 216 „Verstoß gegen die Regeln der Sicherheit bei Durchführung der Berg-, Bau- und weiterer Arbeiten“, Art. 217 „Verstoß gegen die Sicherheitsbestimmungen auf explosionsfähigen Objekten“, Art. 220 „Illegaler Umgang mit Atommaterialien und radioaktiven Stoffen“, Art. 245 „Brutaler Umgang mit Tieren“, Art. 358 „Ökozid“.

In diesem Vortrag wird trotz der Bedeutung genannter Normen nur um die im Kapitel 26 enthaltene Verbote gehen.

Im Rahmen der strafrechtlichen Reform, die in der Erschaffung der StGB von 1996 (in Kraft seit 1.1.97) gemündet ist, wurde der Bestimmung der Struktur

des Kapitels 26 und der Formulierung der Artikel genügende Aufmerksamkeit geschenkt.

Im Ergebnis wurde das Strafrecht mit folgenden Novellen angereichert: 254 „Schädigung des Grundes“, 259 „Vernichtung der kritischen Lebensräume für Organismen, die in das Rote Buch der RF eingetragen sind“, 262 „Verstoß gegen das Regime der besonders geschützten Territorien und Objekte der Natur“. Wesentliche Veränderungen fanden auch bei den Normen, die Sanktionen für Verunreinigung von Luft und Meeresumwelt, sowie für die Wilderei aufstellen.

So reagierte der Gesetzgeber auf die wachsende Gefährdung der Umwelt durch Erweiterung des Kreises der strafrechtlich geschützter Objekte.

Zu gleichen Zeit wurden viele Umweltverbrechen zum Zeitpunkt der Reform und gegenwärtig unterschätzt, vor allem im Hinblick auf die bedeutsame Gefährdung der Gesellschaft.

Die Mehrheit wurde als Verbrechen der geringen bis mittleren Schwere eingestuft. Gem. Art. 15 StGB RF werden alle Verbrechen in vier Gruppen eingeteilt, abhängig vom Charakter und dem Grad der Gesellschaftsgefährdung: unschwere, mittelschwere, schwere und besonders schwere Verbrechen.

Kategorisierung der Verbrechen gem. Kap. 26 StGB RF hat sich nur wenig verändert. Nun werden zu den Verbrechen des unschweren Grades folgende

gezählt ч.1 ст. 247, ч.1 ст. 248, ч.1 и 2 ст. 249, ч.1 и 2 ст. 250, ч.1 и 2 ст. 251, ч.1 и 2 ст. 252, ч.1 и 2 ст. 253, ч.1 и 2 ст. 254, ст. 255, ч.1,2,3 ст. 256, ст. 257, ч.1 и 2 ст. 258, ч.1 ст. 260, ст. 262.

Das sind im Normalfall materielle Grundtatbestände und qualifizierte Tatbestände des ersten Grades der Gesellschaftsgefährdung.

Zu den Verbrechen der mittleren Schwere sind folgende zu zählen: 246, ч.2 ст. 247, ч.2 ст. 248, ч.3 ст. 250, ч.3 ст. 251, ч.3 ст. 252, ч.3 ст. 254, ст. 259, ч.2 ст. 260, ч.1 и 2 ст. 261. Meist sind das materielle qualifizierte Tatbestände, die das Merkmal der Herbeiführung des Todes eines Menschen (oder —seltener- anderer schweren Folgen) aufweisen.

Zu den Schwere zählen die Verbrechen, die durch Art ч.3 ст. 247, ч.3 ст. 260, ч.3 и 4 ст. 261 sanktioniert werden.

Als besonders schwer werden keine Umweltverbrechen aus dem Kapitel 26 StGB RF angesehen, aber für den Ökozid, d.h. für die Massenvernichtung von Pflanzen oder Tierwelt, Vergiftung der Atmosphäre und Gewässer oder Begehung anderer Handlungen, die fähig sind eine Umweltkatastrophe auszulösen, ist eine Sanktion in Form von Freiheitsentzug von 12 bis 20 Jahren vorgesehen.

Die Analyse der strafrechtlichen Verbote, der Sanktionenvergleich zeigen, dass ein deutliches Ungleichgewicht zwischen der Gesellschaftsgefährdung und ihrer Bewertung seitens Gesetzgeber, die sich nicht nur im Bestehen eines Verbotes, sondern auch der Sanktionsgröße äußert, besteht. So wird die Schädigung in Form der Veränderung der radioaktiven Belastung, Massensterben von Tieren, Schädigung der menschlichen Gesundheit und andere schwere Folgen gem. Art 246, sowie unvorsichtiges Töten eines Menschen (T.2 u 3) vieler Artikel als mittelschwere Verbrechen eingestuft mit 5 Jahren Freiheitsentzug bestraft.

Zugleich werden viele Arten der Wilderei als schwere Verbrechen eingestuft und mit Freiheitsstrafe bis zu 6 Jahren als maximale Sanktion bestraft (T.3 Art. 260).

Die letzte Ergänzung des Kapitels 26 StGB RF, die diesen Sommer stattfand —die Einführung des Art. 258.1 hat die Bewertung der Gesellschaftsgefährdung und auch die Strafbarkeit der Umweltverbrechen verändert und das Ungleichgewicht zwischen ihnen vergrößert.

Der Art. 258.1 „Illegaler Beschaffung und Umsatz von besonders wertvollen wilden Tieren und Was-

serbioressourcen, die zu den Arten zählen, die in das Rote Buch der RF eingetragen und (oder) durch völkerrechtliche Verträge der RF geschützt sind“ ist durch Föderales Gesetz von 2.07.2013 Nr. 150-FZ eingeführt worden.

Sie besagt, „Illegale Beschaffung, Haltung, Anschaffung, Aufbewahrung, Transport, Versenden, Verkauf von besonders wertvollen wilden Tieren und Wasserbioorganismen, oder auch ihrer Teile oder „Früchte“, die zu den Arten zählen, die in das Rote Buch der RF eingetragen und/oder durch völkerrechtliche Verträge der RF geschützt sind, wird durch Pflichtarbeit bis zu 480 Stunden, oder Besserungsarbeiten bis zu 2 Jahren oder Zwangsarbeit bis zu 3 Jahren mit Strafe bis zu 1000000 Rubl oder in Höhe des Gehaltes oder anderen Einkommens des Täters für die Zeit bis zu 2 Jahren oder ohne Strafe und mit Gefängnisstrafe bis zu einem Jahr oder ohne Gefängnisstrafe, oder mit Freiheitsstrafe bis zu 3 Jahren mit Strafe in Höhe von 1 000 000 Rubl oder in Höhe des Gehaltes für die Zeit von bis zu 2 Jahren oder ohne diese und mit Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder ohne Freiheitsstrafe.“

2. Taten, die durch Teil 1 dieses Artikels vorgesehen sind und von einer Amtsperson begangen werden, werden durch Freiheitsstrafe bis zu 5 Jahren mit Strafe bis zu 2 000 000 oder in Höhe des Gehaltes oder anderen Einkommens des Täters für die Zeit bis zu 5 Jahren oder ohne dies und mit dem Verbot bestimmte Ämter zu bekleiden oder bestimmte Tätigkeiten auszuführen bis zu 3 Jahren oder ohne dies bestraft.

3. Taten, die durch Teil 1 und 2 diesen Artikels vorgesehen sind und in einer organisierten Gruppe begangen wurden, werden durch Freiheitsstrafe von 5 bis 7 Jahren mit Strafe von bis zu 2 000 000 oder in Höhe des Gehaltes oder anderen Einkommens des Täters bis zu 5 Jahren oder ohne dies, mit Freiheitsstrafe bis zu 2 Jahren oder ohne dies und mit dem Verbot bestimmte mter zu bekleiden oder bestimmte Tätigkeiten auszuführen für bis zu 5 Jahre oder ohne dies bestraft.

Die Taten, die durch Teil 1 und 2 vorgesehen sind werden zu der Kategorie mittlerer Schwere gezählt, durch Teil 3 zu den schweren Verbrechen. Aufmerksamkeit erregt nicht nur die Höhe der Freiheitsstrafen, sondern auch die Höhe der Geldstrafe (1 000 000 Rubl sind 25 000 Euro), die bisher viel niedriger waren und für andere Umweltverbrechen bis zu 200 000, 300 000 vorgesehen sind. Selten höher von 100 000 bis 500 000 für Erforschung, Suche, Erarbeitung und so

weiter der Naturressourcen des Kontinentalen Schelf und ausschließlicher Wirtschaftszone der RF, wenn diese ohne Genehmigung durchgeführt werden.

Zudem wird die Strenge des Gesetzes für verschiedene Arten der Wilderei: illegaler Waldabbau, illegale Jagd, illegale Fischerei und ähnliches durch die Position der Gerichte aufgeweicht, die für diese in Russland sehr verbreitete Verbrechen Bewährung zu geben geneigt sind.

Bei allem Wert des Umweltbestandteils Tiere und ihrer besonders geschützte Arten, und der Wälder für die globale Artenvielfalterhalt, für die Umwelt und die Wirtschaft, benötigt dieses Ungleichgewicht eines Ausgleichs.

Vor allem, weil das Massentiersterben als Ergebnis des Verstoßes gegen Sicherheitsbestimmungen geringer bestraft wird als illegale Beschaffung und

Umsatz von Objekten der Tierwelt, die in das rote Buch eingetragen sind oder durch völkerrechtliche Verträge geschützt werden. Auch der Abbau von Wäldern, die im besonders hohen Maß begangen wurde, wird geringer bestraft, selbst wenn sie in einer Gruppe mit vorangegangener Abmachung oder einer organisierten Gruppe begangen wurde. Und auch der Tod eines Menschen als Folge wird geringer bestraft.

Die Novellierung des Kapitels 26 StGB RF bedarf einer Diskussion und der Erarbeitung ausgewogener Vorschläge über die Veränderung der Sanktionen dieses Kapitels. Dabei sollte nicht nur an Erhöhung gedacht werden, sondern vielmehr an die Harmonisierung nach dem Grad der Gesellschaftgefährdung und entsprechender Anpassung an die Höhe der Sanktionen.

НЕГАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Г. А. Есаков,

доктор юридических наук, профессор
(ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», кафедра уголовного права, заведующий)

Одним из внешне привлекательных для стороннего наблюдателя (и, возможно, ошибочным впечатлением) свойств немецкого учения об уголовно наказуемом деянии, является строгая логическая последовательность его элементов (трехчастной структуры), где позитивные и негативные признаки занимают свое место и проверяются (устанавливаются) в определенном порядке. Несколько хаотичным в сравнении с этим выглядит российская доктрина, где в контексте состава преступления, во-первых, до сих пор не решен вопрос о точном соотношении последнего с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и, во-вторых, практически не обсуждается вопрос о месте (статусе) ряда обстоятельств вне этой группы, которые наличие состава преступления исключают. Сложившаяся линия рассуждений опирается на описание состава преступления как совокупности признаков, наличие которых необходимо и достаточно для констатации преступления (ст. 8 УК РФ); при этом параллельно с описанием этих признаков указываются обстоятельства, их исключающие. Например, вменяемость исключается невменяемостью, вина — ошибкой или казусом, деяние — принуждением и т. д. Исследуемые часто мельком, а подчас забываемые, эти обстоятельства сродни темной материи в физике: о них мало что известно, но они есть и влияют на состав преступления.

Эта неопределенность в отношении указанных обстоятельств иногда затрудняет сравнительно-правовой дискурс, поскольку в ряде уголовно-

правовых систем данные обстоятельства четко обозначены и классифицированы. Так, в семье общего права обстоятельства, снимающие вопрос о преступлении, понимаются с процессуальной точки зрения как «основания защиты» (*defences*) или «утверждающие защиты» (*affirmative defenses*). Эти понятия связаны с выдвижением обвиняемым в суде в свою защиту некоего материально-правового довода (приложимого ко всем преступлениям в целом, или только к одному либо некоторым), оправдывающего или извиняющего его поведение либо же иным образом препятствующего осуждению (согласно определению Пола Х. Робинсона, «защита» означает «любой набор определенных условий или обстоятельств, которые могут предотвратить осуждение за правонарушение»¹). Обстоятельства, исключающие признаки преступления (в смысле признаков *actus reus* и *mens rea*), являются одной из разновидностей «защит»; другие «защиты» могут быть связаны также с оправданием виновного (типичный пример здесь — истечение срока давности) либо с осуждением за менее тяжкое преступление по сравнению с изначально вмененным (типичный пример здесь — осуждение за простое убийство, а не за тяжкое, вследствие доказанности «провокации»).

В немецкой литературе структурированное описание преступления предполагает существование состава преступного деяния (*Tatbestand*),

¹ Robinson P. H. Criminal Law Defenses: A Systematic Analysis // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. № 2. P. 203.

элементы противоправности (*Rechtswidrigkeit*) и вины (*Schuld*) («преступление... есть таким образом соответствующий составу деяния, противоправный и обладающий виной поступок»²); соответственно, анализу подвергаются также две группы признанных наукой и практикой обстоятельств, исключающих противоправность и виновность, к числу которых относятся, в частности, необходимая оборона, крайняя необходимость, невменяемость, ошибка. В качестве примера описания логически последовательного соотношения элементов: «Соответствие составу деяния указывает на противоправность, что означает: поступок, соответствующий составу деяния, является противоправным, если не вмешивается такое создающее правомерность основание (разрешающий факт), как необходимая оборона и т. д.»³; далее, проверка противоправности происходит через посредство чисто негативного метода — через установление того, не присутствует ли в деянии создающее правомерность основание⁴; «...проверка вины происходит принципиально негативным способом: соответствующее составу и противоправное деяние является обладающим виной», если не наличествует исключаящее вину или извинительное обстоятельство⁵.

В российской литературе наблюдаются лишь единичные попытки анализа рассматриваемых обстоятельств. В старых работах встречаются упоминания о причинах, устраняющих вменяемость, объект преступного деяния, виновность и т. д.⁶ (Нельзя здесь не проследить определенное немецкое влияние: в хорошо известном переведенном на русский язык учебнике его автор писал о четырех признаках в понятии (общем составе) «преступного деяния» и отсутствии этих признаков как основаниях, исключающих наказуемость⁷.) В современных источниках, будучи знаком с немецким опытом и находясь несомненно под его определенным влиянием, А. Э. Жалинский писал о том, что «при оценке действия должны быть установлены негативные признаки действия, т.е.

отсутствие обстоятельств, исключающих осознанность и волевой характер действия»⁸.

По нашему мнению, все обстоятельства, исключающие состав преступления, могут быть сведены в единый уголовно-правовой конструкт, который можно именовать «негативные признаки состава преступления», противопоставляя их «позитивным» признакам состава преступления. Их отличительные особенности представляются следующими.

Во-первых, наличие негативного признака исключает соответствующий позитивный признак и, как следствие, исключает состав преступления. Это предопределяет соотношение негативных признаков с обстоятельствами, исключаящими преступность деяния; в данном случае мы сталкиваемся с двухступенчатой проверкой преступности деяния: на первом этапе рассматриваем, не присущи ли содеянному негативные признаки, тогда как на втором — при отрицательном выводе по итогам первого, — исследуем нет ли в содеянном обстоятельстве, исключающих преступность деяния. Во избежание излишней теоретической дискуссии можно, пожалуй, окончательно закрепить тезис о том, что в деянии, совершаемом при наличии обстоятельств, исключающих его преступность, есть все признаки состава преступления, но его преступность исключается в силу прямого указания уголовного закона⁹. Поэтому лицо, не достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и действующее в состоянии необходимой обороны, подлежит оправданию за отсутствием в деянии состава преступления — вопрос о необходимой обороне обсуждать в данном контексте можно, но излишне. (К сожалению, вводящими в заблуждение представляются положения УПК РФ, сложно соотносимые с материальным уголовным правом: им выделяются такие основания к прекращению уголовного дела, как отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления (п. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), что, с одной стороны, разделяет признаки состава преступления на два пункта, но, с другой, сое-

2 Krey V. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1: Grundlagen, Tatbestandsmäßigkeit, Rechtswidrigkeit, Schuld. Stuttgart, etc., 2001. Rn. 214.

3 Ibid. Rn. 216.

4 См.: Ibid. Rn. 217.

5 Ibid. Rn. 222.

6 См., например, по тексту: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. В 2 т. Т. I. Тула, 2001.

7 См.: Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с нем. Ф. Ельяшевич; с предисл. М. В. Духовского. М., 1903. С. 120.

8 Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. I: Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2011. С. 390.

9 При этом вопрос о том, корректен ли действующий список обстоятельств, исключающих преступность деяния, и не содержит ли он фактически негативных признаков (например, непреодолимого физического принуждения (ч. 1 ст. 40 УК РФ)), оставляется открытым.

диняет в признаке отсутствия состава преступления и собственно последнее, и наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния. В дополнение к асистемному подходу ст. 24 УПК РФ в п. 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, дополнительно указывается еще и на виновность в совершении преступления, которая судами понимается и как вина в смысле субъективной стороны преступления, и как просто доказанность состава преступления в целом.)

Во-вторых, негативные признаки состава преступления, как правило, «негативно презюмируются». Иными словами, вывод об их наличии темпорально вторичен по отношению к позитивным признакам состава преступления: субъект, совершающий деяние, презюмируется вменяемым, действующим с требуемыми сознанием и волей. Более того, даже вывод о наличии вины как правило первичен в сравнении с вопросом о казусе или ошибке (т. е. прежде чем поставить вопрос о последних на рассмотрение, вначале всегда ставится вопрос о небрежности или иной форме вины). Обусловлено это редкостью негативных признаков: деяние в большинстве случаев совершается сознательно и вменяемо, с представлением о его социальной сущности и возможных последствиях и т. д.

В ряде уголовно-правовых систем, тесно связывающих вопросы материального уголовного права с процессом, это оформилось в своего рода презумпции вменяемости, сознательности и т. п., когда бремя доказывания противоположных фактов (т. е. негативных признаков состава преступления в нашем понимании) переносится на обвиняемого полностью или частично. Так, в семье общего права бремя доказывания применительно к «защитам» возлагается, как правило, на обвиняемого. Примером приведенного распределения бремени доказывания между об-

винением и защитой может служить «защита» невменяемости: согласно формулирующим ее «Правилам МакНатена» 1843 г., «во всех процессах присяжных следует инструктировать, что каждый человек презюмируется вменяемым и обладающим достаточной мерой разумности, чтобы отвечать за свои преступления, до тех пор, пока противное не будет доказано с убедительностью для них (т. е. для присяжных. — Г. Е.)»¹⁰. В английской судебной практике это положение истолковывается как возлагающее на обвиняемого бремя доказывания невменяемости на основе стандарта «баланса возможностей».

Однако и вне рамок уголовного процесса даже в континентальном уголовном праве дискуссия как правило строится на презумптивности отсутствия оправдывающих или извинительных обстоятельств. Например, господствующее мнение в немецкой литературе полагает, что соответствие составу деяния (*Tatbestandsmäßigkeit*) уже указывает на противоправность, а наличие первых двух элементов уже предполагает третий, т. е. вину¹¹.

Перечень негативных признаков состава преступления можно выстроить исходя из общего перечня признаков состава преступления, хотя не ко всем из них можно подобрать «негативную пару» (так, например, мотив и цель совершения преступления либо есть, либо нет, и в связи с ними не существует негативных признаков). Возможные сложности здесь просматриваются в связи с некоторыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния, добровольным отказом от совершения преступления (ст. 31 УК РФ) и малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14 УК РФ), но это требует отдельного анализа.

В целом же выделение понятия негативных признаков состава преступления поможет уточнению последней теоретической конструкции в целом.

¹⁰ M'Naghten's Case, 10 Cl. & F. 200, 210, 8 Eng. Rep. 718, 722 (H.L. 1843).

¹¹ См., например: Gropp W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Berlin, etc., 1998. § 6, Rn. 1, 10–11; Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Straftat und ihr Aufbau. 28., neubearb. Aufl. Heidelberg, 1998. Rn. 122, 394.

NEGATIVE TATBESTANDSMERKMALE

Professor Gennady A. Esakov,

Doktor der Rechtswissenschaften (д. ю. н.), Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht, Hochschule der Wirtschaft an der Nationalen Forschungsuniversität (Russland)

Für einen außenstehenden Betrachter stellt sich eine Eigenschaft der deutschen Deliktsaufbaulehre als besonders ansprechend dar, wobei dieser Eindruck sich möglicherweise als irreführend herausstellen könnte. Gemeint ist vorliegend die strenge logische Stufenfolge der Deliktelemente, der dreistufige Deliktsaufbau, wo positive und negative Tatbestandsmerkmale einen eigenen Prüfungsplatz haben und deren Vorliegen oder Nichtvorliegen gesondert festgestellt wird. Etwas chaotisch sieht dagegen die russische Deliktsaufbaudogmatik aus. Zum einen gibt es im Kontext des Tatbestandes bis heute keine einheitliche Meinung zur genauen Abgrenzung des Tatbestandes und der Umstände, die die Strafbarkeit ausschließen. Zum anderen wird die Frage zur Stellung der tatbestandausschließenden Merkmale im Deliktsaufbau praktisch nicht gestellt. Die herrschende Meinung in der Wissenschaft stützt sich auf die Beschreibung des Tatbestandes als Gesamtheit der Merkmale, deren Vorliegen notwendig und ausreichend ist, um eine Straftat festzustellen (Art. 8 UK RF). Bei der Beschreibung der Tatbestandsmerkmale werden zugleich die tatbestandsausschließenden Umstände genannt. So wird die Schuldfähigkeit durch die Schuldunfähigkeit, Schuld durch Irrtum oder Gewohnheitsrecht und die Tat durch Zwang ausgeschlossen. Aufgrund der mangelnden Erforschung geraten diese Umstände häufig in Vergessenheit und gleichen der dunklen Materie in der Physik. Über sie ist also wenig bekannt, sie existieren aber und beeinflussen den Tatbestand.

Die Unbestimmtheit hinsichtlich genannter Umstände erschwert teilweise eine rechtsvergleichende Diskussion, da diese Umstände in anderen Rechtssystemen

klar definiert und klassifiziert sind. So werden im Common Law die strafbarkeitsausschließenden Umstände gemäß den allgemeinen Grundsätzen als *defences* oder *affirmative defenses* im prozessualen Sinne verstanden. Diese Begriffe sind mit der gerichtlichen Geltendmachung eines materiell-rechtlichen Einwandes zur eigenen Verteidigung verbunden, der hinsichtlich einer bestimmten Straftat oder jeglicher Straftaten geltend gemacht werden kann. Dieser Einwand rechtfertigt oder entschuldigt die Tat oder verhindert die Verurteilung in sonstiger Weise (gem. der Definition von Paul H. Robinson bedeutet „die Verteidigung jedes Vorliegen von bestimmten Umständen oder Bedingungen, die die Verurteilung wegen Rechtsverletzung verhindern können“¹). Umstände, die die Tatbestandsmerkmale ausschließen (im Sinne der Merkmale *actus reus* und *mens rea*), stellen eine Art der „Verteidigung“ dar. Andere Verteidigungen können sich auf den Freispruch des Angeklagten (typisches Beispiel dafür ist die Verjährung) oder die Verurteilung für die Begehung einer minder schweren Tat, wenn der Täter wegen einer schwereren Tat angeklagt war (typisches Beispiel ist die Verurteilung wegen Totschlags und nicht wegen Mordes), beziehen.

Die deutsche Strafrechtswissenschaft setzt bei der strukturierten Beschreibung der Tat das Vorliegen des Tatbestandes, der Rechtswidrigkeit und der Schuld voraus („Eine Straftat, ..., ist also ein tatbestandsmäßiges, rechtswidriges und schuldhaft-

¹ Robinson P. H. Criminal Law Defenses: A Systematic Analysis // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82, № 2. P. 203.

tes Verhalten²). Dementsprechend werden bei der Prüfung zwei Gruppen der — von Wissenschaft und Praxis anerkannten — Umstände herangezogen, die die Rechtswidrigkeit und Schuld ausschließen. Zu solchen gehören Notwehr, Notstand, Schuldunfähigkeit, Irrtum. Als Beispiel für die Beschreibung des folgerichtigen Verhältnisses von Deliktselementen lässt sich anführen, dass die „Tatbestandsmäßigkeit auf die Rechtswidrigkeit hinweist, was bedeutet, dass die tatbestandsmäßige Handlung rechtswidrig ist, wenn kein Rechtfertigungsgrund (Erlaubnissatz) i.S.v. Notwehr usw. vorliegt“³. Demgemäß erfolgt die Prüfung der Rechtswidrigkeit mittels Negativprüfung bzw. Feststellung, ob bei der Begehung der Tat ein Rechtfertigungsgrund vorlag⁴. „Die Prüfung der Schuld erfolgt grundsätzlich durch die Negativfeststellung, ob die tatbestandsmäßige und rechtswidrige Handlung auch schuldhaft begangen worden ist“. Dies ist dann der Fall, wenn keine Entschuldigungsgründe oder entschuldigenden Umstände vorliegen⁵.

In der russischen Wissenschaft lassen sich lediglich einzelne Versuche beobachten, welche die hier thematisierten Umstände analysieren. In den älteren Werken sind Bemerkungen zu den Gründen zu finden, die die Schuldfähigkeit, das Tatobjekt oder die Schuld usw. ausschließen⁶. Dabei ist eindeutig der deutsche Einfluss zu erkennen. In der bekannten russischen Übersetzung hat der Lehrbuchautor vier Merkmale im Begriff des Tatbestandes unterschieden und das Fehlen von strafbarkeitsausschließenden Umständen vorausgesetzt⁷. In den neueren Werken schrieb A. È. Žalinskij, der sich mit deutscher Erfahrung auskannte und sicherlich unter ihrem Einfluss stand, dass „bei der rechtlichen Prüfung der Tat auch ihre negativen Merkmale festgestellt werden müssen“. Unter den negativen Merkmalen verstand er die „Umstände, die die Einsichtsfähigkeit und Willentlichkeit bei der Handlungsausführung ausschließen“⁸.

Nach vorliegend vertretener Ansicht können alle tatbestandsausschließenden Umstände zu einem

einheitlichen strafrechtlichen Konstrukt zusammengeführt werden. Diese Rechtsfigur könnte man als „negative Merkmale des Tatbestandes“ bezeichnen und diese den „positiven“ Tatbestandsmerkmalen gegenüberstellen. Folgende Besonderheiten sind für das Konstrukt kennzeichnend:

1. Das Vorliegen des negativen Merkmals schließt das entsprechende positive Merkmal und folglich auch den Tatbestand aus. Dies führt zur Vorbestimmung des Verhältnisses zwischen den negativen Merkmalen und strafbarkeitsausschließenden Umständen. In diesem Fall liegt eine zweistufige Deliktsprüfung vor. D.h. zuerst muss festgestellt werden, ob bei der Tat negative Merkmale vorkommen. Im zweiten Schritt wird auf der Grundlage des ersten negativen Ergebnisses geprüft, ob strafbarkeitsausschließende Umstände vorliegen. Zur Vermeidung einer ausufernden theoretischen Diskussion könnte man annehmen, dass beim Vorliegen strafbarkeitsausschließender Umstände zwar alle Tatbestandsmerkmale gegeben sind. Die Strafbarkeit der Tat wird jedoch durch das Gesetz ausgeschlossen⁹. Deswegen haben z.B. die Handlungen einer strafmündigen Person in einer Notwehrlage keine strafrechtliche Relevanz, da der Tatbestand nicht erfüllt ist. Die Normen des Strafprozesskodexes [im Folgenden: UPK RF] stellen sich im Kontext leider als irreführend dar, weil sie nur schwer mit dem materiellen Recht in Einklang zu bringen sind. Bei den Umständen, die zur Einstellung des Strafverfahrens führen, unterscheiden sie nur zwischen dem Nichtvorliegen eines strafrechtlich relevanten Vorgangs und der Nichterfüllung des Straftatbestandes (Art. 24 Abs. 1 Nr. 1,2 UPK RF). Einerseits führt dies zur zweifachen Differenzierung der Tatbestandsmerkmale, andererseits zur Vereinheitlichung durch das Merkmal der Nichterfüllung des Straftatbestandes und des Vorliegens der strafbarkeitsausschließenden Umstände. Diese hinsichtlich der Gesetzessystematik inkonsequente Vorgehensweise in Art. 24 UPK RF wird dadurch erschwert, dass Art. 299 Abs. 1 Nr. 4 UPK RF auf die schuldhafte Begehung der Tat hinweist. Das schuldhafte Begehen wird jedoch von den Gerichten sowohl als Schuld im subjektiven Sinne als auch als Beweisbarkeit des Tatbestandes als Ganzes gewertet.

2. Die negativen Tatbestandsmerkmale werden in der Regel „negativ vorausgesetzt“. Mit anderen

2 Krey V. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1: Grundlagen, Tatbestandsmäßigkeit, Rechtswidrigkeit, Schuld. Stuttgart, etc., 2001. Rn. 214.

3 Ibid. Rn. 216.

4 Siehe: Ibid. Rn. 217.

5 Ibid. Rn. 222.

6 Siehe z.B. im Text von: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. В 2 т. Т. I. Тула, 2001.

7 Siehe: фон-Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с нем. Ф. Ельшевич; с предисл. М. В. Духовского. М., 1903. С. 120.

8 Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. I: Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2011. С. 390.

9 Dabei bleibt die Frage offen, ob der Katalog der strafbarkeitsausschließenden Umstände in der Form korrekt ist oder ob er auch negative Merkmale enthält (z.B. unüberwindlicher physischer Zwang (Art. 40 Abs. 1 UK RF)).

Worten erfolgt die Feststellung über ihr Vorliegen erst nach der Prüfung und ggf. nach Bejahung der positiven Tatbestandsmerkmale. Zunächst wird vermutet, dass das Tatsubjekt schuldfähig, willentlich und mit erforderlicher Einsichtsfähigkeit gehandelt hat. Darüber hinaus hat auch die Schlussfolgerung über ein schuldhaftes Handeln primär zu erfolgen. Erst danach sind die Fragen nach den möglichen Irrtümern zu stellen (d.h. die Prüfung der fahrlässigen oder anderen Schuldform wird diesen Fragen vorangestellt). Diese Vorgehensweise ist durch das eher seltene Vorkommen von negativen Tatbestandsmerkmalen bedingt. Die Begehung der Tat erfolgt in der Regel willentlich und mit erforderlicher Einsichtsfähigkeit im Bewusstsein ihrer sozialen Bedeutung und möglichen Folgen.

In mehreren Strafrechtssystemen, die materielle Rechtsfragen eng mit prozessualen verknüpfen, hat sich eine Art der Schuldfähigkeits- bzw. Einsichtsfähigkeitsvermutung herausgebildet. Gleichzeitig liegt die Beweislast der — dieser Annahme entgegenstehenden — Umstände (nach unserem Verständnis also negative Tatbestandsmerkmale) zum Teil oder gänzlich bei dem Beschuldigten. Im Common Law liegt die Beweislast hinsichtlich *defences* in der Regel bei dem Angeklagten. Als Beispiel für die Aufteilung von Beweislast zwischen Ankläger und Verteidigung kann *defences* der Schuldunfähigkeit dienen. Gemäß der Formulierung in den „McNathan-Regeln“ von 1843 „müssen die Geschworenen in jedem Prozess darüber belehrt werden, dass jeder Mensch als schuld- und einsichtsfähig anzusehen ist. Somit kann er für seine Straftaten zur Verantwortung gezogen werden. Dies gilt so lange, bis das Gegenteil für sie [für die

Geschworenen, Anm. des Autors] überzeugend bewiesen ist.“ In englischer Rechtsprechung wird diese Regelung als Verschiebung der Beweislast hinsichtlich der Schuldunfähigkeit auf den Angeklagten ausgelegt. Dies geschieht auf der Grundlage der „Balancemöglichkeiten“.

Jedoch auch außerhalb des prozessualen Rahmens entwickelt sich die Diskussion sogar im kontinentalen Strafrecht auf der Grundlage der widerlegbaren Vermutung, dass Rechtfertigungs- oder Entschuldigungsgründe nicht gegeben sind. So nimmt die herrschende Meinung in der deutschen Literatur an, dass die Tatbestandsmäßigkeit auf die Rechtswidrigkeit hinweist und das Vorliegen der ersten zwei Deliktselemente bereits das dritte Element (d.h. die Schuld) impliziert²¹.

Die Aufzählung negativer Tatbestandsmerkmale könnte in der Weise aufgebaut werden, dass man als Anknüpfungspunkt jeweils ein positives Tatbestandsmerkmal heranzieht. Allerdings würde nicht jedes Merkmal einen „negativen Partner“ erhalten (z.B. Absicht und Beweggrund der Tatbegehung lassen sich nicht an ein negatives Merkmal anknüpfen; entweder liegen sie vor oder sind nicht gegeben). Mögliche Schwierigkeiten könnten sich auch im Zusammenhang mit strafbarkeitsausschließenden Umständen ergeben, so bei einem freiwilligen Rücktritt vom Versuch (Art. 31 UK RF) und dem Begatteldelikt (Art. 14 Abs. 2 UK RF). Die These erfordert jedoch eine genaue Analyse.

Insgesamt lässt sich feststellen, dass die Hervorhebung des Begriffs negativer Tatbestandsmerkmale die Präzision der gesamten Rechtsfigur wesentlich erleichtern wird.

²¹ Siehe z.B.: Gropp W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Berlin, etc., 1998. § 6, Rn. 1, 10–11; Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Straftat und ihr Aufbau. 28., neubearb. Aufl. Heidelberg, 1998. Rn. 122, 394.

ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

О. А. Зайцев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего
профессионального образования РФ (НОУ ВПО «Московская академия
экономики и права», проректор по научной работе)

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹, введен в действие с 1 июля 2002 года и является значительным достижением современного законодательства. Сделан крупный шаг на пути укрепления судебной власти, развития демократических основ уголовного судопроизводства, укрепления правовых гарантий личности. При этом в большинстве случаев учтены достижения отечественной науки и законодательства, международный опыт по государственному противодействию преступности.

Следует отметить, что с момента введения УПК РФ в действие и до настоящего времени в его адрес высказано довольно много обоснованных критических замечаний со стороны ученых и практических работников. Действительно, УПК РФ далек от совершенства, изобилует существенными неточностями, а порой и весьма сомнительными нормативными положениями. Не случайно в незначительный период времени, как до введения в действие УПК РФ, так и в ходе его применения, на законодательном уровне было внесено более 500 различных дополнений и изменений. Тем самым мы обошли «показатели» устаревшего УПК РСФСР 1960 года, в который за время его действия, как известно, было внесено свыше 400 дополнений и изменений.

Изменения коснулись и института задержания, осуществляемого в связи с совершением преступления. Согласно российскому законодательству уголовно-процессуальное задержание применяется исключительно в отношении подозреваемого. Им признается любое физическое лицо:

- в отношении которого возбуждено уголовное дело (по основаниям и в порядке, предусмотренном гл. 20 УПК РФ);
- которое задержано по подозрению в совершении преступления (в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ),
- к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения (в порядке ст. 100 УПК РФ),
- которое уведомлено о подозрении в совершении преступления (в соответствии со ст. 223-1 УПК РФ).

Основания задержания перечислены в ст. 91 УПК РФ. К ним относятся случаи, когда:

- лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него;
- потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;
- на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Кроме перечисленных оснований, лицо может быть задержано и при наличии иных данных (на-

¹ Далее — УПК РФ.

пример, информации, полученной оперативным путем), дающих основание подозревать его в совершении преступления или это лицо пыталось скрыться или не имеет постоянного места жительства, что может сделать затруднительным работу на начальном этапе предварительного следствия, когда не установлена личность лица, а также, если в отношении лица направлено в суд в установленном законом порядке ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Определенное сходство с российским институтом уголовно-процессуального задержания имеет институт временного задержания, предусмотренный Уголовно-процессуальным кодексом Федеративной Республики Германии².

В соответствии с §127 УПК ФРГ, выделяются следующие виды задержания:

- задержание «ин флагранти» для обеспечения личного присутствия обвиняемого;
- задержание для обеспечения установления личности;
- задержание любым гражданином, а также официальное задержание прокуратурой и полицией для обеспечения установления личности (абз. 1 предл. 2 в сочетании §163 b/c УПК ФРГ);
- официальное задержание для обеспечения заключения под стражу или помещение в лечебное учреждение (абз. 2).

В российском уголовно-процессуальном праве выделяют фактическое и юридическое задержание. Фактическое задержание означает захват лица и принудительное его доставление в орган дознания, дознавателю или следователю. Его могут осуществить как работники правоохранительных органов, так и потерпевшие, очевидцы преступления или иные любые граждане. Право юридического (уголовно-процессуального) задержания принадлежат только должностному лицу или органу, наделенному данными полномочиями (органу дознания, дознавателю, следователю).

В уголовном процессе Германии также как и в России имеет место «общевожможное задержание», которое позволяет любому гражданину, в том числе и потерпевшему, произвести фактическое задержание лица, застигнутого при совершении преступления или преследуемого по горячим следам. «Общевожможное задержание»

имеет целью обеспечение уголовного преследования, когда имеется подозрение в том, что это лицо попытается скрыться или личность предполагаемого преступника не может быть установлена сразу. В свою очередь задержание «ин флагманти» возможно для сотрудников полиции, прокуроров и финансовых органов.

Необходимо также отметить, что в российском уголовно-процессуальном праве, как и в уголовном процессе Германии, застигнутым при совершении преступления является лицо, которое застали на месте преступления или в непосредственной близости от него при совершении противоправного деяния или непосредственно после его совершения. Также допускается задержание по «горячим» следам, когда, несмотря на удаление подозреваемого с места преступления, убедительные факты подтверждают его причастность к противоправному деянию. Например, когда на подозреваемом, на его одежде или при нем, будут обнаружены явные следы преступления; когда потерпевшие или очевидцы, которые непосредственно наблюдали как совершалось противоправное деяние, укажут на задерживаемого, как на лицо, совершившее преступление.

Под попыткой скрыться в российском уголовно-процессуальном праве понимается реальная возможность уклонения от органа дознания и предварительного следствия (уехать с места жительства или с места пребывания, уволиться с работы, сняться с воинского или регистрационного учета и т. п.). Личность подозреваемого считается неустановленной, когда у него отсутствуют соответствующие документы, а проверить сообщаемые им сведения не представляется возможным, или когда в представленных им документах имеются следы материального подлога (травления, подчистки, исправления, дописки и т. п.).

Лицо считается задержанным с момента фактического его задержания, т. е. с момента, когда лицо удерживается с применением физического насилия или без такового, и лишается свободы распоряжаться своим передвижением.

Порядок задержания подозреваемого в России установлен ст. 92 УПК РФ. Остановимся на нем более подробно. Задержание оформляется протоколом, который составляется не позднее трех часов с момента доставления задержанного. Протокол задержания должен иметь обяза-

² Далее — УПК ФРГ.

тельный элемент — это фиксация разъяснения задержанному его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Кроме того, в протоколе указываются дата и время его составления, дата, время, место, основания и мотивы задержания, результаты личного обыска и иные обстоятельства задержания (например, лицо пыталось оказать сопротивление при задержании). Протокол подписывается лицом, его составившим и задержанным, который может зафиксировать в протоколе свои заявления и указать возражения.

В произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь с момента задержания не позднее 12 часов в письменном виде обязаны сообщить прокурору. Подозреваемый должен быть допрошен в течение 24 часов с момента его фактического задержания. Подозреваемому по его просьбе гарантируется обеспечение свидания с защитником наедине и конфиденциально, которое может быть ограничено при необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого. Однако в любом случае продолжительность свидания не должно быть менее двух часов. Временное ограничение свидания обусловлено тем, что срок задержания является кратковременным, и за этот период

обвинение должно выяснить причастность или непричастность задержанного к совершенному преступлению.

Доказывание вины лежит на стороне обвинения, поэтому подозреваемый не обязан доказывать свою невиновность и должен быть освобожден, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления; отсутствуют основания применения в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу; задержание было произведено с нарушением требований закона, предусмотренных ст. 91 УПК РФ. По истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении него не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания для представления дополнительных доказательств при решении вопроса об избрании меры пресечения, но не более чем на 72 часа.

При непоступлении в место содержания подозреваемого постановления судьи в течение 48 часов с момента фактического задержания, лицо должно быть немедленно освобождено, о чем уведомляются орган дознания или следователь, в производстве которых находится дело, и прокурор.

RECHTSFIGUR DER FESTNAHME NACH DEUTSCHEM UND RUSSISCHEN STRAFPROZESSRECHT

Professor Oleg. A. Zayzev,

Doktor der Rechtswissenschaften (Д. ю. н.), verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Ehrenmitarbeiter der beruflichen Hochschulbildung der Russischen Föderation, Prorektor für Forschung an der Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht (Russland)

Der Strafprozesskodex der Russischen Föderation¹ ist am 1. Juli 2002 in Kraft getreten und stellt eine bedeutende Errungenschaft der modernen Gesetzgebung dar. Der neue Strafkodex unterstützt die Stärkung der Judikativen Gewalt, Entwicklung demokratischer Grundlagen im Strafprozessrecht, Festigung von Persönlichkeitsrechten der Menschen. Bei der Erarbeitung des Gesetzeswerkes wurden zum großen Teil die Erkenntnisse russischer Wissenschaft und Gesetzgebung sowie auch internationale Erfahrung in der Kriminalitätsbekämpfung berücksichtigt.

Bemerkenswert erscheint der Umstand, dass seit dem Inkrafttreten des UPK RF bis heute das Gesetzeswerk mehrmals zum Objekt stichhaltiger Kritik wurde. Tatsächlich ist der UPK RF nicht vollkommen, enthält mehrere wesentliche Ungenauigkeiten und zum Teil auch zweifelhafte Normativbestimmungen. Nicht zufällig wurden daher innerhalb eines kurzen Zeitraumes, sowohl vor dem Inkrafttreten des UPK RF als auch im Verlauf seiner Anwendung, mehr als 500 verschiedener Ergänzungen und Änderungen vorgenommen. Somit wurde die Anzahl vorgenommener Änderungen im UPK der Russischen Sozialistischen Föderativen Sowjetrepublik (RSFSR), welches während seiner gesamten Geltungsdauer etwa 400 Mal geändert bzw. ergänzt wurde, übertroffen.

Die Rechtsfigur der Festnahme wurde ebenfalls von den vorgenommenen Änderungen erfasst. Ge-

mäß dem russischen Strafprozessrecht wird (vorläufige) Festnahme ausschließlich gegenüber einem Verdächtigen angewendet. Tatverdächtig ist jede natürliche Person, wenn folgende Voraussetzungen vorliegen:

— Gegen die Person wurde gem. den Normen des 20. Kapitels UPK RF ein Ermittlungsverfahren eingeleitet;

— Die Person wurde als tatverdächtig gem. Art. 91, 92 UPK RF gestellt,

— Gegen die Person wurde bis zur Anklageerhebung eine vorbeugende Maßnahme gem. Art. 100 UPK RF angeordnet,

— Die Person wurde gem. Art. 223¹ UPK RF über den bestehenden Tatverdacht unterrichtet.

Die Voraussetzungen der vorläufigen Festnahme sind in Art. 91 UPK RF enthalten. Zu ihnen zählen auch folgende Umstände:

— Die Person wurde auf frischer Tat oder unmittelbar nach der Tatbegehung betroffen;

— Die Geschädigten oder Zeugen identifizieren die Person als Täter;

— Im Gesicht oder auf der Kleidung, im Gewahrsam oder in der Wohnung der betroffenen Person wurden eindeutige Tatspuren entdeckt.

Neben den angeführten Voraussetzungen kann eine Person auch dann festgenommen werden, wenn die Strafverfolgungsbehörden über Angaben verfügen (z.B. im Laufe einer verdeckten Ermittlung gewonnenen Informationen), die den Tatverdacht begründen.

¹ Im Folgenden: UPK RF.

Ein Fluchtversuch des Tatverdächtigen sowie das Fehlen des ständigen Wohnsitzes erschweren die Durchführung eines Ermittlungsverfahrens insbesondere in dem Fall, wenn eine Identitätsfeststellung nicht erfolgen konnte. Dies gilt auch dann, wenn gegen die Person ein Haftbefehl ausgestellt wurde.

Es ist eine gewisse Ähnlichkeit zwischen den Rechtsfiguren der vorläufigen Festnahme im russischen und deutschen Strafprozessrecht zu verzeichnen. §127 StPO differenziert folgende Voraussetzungen der vorläufigen Festnahme:

- Festnahme des Täters in flagranti zur vorläufigen Anwesenheitssicherung des Beschuldigten;
- Festnahme zur Identitätsfeststellung;
- Festnahmeberechtigt ist jedermann und auch identifizierungssichernde amtliche Festnahme durch Staatsanwaltschaft und Polizei (§127 I S.2 iVm §§163b, 163 c StPO);
- Amtliche Festnahme bei Gefahr in Verzug, wenn die Voraussetzungen eines Haftbefehls (§§112, 112a, 113 StPO) oder eines Unterbringungsbefehls (§126a StPO) vorliegen (§127 II StPO).

Im russischen Strafprozessrecht wird zwischen der faktischen und juristischen Festnahme unterschieden. Faktische Festnahme bedeutet Stellung der betroffenen Person sowie eine, unter Zwang erfolgte Beförderung der Person in die Räumlichkeiten der Ermittlungsbehörde. Zur faktischen Festnahme sind Mitarbeiter der Strafverfolgungsbehörden, Geschädigten, Zeugen einer Straftat oder anderen anwesenden Personen berechtigt. Über die Berechtigung zur juristischen Festnahme (strafprozessuale Festnahme) verfügen ausschließlich Amtsträger oder dazu ermächtigte Behörden (Ermittlungsbehörde, Ermittlungsbeamte).

Sowohl im deutschen als auch im russischen Strafprozessrecht gibt es das Rechtsinstitut des „Jedermann-Festnahmerechts“, das jedem Bürger, einschließlich der Geschädigten, ermöglicht, die faktische Festnahme zu vollziehen. Es gilt dann, wenn der Täter auf frischer Tat betroffen wurde oder verfolgt wird. Das Jedermann-Festnahmerecht bezweckt die Gewährleistung der Strafverfolgung in dem Fall, wenn ein begründeter Fluchtverdacht sowie Gefahr besteht, dass die Identifizierung des Täters erschwert oder gar unmöglich wird. Zur Festnahme des Täters in flagranti sind dagegen nur Polizisten, Staatsanwälte oder Mitarbeiter der Finanzbehörden berechtigt.

Man möchte auf den Umstand hinweisen, dass die Definition des Begriffs „auf frischer Tat

betroffen oder verfolgt“ im russischen und deutschen Strafprozessrecht übereinstimmt. Ein Täter ist dann auf frischer Tat betroffen, wenn er am Tatort oder in unmittelbarer Nähe, während der Tatbegehung oder unmittelbar danach gestellt wurde. Zulässig ist auch die Festnahme während der Verfolgung einer „heißen Spur“. Eine solche liegt vor, wenn der Täter zwar nicht mehr am Tatort angetroffen wurde, aber eindeutige Tatsachen gegeben sind, die seine Beteiligung an der Straftat bestätigen. Es könnten z.B. Tatspuren an dem Täter selbst, an seiner Kleidung oder in seinem Gewahrsam entdeckt bzw. festgestellt werden. Es können auch Geschädigte oder Zeugen sein, die die Tatbegehung unmittelbar beobachtet haben und die Person als Täter identifizieren können.

Unter einer Fluchtgefahr wird im russischen Strafprozessrecht eine tatsächliche Möglichkeit verstanden, die dem Täter die Gelegenheit bietet, sich der Ermittlungsbehörde und dem Ermittlungsverfahren zu entziehen (Wechsel des Wohnsitzes, Kündigung des Arbeitsverhältnisses, Nichteinhaltung der Meldepflichten). Die Identität des Verdächtigen gilt dann als nicht festgestellt, wenn er sich nicht ausweisen und eine entsprechende amtliche Bestätigung seiner Angaben nicht erfolgen kann. Sollte sich herausstellen, dass die vorgelegten Dokumente Manipulationsspuren aufweisen, gilt die Identität der Person ebenfalls als nicht festgestellt.

Die Person gilt ab dem Moment ihrer faktischen Stellung als festgenommen, d.h. ab dem Zeitpunkt, ab dem sie ohne oder durch die Anwendung des physischen Zwangs festgehalten wird und nicht mehr über ihre Fortbewegungsfreiheit verfügt.

Das Festnahmeverfahren im russischen Strafprozessrecht bestimmt sich nach Art. 92 UPK RF. Die Festnahme wird in einem Protokoll festgehalten, welches nicht später als 3 Stunden nach der Festnahme des Verdächtigen ausgestellt wird. Das Festnahmeprotokoll muss über einen obligatorischen Bestandteil, und zwar die Bestätigung über die Rechtsbelehrung des Festgenommenen gem. Art. 46 UPK RF, verfügen. Außerdem sollen im Protokoll Datum und Uhrzeit seiner Ausstellung, Datum, Uhrzeit, Ort, Gründe der Festnahme, Ergebnisse der persönlichen Durchsuchung und andere Umstände (z.B. Leistung des Widerstands bei der Festnahme) festgehalten werden. Das Protokoll wird von der ausstellenden Person und dem Festgenommenen unterschrieben. Der Betroffene hat die Möglichkeit, seine Forderungen und Einwände im Protokoll festhalten zu lassen.

Die Ermittlungsbehörden sind verpflichtet, den Staatsanwalt schriftlich und nicht später als 12 Stunden nach der erfolgten Festnahme über die Festnahme zu informieren. Der Verdächtige wird innerhalb 24 Stunden nach der faktischen Festnahme vernommen. Der Verdächtige hat das Recht auf ein persönliches und vertrauliches Treffen mit seinem Verteidiger. Dieses Recht kann jedoch beim Erfordernis der Durchführung des Strafprozessverfahrens in zeitlicher Hinsicht begrenzt werden. Allerdings darf die Dauer des Treffens 2 Stunden nicht unterstreiten. Die zeitliche Begrenzung ist durch die kurze Dauer der Festnahme bedingt. Während dieser Zeit muss die Anklage die Mitwirkung des Festgenommenen an der Straftat oder das Gegenteil davon feststellen.

Die Anklage muss den Beweis für die Schuld des Festgenommenen führen. Aus diesem Grund ist der Verdächtige nicht verpflichtet seine Unschuld zu beweisen. Sollte sich der Anfangsverdacht nicht

bestätigen, muss er freigelassen werden. Dasselbe gilt auch, wenn die Voraussetzungen für die Anordnung vorbeugender Maßnahmen nicht vorliegen, die Festnahme unter Verstoß der in Art. 91 UPK RF genannten Voraussetzungen erfolgte und somit gesetzeswidrig ist. Nach dem Ablauf von 48 Stunden muss der Festgenommene freigelassen werden, wenn die Anordnung über die Anwendung vorbeugender Maßnahme nicht erteilt wurde. Das Gericht kann die Festnahmedauer auf die 72 Stunden erhöhen, wenn zusätzliche, für die Entscheidung über die Anordnung vorbeugender Maßnahmen erhebliche Beweise innerhalb dieser Zeit vorgelegt werden können.

Sollte innerhalb von 48 Stunden nach der faktischen Festnahme kein richterlicher Beschluss erlassen worden sein, ist die Person unverzüglich freizulassen. Die zuständige Ermittlungsbehörde sowie der Staatsanwalt sind darüber entsprechend zu informieren.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО УК РФ И УК ФРГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. Н. Ильяшенко,

доктор юридических наук, профессор, полковник полиции
(ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации», заместитель начальника
по научной работе)

В современных условиях наблюдается тенденция роста напряженности между представителями различных социальных групп населения, объединенных признаками принадлежности к определенной расе, национальности, религии и т. д. При этом, данная напряженность нередко выливается в конфликты различного рода, зачастую имеющие общественно опасный характер. Серьезную озабоченность вызывают факты агрессии, обусловленные миграционными процессами, когда места традиционного проживания представителей одних национальностей, вероисповеданий, заселяются некоренными жителями.

Актуальность противодействия экстремистской деятельности обостряется с каждым годом. И это характерно как для России, с ее многонациональным и многоконфессиональным населением, так и для Европы, переживающей интенсивный приток иностранцев. В этой связи все отчетливее проявляется предупредительный потенциал уголовного законодательства, которое призвано оградить личность, общество и государство от наиболее крайних проявлений нетерпимости между представителями различных социальных групп.

В Российской Федерации данным вопросам в последнее время уделяется немало внимания, в том числе и на уровне законодательства. Значительным изменениям подвергся Уголовный кодекс, реформирование которого в этой части было

обусловлено стремлением минимизировать проявления экстремизма. На сегодняшний день УК РФ содержит значительное количество предписаний относительно запрещения экстремистской деятельности и преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем, представляется целесообразным провести сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за такие преступления по УК РФ и УК ФРГ.

Действующий УК РФ содержит определение преступлений экстремистской направленности, согласно которому таковыми признаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В УК ФРГ подобные дефиниции отсутствуют.

В УК РФ, также как и в УК ФРГ, уголовно-правовые запреты преступлений экстремистской направленности не сконцентрированы в каком-либо специальном разделе уголовного закона. В российском уголовном законодательстве ряд предписаний в этой сфере размещен в главе о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. Так, ст. 282 УК РФ установлена ответственность за совершение действий,

направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации.

Подобный уголовно-правовой запрет сформулирован в §130 УК ФРГ в разделе 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка», где определено наказание для лица, которое «способом, могущим нарушить общественное спокойствие, разжигает ненависть против части населения или призывает к насилию (актам произвола против нее); или посягает на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения».

Сопоставительный анализ указанных норм позволяет обратить внимание, прежде всего, на неодинаковый подход к размещению уголовно-правовых запретов на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Но при этом сложно охарактеризовать один из подходов более предпочтительным. Российский законодатель сделал акцент на том, что такие деяния направлены на общественные отношения, складывающиеся в связи обеспечением недопущения дискриминации, гарантированные Конституцией РФ. Между тем, неоспоримым является тот факт, что рассматриваемые проявления экстремистской деятельности безусловно нарушают общественный порядок.

Если в ст. 282 УК РФ прописывается принадлежность потерпевшего к определенному полу, расе, национальности, языку, происхождению, отношению к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, то в §130 УК ФРГ дискриминируемая сторона обозначена как «часть населения». Германский вариант видится более лаконичным и сохраняющим при этом смысловую нагрузку, идентичную соответствующим признакам в ст. 282 УК РФ.

Вместе с тем, в ч. 2 §130 УК ФРГ законодатель, наряду с признаком «часть населения», использует указание на национальную, расовую, религиозную группу или группу, определяемую какими-либо признаками народности. Думается, что одновременное использование обозначенных признаков является не вполне оправданным.

Несколько в более выигрышном свете представлено описание признаков объективной стороны преступления в §130 УК ФРГ, где вместо признака «вражда», используемого в ст. 282 УК РФ, законодатель оперирует признаками призывов к насилию или актам произвола. Термин «вражда» характеризуется избыточной оценочностью, образующей почву для произвольного толкования норм уголовного закона.

Следует отметить, что самостоятельной нормой германского УК регламентирована ответственность за изготовление, распространение, публичную демонстрацию экстремистских материалов (ч. 2 §130 УК ФРГ). По российскому УК лишь некоторые из перечисленных действий при наличии иных необходимых признаков могут быть квалифицированы как возбуждение ненависти либо вражды.

Примечательная норма предусмотрена в ч. 3 §130 УК ФРГ, где установлена ответственность за публичное одобрение, оспаривание или преуменьшение серьезности геноцида. При этом обязательным условием наличия состава преступления выступает факт совершения данного деяния лицом, руководствующимся идеями национал-социализма. В российском уголовном законе аналога такой нормы не предусмотрено, следовательно, совершение такого деяния само по себе ненаказуемо. Однако уголовная ответственность наступает, если лицо публично призывает к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Вместе с тем, имеются основания утверждать, что нормы об ответственности за деяния в виде одобрения экстремистских идей и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности выступают специальными нормами по отношению к ч. 1 §130 УК ФРГ и ст. 282 УК РФ. Поэтому отсутствие подобных норм компенсируется соответствующими общими предписаниями.

Ввиду того, что преступления экстремистской направленности зачастую совершаются в составе различных объединений людей, уголовным законодательством РФ закреплена ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ).

В свою очередь, германский законодатель также признает данные деяния уголовно наказуемыми. При этом сравнительно-правовой анализ демонстрирует более гибкий подход, реализован-

ный в УК ФРГ. Во-первых, в этом нормативном правовом акте соответствующие положения размещены в отдельной главе под наименованием «Угроза демократическому правовому государству». Во-вторых, запреты деятельности экстремистских организаций охватываются более общими нормами, устанавливающими наказуемость деятельности любых противоправных организаций. Так, §84 УК ФРГ предусматривает уголовную ответственность за продолжение деятельности партии, объявленной антиконституционной. Отдельной нормой закреплена ответственность за деятельность иных объединений (§85 УК ФРГ).

Научный интерес представляют используемые в §85 УК ФРГ формулировки относительно признаков общественно опасных объединений. В частности, в п. 1 ч. 1 §85 УК ФРГ указывается на наличие однозначного решения (и вероятно документального) о том, что конкретная партия или объединение являются подобными запрещенной партии. При этом, в п. 2 этого же параграфа имеется ссылка на то, что конкретное объединение «однозначно запрещено, так как оно выступает против конституционного порядка или против идеи взаимопонимания между народами». В этой связи можно сделать вывод о том, что в случаях, когда деятельность определенного объединения направлена против конституционного порядка или против идеи взаимопонимания между народами, то оно автоматически является запрещенным. Уголовная ответственность за организацию деятельности экстремистской организации наступает

по УК РФ лишь при условии наличия вступившего в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Представляется, что рассмотренное предписание УК ФРГ в большей степени соответствует требованию адекватности современным вызовам экстремизма. Ведь, как известно, процедура судебных разбирательств нередко занимает продолжительное время, в течение которого деятельность экстремистской организации может наносить урон охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Отличительной чертой УК РФ в рассматриваемом сравнительно-правовом контексте необходимо признать нормативное закрепление экстремистских мотивов в качестве конструктивных (ч. 1 ст. 213 УК РФ) или квалифицирующих признаков многих преступлений (ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК РФ и др.), непосредственно не связанных с экстремистской деятельностью. Данный подход не применен в УК ФРГ.

Таким образом, нормативная регламентация средств уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности в УК РФ и в УК ФРГ имеет ряд схожих моментов. В целом, наказуемость подобных общественно опасных деяний признана в обоих государствах. При этом сравнительно-правовое исследование норм об уголовной ответственности за экстремистские преступления выступает предпосылкой для дальнейшего совершенствования механизма предупреждения данных преступлений.

STRAFBARKEIT EXTREMISTISCHER STRAFTATEN NACH DEUTSCHEM UND RUSSISCHEM STRAFRECHT: EINE RECHTSVERGLEICHENDE ANALYSE

Professor Aleksej N. Ilyaschenko,

Doktor der Rechtswissenschaften (Д.Ю.Н.), Professor, stellvertretender Leiter für wissenschaftliche Arbeit an der Krasnodarer Universität des Innenministeriums (Russland)

Unter gegenwärtigen Bedingungen lässt sich die Steigerungstendenz von Anspannungen zwischen Vertretern verschiedener sozialer Bevölkerungsgruppen beobachten. Die jeweiligen sozialen Gruppen lassen sich nach Merkmalen der Abstammung, Nationalität, Religion usw. voneinander abgrenzen. Die Anspannung führt nicht selten zu Konflikten verschiedener Art, die oft einen allgemeingefährlichen Charakter haben. Ernste Sorgen bereiten solche Aggressionserscheinungen, die durch Migrationsprozesse bedingt wurden. Sie sind insbesondere dort zu beobachten, wo in den Wohnraum einheimischer Bevölkerung, die mehrheitlich einer Ethnie und Religion angehört, ein Zuzug von Menschen aus anderen Ländern stattfindet.

Die Aktualität der Extremismusbekämpfung verschärft sich von Jahr zu Jahr. Dies gilt sowohl für Russland mit seiner multinationalen und multireligiösen Bevölkerung als auch für Europa, das einen intensiven Zuzug von Ausländern erlebt. Umso mehr wird in dem Zusammenhang das präventive Potenzial von Strafgesetzen deutlich, die auf den Schutz von Personen, der Gesellschaft und des Staates ausgerichtet sind. Darüber hinaus haben sie die Aufgabe, Extremerscheinungen von Intoleranz zwischen verschiedenen sozialen Gruppen zu verhindern.

Den aufgeworfenen Fragen wird in der Russischen Föderation seit einigen Jahren viel Aufmerksamkeit gewidmet. Dies gilt auch für die gesetzgeberische

Ebene. Im Strafkodex wurden wesentliche Veränderungen durchgeführt, wobei die Reformen in dieser Hinsicht durch dem Zweck bedingt waren, die Extremismuserscheinungen zu minimieren. Gegenwärtig enthält der UK RF eine bedeutende Anzahl von Normen, die extremistische Tätigkeiten und extremistische Straftaten verbieten. Somit stellt sich die Zweckmäßigkeit einer rechtsvergleichenden Analyse von Strafbarkeit dieser Taten nach dem UK RF und dem StGB als geboten dar.

Der geltende Strafkodex der RF definiert extremistische Straftaten als Taten, die aus politischem, ideologischem, nationalem, rassischem oder religiösem Hass oder Feindseligkeit gegenüber einer sozialen Gruppe begangen wurden und durch die entsprechenden Normen des Besonderen Teils des UK RF sowie Art. 63 Abs. 1 Lit. «e» unter Strafe gestellt sind. Das StGB enthält dagegen keine entsprechenden Definitionen.

Sowohl im UK RF als auch im StGB sind die strafrechtlichen Verbote von extremistischen Taten nicht in einem gesonderten Abschnitt oder Kapitel enthalten. Im russischen Strafkodex ist eine Reihe von Vorschriften im Kapitel über Straftaten gegen verfassungsrechtliche Staatsgrundlagen und die Staatssicherheit zu finden. So ist im Art. 282 UK RF die Strafbarkeit der Taten festgehalten, die auf Hass- oder Feindseligkeitsverbreitung gerichtet sind und die Erniedrigung der Würde eines einzelnen

Menschen oder einer Gruppe von Personen bezwecken. Die Entwürdigung geschieht aufgrund der Geschlechts- oder Nationalitäts-, Rassenzugehörigkeit, Sprache, Abstammung, Einstellung gegenüber einer Religion, Zugehörigkeit zu einer sozialen Gruppe und findet in der Öffentlichkeit oder durch die Benutzung von Massenmedien statt.

Ein ähnliches strafrechtliches Verbot ist in § 130 StGB formuliert. Er befindet sich im Siebenten Abschnitt „Straftaten gegen die öffentliche Ordnung“ und stellt solche Handlungen des Täters unter Strafe, die geeignet sind, den öffentlichen Frieden zu stören, und zwar in der Weise, dass der Täter „...“

1. Zum Hass gegen Teile der Bevölkerung aufstachelt oder zu Gewalt- oder Willkürmaßnahmen gegen sie auffordert oder

2. Die Menschenwürde anderer dadurch angreift, dass er Teile der Bevölkerung beschimpft, böswillig verächtlich macht oder verleumdet...“

Eine gegenüberstellende Analyse der angeführten Normen ermöglicht vor allem die Feststellung, dass die Herangehensweise an die Platzierung strafrechtlicher Verbote der Hass- oder Feindseligkeitsverbreitung sowie der Erniedrigung der Menschenwürde unterschiedlich ist. Dabei stellt es sich als schwierig dar, die eine oder die andere Herangehensweise als vorzugswürdiger zu bezeichnen. Der russische Gesetzgeber betonte den Umstand, dass solche Taten öffentliche Beziehungen angreifen, die im Zusammenhang mit der Diskriminierungsverhinderung entstehen und durch die Verfassung der Russischen Föderation geschützt und gewährleistet sind. Jedoch bleibt dabei die Tatsache unbestritten, dass die betrachtenden Erscheinungen extremistischer Tätigkeit zweifellos auch die öffentliche Ordnung stören.

Art. 282 UK RF beschreibt die Angehörigkeit des Betroffenen zu einem bestimmten Geschlecht, einer bestimmten Nationalität, Rasse, seine Sprache, Abstammung, Einstellung zur Religion sowie Zugehörigkeit zu einer sozialen Gruppe. In § 130 StGB ist das der Diskriminierung ausgesetzte Objekt ein „Teil der Bevölkerung“. Dabei stellt sich die deutsche Variante lakonischer dar. Sie weist aber einen identischen Inhaltsgehalt wie Art. 282 UK RF auf.

Der deutsche Gesetzgeber nutzt neben dem Tatbestandsmerkmal „Teile der Bevölkerung“ den Hinweis auf die nationale, rassische, religiöse oder durch ihr Volkstum bestimmte Gruppe in § 130 Abs. 2 StGB. Fraglich ist, ob die Verwendung aller bezeichneten Merkmale sich auch als geboten erweist.

Die anderen objektiven Tatbestandsmerkmale des § 130 StGB stellen sich als besser gelungen dar. Anstatt des in Art. 282 UK RF verwendeten Merkmals „Feindseligkeit“ verwendet der deutsche Gesetzgeber das Merkmal der Aufforderung zu Gewalt- und Willkürmaßnahmen. Der Begriff „Feindseligkeit“ ist durch übermäßige Wertigkeit gekennzeichnet und dadurch für eine willkürliche Auslegung anfällig.

Man möchte anmerken, dass die Strafbarkeit für die Verbreitung, öffentliche Ausstellung, Vorführung oder Zugänglichmachung von extremistischen Schriften in einem eigenen Tatbestand geregelt ist, § 130 Abs. 2 StGB. Nach dem UK RF können nur einzelne von den genannten Handlungen als Hass- und Feindseligkeitsverbreitung gewertet werden. Die Voraussetzung dafür ist allerdings das Vorliegen von weiteren notwendigen Tatbestandsmerkmalen.

Eine bemerkenswerte Regelung enthält § 130 Abs. 3 StGB, der die Strafbarkeit für die öffentliche Billigung, Verleumdung oder Verharmlosung der während der NS-Herrschaft begangenen Verbrechen normiert. Die Tathandlungen setzen gewissermaßen voraus, dass das Tatsubjekt sich von den Ideen des Nationalsozialismus leiten lässt. Das russische Strafgesetz enthält keine ähnliche Norm, so dass solches Verhalten nach russischem Recht nicht strafbar ist. Jedoch ist die Handlung dann als strafrechtlich relevant zu bezeichnen, wenn der Täter zur extremistischen Tätigkeit aufruft, Art. 280 UK RF.

Zugleich scheint die Schlussfolgerung begründet, dass die Tatbestände der Billigung extremistischer Ideen und des Aufrufs zu extremistischer Tätigkeit Spezialtatbestände der § 130 Abs. 1 StGB und Art. 282 UK RF sind. Demzufolge wird das Fehlen entsprechender Tatbestände durch die allgemeinen Normen kompensiert.

Aufgrund des Umstands, dass extremistische Straftaten oft durch verschiedene Personenvereinigungen begangen werden, hat der russische Strafgesetzgeber die Strafbarkeit für die Bildung einer extremistischen Vereinigung, Art. 282¹ UK RF, und die Tätigkeitsorganisation einer extremistischen Vereinigung, Art. 282² UK RF, normiert.

Der deutsche Gesetzgeber betrachtet solche Handlungen ebenfalls als strafwürdig. Dabei zeigt die rechtsvergleichende Analyse, dass die Herangehensweise an eine Problemlösung im StGB wesentlich flexibler ist. Erstens befinden sich die entsprechenden Rechtsvorschriften im gesonderten Abschnitt „Gefährdung des demokratischen Rechtsstaates“.

Zweitens fallen die Tätigkeitsverbote für extremistische Vereinigungen in den Anwendungsbereich der allgemeinen Rechtsvorschriften, die die Fortführung einer verfassungswidrigen Vereinigung unter Strafe stellen. So normiert § 84 StGB die Strafbarkeit der Fortführung einer für verfassungswidrig erklärten Partei. Der Verstoß gegen ein Vereinigungsverbot ist in einem eigenen Tatbestand des § 85 StGB unter Strafe gestellt.

Von großem wissenschaftlichen Interesse sind die in § 85 StGB verwendeten Formulierungen hinsichtlich der Merkmale gesellschaftsgefährlicher Vereinigungen. Nach § 85 Abs. 1 Nr. 1 StGB muss im Verfahren nach § 33 Abs. 3 des Parteiengesetzes unanfechtbar festgestellt worden sein, dass es sich bei der Partei oder Vereinigung um eine Ersatzorganisation einer verbotenen Partei handelt. § 85 Abs. 1 Nr. 2 enthält einen Hinweis auf das unanfechtbare Verbot der Vereinigung, weil sie sich gegen die ver-

fassungsmäßige Ordnung oder gegen den Gedanken der Völkerverständigung richtet.

Im rechtsvergleichenden Kontext zeichnet sich UK RF dadurch aus, dass die extremistischen Absichten, die nicht unmittelbar mit extremistischer Tätigkeit verbunden sind, als konstruktive (Art. 213 Abs. 1 UK RF) und qualifizierende Merkmale (Art. 105, 111, 112, 115, 116 UK RF) differenziert werden. Im StGB findet diese Vorgehensweise keine Anwendung.

Abschließend kann festgehalten werden, dass die normative Reglementierungen strafrechtlicher Mittel zur Bekämpfung der extremistischen Straftaten im UK RF und im StGB einige Gemeinsamkeiten aufweisen. Die Strafbarkeit solcher gesellschaftsgefährlicher Straftaten ist in beiden Staaten anerkannt. Eine rechtsvergleichende Analyse bildet dabei eine Voraussetzung zur Weiterentwicklung und Verbesserung des Präventionsmechanismus hinsichtlich extremistischer Straftaten.

НОВЕЛЛЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н. Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор
(ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», кафедра уголовного права, начальник)

Классификация преступных деяний необходима для более тщательной дифференциации уголовной ответственности по различным основаниям. Она представляет собой разграничение преступных деяний на отдельные категории в зависимости от выбранного критерия.

Более всего для реализации уголовной ответственности необходима классификация преступных деяний в зависимости от их тяжести, которая выражена в типовой санкции и предусматривает специфические для каждой категории уголовно-правовые последствия. Такая классификация имеет значение для построения многих институтов и норм Общей и Особенной части УК РФ.

Подобная классификация не является изобретением отдельного человека, это есть объективный инструментарий, важный не только для разграничения понятий и категорий в различных областях науки, но и для получения нового знания о тех или иных явлениях и предметах. Это подтверждается и тем, что данный метод изучения и анализа в действительности широко применяется учеными и практиками, в том числе и при изучении юридических наук и в процессе применения правовых норм в различных правовых системах. Так, в Англии преступления по степени опасности до 1967 г. подразделялись на следующие категории: особо опасные преступления (treasons), к которым относились государст-

венная измена, посягательство на особу короля; опасные преступления — фелонии (felonies), как правило связанные с насильственными посягательствами на личность и собственность, предусматривающие суровые наказания; менее опасные преступления — мисдиминоры (misdemeanors), к которым относились все иные преступления. Такая классификация влияла в основном на процессуальный порядок расследования и рассмотрения дела. С 1967 г. преступления стали делиться на измену и прочие. Степень опасности деяния является критерием классификации с процессуальной точки зрения. На основе данного критерия выделялись две группы: преступления, дела о которых рассматриваются с соблюдением процедуры, требующей обвинительного акта (indictable offences), и с участием присяжных; преступления, дела о которых рассматриваются в упрощенном порядке (summary offences). Это деление весьма условно, т. к. английскому праву известны и так называемые «смешанные», «гибридные» преступления, для которых выбор процедуры судебного разбирательства зависит от стороны обвинения или самого обвиняемого. Существует и классификация по процессуальному признаку: к первой группе относились преступления, при совершении которых подозреваемый может быть подвергнут до суда аресту (arrestable offences), за совершение которых может быть назначено наказание

свыше 5 лет лишения свободы; ко второй группе отнесены преступления, за совершение которых арест не применяется (*nonarrestable offences*)¹.

В уголовном законодательстве США, которое состоит из Примерного УК и УК штатов, сложилась довольно подробная классификация преступных посягательств. В основе данной классификации лежит степень опасности деяния, которая увязывается с наказанием в виде лишения свободы. Предпочтение отдано типовой санкции, а в статьях о конкретных преступлениях упоминается лишь категория посягательства без указания санкции. Кроме того, не применяется классификация всех составов преступлений по родовому и видовому объектам.

Примерный УК США содержит нормы о делении всех посягательств на преступления и нарушения. Преступления подразделяются на фелонии (*felony*), мисдиминоры (*misdemeanor*) и малые мисдиминоры. Фелонии бывают 3-х степеней: 1-й степени наказывается тюрьмой от 1 до 10 лет, либо пожизненно (альтернатива — смертная казнь); 2-й степени — тюрьмой на срок 1–3 до 10 лет; 3-й степени — от 1–2 до 5 лет. Мисдиминоры наказуемы лишением свободы до 1 года, а малые мисдиминоры — до 30 дней. Нарушения могут повлечь только штраф или другую имущественную меру². Следует заметить, что типовые санкции определены не совсем удачно, что может вызвать трудности в применении уголовного закона. Более детальную классификацию предусматривает УК Нью-Йорка, а с 1984 года — Свод законов США (его 18-й раздел).

Правовое значение такой классификации заключается в различной уголовно-процессуальной квалификации, в условиях отбывания наказания, в потере многих прав и привилегий (запрещение участия в выборах, в занятии ряда должностей). Данная классификация уже более четко закрепляет принцип дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне, позволяет сузить рамки судейского произвола.

По УК Франции, который был принят в 1992 г. основная классификация преступных деяний закреплена в ст. 111-1: «Преступные деяния классифицируются в соответствии с их тяжестью на

преступления, проступки и нарушения». Законодатель использует так называемый материальный критерий — тяжесть деяний, которая включает форму вины и меру наказания. Таким образом, УК Франции выделяет три категории преступных деяний. Преступлениями (*crimes*) считаются умышленные деяния, за совершение которых назначается пожизненное либо срочное лишение свободы. Проступками (*delits*) признаются умышленные или неосторожные деяния (о преступности неосторожных деяний должна быть специальная оговорка в соответствующих нормах УК), за совершение которых возможно тюремное заключение до 10 лет. Нарушениями (*contraventions*) следует считать умышленные и неосторожные деяния, наказуемые только штрафом либо ограничением прав³. Данная классификация является очень важной для других институтов уголовного права. Она лежит в основе системы наказаний, определяет правила привлечения к уголовной ответственности за неоконченное преступление и за соучастие. Покушение на преступление, как правило, наказуемо всегда, покушение на проступок — только в случаях, предусмотренных законом. Таким образом, законодатель подчеркивает большую опасность преступления и проступка. Покушение на нарушение не наказуемо.

Проведена дифференциация ответственности и для случаев совершения преступных деяний в соучастии. При этом соучастие наказуемо применительно к преступлениям и проступкам, а при совершении нарушений только тогда, когда это оговорено в нормативном акте⁴.

Необходимо отметить значение вышеуказанной категоризации преступных деяний для института давности и реабилитации. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения наказания зависят от категории деяния. Реабилитация как специальная процедура возможна только для лиц, совершивших преступления или проступки. Категория деяния влияет и на применение различных норм, связанных с назначением наказания. Кроме уголовно-правового значения классификация преступных деяний по УК Франции имеет и процессуальное значение. Для преступлений предварительное

1 Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран. М., 1997. С. 69.

2 Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 138.

3 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999. С. 157; Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М., 1996.

4 Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993.

расследование всегда обязательная процедура, для проступков — в случаях, указанных в законе. При совершении нарушений предварительное расследование проводится только по инициативе прокуратуры.

Разграничение преступных деяний на категории предопределяет всю систему правоохранительных органов Франции и предметную компетенцию юрисдикционных органов. Преступления рассматриваются судом присяжных, проступки — исправительным трибуналом, нарушения — полицейским трибуналом⁵.

УК ФРГ, принятый в 1975 г., закрепляет в §12 деление всех преступных деяний на преступления и проступки. Преступное деяние (Straftat) является понятием материального уголовного права. В процессуальном смысле употребляется, прежде всего, понятие деяние (Tat). УК ФРГ (§12) выделяет два вида преступных деяний: преступление и проступок. При этом в основу такого деления положен чисто формальный признак — минимальный размер наказания. Так, преступлением являются противоправные деяния, за которые предусмотрено как минимальное наказание лишение свободы на срок не менее одного года и более строгое наказание, а проступком — противоправное деяние, за которое как минимальное наказание предусмотрено лишение свободы на более краткий срок или денежный штраф (Geldstrafe).

Преступлениями (Verbrechen) признаются противоправные деяния, за которые предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года и более строгое наказание. Проступками (Vergehen) являются противоправные деяния, за которые предусмотрено лишение свободы на срок менее одного года или штраф⁶. Вместе с тем, законодатель подчеркнул, что отягчающие и смягчающие обстоятельства, предусмотренные положениями Общей части УК ФРГ для особо тяжких или менее тяжких случаев, не имеют значения для данной классификации. Таким образом, классификация учитывает не форму вины, а только вид и размер наказания. Отсутствует прямая зависимость между категориями деяний и иными уголовно-правовыми институтами. Классификация никак не связана с процессуальным рассмотрением уголовных дел. В специальной литературе подчеркиваются

ее некоторые достоинства: облегчает и упрощает редакцию статей Общей части УК, позволяет одним кратким термином заменить перечни деяний, дает возможность более точно систематизировать нормы Особенной части⁷.

Необходимо отметить, что классификация преступлений в зависимости от их тяжести впитала в себя идеи различных правовых систем, но не следует забывать, что и дореволюционное уголовное право России до 1917 г. во многом заимствовало положения Баварского уголовного уложения 1813 г. (которое унаследовало трехчленное деление преступных деяний из уголовного кодекса Наполеона 1810 г. (Code pénal)). Нельзя забывать, что под воздействием Уголовного кодекса Франции 1810 г. и Баварского уголовного уложения 1813 г. к 30-м годам XIX в. практически во всех странах Западной Европы развернулся бурный процесс кодификации уголовного законодательства. Эти идеи были восприняты и в России.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации (УК РФ 1996 г.) предусматривает деление преступных деяний на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Но в УК РФ классификация по данному основанию имеет важное правовое и процессуальное значение, а также играет особую роль для криминологии и уголовно-исполнительного права.

Следует сказать о повышении общественного внимания и внимания ученых и практиков (особенно в странах бывшего СССР) к проблеме выделения в УК деяния в форме уголовного проступка. Например, в проекте новелл УК Республики Казахстан намечены изменения в институте категоризации преступных деяний (предлагается выделить категорию уголовных проступков, к которым могли бы быть отнесены часть административных деликтов, рассматриваемых в судебном порядке, а также ряд преступлений небольшой тяжести и прежде всего преступления, за совершение которых сейчас предусмотрено наказание, не связанное с изоляцией от общества либо лишение свободы на срок до 1 года). Такая категория преступных деяний, по мнению авторов реформы, потребует адаптации к ней системы наказаний и всех иных уголовно-правовых институтов, а также разработки новых мер уголовно-правового воздействия

5 Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Указ. соч. С. 73.

6 Уголовное право буржуазных стран. М., 1990. С. 227.

7 Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Указ. соч. С. 73.

(например, назначение наказания за совершение уголовного проступка не должно иметь своим последствием судимость, а в рамках уголовно-процессуального законодательства потребуется также упрощенный порядок расследования и рассмотрения судами дел об уголовных проступках, что, в свою очередь, положительно отразится на оперативности их разрешения и восстановления нарушенных прав и свобод).

В рамках российского уголовного законодательства также появились новеллы в институте категоризации преступных деяний. Это связано и с включением большего количества преступлений средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести, а также с передачей права суду в особых случаях понижать категорию тяжести преступления, что, несомненно, окажет влияние на все правовые последствия для виновных лиц. Во-первых, это влияет на улучшение правового положения осужденного в части вида режима исправительного учреждения, исчисления сроков давности, определения вида рецидива, изменения режима отбывания наказания, освобождения от уголовной ответственности, сроков погашения или снятия судимости и т. п.). Во-вторых, данное решение повлияет на пересмотр вступивших в силу судебных решений по жалобе лица, ходатайствующего о применении к нему более льготных положений ст. 15 УК РФ. В-третьих, изменения коснутся и норм процессуального права.

Усиливаются позиции тех специалистов, которые предлагают ввести в УК РФ категорию уголовных проступков (споры ведутся по названию категории, по значению для построения других уголовно-правовых и процессуальных институтов). Конечно, могут быть большие проблемы. Например, введение уголовного проступка повлечет или может повлечь применение обратной силы закона в сторону смягчения и необходимо будет пересмотреть огромное количество уголовных

дел и приговоров, вступивших в законную силу. Более того, сложно определить основное: какие деяния перевести в проступки, по каким критериям (наиболее часто предлагается убрать санкцию в виде лишения свободы за подобные деяния).

Предложения ученых пока не отличаются единством. Многие специалисты склоняются к таким положениям:

— покушение на проступок не должно быть наказуемым по УК;

— уголовный проступок должен быть признан наказуемым только при умышленной форме вины;

— соучастие наказуемо применительно к преступлениям, а применительно к уголовному проступку ответственность за соучастие оговаривается в соответствующей норме;

— определить особые условия ответственности за уголовный проступок для несовершеннолетних;

— назначение наказания за совершение уголовного проступка не должно иметь своим последствием судимость;

— более дифференцированно подходить к освобождению от уголовной ответственности и от наказания (наиболее льготный режим установить для лиц, виновных в совершении уголовных проступков);

— необходимо изменить подследственность и подсудность, заключение под стражу, как меру пресечения, необходимо применять только для умышленных преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений;

— сроки дознания по делам об уголовных проступках должны быть минимальными, а сам процесс быть более упрощенным.

Как представляется, такие реформы необходимы для российского уголовного законодательства, они позволят более тщательно дифференцировать ответственность и индивидуализировать наказание.

GESETZESNOVELLEN ZUR EINTEILUNG DER DELIKTE IM RUSSISCHEN STRAFRECHT

Professor Nikolaj G. Kadnikov,

Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaft (Д. ю. н.)

Wenn bei der Begehung der Tat verschiedene Umstände zusammentreffen, ist für die sorgfältige Differenzierung der Strafbarkeit eine Klassifizierung der Delikte erforderlich. Die Klassifizierung ermöglicht die gegenseitige Abgrenzung einzelner Delikte und deren Einteilung in Kategorien. Darüber hinaus ist sie vom ausgewählten Abgrenzungsmaßstab abhängig.

Zur effektiven Strafverfolgung ist die Einteilung der Delikte nach deren Schwere notwendig. Die im Grundtatbestand vorgesehene Sanktion fungiert als Ausdruck der Tatschwere. Durch die Unterteilung der Delikte werden jedoch für jede Deliktskategorie die jeweiligen spezifischen strafrechtlichen Folgen berücksichtigt. Eine solche Klassifikation ist vor allem für den Aufbau von mehreren strafrechtlichen Strukturen sowie Normen im Allgemeinen und Besonderen Teil des Strafkodex der Russischen Föderation [im Folgenden: *UK RF*] von Bedeutung.

Die thematisierte Kategorisierung stellt keine Erfindung eines einzelnen Menschen dar. Es handelt sich dabei um ein objektives Instrumentarium, welches nicht nur zur Abgrenzung von Begriffen und Kategorien in verschiedenen wissenschaftlichen Bereichen zur Anwendung kommt, sondern auch zur Erlangung neuen Wissens über Erscheinungen und Objekte dient. Die genannte Untersuchungsmethode findet eine sehr breite Anwendung durch Wissenschaftler und Praktiker auch in der Rechtswissenschaft. Eine besondere Bedeutung gewinnt sie bei der Anwendung von Rechtsnormen im jeweiligen Rechtssystem.

Als Beispiel dazu lässt sich England anführen, wo Strafdelikte bis 1967 in folgende Kategorien unterteilt wurden: (1) Besonders gefährliche Straftaten (treasons), zu denen Hochverrat und Anschlag auf den König gehörten; (2) gefährliche Straftaten (felonies), bei denen es sich in der Regel um Gewaltverbrechen und Straftaten gegen das Vermögen handelte und deren Begehung harte Sanktionen zur Folge hatte; (3) minder gefährliche Straftaten (misdemeanors), zu welchen alle anderen Straftaten zählten. Diese Unterteilung beeinflusste im Wesentlichen die prozessuale Ermittlungs- und Verhandlungsordnung. Ab 1967 wurden die Delikte lediglich in zwei Kategorien unterteilt: Hochverrat und andere Straftaten. Der Grad der Gefährlichkeit fungierte dann als Klassifikationsmaßstab im prozessualen Sinne. Stellte man auf diesen Maßstab ab, so konnte man zwei Gruppen differenzieren: Taten, die die Durchführung einer bestimmten Verfahrensart erforderten und somit eine Anklageerhebung (indictable offences) und Teilnahme von Schöffen bedürften; zu der zweiten Gruppe gehörten die Straftaten, die in einem vereinfachten Verfahren verhandelt wurden (summary offences). Allerdings muss bedacht werden, dass diese Unterteilung eher bedingten Charakter hatte und dem englischen Recht auch sog. „gemischte“ oder „hybride“ Straftaten bekannt sind, bei denen die Anwendung jeweiliger Verfahrensarten von der Wahl der Staatsanwaltschaft oder des Angeklagten selbst abhängt. Darüber hinaus gab es auch eine Unterteilung nach

dem prozessualen Merkmal: zur ersten Gruppe gehörten die Straftaten, deren Begehung Verhaftung und vorläufige Festnahme für den Verdächtigen nach sich zog (arrestable offences). Diese Straftaten sahen als Straffolge eine Freiheitsstrafe ab 5 Jahren vor. Zu der anderen Gruppe wurden alle Straftaten zugewiesen, bei deren Begehung keine Verhaftung und vorläufige Festnahme des Verdächtigen angeordnet wurde (non-arrestable offences).¹

Im Strafrecht der USA, das aus dem Primären Strafgesetzbuch (Penal Code) und den Strafgesetzbüchern der Bundesstaaten besteht, entstand eine ähnliche Klassifikation der Strafdelikte. Sie gründet auf dem Grad der Gefährlichkeit eines Delikts und ist mit der Sanktion der Freiheitsstrafe verknüpft. Die typische Sanktion wird bei der Anwendung bevorzugt. In jeweiligen Strafnormen wird lediglich der Grad des Verbrechens festgehalten, wobei strafrechtliche Folgen in den Normen keine Erwähnung finden. Außerdem wird eine Unterteilung der Tatbestände nach durch die Tat verletzten Rechtsgütern nicht vorgenommen.

Das Primäre Strafgesetzbuch der USA (Penal Code) enthält Normen zur Unterteilung der Delikte auf Verbrechen und Vergehen. Die Verbrechen werden in felony, misdemeanor und infractions unterteilt. Bei den felonies gibt es drei Schweregrade: Die Verwirklichung des ersten Grades wird mit Freiheitsstrafe von einem bis zu zehn Jahren oder mit lebenslanger Freiheitsstrafe (Alternative ist die Todesstrafe) bestraft. Der zweite Grad sieht Freiheitsstrafe von einem bis drei Jahre oder bis zu zehn Jahre vor. Die Verwirklichung des dritten Grades wird mit Freiheitsstrafe von einem bis zwei Jahre oder bis zu fünf Jahre sanktioniert. Misdemeanor sehen als Strafe die Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr vor und infractions eine Freiheitsstrafe bis zu 30 Tagen. Vergehen können nur mit Geldstrafe oder anderen Vermögensmaßnahmen sanktioniert werden². Es muss berücksichtigt werden, dass die typischen Sanktionen nicht genau genug bestimmt sind, was zu Schwierigkeiten bei der Anwendung des Strafgesetzes führen kann. Der Penal Code von New-York verfügt über eine genauere Unterteilung und der United States Code (sein 18. Kapitel) nahm ab 1984 ebenfalls eine detaillierte Klassifizierung vor.

¹ Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран. М., 1997. С. 69.

² Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 138.

Die rechtliche Bedeutung solcher Unterteilung liegt in der unterschiedlichen strafprozessualen Handhabung, Verhängung der Strafe in einer bestimmten Haftform und den Einschränkungen von Rechten und Privilegien des Verurteilten (Entzug des Wahlrechts, Berufsverbot). Die Klassifikation dient einer genaueren Verankerung des Differenzierungsprinzips auf der Gesetzesebene bei der Beurteilung strafrechtlicher Verantwortlichkeit, sie lässt keinen Raum für richterliche Willkür.

Im Strafgesetzbuch Frankreichs, das 1992 verabschiedet wurde, ist die Grundunterteilung der Delikte in Art. 111-1 normiert: „Die Straftaten werden nach ihrer Schwere in Verbrechen, Vergehen und Übertretungen eingeteilt.“ Der Gesetzgeber benutzt dabei das sog. Materielle Kriterium, nämlich die Schwere der Delikte, die die Schuldform und das Strafmaß miteinschließt. Auf diese Weise differenziert das Strafgesetzbuch Frankreichs drei Kategorien der Delikte. Als Verbrechen (crimes) werden vorsätzliche Taten eingestuft, für deren Begehung entweder eine lebenslange oder befristete Freiheitsstrafe vorgesehen ist. Vergehen (delits) sind vorsätzliche oder fahrlässige Taten (die Strafbarkeit von fahrlässiger Begehung muss in der betreffenden Norm besonders geregelt sein) und werden mit Freiheitsstrafe bis zu zehn Jahren sanktioniert. Unter Übertretungen (contraventions) werden vorsätzliche oder fahrlässige Taten verstanden, die als Sanktion lediglich Geldstrafe oder Einschränkungen von Rechten vorsehen³. Diese Unterteilung hat eine entscheidende Bedeutung für die anderen strafrechtlichen Institutionen. Sie bildet eine Grundlage für das Sanktionssystem, bestimmt die Regeln bei der strafrechtlichen Beurteilung der Vorbereitung und des Versuchs einer Straftat sowie der Teilnahme an einem Delikt. Der Versuch des Verbrechens ist in der Regel immer strafbar. Die Strafbarkeit des Versuchs eines Vergehens muss dagegen im Gesetz besonders vorgesehen sein. Auf diese Weise unterstreicht der Gesetzgeber die größere Gefährlichkeit von Verbrechen und Vergehen. Der Versuch einer Übertretung ist nicht strafbar.

Des Weiteren wird auch die strafrechtliche Verantwortlichkeit in den Fällen der mittäterschaftlichen Begehung von Straftaten differenziert. Die Strafbarkeit der Mittäterschaft ist nur bei der Begehung von Verbrechen und Vergehen möglich, wobei im Falle

³ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999. С.157; Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М., 1996.

der Übertretung die Strafbarkeit mittäterschaftlicher Begehung in der betreffenden Norm besonders geregelt sein muss⁴.

Die oben angeführte Unterteilung ist vor allem für die Rechtsstrukturen der Verjährung und Rehabilitation relevant. Die Verjährungsfristen für strafrechtliche Verfolgung und Strafvollzug sind von der Kategorie der Straftat abhängig. Die Rehabilitation stellt ein besonderes Prozedere dar und ihre Anwendung ist nur gegenüber den Personen möglich, die Verbrechen oder Vergehen begangen haben. Die Klassifizierung der Delikte beeinflusst ebenfalls die Anwendung von Rechtsnormen, die mit der Festsetzung von Sanktionen in Verbindung stehen. Neben der strafrechtlichen Bedeutung hat die Unterteilung der Straftaten auch einen prozessualen Sinn. Bei Verbrechen stellt das Ermittlungsverfahren eine notwendige Voraussetzung dar, für Vergehen nur dann, wenn es im Gesetz besonders vorgesehen ist. Im Fall der Übertretungen kann das Ermittlungsverfahren nur auf die Initiative der Staatsanwaltschaft hin eingeleitet werden.

Die Unterteilung der Delikte in Kategorien bestimmt das ganze Rechtssystem sowie die sachliche Zuständigkeit der Justizorgane in Frankreich. Die Verbrechen werden vor einem Schwurgericht (*cour d'assises*) verhandelt, Vergehen vor einem Strafgericht (*tribunal correctionnel*) und Übertretungen vor einem Polizeigericht (*tribunal de police*)⁵.

Das Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland in der Fassung von 1975 normiert in §12 eine Unterteilung der Delikte in Verbrechen und Vergehen. Die Straftat stellt einen Begriff des materiellen Strafrechts dar. Im prozessualen Sinne wird vor allem der Begriff „die Tat“ verwendet. Der §12 StGB unterscheidet zwischen zwei Arten von rechtswidrigen Taten: Verbrechen und Vergehen. Dabei wird die Unterscheidung zwischen den beiden Deliktsarten nach einem formalen Merkmal durchgeführt, nämlich nach dem vorgesehenen Mindestmaß der Strafe. So sind Verbrechen solche rechtswidrigen Taten, die im Mindestmaß mit Freiheitsstrafe von einem Jahr oder mehr bedroht sind. Vergehen sind Taten, die im Mindestmaß mit einer geringeren Freiheitsstrafe mit einer Geldstrafe bedroht sind⁶.

Außerdem stellte der Gesetzgeber klar, dass Schärfungen oder Milderungen, die nach den Vorschriften des Allgemeinen Teils oder für besonders

schwere oder minder schwere Fälle vorgesehen sind, für die Einteilung außer Betracht bleiben. Auf dieser Weise wird durch die Einteilung nur die Art und Höhe der Strafe und nicht die Schuldform berücksichtigt. Es fehlt an einer direkten Abhängigkeit zwischen den Deliktsarten und anderen strafrechtlichen Strukturen. Die Einteilung der Delikte hat keine Auswirkungen auf die prozessuale Verhandlung der Tat. In der Literatur werden mehrfach die Vorteile dieser Klassifizierung betont: sie erleichtert und vereinfacht die Fassung der Gesetzesnormen im Allgemeinen Teil des StGB, ermöglicht die Verwendung eines kurzgefassten Begriffs statt einer langen Aufzählung der Deliktsarten und führt zur genaueren Systematisierung der Gesetzesnormen im Besonderen Teil des StGB⁷.

Vorliegend soll bedacht werden, dass die Einteilung der Delikte nach deren Schwere ein Aufeinandertreffen von Grundgedanken verschiedener Rechtssysteme darstellt. Allerdings darf nicht in Vergessenheit geraten, dass das vorrevolutionäre Strafrecht Russlands bis 1917 viele Rechtsgedanken aus dem Bayerischen Strafbuch von 1813 übernommen hat (welches seinerseits die dreifache Einteilung der Delikte aus dem Napoleons Code pénal von 1810 geerbt hatte). Es darf auch nicht vergessen werden, dass der Einfluss des französischen Code pénal von 1810 und des Bayerischen Strafgesetzbuches von 1813 in den 30-er Jahren des XX Jahrhunderts zum rasanten Fortschritt der Kodifizierung des Strafrechts in Westeuropa geführt hat. Diese Rechtsgedanken wurden ebenfalls in Russland aufgenommen.

Das geltende Strafrecht der Russischen Föderation ist im Strafkodex der RF von 1996 normiert. Der UK RF sieht eine Einteilung der Delikte in (1) rechtswidrige minderschwere Taten, (2) rechtswidrige mittelschwere Taten, (3) rechtswidrige schwere und besonders schwere Taten vor. Allerdings hat die Einteilung nach genanntem Merkmal eine wichtige materiell-rechtliche und prozessuale Bedeutung. Von großem Belang ist sie in der Kriminologie und im Strafvollzugsrecht.

Gegenwärtig steht das Problem der Einführung von einer neuen Deliktskategorie im UK in der Form von Vergehen im Zentrum sowohl der öffentlichen als auch wissenschaftlichen Aufmerksamkeit. Das wissenschaftliche Auseinandersetzen mit dem Thema hat insbesondere in den ehemaligen UdSSR-Staaten eine große Relevanz. So wurden z.B. in den Geset-

4 Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993.

5 Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Указ. соч. С. 73.

6 Уголовное право буржуазных стран. М., 1990. С. 227.

7 Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Указ. соч. С. 73.

zesentwürfen zur Novellierung des UK Kasachstan Änderungen bei der Einteilung der Delikte vorge-merkt. Es wird vorgeschlagen, die Deliktskategorie der Vergehen einzuführen, zu welcher einer Reihe der Rechtswidrigkeitsdelikte gehören werden und die im gerichtlichen Verfahren zu verhandeln sind. Außerdem zählen dazu eine Reihe von minderschweren Delikten und vor allem Taten, die im Mindestmaß mit einer Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder anderen, nicht freiheitsentziehenden Strafen bedroht sind. Nach Meinung der Autoren von Gesetzesentwürfen erfordert diese Deliktskategorie eine Anpassung des Sanktionssystems und allen anderen strafrechtlichen materiellen Strukturen. Darüber hinaus müssen neue strafrechtliche Einwirkungsmaßnahmen ausgearbeitet werden. Die Straffestsetzung für die Begehung eines Vergehens darf nicht zur Eintragung ins Zentralregister führen; in strafprozessualer Hinsicht muss ein vereinfachtes Verfahren für die gerichtliche Verhandlung der Sachen geschaffen werden. Die neue Verfahrensart wird sich positiv auf die Effizienz der Strafverfolgung und ggf. Wiedergutmachung der verletzten Rechte und Freiheiten auswirken.

Im Rahmen des russischen Strafrechts sind ebenfalls Novellen zur Einteilung der Delikte hinzugekommen. Dieser Umstand ist auf die Überführung eines großen Teils mittelschwerer Taten in die Kategorie der minderschweren Taten zurückzuführen. Dies wird sicherlich Einfluss auf alle Rechtsfolgen einer Tat haben. Erstens hat die Neueinteilung positive Auswirkungen auf die Rechtsstellung des Betroffenen, weil von der verwirklichten Deliktskategorie die Verhängung einer bestimmten Haftform abhängt. Sie führt zur Veränderungen der Verjährungsfrist, Bestimmung der Rückfälligkeitsart, Änderung der Haftform, Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, zu veränderten Fristen zur Erlöschung und Tilgung der Strafe im Zentralregister usw. Zweitens ermöglicht diese Lösung die Wiederaufnahme des Verfahrens auf entsprechenden Antrag des Verurteilten in den Sachen, die bereits rechtskräftig abgeurteilt sind. So können dem Verurteilten gegenüber gem. Art. 15 UK RF Normen mit milderer Strafandrohung angewendet werden. Drittens hat die Neueinteilung Auswirkungen auf die Normen des Strafprozessrechts.

Die Vorschläge der Wissenschaftler zur Einführung einer neuen Deliktskategorie in der Form von Vergehen in den UK RF finden immer mehr Rückhalt (umstritten bleiben die Kategoriebezeichnung und die

Bedeutung für Aufbau der anderen strafrechtlichen materiellen und prozessualen Strukturen). Selbstverständlich kann dies zu größeren Problemen führen. Die Einführung der Deliktsart „Vergehen“ kann und wird z.B. die Rückwirkung des Gesetzes bezüglich der Urteilmilderung zur Folge haben. Sie führt zur Wiederaufnahmen von einer riesigen Zahl von Verfahren in den Sachen, die bereits rechtskräftig abgeurteilt sind. Außerdem stellt es sich als schwierig dar, die Essenz der Veränderung genau zu bestimmen: Welche Taten sollen in die Deliktskategorie der Vergehen überführt werden und nach welchem Maßstab wird diese Entscheidung getroffen (es wird häufig vorgeschlagen, die Sanktion i.S.d. Freiheitsstrafe für die Begehung dieser Taten zu beseitigen)?

Die Positionen der Wissenschaftler sind in der Frage unterschiedlich. Viele von ihnen tendieren zu folgenden Vorschlägen:

— Der Versuch des Vergehens soll gem. UK RF nicht strafbar sein;

— Die Strafbarkeit des Vergehens soll nur beim Vorliegen der vorsätzlichen Schuldform bestehen;

— Die Mittäterschaft ist nur bei der Begehung eines Verbrechens strafbar. Die Strafbarkeit der Mittäterschaft bei einem Vergehen soll in der jeweiligen Norm besonders geregelt sein;

— Es sollen besondere Strafbarkeitsbedingungen des Vergehens für Minderjährige geschaffen werden;

— Die Verhängung der Strafe für Vergehen soll nicht zur Eintragung ins Zentralregister führen;

— Es ist eine differenzierte Vorgehensweise bei der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit und der Strafe erforderlich (die Vergünstigungen sollen für die Personen gelten, die schuldhaft ein Vergehen begangen haben);

— Es sind Änderungen bezüglich der Durchführung des Ermittlungs- und Gerichtsverfahrens sowie der Gewahrsamnahme als Maßregel notwendig. Die genannte Maßregel soll nur bei der Begehung von mittelschweren, schweren oder besonders schweren Taten angewendet werden;

— Die Fristen im Ermittlungsverfahren in den Sachen der Vergehen sollen möglichst kurz sein, die Verfahrensart soll vereinfacht werden.

Es stellt sich als naheliegend dar, dass solche Reformen für das russische Strafrecht unerlässlich sind. Sie werden die genaue Differenzierung der Verantwortlichkeit sowie eine Individualisierung der Strafe ermöglichen.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ КАК «ПРЕДМЕТ» ХИЩЕНИЯ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА? АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

А. В. Ковальчук

(ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра уголовного права, адъюнкт; Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», член)

В уголовном законодательстве зарубежных государств существуют различные подходы к установлению ответственности за уклонение от оплаты за потребленную электрическую энергию. Так, в УК Германии (ст. 248с УК Германии), Японии (ст. 245 УК Японии), Молдовы (ст. 194 УК Молдовы), Австрии (ст. 132 УК Австрии), Франции (ст. 311-2 УК Франции), Украины (ст. 188-1 УК Украины) под предметом хищения понимается имущество как вещь, предмет материального мира. Однако электрическая энергия приравнивается к имуществу и выступает специфическим предметом хищения¹.

В Литве (ст. 179 УК Литовской Республики), Швейцарии (ст. 142 УК Швейцарии), Латвии (ст. 182 УК Латвийской Республики), Эстонии (ст. 145-2 УК Эстонской Республики) электрическая энергия рассматривается как ресурс, который имеет экономическую ценность, а ее незаконное использование квалифицируется по специальной статье, которая устанавливает уголовно-правовую ответственность за её незаконное использование².

1 См.: Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / под ред. А. И. Рагога. М., 2010. 280 с.; Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. 226 с.; Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. 408 с.; Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. 352 с.; Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. 650 с.

2 См.: Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2002. 470 с.; Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002. 350 с.; Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. 313 с.; Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. 262 с.

В Российской Федерации (ст. 165 УК Российской Федерации), Казахстане (ст. 182 УК Республики Казахстан), Азербайджане (ст. 184 УК Азербайджанской Республики), Армении (ст. 184 УК Республики Армения), Грузии (ст. 185 УК Грузии), Киргизии (ст. 173 УК Кыргызской Республики), Узбекистане (ст. 170 УК Республики Узбекистан), Республике Беларусь (ст. 216 УК Республики Беларусь) незаконное использование электрической энергии квалифицируется как причинение имущественного ущерба без признаков хищения³.

Как видим, единого законодательного подхода к установлению уголовной ответственности за уклонение от оплаты за потребление электрической энергии в иностранных государствах нет. Это объясняется спецификой сложившихся внутриэкономических отношений, различным уголовно-правовым пониманием содержания собственности и включение в этот институт в некоторых из указанных государств, не только определенных правомочий собственника относительно материальных вещей, но и неовещественных объектов, находящихся в экономическом оборо-

3 См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2013. 192 с.; Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. 466 с.; Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001. 313 с.; Уголовный кодекс Республики Армения. СПб., 2004. 450 с.; Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. 409 с.; Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. 352 с.; Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. 338 с.; Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2011. 304 с.

те. Например, в УК Германии, электроэнергию понимают, как превращенный человеческий труд, товар, а понятие её присвоения в УК используется законодателем в переносном смысле⁴. В УК Украины такой подход базируется на том, что электроэнергия обладает свойствами, позволяющими определить её объем потребления и может быть воспринята посредством органов чувств человека либо специальных технических средств⁵.

Единства мнений по исследуемому вопросу нет и в российской доктрине уголовного права. Одни ученые придерживаются позиции, согласно которой незаконное использование электроэнергии следует квалифицировать как хищение⁶, другие напротив, считают, что подобные деяния подпадают под признаки причинения имущественного ущерба без признаков хищения⁷.

Мы полагаем, что посяательства на электрическую энергию, с точки зрения уголовно-правовой оценки, должны рассматриваться не как хищение, а как разновидность причинения имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения. Наша точка зрения базируется на том, что электрическая энергия представляет собой электромагнитное поле, которое само по себе обособленно и вне материального носителя существовать не может, в связи с чем, изъять и обратить её в пользу (похитить) физически невозможно. Как верно отмечал по этому поводу В. С. Усти-

нов: «...термин “кража” электрической энергии представляется не совсем точным, поскольку то, что нельзя отделить, перенести, переместить, нельзя похитить либо украсть»⁸. Предметом же хищения может быть лишь овеществленное имущество либо право на него. При хищении имущество изымается из владения потерпевшего и обращается в пользу виновного, а при незаконном пользовании электрической энергией, сам её источник из владения собственника не выходит. В результате незаконного потребления электроэнергии потерпевшему причиняется имущественный ущерб в виде недополучения должного, а при хищении имущества — реальный ущерб в виде утраты потерпевшим имущества.

В этой связи, следует уточнить мнение ученых, полагающих, что изъятие электрической энергии заключенной в аккумулятор, находящийся в чьей-либо собственности, квалифицируется как хищение⁹. На наш взгляд, противоправное пользование электрической энергией в такой ситуации хищения не образует. При определенных обстоятельствах вне зависимости от источника электроэнергии, описанные деяния по вышеуказанным причинам должны влечь ответственность за причинение имущественного ущерба без признаков хищения.

Таким образом, электрическая энергия признаками материальной вещи не обладает, и рассматриваться предметом хищения не может.

4 См.: Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 482.

5 См.: Навуково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. 9-те вид., переробл. та допов. Київ, 2012. С. 523.

6 См.: Бойко А. И. Уголовно-правовая квалификация незаконного пользования электроэнергией // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. М., 1985. С. 38–43; Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2003. С. 122; Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. 1983. №8. С. 48–49; Хабаров А. В. Посяательства против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 1999. С. 22–27; Хиллута В. «Хищение» энергии (или к вопросу о модернизации уголовно-правовых положений) // Российская юстиция. 2008. №8. С. 43–45.

7 См.: Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 128–132; Навроцкий В. Уголовная ответственность за незаконное пользование электрической и другими видами энергии // Социалистическая законность. 1984. №2. С. 49–50; Халиков И. Х. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2005. 208 с.

8 Устинов В. С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н.Новгород, 1998. С. 96.

9 См.: Тишкевич И. С. Квалификация хищений имущества. Минск, 1996. С. 15.

ELEKTRISCHE ENERGIE ALS GEGENSTAND DER ENTWENDUNG ODER ZUFÜGUNG DES VERMÖGENSSCHADENS? ANALYSE DER GESETZLICHEN UND WISSENSCHAFTLICHEN METHODEN

Aleksej V. Kovalchuk

Adjunkt an der Fakultät zur Vorbereitung des wissenschaftlich-pädagogischen und wissenschaftlichen Personals am Lehrstuhl für Strafrecht am Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen

In Strafgesetzen mehrerer Staaten werden jeweils unterschiedliche Methoden angewandt, um eine Strafbarkeit für die Weigerung, die verbrauchte elektrische Energie zu bezahlen, festzulegen. So wird in Deutschland (§248c StGB), Japan (Art. 245 StGB Japan), Moldawien (Art. 194 Strafkodex Moldawien), Österreich (§132 StGB Österreich), Frankreich (Art. 311-2 Code pénal Frankreich) und Ukraine (Art. 188-1 Strafkodex Ukraine) unter dem Gegenstand der Entwendung das Vermögen im Sinne einer Sache verstanden, als Gegenstand der materiellen Welt. Allerdings wird auch die elektrische Energie dem Vermögen gleichgestellt und fungiert als spezieller Gegenstand der Entwendung¹.

In Litauen (Art. 179 Strafkodex Litauen), der Schweiz (§142 StGB Schweiz), Lettland (Art. 182 Strafkodex Lettland) und Estland (Art. 145-2 Strafkodex Estland) wird die elektrische Energie als eine Ressource betrachtet, die wirtschaftlichen Wert besitzt. Ihr gesetzeswidriger Verbrauch ist in einem speziellen Tatbestand unter Strafe gestellt, der die Strafbarkeit gesetzeswidrigen Verbrauchs elektrischer Energie normiert².

1 Vgl.: Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / под ред. А. И. Рарога. М., 2010. 280 с.; Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. 226 с.; Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. 408 с.; Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. 352 с.; Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. 650 с.

2 Vgl.: Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2002. 470 с.; Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002. 350 с.; Уголовный

кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. 313 с.; Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. 262 с.

3 Vgl.: Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2013. 192 с.; Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. 466 с.; Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001. 313 с.; Уголовный кодекс Республики Армения. СПб., 2004. 450 с.; Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. 409 с.; Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. 352 с.; Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. 338 с.; Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2011. 304 с.

In Russland (Art. 165 Strafkodex RF), Kasachstan (Art. 182 Strafkodex Kasachstan), Aserbajdschan (Art. 184 Strafkodex Aserbajdschan), Armenien (Art. 184 Strafkodex Armenien), Georgien (Art. 185 Strafkodex Georgien), Kirgisien (Art. 173 Strafkodex Kirgisien), Usbekistan (Art. 170 Strafkodex Usbekistan) und Weißrussland (Art. 216 Strafkodex Weißrussland) wird der gesetzeswidrige Verbrauch elektrischer Energie als Vermögensschaden verstanden, wobei das Vorliegen der Entwendungsmerkmale nicht erforderlich ist³.

Das Fehlen einer einheitlichen Vorgehensweise für die Bestimmung der Strafbarkeit für die Weigerung, die verbrauchte elektrische Energie zu bezahlen, wird bei der oben durchgeführten Betrachtung deutlich. Diese Tatsache erklärt sich durch die jeweils herkömmlichen wirtschaftlichen Innenbeziehungen und durch das unterschiedliche strafrechtliche Verständnis vom Inhalt des Eigentumsbegriffs. Darüber hinaus werden in mehreren Staaten neben bestimmten Eigentumsrechten an Sachen auch solche Rechtsin-

stitute vom Eigentumsbegriff erfasst, wie nicht-materielle Objekte, die sich im wirtschaftlichen Umlauf befinden. In Deutschland z.B. wird die elektrische Energie als Umwandlung der menschlichen Arbeit verstanden, als Ware. Der Begriff ihrer Entziehung wird im Strafgesetzbuch im übertragenen Sinne genutzt⁴. Im Strafkodex der Ukraine gründet diese Vorgehensweise auf dem Umstand, dass die elektrische Energie über solche Eigenschaften verfügt, die das Verbrauchsvolumen bestimmen lassen. Außerdem kann die elektrische Energie durch die menschlichen Empfindungsorgane oder mithilfe technischer Vorrichtungen wahrgenommen werden⁵.

In der russischen Strafrechtsdogmatik hat sich ebenfalls keine einheitliche Meinung in der Frage herausgebildet. Einzelne Wissenschaftler vertreten die Ansicht, dass der gesetzeswidrige Verbrauch elektrischer Energie rechtlich als Entwendung zu bewerten ist. Andere dagegen betrachten diese Tat als solche, die zwar die Merkmale der Zufügung eines Vermögensschadens erfüllt, jedoch kein Merkmal der Entwendung aufweist⁶.

Nach vorliegend vertretener Meinung muss die Entziehung elektrischer Energie aus strafrechtlicher Sicht nicht als Entwendung, sondern als eine Art von Zufügung des Vermögensschadens ohne Entwendungsmerkmale verstanden werden. Diese Ansicht gründet auf der Annahme, dass die elektrische Energie ein elektromagnetisches Feld darstellt, welches sich abgrenzen lässt und ohne einen materiellen Träger nicht existieren kann. Aus diesem Grund ist ein Entzug oder ihre Entwendung physisch nicht möglich. Zutreffend bemerkte V.S. Ustinov in dieser Hinsicht:

„...der Begriff „Diebstahl“ von elektrischer Energie stellt sich als nicht zutreffend dar. Das, was sich nicht trennen, übertragen, verschieben lässt, lässt sich auch nicht stehlen oder entwenden⁷“. Der Gegenstand der Entwendung kann ausschließlich materielles Vermögen oder ein Vermögensrecht sein. Bei der Entwendung wird das Vermögen aus dem Gewahrsam des Geschädigten entnommen und geht in das Vermögen des Täters über. Bei der gesetzeswidrigen Benutzung elektrischer Energie bleibt ihre Quelle weiterhin im Vermögen des Eigentümers. Im Ergebnis der gesetzeswidrigen Benutzung elektrischer Energie wird dem Eigentümer ein Vermögensschaden zugefügt. Bei der Entwendung des Eigentums handelt es sich dagegen um einen tatsächlichen Nachteil im Sinne des Eigentumsverlustes für den Eigentümer.

In diesem Zusammenhang muss auch die Meinung der Wissenschaftler präzisiert werden, die darin besteht, dass die Entnahme elektrischer Energie aus einer Batterie sich als Entnahme bewerten lässt, wenn die Batterie im fremden Eigentum steht⁸. Nach hier vertretener Ansicht stellt solche rechtswidrige Benutzung elektrischer Energie keine Entwendung dar. Beim Vorliegen bestimmter Umstände müssen die oben genannten Handlungen eine Strafbarkeit für die Zufügung eines Vermögensschadens nach sich führen, unabhängig von der Quelle der elektrischen Energie.

Die elektrische Energie kann nicht als Gegenstand einer Entwendung gewertet werden, weil sie eben nicht über materielle Eigenschaften einer Sache verfügt.

4 Vgl.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 482.

5 Vgl.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. 9-те вид., переробл. та допов. Київ, 2012. С. 523.

6 Vgl.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 128-132; Навроцкий В. Уголовная ответственность за незаконное пользование электрической и другими видами энергии // Социалистическая законность. 1984. № 2. С. 49-50; Халиков И. Х. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2005. 208 с.

7 Устинов В.С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н.Новгород, 1998. С. 96.

8 Vgl.: Тишкевич И.С. Квалификация хищений имущества. Минск, 1996. С. 15.

ДЕСЯТЬ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

И. М. Мацкевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»), кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, профессор; Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», президент)

Причины преступности современного мира не могут не быть настолько же разнообразны, насколько разнообразна сама преступность. Более того, преступность постоянно трансформируется, меняет не только виды незаконной деятельности, но и собственные формы, и способы действий. Ещё 100 лет назад трудно себе было представить существование международных трансграничных преступных синдикатов, держащих под контролем даже не государства, а международные отрасли хозяйствования. Преступность превратилась в наднациональное явление.

Не может быть, чтобы причины преступности при этом можно продолжать изучать в тех же классических видах и формах, что и раньше.

ФБР США назвала 10 причин преступности.

1. Плотность населения и степень урбанизации.

2. Изменения в составе населения, особенно концентрация молодёжи.

3. Отсутствие стабильности в численности коренного населения к населению, которое находится в состоянии постоянной миграции: мобильность жизни некоторых категорий людей, маятниковая миграция и другие переходные факторы.

4. Режим транспорта и шоссе.

5. Экономические условия, в том числе низкий средний доход, уровень бедности и наличие рабочих мест.

6. Культурные и образовательные факторы, рекреационные и религиозные особенности.

7. Семья: условия развода и сплоченность семьи.

8. Климат.

9. Эффективная (*видимо, имеется в виду не эффективная работа — здесь и далее, курсив мой*) сила правоохранительных органов.

10. Административные и следственные акценты в деятельности правоохранительных органов. (URL: <http://www.quebecoislibre.org/000610-9.htm>)

Очевидно, что в основе данной классификации лежит, если так его можно назвать, статистически-прагматический подход. То есть причины преступности (скорее их следует назвать болевыми точками социального обустройства современного общества США) определяются в зависимости от накопленных проблем, которые на взгляд правоприменителей именно сегодня оказывают наибольшее влияние на совершение преступлений. Соответственно на их устранение должны быть направлены денежные средства для реализации разработанных учёными программ. При этом американских правоприменителей не особенно заботит не связанность, а порой и дублирование указанных выше причин, что неизбежно сказывается на эффективности программ по борьбе с преступностью. Напомню, что США — по-прежнему один из мировых лидеров по количеству совершаемых преступлений.

Не менее любопытны причины преступности, предложенные учёными США. Их снова десять, и вот какую трансформацию мы здесь наблюдаем.

1. Слабость. Люди, не плохие по природе, иногда просто застенчивы, чтобы противостоять

пороку. На них действуют многие разрушительные эмоции и вредные взгляды, среди которых можно, например, назвать: страх, невежество, беспокойство, зависть, порочная привязанность, жадность, похоть, эгоизм, предрассудки, гордость, тщеславие, нетерпение, лень, дискриминация, высокомерие, честолюбие, наркомания, обжорство, огульная критика, чувство вины, тревоги, разочарования.

Большинство людей, по мнению американских коллег, добивается успеха, в конечном счёте, в противостоянии этим, а также многих другим порокам. Но для этого требуется мужество и сила.

2. Бедность суждений. Отсутствие образования и должной модели поведения не позволяет многим людям отличить правильное от неправильного. Бедность суждений также находит своё отражение в том, что, делая неправильное, люди наивно надеются уйти от ответственности. В этом случае имеется в виду ответственность не только перед обществом и государством, но и перед высшими силами (богом).

3. Отсутствие любви. Нахождение в неблагоприятной социальной среде само по себе не может привести к преступлению. Но это вызывает отсутствие любви, а вот это, в свою очередь, может в совокупности с другими факторами привести к преступлению.

4. Бедность. Бедный человек не знает предела удовлетворению своих желаний, как голодный человек готов съесть всё, что видит, рискуя в конечном итоге, погибнуть от переедания.

5. Неблагополучные районы. Здесь размножается криминальный образ жизни (*criminal mind*, как говорят американцы, — мыслить как преступник). Далеко не у каждого соседа остаются силы дистанцировать себя от вредного влияния преступников, живущих в одном с ними районе.

6. ТВ насилие.

7. Быть жертвой в цепи событий. (*В России это называется «случайный преступник»*). Люди не хотят причинять вред, но втягиваются в цепь негативных событий, которые находятся вне их контроля и влияния.

8. Плохие родительские навыки. В этой сфере не работают ни жесткая дисциплина, ни самозаб-

венная любовь. Прямое влияние на совершение подростком преступления оказывают — отсутствие родительского контроля, надзора, мониторинга и нескончаемые родительские конфликты.

9. Экология. Давно известно, что сотрудникам полиции легче контролировать преступников холодными зимними ночами. Уровень преступности в это время падает. Криминологи предполагают, что одним из скрытых последствий глобального потепления, наряду с мягкими сырыми зимами, будет рост уличной преступности. Исследования показали, что более высокая температура способствует росту гормонов, таких как адреналин и тестостерон, что приводит к повышенной агрессивности людей.

10. Мошеннические (*так у авторов*) постановления Верховного Суда. Дефектные решения являются одной из причин дополнительных преступлений.

Я предлагаю разделить все причины преступлений на две большие группы. Первая — это причины преступности, непосредственно коренящиеся в личности преступника (назовём её для краткости — причины личности преступника). Вторая — причины преступности, связанные с недостатками и издержками существующего социально-общественного устройства (собственно причины преступности).

Во вторую группу я включаю следующие причины преступлений:

1. Глобалистика.
2. Межгосударственная борьба.
3. Религиозные и идеологические противоречия.
4. Национальная и, в меньшей степени, расовая рознь.
5. Классовый антагонизм.

В первую, с моей точки зрения, главную и более перспективную для проведения исследований и получения позитивного результата на сегодняшний день группу, я включаю следующие причины:

1. Наследственные факторы.
2. Политические решения.
3. Социальное подражательство.
4. Возрастные особенности.
5. Религиозные архетипы.

ZEHN URSACHEN DER KRIMINALITÄT

Professor Igor M. Matskevich,

Doktor der Rechtswissenschaften (д. ю. н.), Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (Russland), verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation

In unserem Zeitalter können die Ursachen der Kriminalität nicht vielfältiger sein als die Kriminalität selbst. Überdies verändert sich die Kriminalität ständig, sie ändert nicht nur die Formen gesetzeswidriger Handlungen, sondern auch ihre Erscheinungs- und Handlungsarten. Noch vor 100 Jahren war die Existenz internationaler grenzüberschreitender krimineller Syndikate, die nicht nur ganze Staaten, sondern auch gesamte internationale Haushaltszweige unter ihrer Kontrolle haben, undenkbar. Die Kriminalität verwandelte sich in eine übernationale Erscheinung.

Es ist unmöglich, die Ursachen moderner Kriminalität mittels herkömmlicher Methoden und Lehren zu erforschen, wie dies in der Vergangenheit erfolgte.

Das FBI nannte insgesamt zehn Ursachen der Kriminalität:

1. Bevölkerungsdichte und Urbanisierungsgrad;
2. Änderungen im Bevölkerungsbestand, insbesondere eine hohe Anzahl von jungen Menschen in der Bevölkerung;
3. Die fehlende Stabilität im Verhältnis von einheimischer Bevölkerung zur Bevölkerung, die sich im ständigen Migrationszustand befindet: die Mobilität bestimmter Bevölkerungsgruppen, Berufsverkehr und andere Übergangsfaktoren;
4. Verkehrszeit der Beförderungsmittel und Straßen;
5. Wirtschaftliche Faktoren, einschließlich niedrige Einkommen, Armutsniveau und Bestand an Arbeitsplätzen;
6. Kulturelle, weiterbildende, freizeitorientierte Angebote, religiöse Besonderheiten;

7. Familie: Scheidungsvoraussetzungen und Zusammenhalt der Familie;

8. Klima;

9. Effiziente Stärke (*damit ist offensichtlich nicht eine effiziente Arbeit gemeint, Anm. des Autors*) von Rechtspflege und Strafverfolgungsbehörden;

10. Verwaltungsrechtliche und ermittlungsrechtliche Schwerpunkte bei der Ausübung der Rechtspflege und Strafverfolgung.

Als Grundlage der angeführten Klassifizierung kann eindeutig die sog. statistisch-pragmatische Vorgehensweise angenommen werden. Das heißt, die Ursachen der Kriminalität (die eher als soziale Wunden der modernen amerikanischen Gesellschaft zu bezeichnen sind) werden in der Abhängigkeit von vorhandenen Problemen bestimmt. Nach Ansicht der Rechtsanwender beeinflussen genau die genannten Faktoren am meisten die Begehung von Straftaten. Um die Probleme lösen zu können, müssen entsprechende finanzielle Mittel aufgewendet und auch von den Wissenschaftlern erarbeitete Programme realisiert werden. Dabei findet der Umstand, dass viele der genannten Ursachen miteinander zusammenhängen oder sogar doppelt vorkommen, bei den amerikanischen Rechtsanwendern keine Berücksichtigung. Dadurch wird jedoch die fehlende Effizienz der Programmumsetzung zur Kriminalitätsbekämpfung bedingt. Es muss in Erinnerung gerufen werden, dass die USA weltweit einen führenden Platz bei der Anzahl begangener Straftaten belegen.

Ein großes Interesse rufen ebenso die Ursachen der Kriminalität hervor, die von amerikanischen Wis-

senschaftlern vorgeschlagen werden. Es sind erneut zehn und eine gewisse Veränderung kann dabei beobachtet werden.

1. Schwäche. Menschen, die von Natur aus gut, aber in bestimmten Situationen zu schüchtern sind, um der Versuchung zu widerstehen. Sie werden von vielen zerstörerischen Emotionen und Ansichten beeinflusst, wie z.B. Angst, Unwissenheit, Unruhe, Neid, verwerfliche Anhänglichkeit, Geiz, Begierde, Egoismus, Vorurteile, Stolz, Eitelkeit, Ungeduld, Faulheit, Diskriminierung, Arroganz, Ehrgeiz, Drogensucht, Esssucht, ungerechte Kritik, Schuldgefühl, Sorge, Enttäuschung.

Nach Ansicht der amerikanischen Kollegen, erreichen die meisten Menschen ihre Lebensziele dadurch, dass sie letztendlich diesen und anderen Versuchungen widerstehen. Doch dafür sind Mut und Kraft erforderlich.

2. Mangelnde Bildung. Das Fehlen von Bildung und erforderlichen Verhaltensnormen macht es für viele Menschen unmöglich, ihr Verhalten als richtig oder falsch korrekt einzuordnen. Die mangelnde Bildung kommt dadurch zum Ausdruck, dass der Mensch bei der Begehung des Unrechts die naive Hoffnung hat, nicht zur Verantwortung gezogen zu werden. In diesem Fall ist von der Verantwortung nicht nur gegenüber der Gesellschaft und dem Staat, sondern auch gegenüber höheren Kräften (dem Gott) die Rede.

3. Das Fehlen von Liebe. Ein ungünstiges soziales Milieu kann allein für sich genommen noch keine kriminellen Neigungen verursachen. Aber die fehlende Liebe kann als Ursache gesehen werden, die im Zusammenhang mit anderen Faktoren zur Begehung einer Straftat führen kann.

4. Armut. Ein armer Mensch kann seine Bedürfnisse nicht befriedigen und ist bereit, wie ein Hungernder alles zu essen was er sieht. Dabei nimmt er den Tod durch übermäßiges Essen in Kauf.

5. Slums. Hier entsteht die kriminelle Lebensweise (criminal mind nennen es die Amerikaner, zu denken wie ein Krimineller). Nicht jeder Nachbar findet die Kraft, sich von dem kriminellen Einfluss der Menschen zu distanzieren, die mit ihm in einem Viertel wohnen.

6. Gewaltdarstellung in Massenmedien.

7. Der Mensch als zufälliges Opfer in der Ereigniskette (*in Russland nennt man dieses Phänomen „zufälliger Straftäter“, Anm. des Autors*). Solche Menschen haben keine Schädigungsabsicht, aber sie werden in eine solche Kette negativer Ereignisse hineingezogen, die sie nicht kontrollieren und beeinflussen können.

8. Erziehungsversagen der Eltern. In dem Bereich funktionieren weder harte Disziplin noch bedingungslose Liebe. Einen direkten Einfluss auf die Begehung von Straftaten durch Minderjährige haben fehlende elterliche Kontrolle, Aufsicht, Überwachung sowie andauernde Auseinandersetzungen zwischen den Eltern.

9. Ökologie. Bereits seit langem ist der Umstand bekannt, dass die Polizei in den kalten Winternächten die Straftäter leichter kontrollieren kann. Die Anzahl der Straftaten sinkt in der Zeit. Die Kriminologen gehen davon aus, dass infolge globalen Klimawandels die Kriminalitätsrate ansteigen wird. Die Erderwärmung sorgt für warme Winter und bedingt somit das Wachstum der Straßenkriminalität. Die Untersuchungen zeigten, dass ein Ansteigen der Temperatur das Wachstum solcher Hormone wie Adrenalin und Testosteron unterstützt, die ein höheres Aggressionspotenzial hervorrufen.

10. Betrügerische (*so steht es bei den Verfassern, Anm. des Autors*) Beschlüsse des Supreme Court. Die fehlerhaften Entscheidungen stellen eine Ursache für die Begehung weiterer Straftaten dar.

Vorliegend kann der Vorschlag gemacht werden, alle Ursachen der Kriminalität in zwei große Gruppen zu unterteilen. Die erste Gruppe umfasst all die Ursachen, die unmittelbar in der Persönlichkeit des Täters ihren Ursprung haben (die Gruppe kann auch als Ursachen der Täterpersönlichkeit genannt werden). Die zweite Gruppe schließt die Ursachen ein, die mit den Defiziten und Unkosten vom existierenden sozialen und gesellschaftlichen Aufbau zusammenhängen (die eigentlich die Ursachen der Kriminalität sind).

Zu der zweiten Gruppe können folgende Ursachen zugeordnet werden:

1. Globalisierung.
2. Zwischenstaatliche Auseinandersetzungen.
3. Religiöse und ideologische Gegensätze.
4. Nationale und weniger ausgeprägte Rassenkonflikte.
5. Klassengegensätze.

Die erste Gruppe stellt nach vorliegend vertretener Ansicht eine Hauptgruppe dar. Zum heutigen Zeitpunkt eröffnet sie die wesentlichen Forschungsperspektiven und Aussichten auf ein positives Untersuchungsergebnis. Zu der Gruppe gehören folgende Ursachen:

1. Erbfaktoren.
2. Politische Entscheidungen.
3. Soziale Nachahmung.
4. Altersbesonderheiten.

СОСТАВ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ

В. Н. Орлов,

кандидат юридических наук, доцент
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»), кафедра криминологии
и уголовно-исполнительного права, доцент; Региональная общественная
организация «Союз криминалистов и криминологов»,
ответственный секретарь)

Понятие состава отбывания уголовного наказания. Вопросы, связанные с отбыванием уголовного наказания, наиболее эффективно исследовать посредством анализа состава отбывания наказания. Нельзя не отметить, что теория состава уголовного наказания рассматривалась не только в работах представителей русской школы уголовного права, но и в трудах современных юристов. Так, в 1894 г. В. В. Есипов писал, что понятие состава наказания, подобно понятию состава преступления, охватывает четыре элемента: субъект наказания, внутренняя сторона наказания, объект наказания и внешняя сторона наказания¹. На наш взгляд, под *составом отбывания наказания следует понимать совокупность установленных законом объективных и субъективных признаков (элементов), характеризующих отбывание меры государственного принуждения как отбывание конкретного вида наказания.* Основанием отбывания наказания (как итога) является принуждение, содержащее все признаки состава отбывания наказания, предусмотренные Уголовным и Уголовно-исполнительными кодексами Российской Федерации. Состав отбывания уголовного наказания образуют четыре группы признаков или элементов: 1) объект; 2) объективная сторона; 3) субъект; 4) субъективная сторона. Было бы верным статью 43 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) дополнить частью третьей следующего содержания: «Основанием для дос-

тижения целей уголовного наказания является принуждение, содержащее все признаки составов назначения, исполнения, отбывания наказания».

Объект отбывания уголовного наказания. Под *объектом отбывания наказания* понимаются элементы правового статуса (положения) осужденного, т. е. права, обязанности и законные интересы осужденного, определенные судом для испытывания карательного воздействия со стороны учреждения и/или органа, должностного лица, исполняющих уголовные наказания. Объект отбывания наказания является обязательным элементом отбывания любого наказания, т. е. любое отбывание наказания является таковым, если в результате его отбывания испытывается карательное воздействие на определенные судом права, обязанности и законные интересы. Без объекта отбывания наказания нет и состава отбывания наказания, поскольку как можно отбыть уголовное наказание, если нет того, что должно испытывать карательное воздействие. Объект отбывания уголовного наказания позволяет отграничивать уголовное наказание от иных мер государственного принуждения, а также одно наказание от другого. В настоящее время права, обязанности и законные интересы осужденного, определенные судом для испытывания карательного воздействия, в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством могут изменяться учреждением и/или органом, исполняющим тот или иной вид наказания, что прямо противоречит положению ч. 1 ст. 43 УК РФ, согласно которой наказание заключается в пред-

¹ Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1894. — С. 292.

усмотренном настоящим Кодексом лишения или ограничении прав и свобод этого лица.

Объективная сторона отбывания уголовного наказания. *Объективной стороной отбывания наказания* является его внешняя характеристика, обязательным признаком которой является испытывание карательной деятельности (т. е. процесс, состоящий в предусмотренном уголовно-исполнительном законодательством порядке, условиях испытывания осужденным лишения, ограничения, замены и дополнения прав, обязанностей и законных интересов) и наступившие последствия в виде лишенных, ограниченных, замененных и дополненных прав, обязанностей и законных интересов осужденного. К признакам объективной стороны отбывания наказания относятся также причинная связь между процессом отбывания наказания и наступившими лишениями, ограничениями, заменой и дополнениями прав, обязанностей и законных интересов осужденного. Объективная сторона отбывания наказания включает в себя следующие признаки: 1) испытывание карательной деятельности, посягающей на тот или иной объект; 2) наступившие последствия в виде лишенных, ограниченных, замененных и дополненных прав, обязанностей и законных интересов осужденного; 3) причинная связь между процессом отбывания наказания и наступившими лишениями, ограничениями, заменой и дополнениями прав, обязанностей и законных интересов осужденного; 4) порядок и условия, а также место, время, средства, способ отбывания наказания.

Субъект отбывания уголовного наказания. *Субъектом отбывания наказания* является физическое лицо, осужденное по приговору суда к отбыванию уголовного наказания, наделенное регламентированными законодательством соответствующими правами, обязанностями и законными интересами и не обладающее установленными законодательством основаниями для освобождения от отбывания наказания. Основы правового положения осужденных, а также основные права, обязанности, законные интересы осужденных определяются в гл. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ), а также в иных нормативно-правовых актах. Нельзя не отметить, что в УИК РФ при регламентации порядка исполнения ряда наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, законодатель не указывает права, законные интересы и обязанности субъектов отбывания наказания (например, при штрафе,

лишении специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе), а некоторые из закрепленных элементов правового статуса осужденных требуют изменений и дополнений. На наш взгляд, указанное положение не способствует эффективной организации исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Субъективная сторона отбывания уголовного наказания. *Субъективной стороной отбывания наказания* является характеристика внутреннего содержания отбывания уголовного наказания, т. е. отношение осужденного, к его исполнению, отбыванию, к последствиям исполнения, отбывания наказания, а также мотив и цель отбывания наказания. Следует заметить, что в настоящее время отношению осужденного к исполнению, отбыванию, к последствиям исполнения, отбывания наказания, а также мотиву и цели отбывания наказания на практике не уделяется должного внимания. В целом, в зависимости от осознанности отбывания наказания, его последствий, волевого отношения осужденного к отбыванию наказания процедура отбывания наказания складывается из двух элементов: 1) *интеллектуального*: а) лицо осознавало вину и раскаивалось в совершенном преступлении; осознавало справедливый характер назначенного наказания, порядка, условий отбывания наказания; осознавало признаки уголовного наказания, процедуру, мотив и цели его отбывания и предвидело наступление, в результате этого, определенных последствий, или б) лицо осознавало вину и раскаивалось в совершенном преступлении; осознавало справедливый характер назначенного наказания, порядка, условий отбывания наказания; осознавало признаки уголовного наказания, процедуру, мотив и цели его отбывания, но не предвидело наступление в результате этого тех или иных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть; 2) *волевого*: а) желает возможность отбывания наказания и наступления определенных последствий, или б) не желает, но сознательно допускает возможность отбывания наказания и наступления определенных последствий, *либо* в) самонадеянно рассчитывает на то, что наказание не будет отбыто и последствия не наступят.

Таким образом, состав отбывания уголовного наказания и его элементы требуют не только дополнительной законодательной регламентации, но и дальнейшего всестороннего исследования.

TATBESTAND DER STRAFVERBÜßUNG: BEGRIFF UND ELEMENTE

Dozent Vladislav N. Orlov,

Kandidat der Rechtswissenschaften (к. ю. н.), Dozent am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität, Verantwortlicher Sekretär des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Russland)

I. Tatbestandsbegriff der Strafverbüßung

Die wissenschaftliche Auseinandersetzung mit den Fragen im Zusammenhang mit Strafverbüßung gestaltet sich effizienter, wenn man als Anknüpfungspunkt der Analyse den Tatbestand der Strafverbüßung wählt. Dabei muss berücksichtigt werden, dass die dogmatischen Untersuchungen des Strafverbüßungstatbestandes in den Arbeiten sowohl von Vertretern der russischen Strafrechtslehre als auch zeitgenössischen Juristen zu finden sind. So schrieb V.V. Esipov 1894, dass der Tatbestandsbegriff der Strafverbüßung in gleicher Weise wie ein Straftatbestand vier Elemente umfasst: Subjekt der Strafe, innere Seite der Strafe, Objekt der Strafe und die Außenseite der Strafe¹. Nach vorliegend vertretener Ansicht kann der Tatbestand der Strafverbüßung als Gesamtheit gesetzlich normierter objektiver und subjektiver Merkmale (Elemente) verstanden werden, die die angewendete staatliche Zwangsmaßnahme im Sinne der Verbüßungsform charakterisieren. Als Voraussetzung der Strafverbüßung fungiert (im Ergebnis) der Zwang, der alle im Strafkodex und Strafprozesskodex der Russischen Föderation vorgesehene Merkmale des Strafverbüßungstatbestandes enthält. Den Tatbestand der Strafverbüßung bilden vier Merkmalgruppen bzw. Elemente: 1) Objekt, 2) objektive Seite, 3) Subjekt, 4) subjektive Seite. Stichhaltig wäre, in Art. 43 des Strafkodexes der RF (im Folgenden: UK RF) einen dritten Absatz mit folgendem Inhalt einzuführen: „Die

Voraussetzung zum Erreichen des Strafzwecks ist der Zwang, der alle Tatbestandsmerkmale der Festsetzung, des Vollzugs und der Strafverbüßung enthält“.

II. Objekt der Strafverbüßung

Unter dem Objekt der Strafverbüßung werden Rechtsstatuselemente (Rechtslageelemente) des Verurteilten verstanden. Damit sind Rechte, Pflichten und legitime Interessen des Verurteilten gemeint, die vom Gericht festgesetzt wurden und durch die Strafvollzugsorgane im Rahmen der sühnenden Einwirkung durchgesetzt bzw. gewährleistet werden. Das Objekt der Strafverbüßung stellt ein notwendiges Element jeder Strafverbüßung dar, d.h. sie ist gerade dadurch gekennzeichnet, dass die vom Gericht festgesetzten Rechte, Pflichten und legitimen Interessen des Verurteilten im Rahmen der sühnenden Einwirkung durchgesetzt bzw. gewährleistet werden. Fehlt das Objekt der Strafverbüßung, so ist der Strafverbüßungstatbestand nicht erfüllt, weil die sühnende Einwirkung ein Hauptbestandteil jeder strafrechtlichen Sanktion darstellt. Das Objekt der Strafverbüßung ermöglicht darüber hinaus eine Abgrenzung der Strafe von den anderen staatlichen Zwangsmaßnahmen sowie die Differenzierung zwischen einzelnen strafrechtlichen Sanktionen. Zum gegenwärtigen Zeitpunkt können Rechte, Pflichten und legitime Interessen des Verurteilten, die vom Gericht festgesetzt wurden und im Rahmen der sühnenden Einwirkung durchgesetzt bzw. gewährleistet werden, durch die Strafvollzugsorgane gem. Strafvollzugsgesetzen geändert werden. Dieser Umstand widerspricht jedoch dem Art. 43 Abs.

¹ Есипов В. В. Очеркь русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1894. — С. 292.

1 UK RF, der bestimmt, dass die Strafe nur solche Rechts- und Freiheitsbeschränkungen enthält, die im Strafkodex der RF vorgesehen sind.

III. Objektive Seite der Strafverbüßung

Die objektive Seite der Strafverbüßung ist ihre äußere Kennzeichnung. Ihr notwendiges Merkmal stellt die Wirkung des sühnenden Verfahrens dar, das den Strafvollzugsprozess und die Formen der Rechtsbegrenzungen, der Rechtsänderungen, des Rechtsentzugs und der Rechtsergänzungen umfasst. Ebenso gehören dazu die Folgen des Entzugs, der Begrenzung, Änderung und Ergänzung von Rechten des Verurteilten. Außerdem schließt die objektive Seite der Strafverbüßung die Kausalität zwischen dem Strafvollzugsprozess und eingetretenen Entzug, der Begrenzung, Änderung und Ergänzung von Rechten, Pflichten und der legitimen Interessen des Verurteilten mit ein. Die objektive Seite der Strafverbüßung wird durch die folgenden Merkmale charakterisiert:

1. Die auf verschiedene Objekte bezogene Wirkung des sühnenden Verfahrens;
2. Die eingetretenen Folgen im Sinne des Entzugs, der Begrenzung, Änderung und Ergänzung von Rechten, Pflichten und der legitimen Interessen des Verurteilten;
3. Die Kausalität zwischen dem Strafvollzugsprozess und dem eingetretenen Entzug, der Begrenzung, Änderung und Ergänzung von Rechten, Pflichten und der legitimen Interessen des Verurteilten;
4. Das Verfahren und die Form sowie das Festlegen von bestimmter Haftanstalt, des Zeitraumes, der Maßregeln und der Form der Strafverbüßung.

IV. Subjekt der Strafverbüßung

Das Subjekt der Strafverbüßung ist eine natürliche Person, die nach einem Gerichtsurteil zur Verbüßung der Strafe rechtskräftig verurteilt wurde. Die Grundsätze des Rechtsstatus von Verurteilten sowie ihre Rechte, Pflichten und legitimen Interessen sind im 2. Kapitel des Strafvollzugskodexes der Russischen Föderation und anderen Rechtssätzen geregelt. Jedoch muss in diesem Zusammenhang angeführt werden, dass der Strafvollzugskodex der RF nicht für alle Straftaten eine entsprechende Reglementierung von Rechten, Pflichten und legitimen Interessen des Verurteilten enthält. So fehlen die entsprechenden Regelungen bezüglich der Geldstrafe, Aberkennung des Dienstgrades, Titels, der staatlichen Anerkennung und Einschränkungen im Wehrdienst. Darüber hinaus er-

fordern einige der Rechtsstatuselemente Korrekturen und Ergänzungen. Nach vertretener Ansicht ermöglicht die genannte Rechtslage keine effektive Durchführung des Strafvollzugs und der Strafverbüßung.

V. Subjektive Seite des Strafvollzugs

Die subjektive Seite des Strafvollzugs zeichnet den Inhalt der Strafverbüßung aus, d.h. das Verhältnis des Verurteilten zu dem Strafvollzug und der Strafverbüßung sowie den Folgen des Strafvollzugs und der Strafverbüßung. Zur subjektiven Seite zählen auch Sinn und Zweck der Strafverbüßung. Gegenwärtig finden die oben angeführten Aspekte in der Praxis keine erforderliche Beachtung. Insgesamt besteht jedoch das Verfahren der Strafverbüßung aus zwei Elementen, wobei seine Abhängigkeit von der Wahrnehmung der Strafverbüßung, ihren Folgen und dem voluntativen Verhältnis des Verurteilten zur Strafverbüßung nicht unberücksichtigt bleiben darf.

1. Kognitives Element

a) Eine Person sah die Schuld ein, bereute die begangene Straftat, hatte den gerechten Charakter der festgesetzten Strafe, des Vollzugs, der Strafform und die Merkmale der Strafe, des Verfahrens, den Sinn und Zweck der Verbüßung akzeptiert. Die Person konnte die bestimmten Folgen der Strafverbüßung vorhersehen oder

b) Eine Person sah die Schuld ein und bereute die begangene Straftat, hatte den gerechten Charakter der festgesetzten Strafe, des Vollzugs, der Strafform und die Merkmale der Strafe, des Verfahrens, den Sinn und Zweck der Verbüßung akzeptiert. Die Person hat jedoch die bestimmten Folgen der Strafverbüßung nicht vorhergesehen, obwohl sie bei der Anwendung der im Rechtsverkehr erforderlichen Sorgfalt den Eintritt der Folgen voraussehen konnte und musste.

2. Voluntatives Element

a) Eine Person wünscht sich die Möglichkeit der Strafverbüßung und das Eintreffen bestimmter Folgen oder

b) Eine Person wünscht es sich nicht, jedoch lässt sie bewusst die Möglichkeit der Strafverbüßung und das Eintreffen bestimmter Folgen zu oder

c) Eine Person geht (unbegründet) davon aus, dass die Strafe nicht verbüßt wird und bestimmte Folgen nicht eintreffen werden.

Im Ergebnis kann festgestellt werden, dass der Tatbestand der Strafverbüßung und seine Elemente nicht nur einer zusätzlichen gesetzlichen Regelung, sondern auch einer weitergehenden wissenschaftlichen Untersuchung bedürfen.

ОБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ И КАЧЕСТВО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Т. Г. Понятовская,

доктор юридических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»), кафедра уголовного права, профессор)

Качество уголовно-правовой охраны — понятие, имеющее множество составляющих, зависящих от того контекста, в котором мы его рассматриваем. В данном случае речь идет о его онтологической характеристике: что (кого) и какими средствами охраняет действующий уголовный закон.

1. Что охраняет уголовный закон? «Крайне наивно было бы предполагать, — писал А. Э. Жалинский, — что охрана — это лишь консервация, а не необходимое изменение состояния, как самого объекта, так и среды, в которой он функционирует». Действительно, одни ценности утрачивают прежнее уголовно-политическое значение, новые приобретают его, а некоторые объекты уголовно-правовой охраны трансформируются.

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК, уголовно-правовой охране подлежит собственность как универсальный интерес личности, общества и государства. Материальным носителем его свойств является имущество. Различные производные характеристики этого предмета (его размеры, свойства, как, например, особая историческая, научная, художественная или культурная ценность) исполняют роль критериев дифференциации *ответственности* за посягательства на собственность. До настоящего времени эта уголовно-политическая схема представлялась единственно возможной.

Однако с принятием Части четвертой Гражданского кодекса РФ, произошли изменения в правовой идеологии, которые должны отразиться и на идеологии уголовно-правовой. ГК РФ закрепил понятие интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает закономерный вопрос, должно ли это обстоятельство повлиять на решение вопросов уголовно-правовой охраны?

Как самостоятельный интерес носителей правовых благ право интеллектуальной собственности должно рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны со всеми вытекающими из подобной трактовки последствиями для структурирования Особенной части УК РФ. Как разновидность традиционных вещных (имущественных) отношений собственности, определяемых спецификой только их предмета оно не должно влиять на систему объектов уголовно-правовой охраны, но может служить критерием дифференциации уголовной ответственности за посягательства на собственность. Правда, для этого необходимо признать, что предметом уголовно-правовой охраны собственности может выступать не только имущество, но и результат интеллектуальной деятельности.

Ответы на эти вопросы содержатся в нормах гражданского законодательства. ГК РФ регулирует отношения «интеллектуального права», которое рассматривается законодателем как имущественное правовое благо, равное по своему социально-правовому значению собственности,

но не тождественное ей. Думается, у нас есть основания для вывода о том, что в гражданско-правовых отношениях интеллектуальное право представляет собой самостоятельный (отдельный) интерес их субъектов.

С уголовно-политической точки зрения, это может означать, что интеллектуальное право как имущественный интерес, имеющий равное и собственностью социально-правовое значение, следует рассматривать как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны в сфере экономики (раздел VIII УК РФ). Однако российский уголовный закон этих задач пока не решает.

2. Кого и какими средствами охраняет уголовный закон? Говоря об уголовно-правовой охране, прежде всего, необходимо выяснить, что именно в ней нуждается: те или иные общественные отношения или интересы их участников (субъектов); каких субъектов; какие конкретно интересы. Определение социального и правового значения этих (нередко персонифицированных) интересов имеет принципиальное значение для обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны.

Однако до сих пор не ясно, что же охраняет российский уголовный закон: право собственности, его элементы (владение, пользование и распоряжение имуществом), предметы собственности, отдельные интересы субъектов собственности (и каких именно), их правовые или именно имущественные блага либо собственность как некий абстрактный юридический (может быть даже, что и экономический) феномен. В современной российской уголовно-правовой доктрине укоренилась отождествление с правом собственности лишь внешних форм его проявления (владения,

пользования и распоряжения) в отрыве от субъекта, носителя этого правового блага². На вопрос, чью собственность охраняет уголовный закон, мы можем дать только один определенный ответ — ничью. Поэтому понятия «ущерб» и «вред» не всегда служат адекватными (во всяком случае, абсолютными) признаками общественной опасности преступлений против собственности.

Тем не менее, законодатель нередко прибегает к использованию этих признаков, не заботясь о том, посредством каких механизмов практика должна (и может) их устанавливать, какие обстоятельства (или факты) должны служить составляющими того или иного ущерба (вреда). Не говоря о том, что в последнее время отождествление понятий «ущерб», «вред», «доход» при формулировании уголовно-правовых запретов экономических преступлений является для законодателя делом обычным (нередко, вопреки характеру и социально-политическому значению этих деяний).

Поскольку собственность является правовым благом, интересом, обеспечивающим необходимые условия существования всех субъектов в равной степени, постольку критерии уголовно-правовой оценки посягательств на собственность не должны быть оторванными от самих носителей охраняемого правового блага. Из этого следует, что охрана собственности должна состоять не в формальном уравнивании различных форм собственности и применении к ним единого стоимостного критерия (как это имеет место в УК РФ), а именно в *дифференциации масштабов* уголовно-правовой оценки, которая способна обеспечить *неформальное* правовое равенство личности, общества и государства.

¹ См.: Бочкарев С. А. Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 69–76.

OBJEKTE DER VERMÖGENSDELIKTE UND QUALITÄT STRAFRECHTLICHEN SCHUTZES

Professorin Tatjana G. Ponyatovskaya,

Doktorin der Rechtswissenschaften (д. ю. н.), Professorin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität (Russland)

Der Begriff „Qualität strafrechtlichen Schutzes“ hat mehrere Bestandteile, die ihrerseits vom jeweiligen Konzept abhängig sind, in dessen Lichte sie betrachtet werden. Vorliegend soll sein ontologisches Merkmal betrachtet werden: was (wen) und mit welchen Mitteln schützt das geltende Strafgesetz?

1. Was schützt das Strafgesetz? „Es wäre äußerst naiv anzunehmen, dass der Schutz lediglich eine Konservierung darstellt, — schrieb A. Á. Žalinskij — , und nicht die notwendige Zustandsänderung sowohl des Objektes selbst als auch des Umfeldes in dem es funktioniert“ umfasst. Tatsächlich verlieren manche Werte ihre ehemalige strafrechtspolitische Bedeutung, aber dafür gewinnen neue Werte Geltung. Einige Objekte des strafrechtlichen Schutzes transformieren sich und bekommen neue Umrisse.

Als Beispiel lässt sich Art. 2 Abs. 1 UK RF anführen, demgemäß das Eigentum als universelles Interesse der Person, der Gesellschaft und des Staates dem strafrechtlichen Schutz unterliegt. Sein materieller Träger ist das Vermögen. Die verschiedenen abgeleiteten Merkmale dieses Gegenstandes (seine Größe, Eigenschaften, wie z.B. besonderer historischer, wissenschaftlicher, künstlerischer oder kultureller Wert) fungieren als Differenzierungskriterien der *Verantwortlichkeit* für Angriffe auf das Eigentum. Bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt wurde dieses strafrechtspolitische Modell als einzig funktionierendes betrachtet.

Jedoch sind mit dem Inkrafttreten des Vierten Teils des Zivilkodex RF auch rechtsideologische Än-

derungen eingetreten. Notwendigerweise beeinflussen sie die strafrechtliche Ideologie. Der Zivilkodex RF normierte den Begriff des geistigen Eigentums. In dem Zusammenhang stellt sich zwangsläufig die Frage, ob dieser Umstand den strafrechtlichen Schutzbereich beeinflussen soll?

Das Recht des geistigen Eigentums stellt ein eigenständiges Interesse der Rechtsgutträger dar und muss als strafrechtlich geschütztes Objekt betrachtet werden. Diese Auslegung hätte jedoch Folgen für die Strukturierung des Besonderen Teils des UK RF. Als Modifikation des herkömmlichen sachenrechtlichen Eigentums und der Vermögensverhältnisse, die ihrerseits lediglich spezifische Besonderheiten aufweisen, müssten sich keine Auswirkungen auf das strafrechtliche Rechtsschutzsystem ergeben. Als eigenständiges Interesse könnte dieses Rechtsgut jedoch als Differenzierungskriterium der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für die Angriffe auf Eigentum herangezogen werden. Doch dafür müsste zunächst die Tatsache anerkannt werden, dass nicht nur Vermögen, sondern auch das Ergebnis intellektueller Tätigkeit der Gegenstand des strafrechtlichen Schutzes sein kann.

Die Antworten auf gestellte Fragen sind in den zivilrechtlichen Normen der RF enthalten. Der Zivilkodex der RF regelt die Verhältnisse des „intellektuellen Rechts“, das von dem Gesetzgeber als Vermögensrechtsgut betrachtet wird. Dieses Rechtsgut ist der sozialrechtlichen Bedeutung des Eigentums gleichgesetzt, ist mit dem Eigentum jedoch nicht identisch.

Somit kann stichhaltig die Schlussfolgerung getroffen werden, dass das intellektuelle Recht in zivilrechtlichen Verhältnissen ein eigenständiges (gesondertes) Interesse ihrer Subjekte darstellt.

Aus strafrechtlicher Sicht könnte es bedeuten, dass das intellektuelle Recht als Vermögensinteresse die gleiche sozialrechtliche Bedeutung wie das Eigentum hat. Demzufolge muss es als eigenständiges, strafrechtlich geschütztes Objekt im Wirtschaftsbereich (Kapitel VIII UK RF) betrachtet werden. Allerdings nimmt das russische Strafgesetz von der Lösung dieser Aufgaben Abstand.

2. Wen schützt das Strafgesetz mit welchen Mitteln? Bei der Thematisierung des strafrechtlichen Schutzes muss zunächst festgestellt werden, wer genau diesen Schutz braucht: welche gesellschaftlichen Verhältnisse oder Teilnehmerinteressen (Interessen der teilnehmenden Subjekte) sind schutzbedürftig, welche Subjekte sind es, um welche bestimmten Interessen geht es? Die Präzisierung sozialer und rechtlicher Bedeutung dieser (nicht selten personifizierten) Interessen weist eine grundlegende Bedeutung für die Gewährleistung erforderlichen strafrechtlichen Schutzes auf.

Freilich ist bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt nicht klar, was das russische Strafgesetz nun schützt: das Eigentumsrecht, seine Elemente (Besitz, Nutzung und Verfügung des Vermögens), Eigentumsgegenstände, einzelne Interessen der Eigentumssubjekte (und welche genau), ihre Rechts- und eben Vermögensgüter oder das Eigentum als unbestimmte abstrakte juristische (oder vielleicht sogar wirtschaftliche) Erscheinung? In der modernen russischen Strafrechtsdogmatik hat sich eine Gleichsetzung lediglich einzelner Erscheinungsformen des Eigentumsrechts (Besitz, Nutzung und Verfügung) mit dem Eigentumsrecht selbst verwurzelt. Das Subjekt, also der Träger dieser

Rechtsgüter bleibt dabei ohne Berücksichtigung⁴. Somit kann die Antwort auf die Frage, wessen Eigentum das Strafgesetz schützt, nur lauten: das Eigentum von niemandem. Deswegen sind die Begriffe „Einbuße“ und „Schaden“ keine in jedem Fall adäquaten (jedenfalls, absolute) Merkmale der gesellschaftlichen Gefährlichkeit von Vermögensdelikten.

Nichtdestotrotz wendet der Gesetzgeber diese Merkmale an. Dabei achtet er insbesondere nicht darauf, mithilfe welcher Mechanismen diese Merkmale in der Praxis festgestellt werden sollen (und können) und welche Umstände (oder Tatsachen) als Bestandteile von jeweiligen Einbußen oder Schäden fungieren. Abgesehen davon ist in der neusten Zeit die Gleichsetzung der Begriffe „Einbuße“, „Schaden“, „Ertrag“ für den Gesetzgeber zur gewohnten Vorgehensweise geworden. Dies gilt insbesondere für die Formulierung der Verbote im Wirtschaftsstrafrecht und geschieht nicht selten entgegen dem Charakter und der sozialpolitischen Bedeutung dieser Delikte.

Das Eigentum ist Rechtsgut und Interesse, das die notwendigen Existenzbedingungen aller Subjekte gleichermaßen gewährleistet. Somit dürfen die Kriterien strafrechtlicher Bewertung der Angriffe auf Eigentum nicht von den Trägern des geschützten Rechtsguts getrennt werden. Daraus folgt, dass der Eigentumsschutz nicht nur in formaler Gleichsetzung verschiedener Eigentumsformen besteht und auch ebenso wenig in der Anwendung des einheitlichen Wertkriteriums den verschiedenen Eigentumsformen gegenüber (so wie es im UK RF der Fall ist). Der Eigentumsschutz besteht in der Differenzierung der Maßstäbe strafrechtlicher Bewertung in der Weise, dass die Rechtsgleichheit der Persönlichkeit, Gesellschaft und des Staates nicht nur formell, sondern auch tatsächlich gewährleistet ist.

¹ Vgl.: Бочкарев С. А. Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 69–76.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

А. И. Рарог,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»), кафедра уголовного права, заведующий)

По законодательству ФРГ получение и дача выгоды (§331 и §333 Уголовного уложения) по конструкции довольно сходны с получением и дачей взятки (§332 и §334 Уголовного уложения). Поэтому получение выгоды (§331) и получение взятки (§332) в литературе именуется пассивным подкупом¹, а предоставление выгоды (§333) и дача взятки (§334) — активным подкупом².

По своей сущности составы получения и дачи взятки по российскому и германскому законодательству мало чем отличаются. Но в юридической технике описания этих составов обнаруживаются существенные различия.

Субъект должностного преступления описан достаточно подробно и в УК РФ (примечание к ст. 285 УК РФ), и в Уголовном уложении ФРГ (§11, п.1, п/п 2). Причем российский законодатель уточняет, что субъектом получения взятки может быть должностное лицо, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации. А в Уголовном уложении ФРГ выделены такие специальные субъекты, как судья и третейский судья.

По-разному описан предмет взяточничества. В германском законе он определен общим термином «выгода», а российском УК расшифровыва-

ется, что взятка может выражаться в форме денег, ценных бумаг, иного имущества либо в форме незаконного оказания услуг имущественного характера или предоставления иных имущественных прав. В любом случае взятка должна иметь форму имущественной выгоды.

Существенными являются различия в описании объективной стороны получения взятки. По немецкому законодательству она может выражаться в: а) требовании, б) получении выгоды, в) получении обещания предоставить эту выгоду. По закону России данное преступление заключается только в реальном получении взятки, а предварительное ее обещание может рассматриваться только в аспекте неоконченного преступления.

Различная техника описания используется и для характеристики связи взятки с должностным положением ее получателя. По Уголовному уложению незаконная выгода признается взяткой при условии, что она предоставляется в качестве встречного обязательства за то, что должностное лицо уже совершило или совершит в будущем какие-то действия по службе и тем самым нарушило или нарушит свои служебные обязанности. По российскому Кодексу вовсе не требуется, чтобы совершаемыми в интересах взяткодателя действиями должностное лицо нарушило свои служебные обязанности. Важно то, что взяткополучатель с использованием своих служебных полномочий совершает в интересах взяткодателя действия, которые:

1 См.: Krey/Hellmann/Heinrich. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 15. Voellig neubearbeitete Auflage. Kohlhammer. 2012. S. 297.

2 Ebenda. S. 299.

а) входят в его компетенцию, б) входят в компетенцию других должностных лиц, но взятодатель благодаря своему должностному положению может способствовать совершению этих действий, в) состоят в общем покровительстве взятодателю, г) состоят в попустительстве взятодателю по службе (не реагирование на нарушение трудовой дисциплины, необоснованное повышение по службе, необоснованная выдача премий и т. д.).

Квалифицированными видами получения взятки российский УК признает ее получение за совершение незаконных действий (ч. 3 ст. 290), за получение взятки в значительном (свыше 25 тысяч руб. — ч. ст. 290), крупном (свыше 150 тыс. руб. — п. «в» ч. 5 ст. 290) или особо крупном размере (свыше 1 млн. руб. — ч. 6 ст. 290), а также за ее получение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 5 ст. 290), а равно с вымогательством взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290).

Если взятка передается должностному лицу не лично, а через посредника, то по немецкому закону посредник несет уголовную ответственность по правилам о соучастии в преступлении. А российский законодатель законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ признал посредничество во взяточничестве самостоятельным преступлением (ст. 291¹ УК). Но сделал он это весьма неудачно³.

Во-первых, при значительном размере взятки посредничество во взяточничестве почему-то на-

казывается строже (до 5 лет лишения свободы), чем собственно дача взятки (до 3 лет).

Во-вторых, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет, тогда как дача взятки — лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

В-третьих, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291¹ УК) независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, тогда как реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 5 лет.

Сделанные замечания указывают на то, что российский законодатель основательно запутался в сравнительной оценке степени опасности получения взятки, ее дачи и посредничества во взяточничестве. Для устранения отмеченных недостатков законодателю, видимо, следует:

а) скоординировать размеры наказания за посредничество во взяточничестве (а тем более за его обещание или предложение), чтобы наказание за посредничество во взяточничество не превышало наказания за получение и дачу взятки;

в) установить ответственность за посредничество во взяточничестве при отсутствии значительного размера взятки.

3 3 См.: Степанова И. Б. Уголовно-правовое противодействие коррупции: итоги реформирования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2012. С. 119.

STRAFBARKEIT DER BESTECHUNG UND BESTECHLICHKEIT NACH DEUTSCHEM UND RUSSISCHEM STRAFRECHT

Professor Dr. h. c. (UP) Aleksej I. Rarog,

Doktor der Rechtswissenschaften (Д. ю. н.), Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (Russland)

Im deutschen Strafrecht sind die Tatbestände der Vorteilsannahme und Vorteilsgewährung (§§331, 333 StGB) in ihrem Aufbau den Tatbeständen der Bestechlichkeit und Bestechung (§§332, 334 StGB) ähnlich. Deswegen werden in der Literatur die Vorteilsannahme, §331 StGB, und Bestechlichkeit, §332 StGB, als passive Bestechung genannt¹. Die Vorteilsgewährung, §333 StGB, und Bestechung, §334 StGB, stellen dementsprechend eine aktive Bestechung dar².

In ihrem Wesen unterscheiden sich die russischen Straftatbestände der Bestechlichkeit und Bestechung kaum von den entsprechenden Tatbeständen im StGB. Jedoch sind bei rechtstechnischer Beschreibung dieser Tatbestände wesentliche Unterschiede zu verzeichnen.

Das Subjekt der Amtsdelikte ist sowohl im UK RF (Anmerkungen zum Art. 285 UK RF), als auch im StGB (§11 Abs. 1 Nr. 1) ausführlich genug beschrieben. Dabei stellt der russische Gesetzgeber klar, dass das Subjekt der Bestechlichkeit ein Amtsträger, ausländischer Amtsträger oder Amtsträger einer öffentlichen internationalen Organisation sein kann. Allerdings werden im StGB auch speziellere Subjekte genannt, wie Richter und ehrenamtliche Schiedsperson.

Unterschiedlich wird auch der Gegenstand der Bestechungsdelikte beschrieben. Im deutschen

Strafrecht ist er durch den allgemeinen Begriff des „Vorteils“ bestimmt, im russischen UK dagegen ist ausführlich dargelegt, dass das Bestechungsmittel die Form von Geld, Wertpapieren, anderen Vermögensformen haben kann oder in Form von nichtrechtmäßigen Dienstleistungen mit Vermögenscharakter oder Gewährung von anderen Vermögensrechten zum Ausdruck kommt. Jedenfalls muss das Bestechungsmittel die Form von einem Vermögensvorteil haben.

Wesentlich sind ebenfalls die Unterschiede bei der Beschreibung der objektiven Seite der Bestechlichkeit. Nach deutschem Strafrecht besteht der objektive Tatbestand aus: a) Forderung, b) Annahme des Vorteils, c) Annahme des Versprechens, den Vorteil zu gewähren. Im russischen Strafrecht ist der objektive Tatbestand nur dann erfüllt, wenn die Vorteilsannahme tatsächlich erfolgte. Das Versprechen der Vorteilsgewährung kann nur unter dem Aspekt der unvollendeten Straftat strafrechtliche Bedeutung erlangen.

Jeweils eine andere Beschreibungsweise wird auch hinsichtlich der Verbindung zwischen dem Vorteil und der Amtsträgereigenschaft des Empfängers verwendet. Nach dem StGB ist der Vorteil dann rechtswidrig, wenn er als gegenseitige Verpflichtung dafür erbracht wird, dass der Amtsträger eine Amtshandlung unter der Verletzung seiner dienstlichen Pflichten vornimmt oder vornehmen wird. Nach dem UK RF ist die Verletzung der dienstlichen Pflichten durch den Amtsträger nicht erforderlich. Wichtig ist nur, dass

¹ Vgl.: Krey/Hellmann/Heinrich. Strafrecht. Besonderer Teil. Band I. Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 15. Voellig neubearbeitete Auflage. Kohlhammer. 2012. S. 297.

² Ebenda. S. 299.

der Vorteilsempfänger Handlungen im Interesse des Vorteilsgebers vornimmt, zu deren Vornahme er gerade als Amtsträger bevollmächtigt ist. Die vorgenommenen Handlungen a) liegen in seiner Kompetenz, b) liegen zwar in der Kompetenz anderer Amtsträger, aber der Vorteilsempfänger ist aufgrund seiner Stellung in der Lage, die Vornahme der entsprechenden Handlung zu bewirken, c) bestehen in der allgemeinen Protektion des Vorteilsgebers, d) bestehen in der dienstlichen Protektion des Vorteilsgebers (Nichteinleitung eines Disziplinarverfahrens, unbegründete Beförderung, unbegründete Bonuszahlungen usw.).

Als qualifizierte Formen der Bestechlichkeit sieht der UK RF die Vorteilsannahme für die Ausführung rechtswidriger Handlungen (Art. 290 Abs. 3), die Vorteilsannahme von bedeutendem (mehr als 25 000 Rubel — Art. 290 Abs. 4), großem (mehr als 150 000 Rubel — Art. 290 Abs. 5 Lit. «В») oder besonders großem Ausmaß (mehr als 1 Mio. Rubel — Art. 290 Abs. 6), die Vorteilsannahme durch mehrere Personen nach vorher erfolgter Absprache oder durch eine organisierte Personengruppe (Art. 290 Abs. 5 Lit. «а») und in gleicher Weise die Vorteilsvermittlung (Art. 290 Abs. 5 Lit. «б») vor.

In dem Fall, dass für die Vorteilsübergabe eine dritte Person im Sinne eines Mittlers eingesetzt wird, wird sein Verhalten nach den Mittäterschaftsregeln strafrechtlich bewertet. Der russische Gesetzgeber hat sich im Föderalen Gesetz vom 4. Mai 2011 № 97-ФЗ dazu entschieden, das Verhalten des Tatmittlers als eigenständige Straftat zu werten (Art. 291¹ UK RF). Jedoch ist es ihm nicht gut gelungen⁶.

Erstens wird aus einem unerklärlichen Grund der Vermittlungstäter im Fall des bedeutenden Ausmaßes

der Vorteilsannahme schärfer bestraft (bis zu 5 Jahren Freiheitsstrafe) als der unmittelbar agierende Täter (bis 3 Jahren Freiheitsstrafe).

Zweitens ist für die Tatvermittlung im Fall des großen Ausmaßes der Vorteilsgewährung (oder Vorteilsannahme) eine Freiheitsstrafe von 7 bis 12 Jahren vorgesehen, obwohl die direkt ausgeführte Vorteilsgewährung bzw. Annahme mit einer Freiheitsstrafe von 5 bis 10 Jahren bedroht ist.

Drittens ist für ein Versprechen oder Vorschlag der Tatvermittlung (Art. 291¹ UK RF) eine Freiheitsstrafe von bis zu 7 Jahren vorgesehen, und zwar unabhängig davon, ob qualifizierende Merkmale der Tat vorliegen. Gleichzeitig ist die tatsächliche Tatvermittlung allerdings straffrei, wenn qualifizierende Merkmale nicht gegeben sind. Bei dem bedeutenden Ausmaß des Vorteils ist für die ausgeführte Tatvermittlung eine Freiheitsstrafe lediglich von bis zu 5 Jahren vorgesehen.

Die angeführten Unstimmigkeiten weisen darauf hin, dass der russische Gesetzgeber die Gefährlichkeitswertung von Vorteilsannahme, Vorteilsgewährung und Vorteilsvermittlung gründlich durcheinanderbrachte. Zur Beseitigung dieser Widersprüche müsste der Gesetzgeber folgende Maßnahmen ergreifen:

a) Das Strafmaß für die Vorteilsvermittlung (und erst recht für deren Versprechen oder Vorschlag) so gestalten, dass dieses nicht die angedrohte Strafe für Vorteilsgewährung und Vorteilsannahme übersteigt.

b) Die Strafbarkeit für die Tatvermittlung auch für den Fall einführen, dass das Ausmaß des gewährten bzw. angenommenen Vorteils keine bedeutende Größe erreicht.

³ Vgl.: Степанова И.Б. Уголовно-правовое противодействие коррупции: итоги реформирования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2012. С. 119.

НАУКА ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С РЯДОМ ДРУГИХ (НОВЫХ) НАУК О ПРЕСТУПНОСТИ

Никола Тупанчески,

доктор юридических наук, профессор
(Университет свв. Кирилла и Мефодия,
юридический факультет им. Юстиниана Первого,
кафедра уголовного права, заведующий (Македония, Скопье))

Наука об уголовном праве — это научная дисциплина, предметом изучения которой является, в первую очередь, *позитивное уголовное право* и его основные принципы, институты и уголовно-правовые запреты, на которых она выстраивает собственную категориальную систему. Данная дефиниция определяет только одну ее сторону, объем или метод, коим является уголовно-правовая догматика. Однако уголовно-правовая наука не может изучать позитивное уголовное право исключительно на основе формально-логичного, абстрактно-юридического подходов, не принимая во внимание сами реалии своего применения, равно как и ситуацию, и изменения в общественной среде, к которым позитивное уголовное право должно приспосабливаться. Догматизм, абстрактный и безжизненный, означает пренебрежение спецификами криминальной реальности в пользу закоряченных формально-правовых категорий и понятий. Уголовно-правовая мысль как «голая» трактовка закона без учета его критической оценки представляет собой не науку как таковую, а обычную экзегезу, апологию закона. По этой причине предмет ее изучения должен включать и *практическое применение* закона, анализ которого позволяет проверять, подтверждать или исправлять собственные теоретические определения. Систематическое отслеживание судебной практики дает возможность получения исключительно важных знаний, которые впоследствии

станут эмпирической основой для выработки научных заключений в части правильности позитивно-правовых решений или их одобрения.

Основным, обобщенным понятием в категориальной системе уголовно-правовой науки является **уголовное преступление**. Это логический *præius*, отправная точка развития системы научных понятий, выстроенных, прежде всего, на базе структуры этого общего термина: деяние, противоправность и т. д. Каждый из этих элементов далее распадается на множество научных определений, между которыми должна быть установлена какая-либо четкая органическая взаимосвязь, например, логическая, философско-правовая, социологическая и т. п. Объяснение, которое отталкивается от идентичных исходных принципов. Их логическая взаимосвязь как закрытое и когерентное целое не вступает в коллизию с требованием динамичности по отношению к научной системе, определяемой характером уголовного права и социальным содержанием и смыслом его защитной функции. Установка на целостность системы подчеркивает исключительную важность ее функции гаранта: посредством четкого определения основных принципов и институтов уголовного права являться непреодолимым барьером с целью защиты свобод и прав человека от возможных прагматических инструментальных нападков со стороны государства.

Уголовно-правовая наука антропоцентрична. Средоточием ее научного интереса является

человек, вступивший в конфликт с законом, а точнее его поведение, трактуемое как уголовное деяние. В этом контексте уголовно-правовая наука должна принимать во внимание противоречивый характер «нормативной силы перед фактическим» и «фактической силы перед нормативным». В этой связи особый научный интерес пробуждает необходимость разграничения науки об уголовном праве, с одной стороны, и растущего числа других общественных наук, предметом изучения которых также является преступность и противодействие ей, — с другой.

Практически во всех учебниках по уголовному праву, как континентального, так и прецедентного типа, отдельная глава посвящается определению общих точек и коллизий между наукой об уголовном праве и другими общественными науками, которые особым (читай, частным) образом трактуют тему преступности и ее субъектов. Конечно же, в этом контексте не следует пренебрегать следующими, по мнению некоторых, вспомогательными дисциплинами в рамках уголовно-правовой науки: криминология, пенология, криминалистика, виктимология, судебная медицина, судебная психология, судебная психиатрия.

В данной работе исключительно по вышеизложенным причинам данные дисциплины не принимаются во внимание, и основной акцент сделан на ряде иных вспомогательных дисциплин.

А именно, в рамках мастер-классов по уголовному праву на юридическом факультете им. Юстиниана Первого в г. Скопье уже на протяжении нескольких лет отдельное внимание уделяется ряду таких научных дисциплин, которые далеко не во всех правовых системах Европы выделяются каким-либо особым образом. *Криминальная политика, экономическое уголовное право, медицинское уголовное право и уголовное право в сфере информатики* — дисциплины, к которым сей-

час применяется отдельный подход с учетом их особенностей и позиционирования. Безусловно, в процессе выстраивания системы уголовно-правовой науки основная дискуссия была посвящена выработке силовых (программ, или точнее, содержаний), которые должны быть охвачены этими относительно новыми и молодыми научными дисциплинами. Базовым критерием в процессе их оформления стала потребность в дополнительной операционализации некоторых общих институтов науки об уголовном праве, которые в современных условиях существования оказались слишком статичными, устаревшими и даже неприменимыми. Например, может ли применяться одна и та же формула (принцип) места совершения преступления в отношении компьютерных преступлений; вызывает ряд вопросов даже существующая система санкций — соответствует ли она новым реалиям и корреспондирует ли с ними; институт вины и новые современные формы преступности; необходимость выделения новых типов вины: предумысел (*dolus praemeditatus*), халатность при исполнении профессиональной деятельности, объективная ответственность в уголовном праве; фазы совершения уголовного деяния и их наказуемость; институт превентивного лишения свободы в уголовном праве и т. д.

Хотим мы этого или нет, но уголовно-правовая наука стоит перед серьезными вызовами! И ключевым вопросом здесь является не то, появятся ли в науке об уголовном праве новые вспомогательные дисциплины, а как далеко зайдет процесс операционализации базовой дисциплины и на основе каких фундаментальных критериев он будет осуществляться. Будет ли задана установка на расширение присутствия новых форм преступлений в рамках «уголовно-правовых адитивив»?!

Эти основные тезисы составляют предмет данной работы.

STRAFRECHTSWISSENSCHAFT UND KONNEXITÄT ZU ANDEREN KRIMINOLOGISCHEN FACHGEBIETEN

Professor Nikola Tupanceski,

Doktor der Rechtswissenschaften (Д.Ю.Н.), Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht an der Universität Skopje (Serbien)

Die Strafrechtswissenschaft beschäftigt sich vorrangig mit der Erforschung *des positiven Strafrechts* sowie seiner Grundprinzipien, Konstrukte und strafrechtlicher Verbote. Auf diesen Bausteinen gründet dementsprechend auch das eigene Kategorisierungssystem der Strafrechtswissenschaft. Jedoch bestimmt die angeführte Definition lediglich einen Aspekt, den Umfang oder die Vorgehensweise der Strafrechtsdogmatik. Die strafrechtliche Forschung kann sich nicht nur einer formal-logischen, abstrakt-juristischen Methode bedienen. Die wissenschaftliche Auseinandersetzung mit dem Stoff erfordert die Berücksichtigung praktischer Anwendung und, in gleicher Weise, der aktuellen Lage ggf. Veränderungen der Gesellschaft, weil das positive Strafrecht sich an diese Faktoren anpassen muss. Abstrakte und leblose Dogmatik bedeutet die Missachtung von spezifischer krimineller Realität zu Gunsten der erhärteten formalrechtlichen Kategorien und Begriffe. Das Strafrecht als pure Gesetzesauslegung ohne jegliche kritische Wertung stellt keine Wissenschaft dar, sondern eine Exegese oder Gesetzesapologie. Aus diesem Grund soll der Gegenstand der Strafrechtslehre auch praktische Gesetzesanwendung enthalten, deren Erforschung die Kontrolle, Bestätigung oder Korrektur der eigentlichen theoretischen Begriffe erst ermöglicht. Eine systematische Betrachtung der Rechtsprechung führt zur Erlangung der wichtigen Kenntnisse, die im Ergebnis als eine empirische Grundlage der wissenschaftlichen Schlussfolgerungen fungieren. Sie

bewirken die Bestätigung über die Richtigkeit positivrechtlicher Lösungen.

Die Straftat stellt einen allgemeinen Grundbegriff im Kategorisierungssystem der Strafrechtswissenschaft dar. Sie fungiert als prius, ein Anknüpfungspunkt des wissenschaftlichen Systems von Begriffen, die ihrerseits auf der Grundlage dieses allgemeinen Begriffs aufbauen: Tat, Rechtswidrigkeit usw. Jedes der Elemente lässt sich in mehrere wissenschaftliche Begriffe aufteilen, die durch eine bestimmte organische Verbindung miteinander verknüpft sein müssen. Diese spezielle Verbindung kann eine logische, rechtlich-philosophische, soziologische Natur haben und stellt einer Art Erklärung dar, die auf den identischen Ausgangsprinzipien beruht. Die logische Verbindung in seiner Eigenschaft als kohärentes Ganzes widerspricht nicht dem Erfordernis von Dynamik gegenüber dem wissenschaftlichen System. Dieses System wird durch den Charakter des Strafrechts, seinem sozialen Inhalt und Sinn und Zweck seiner Schutzfunktion bestimmt. Die Fokussierung auf die Gesamtheit des Systems betont die außerordentliche Wichtigkeit ihrer Garantfunktionen: durch die genaue Bestimmung der Grundprinzipien und strafrechtlichen Konstruktionen stellt sie eine unüberwindbare Grenze zum Schutz von Rechten und Freiheiten des Menschen gegen mögliche pragmatische instrumentelle Angriffe seitens des Staates dar.

Die Strafrechtswissenschaft ist anthropozentrisch. Den Mittelpunkt des wissenschaftlichen Interesses

stellt ein Mensch dar, der in Konflikt mit dem Gesetz geraten ist, genauer, sein Verhalten, welches den Tatbestand einer strafrechtlichen Norm erfüllt. In diesem Kontext muss die Strafrechtswissenschaft den widersprüchlichen Charakter der „normativen Kraft vor dem Tatsächlichen“ und „tatsächlicher Kraft vor dem Normativen“ berücksichtigen. In dem Zusammenhang besteht ein besonderes wissenschaftliches Interesse in der Abgrenzung der Strafrechtswissenschaft von anderen Gesellschaftswissenschaften, die als Forschungsgegenstand die Kriminalität und derer Bekämpfung haben.

Fast in allen Lehrbüchern, die sich sowohl mit kontinentalem Strafrecht als auch mit dem case law Strafrecht beschäftigen, lässt sich jeweils ein Kapitel finden, welches dem Thema der Kollusion des Strafrechts mit anderen Gesellschaftswissenschaften gewidmet ist. Diese Fachgebiete legen auf eigene fachspezifische Weise das Thema der Kriminalität und ihrer Subjekte aus. Zweifellos dürfen in dem Kontext solche ergänzenden Fachbereiche im strafrechtswissenschaftlichen Rahmen wie Kriminologie, Pönologie, Kriminalistik, Viktimologie, Gerichtsmedizin, forensische Psychologie und Gerichtspsychiatrie nicht vernachlässigt werden.

In der vorliegenden Arbeit werden jedoch andere Fachgebiete thematisiert: Es sind *Kriminalpolitik*, *Wirtschaftsstrafrecht*, *Medizinstrafrecht* und *Strafrecht im Bereich der Informatik*. Obwohl diese Fachbereiche nicht in allen europäischen Rechtssystemen besondere Hervorhebung finden, werden sie im Rahmen des Masterstudiums an der Juristischen Fakultät der Universität Skopje bereits seit mehreren Jahren besonders berücksichtigt. Die genannten Disziplinen erfordern

aufgrund spezifischer Schwerpunkte und Positionierung eine eigene Vorgehensweise. Selbstverständlich muss die wesentliche Diskussion im Prozess der wissenschaftlichen Systematisierung den Inhalt dieser neuen wissenschaftlichen Disziplinen zum Schwerpunkt haben. Bei der Ausgestaltung der Fachgebiete wurde außerdem das Erfordernis eines neuen Grundkriteriums deutlich, nämlich der Operationalisierung einiger Konstruktionen aus dem Allgemeinen Strafrecht. Mehrere Rechtsfiguren sind derzeitig zu statisch, zu veraltet und zum Teil unanwendbar geworden. Als Beispiel dienen das Tatortprinzip und seine Anwendung im Bereich der Computerkriminalität. Viele Fragen stellen sich ebenfalls hinsichtlich des aktuell geltenden Sanktionssystems, da zumindest die Tatsache klärungsbedürftig erscheint, ob das aktuelle Sanktionssystem den tatsächlichen Gegebenheiten entspricht. Als änderungsbedürftig sind auch solche strafrechtlichen Figuren wie Schuld und neuzeitliche Straftatformen zu bewerten. Möglicherweise besteht die Notwendigkeit Schuldformen neu zu definieren: zudem könnten auch *dolus praemedidatus*, fahrlässige Verletzung der Dienstpflichten, objektive Verantwortlichkeit im Strafrecht gehören. Einer Überarbeitung bedürfen auch die Stadien der Straftat und ihre Strafbarkeit, das Konstrukt des präventiven Freiheitsentzugs, usw.

Die Strafrechtswissenschaft steht vor großen Herausforderungen! Die Schlüsselfrage lautet deswegen nicht, ob in der Strafrechtswissenschaft neue Teildisziplinen entstehen, sondern wie weit die Zersplitterung der Grunddisziplin gehen wird. Nach welchen Prinzipien wird dieser Prozess sich weiter fortsetzen. Wird in der Wissenschaft das Ziel gesetzt, den Rahmen der „strafrechtlichen additive“ zu erweitern und neue Straftatformen zu erfassen!?

Трибуна Московской Академии Экономики и Права

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ТЕМЕ: «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ» (МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА (г. Москва), 20 ноября 2013 г.).

О. А. Зайцев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», проректор по научной работе;
Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов,
член Президиума),

В. Н. Орлов,

кандидат юридических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра криминологии и уголовно-исполнительного
права, доцент; Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов,
ответственный секретарь)

20 ноября 2013 г. в Московской академии экономики и права состоялся международный круглый стол «Принудительные меры в уголовном праве и уголовном процессе России и Германии».

Модератор круглого стола: *Зайцев Олег Александрович*, проректор по научной работе Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

С основными докладами выступили: заведующий кафедрой уголовного, экономического го уголовного права юридического факультета

Потсдамского университета (Германия), доктор права, профессор У. Хелльманн, главный научный сотрудник кафедры уголовного, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия) доктор права П. В. Головненков, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ А. П. Гуляев.

После выступлений докладчиков среди участников круглого с тола велась полемика. В дискуссии приняли участие:

— доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ О. А. Зайцев (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», проректор по научной работе, РОО «Союз криминалистов и криминологов, член Президиума);

— кандидат юридических наук, доцент В. Н. Орлов (ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, доцент; РОО «Союз криминалистов и криминологов, ответственный секретарь);

— кандидат юридических наук, доцент П. А. Смирнов (ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», отдел международного сотрудничества и сравнительного правоведения НИИ, ведущий научный сотрудник);

— кандидат юридических наук, доцент С. В. Смирнов (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», кафедра уголовно-правовых дисциплин, заведующий);

— кандидат юридических наук, доцент Ю. А. Мерзогитова (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», кафедра уголовно-правовых дисциплин, профессор);

— кандидат юридических наук, доцент И. И. Курылев (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», кафедра уголовно-правовых дисциплин, доцент);

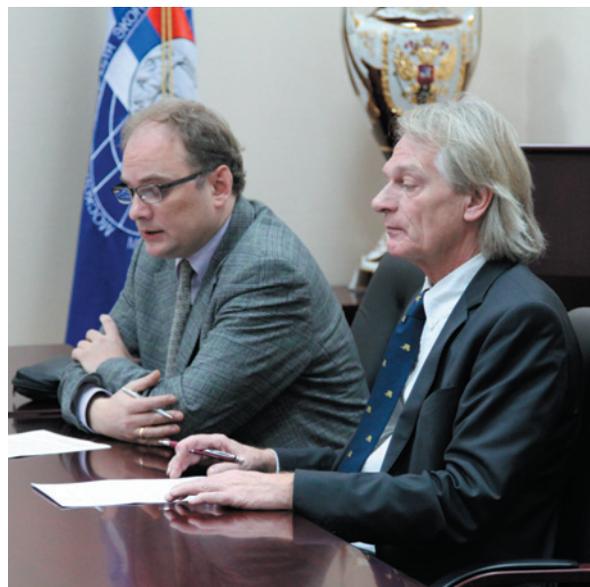
— Т. Б. Коробкова (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», кафедра уголовно-

но-правовых дисциплин, ст. преподаватель, федеральный судья в отставке);

— А. О. Зайцев (ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовно-процессуального права, аспирант).

Соорганизатором международного стола выступил Союз криминалистов и криминологов.

Ряд основных докладов и выступлений на международном круглом столе вошли в данный номер журнала «Союз криминалистов и криминологов».

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

А. П. Гуляев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
(НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»,
кафедра уголовно-правовых дисциплин, профессор)

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает три вида мер принуждения, допускаемых при производстве по уголовным делам:

— задержание лица, подозреваемого (заподозренного) в совершении преступления, на срок до 48 часов;

— меры пресечения, которые можно применять к обвиняемым или подозреваемым лицам (заключение под стражу, домашний арест, залог, подписка о невыезде и др.);

— иные меры принуждения: временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Эти меры принуждения могут применяться к подозреваемым и обвиняемым, а обязательство явки и привод — к тем и к другим участникам уголовного процесса.

УПК России не относит к мерам принуждения обыск, выемку, принудительное помещение лица в медицинское учреждение для производства экспертизы, хотя эти действия явно имеют принудительный характер, их производство осуществляется в принудительном порядке и связано с вторжением в жилые и иные помещения граждан и организаций. Не случайно эти действия проводятся порой с участием специальных силовых структур.

Характеризуя практику применения мер принуждения в нашем уголовном процессе, надо признать, что в последние годы она в какой-то

мере приобрела сугубо репрессивный характер, выходя за рамки предназначения этих мер. Особенно это касается таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог и даже подписка о невыезде, в том числе и в части чрезмерной продолжительности их применения, не соответствующей принципу разумного срока. Меры пресечения в уголовном процессе имеют обеспечительное назначение. Обеспечение выполнения функции правосудия и некоторых локальных задач, возникающих при производстве по уголовным делам, — вот каково назначение этих мер. И они не должны превращаться в самостоятельные репрессивные меры, сравнимые с мерами уголовной ответственности. Тем более, что они должны применяться с учетом принципа презумпции невиновности обвиняемого и возможной неточности первоначальной квалификации деяния, её завышения или ошибочности при возбуждении уголовного дела, что бывает, увы, нередко.

В своих ходатайствах перед судом об избрании меры пресечения или продлении срока её применения следователи часто бездоказательно, голословно ссылаются на одно или несколько оснований из числа указанных в законе, а судьи чуть ли не автоматически удовлетворяют ходатайства то ли из чувства корпоративной солидарности, то ли из предвзятой уверенности в правоте своих коллег, а то и по указанию сверху.

Вопрос усугубляется еще и тем, что порой тот же судья рассматривает данное дело по существу. Может ли он оставаться в полной мере объективным? Вопрос не риторический, и ответ на него очевиден.

При решении вопроса об избрании меры пресечения следователи и судьи зачастую не учитывают обстоятельства, обозначенные в законе как условия применения мер пресечения (возраст, состояние здоровья, семейное положение и др.). Поэтому в средствах массовой информации люди нередко выражают своё возмущение по этому поводу, по поводу бесчеловечности решения о применении к обвиняемому тяжелой меры пресечения, несовместимой с принципом гуманности, закрепленным в Уголовном кодексе. Кстати этот принцип не воспринят Уголовно-процессуальным кодексом, хотя для него Уголовный кодекс во многом является определяющим. Остается только рекомендовать следователям и судьям применять принципы гуманности и справедливости по аналогии. Считаю, что такие общие нормы уголовного закона — нормы нравственного содержания необходимо учитывать и исполнять при применении мер процессуального принуждения по уголовным делам.

Злоупотребления полномочиями нередко проявляются и в применении следователями и судьями таких мер принуждения, как выемка и наложение ареста на имущество, в том числе на ценные бумаги и документы. Наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска или конфискации имущества производится зачастую:

— в размерах, неадекватных цели наложения ареста;

— с изъятием средств производства, учредительной и другой документации;

— неоправданным приобщением изъятых имущества, ценных бумаг и (или) документов к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, причем производство по делу длится иногда годами.

А когда следствие оказывается в тупиковой ситуации и не имеет оснований направить дело

в суд, оно, как парализованное, искусственно избегает принятия реабилитирующего решения, тем более, когда вернуть изъятые имущество законному собственнику или владельцу по разным причинам, в том числе криминальным или полукриминальным, не представляется возможным. Подобной практикой причиняется существенный вред конкретным лицам или организациям, что отрицательно влияет на инвестиционный климат в стране.

Распространение порочной практики в применении мер принуждения на стадии предварительного расследования стало возможным, и в результате резкого повышения в 2007 году статуса Следственного комитета путем подчинения его Президенту страны (высшему должностному лицу государства) и одновременного сокращения полномочий прокуроров в надзоре за соблюдением законов при производстве предварительного следствия.

Усиление внутриведомственного контроля, при том, что новые властные полномочия руководителей следственных подразделений по отношению к следователям фактически лишили последних процессуальной самостоятельности, не только не компенсировало ослабление прокурорского надзора, но, напротив, привело к усилению подчинения следственного аппарата исполнительной ветви власти, хотя он по сути служит осуществлению правосудия по уголовным делам и является следовательно вспомогательным органом судебной власти.

Изложенные соображения делают, на мой взгляд, необходимым дальнейшее реформирование организационно-правового статуса следственных органов страны в следующем направлении:

1) объединение всех действующих следственных органов страны в единый Следственный комитет;

2) включение его в систему судебной власти (внесение соответствующего дополнения в Конституцию Российской Федерации);

3) законодательное обеспечение выборности руководителей следственных органов судейскими сообществами разного уровня.

ЗАДЕРЖАНИЕ И ПЕРВЫЙ ДОПРОС ЗАДЕРЖАННОГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

П. А. Смирнов,

кандидат юридических наук, доцент
(ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации», Научно-исследовательский институт,
отдел международного сотрудничества и сравнительного правоведения,
ведущий научный сотрудник)

Нескончаемость потока происходящих в российском уголовно-процессуальном праве изменений свидетельствует о незавершенности реформы уголовного судопроизводства. При этом законодательные шаги на пути к совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ или Кодекс) далеко не всегда можно признать последовательными, взвешенными и научно обоснованными, что в целом может быть объяснено наличием проблемы системного характера — трудностью выбора адекватной модели уголовного процесса в контексте широко обсуждаемого в процессуальной литературе концептуального противопоставления континентальной и англосаксонской уголовно-процессуальной идеологии¹.

Разрешение указанной проблемы, очевидно, требует, в том числе, проведения сравнительных исследований норм зарубежного законодательства развитых демократических стран, регулирующих схожие процессуально-правовые отношения. В этой связи отдельного внимания заслуживает уголовный процесс Германии, который, по мнению немецких процессуалистов, является собой особый, отличающийся от «классических» инквизиционного и со-

стязательного, так называемый «обвинительно-следственный» тип².

Важнейшие критерии, определяющие состояние и уровень развития уголовного процесса в конкретной правовой системе, проявляются в порядке и условиях применения мер государственного принуждения, а также регламентации свидетельствования³ в ходе уголовного судопроизводства. В этом смысле особый научный интерес представляет институт задержания лица в связи с подозрением в совершении преступления, поскольку в нем ярко выражен принудительный элемент находится в неразрывной системной взаимосвязи с получением от задержанного первых показаний по уголовному делу.

Заметим, что как в российском, так и в германском уголовном процессе задержание состоит в кратковременном лишении свободы и, безусловно, является самой жесткой мерой воздействия на человека со стороны государства. Даже не обладая специальными познаниями в области психологии, нетрудно представить, что применение именно этой меры процессуального принуждения, посредством

2 Roxin C. Strafverfahrensrecht. Munchen. 1995. S. 89.

3 Проблема свидетельствования объединяет в себе широкий круг вопросов, связанных, в том числе, с процессами дачи, получения и использования, в ходе уголовного судопроизводства, показаний различных участников уголовно-процессуальной деятельности. Подробнее см., напр.: Зайцев О. А., Джагаев У. Ф. К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве // Общество и право. — 2013. — № 2 (44). — С. 133–136.

1 См.: Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 65–87; Орлов Ю. К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 192–198 и др.

которой лицо оказывается внезапно поставленным в предельно ограниченные пространственные и поведенческие рамки, способно в наибольшей степени снизить его возможности по самостоятельному осуществлению своей защиты.

Согласно положениям УПК РФ, орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (ч. 1 ст. 91). Кроме того, при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем или дознавателем (с согласия, соответственно, руководителя следственного органа или прокурора) в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 91).

Законодательная регламентация института задержания в российском уголовно-процессуальном законодательстве не ограничивается перечислением оснований для его производства, а включает в себя также порядок задержания и личного обыска подозреваемого (ст.ст. 92, 93, 46 УПК РФ), основания для освобождения подозреваемого (ст. 94), порядок содержания подозреваемого под стражей (ст. 95), уведомление о задержании подозреваемого (ст. 96). В частности, положениями перечисленных статей устанавливается следующее: в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания, к дознавателю или следователю, должен быть составлен протокол задержания; о произведенном задержании должно быть сообщено прокурору, а также родственникам задержанного в течение 12 часов с момента фактического его задержания. Наконец, в течение 24 часов с этого же момента подозреваемый должен быть допрошен.

Кроме того, в УПК РФ содержится определение задержания, в соответствии с которым таковым следует считать меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем или

следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5).

В Уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германии (далее — УПК ФРГ), в отличие от российского Кодекса, собственно понятие задержания отсутствует. Тем не менее, системное толкование норм УПК ФРГ, включая положения базового по отношению к рассматриваемому процессуальному действию §127 УПК ФРГ, не оставляет сомнений о его соответствии и, следовательно, сопоставимости с институтом отечественного кратковременного лишения свободы в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Естественно, с определенными изъятиями и отличиями.

В германском уголовном процессе данная мера принуждения подразделяется на несколько относительно самостоятельных видов. К так называемому «общевозмозному задержанию»⁴ относится захват или поимка лица, которое было застигнуто в момент совершения преступления или поймано по горячим следам (абз. 1 §127 УПК ФРГ), что практически совпадает с «основаниями задержания», перечисленными в ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Однако, в отличие от России, в Германии данный вид задержания может быть осуществлен только при наличии специальной цели — обеспечить дальнейшее уголовное преследование, если существуют объективные основания предположить о намерениях заподозренного скрыться, и/или его личность невозможно установить непосредственно на месте преступления⁵. И такой подход представляется нам более предпочтительным, поскольку очевидность совершения конкретным лицом преступления здесь выступает не «основанием», а необходимым условием задержания⁶, что, в конечном итоге, исклю-

4 «Общевозмозность» означает наличие права на задержание лица не только у представителей власти, но и у любого гражданина. В России аналогичное право граждан вытекает из положений Уголовного кодекса, в соответствии с ч. 1 ст. 38 которого, не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

5 Как указывалось выше, в УПК РФ (ч. 2 ст. 91) обязательное наличие аналогичных целей предусмотрено лишь для случаев, когда имеются «иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления», то есть степень вероятности вывода о причастности последнего к преступлению значительно уменьшена. Таким образом, получается, что обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 91 УПК РФ как бы самодостаточны для применения задержания, без каких-либо дополнительных условий.

6 Фактически обозначенные в УПК РФ в качестве «оснований для задержания» обстоятельства являются ничем иным, как весьма

чает возможность его формального (безмотивного) применения и, соответственно, создает дополнительную процессуальную гарантию соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Второй вид задержания (абз. 2 §127 УПК ФРГ) применяется в целях обеспечения последующего применения заключения под стражу или помещения в лечебное учреждение, что, как можно увидеть, вполне соответствует аналогичным положениям ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Как и в российском Кодексе, в УПК ФРГ прописываются действия и процедуры, следующие за собственно задержанием⁷. Так, §163 b (абз. 1) и §163c (абз. 1) предусмотрены личный обыск и досмотр вещей задержанного, а также применение иных криминалистических методов. Помещенному в заключение лицу должна быть незамедлительно предоставлена возможность известить о своем положении любое доверенное лицо (§114c), что, безусловно, является более прогрессивной нормой в сравнении с российским категоричным правилом об уведомлении только близких родственников или (при отсутствии последних) — родственников задержанного (ч. 1 ст. 96 УПК РФ).

В соответствии с §§128 и 129 УПК ФРГ, если задержанный не был освобожден сразу, его необходимо незамедлительно, но не позже следующего дня после задержания, представить суду (либо следственному судье), который после допроса принимает решение об отмене или дальнейшем продолжении содержания под стражей (или в лечебном учреждении). При этом в обязанность судьи входит проведение допроса данного лица также «не позднее следующего дня» после представления (абз. 2 §115, абз. 2 §115a УПК ФРГ).

Характерно, что в уголовном судопроизводстве обоих государств допрос обвиняемого (подозреваемого) воспринимается не только в качестве средства добывания искомой информации органами уголовного преследования, но и как способ реализации человеком и гражданином права на защиту путем дачи показаний⁸. В этой связи для органов, осу-

ществляющих производство по уголовному делу, установлены, как показано выше, достаточно жесткие сроки, в течение которых они (органы) обязаны предоставить задержанному возможность дать показания на допросе⁹.

Следует отметить, что в УПК обеих стран эти требования касаются допроса именно задержанного лица. В отношении же «обычного» допроса в УПК ФРГ, например, сказано, что он должен быть проведен «не позднее завершения расследования» (абз. 1 §163a), при этом принятие решения о том, в каком органе обвиняемый будет допрошен, является прерогативой правоохранительных органов.

Таким образом, различие в режиме первого допроса задержанного лица в уголовном процессе России и Германии проявляется, прежде всего, в двух аспектах. Во-первых, это субъект допроса. В отличие от России, где данное действие проводится следователем (дознавателем), в Германии оно осуществляется представителем самостоятельной (судебной) ветви власти, свободным от ведомственных интересов. Безусловно, это не может не повысить значение (уровень) допроса на рассматриваемом этапе уголовно-процессуальной деятельности.

Во-вторых, как видно, срок до начала первого допроса по УПК ФРГ фактически может оказаться вдвое больше, чем установленные в УПК РФ 24 часа. Здесь такую возможность следует расценивать, скорее, как благо, поскольку российский срок, как показывает практика, не позволяет качественно подготовиться к допросу как собственно задержанному, так и следователю. Речь идет о необходимости разрешения многих организационных вопросов, имеющих при этом важные процессуальные последствия — участия защитника в уголовном деле (что является обязанностью следователя), согласования с ним (защитником) линии поведения на допросе и т. д.

Весьма интересна регламентация так называемых недозволённых методов допроса, использование которых влечет недействительность полученных при этом результатов, недопустимость их использования в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Германский законодатель пошел по пути подробного описания конкретных приемов,

убедительными основаниями для подозрения лица в совершении преступления.

7 При этом, с точки зрения российской доктрины, данные действия являются составной частью задержания, как комплексного правового института (см., напр.: Веретенников И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 14).

8 Подчеркнем, что дача показаний — исключительно право, а не обязанность подозреваемого.

9 Следует отметить, что в УПК обеих стран эти требования касаются допроса только задержанного подозреваемого. В отношении «обычного» допроса в УПК ФРГ, например, сказано, что он должен быть проведен «не позднее завершения расследования» (абз. 1 §163a), при этом принятие решения о том, в каком органе обвиняемый будет допрошен, является прерогативой правоохранительных органов.

запрещенных к применению при (разумеется, также как и до, и после) допросе: истязание, переутомление, физическое воздействие, введение веществ в организм, причинение физических и психических страданий, обман, гипноз и т. д. (§136а УПК ФРГ). При этом конкретное содержание многих из них раскрывается уже в нормах материального (уголовного) права.

В УПК РФ, напротив, акцент делается на базовых положениях (принципах) уголовного процесса и общих правилах производства всех следственных действий. Так, в ч. 1 ст. 11, ч. ч. 5 и 4 ст. 164 УПК РФ говорится об обязанности следователя разъяснить привлекаемому к участию в каком-либо следственном действии, в том числе и допросе, участнику уголовного судопроизводства права, ответственность, и порядок осуществления соответствующего действия, а также о недопустимости при производстве следственных действий применения насилия, угроз, иных незаконных мер, или создания опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Суще-

ствуют также общие правила допроса, состоящие, например, в ограничениях продолжительности и времени суток его проведения (ст. 187 УПК РФ).

Примечательно, что в специальных исследованиях зафиксирован высокий уровень злоупотребления германским правоприменителем формально не запрещенными ночными, а равно и продолжительными допросами¹⁰, что, в свою очередь, позволяет говорить о большей эффективности подхода российского законодателя.

К сожалению, формат настоящей публикации не предполагает более углубленного и всеобъемлющего сравнительного изучения особенностей задержания и первого допроса заподозренного в совершении преступления лица в российском и германском уголовно-процессуальном праве. Тем не менее, даже столь незначительного объема информации оказалось, на наш взгляд, достаточно для выявления некоторых весьма перспективных направлений совершенствования уголовного процессуального законодательства обеих держав.

¹⁰ См.: Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Издательство: Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 62.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

А. О. Зайцев

(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовно-процессуального права, аспирант)

Повышенное значение для законодательных реформ и правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства имеют конституционные установления о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры нашей страны являются составной частью ее правовой реформы (ч. 4 ст. 15 Конституции). При коллизии между требованиями международного договора и закона государства применению подлежат правила международного договора.

Особое место среди международных актов, где закреплены основные права человека (в том числе и право на свободу и личную неприкосновенность), занимает Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, которая вступила в силу в отношении Российской Федерации 5 мая 1998 года. Согласно Федерального закона от 30 марта 1998 года, Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по всем вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, осуществляемые на основе разрешения конкретных уголовных дел. Это приводит российского законодателя и правоприменителя к необходимости безусловного учета всей практики Европейского Суда по правам человека¹.

Основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность закреплены в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В соответствии с российским законодательством, при решении вопроса о содержании под стражей обвиняемого (подозреваемого) в каждом случае надлежит устанавливать, имеются ли иные обстоятельства, кроме указанных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, свидетельствующие о том, что лицо в обязательном порядке необходимо изолировать от общества. К ним следует отнести: данные о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от судебно-следственных органов, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу².

Особый интерес вызывает практика Европейского Суда по правам человека относительно толкования вышеуказанных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

1. Риск уклонения от правосудия. По делу Томази против Франции от 27 августа 1992 г. Ев-

свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 9–10.

2 См.: пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 10 июня 2010 г. № 31, от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 14 июня 2012 г. № 11).

1 См.: Де Сильвия М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных

ропейский Суд указал, что опасность уклонения от правосудия не может измеряться только в зависимости от суровости возможного наказания. Она должна определяться с учетом других факторов, которые свидетельствуют о наличии существенной опасности уклонения от правосудия либо делают ее настолько незначительной, что это не может служить оправданием содержания под стражей³.

По делу Неймастер против Австрии от 27 июня 1968 г. отмечено, что для установления данных о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от правосудия, необходимо учитывать характер обвиняемого (подозреваемого), его моральные качества, его средства, связи с государством, в котором он преследовался по закону, и его международные контакты⁴.

Принимая решение по делу Летелье против Франции от 26 июня 1991 г., Европейский Суд обратил повышенное внимание на необходимость установления опасности того, что обвиняемый скроется от следствия. Подобная опасность должна оцениваться не только в свете тяжести наказания, но и исходя из всех сопутствующих обстоятельств, которые могут либо подтвердить наличие подобной опасности, либо свести ее до такого минимума, что заключение под стражу окажется неоправданным. При этом было отмечено, что в рассматриваемом деле обвиняемой было бы трудно скрыться от следствия, так как у нее имеются несовершеннолетние дети, а также торговое заведение, которое является единственным источником ее доходов. Если игнорировать указанные обстоятельства, то принимаемое решение об аресте рискует оказаться недостаточно мотивированным, не учитывающим значимые обстоятельства⁵.

В судебном решении по делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г. сказано, что в своих тщательно обоснованных решениях суд учитывал конкретные особенности ситуации обвиняемого: после переноса своего постоянного места жительства из Швейцарии в Монте-Карло, он часто посещал Германию, Великобританию, США, Антильские острова и установил многочисленные тесные связи в зарубежных странах.

Более того, обвиняемый неоднократно заявлял, что хотел бы переехать на жительство в США. Было также установлено, что он все еще располагал значительными средствами за рубежом и имел несколько различных паспортов. Как человек общительный, он с легкостью мог бы скрыться за пределами Швейцарии⁶.

2. Опасность повторения преступлений. По вышеупомянутому делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г., Европейский Суд разделил мнение федерального суда, который не стал дополнительно рассматривать возможность риска того, что может продолжить совершать преступления, поскольку опасность уклонения от правосудия и сговора уже являлась достаточным оправданием содержания лица под стражей⁷.

3. Воспрепятствование производству по уголовному делу. Принимая решение по делу Клоот против Бельгии от 12 декабря 1991 г. Европейский Суд признал, что в отношении обвиняемого, по крайней мере в начале следствия, может быть применена мера пресечения в виде содержания под стражей для того, чтобы помешать ему запутать расследование, особенно в деле, где необходимы многочисленные и сложные следственные действия. Однако с течением времени ситуация может поменяться и при нормальном развитии событий предполагаемые риски постепенно уменьшатся по мере того, как проводится расследование, фиксируются показания и осуществляется проверка⁸.

Европейский суд в своем решении по делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г. разделил мнение федерального суда относительно обоснованности заключения под стражу обвиняемого. При этом учитывался исключительный объем дела, большое количество изъятых документов и их преднамеренно запутанное состояние, а также значительное количество свидетелей, проживающих за границей. Другой аргумент базировался на личности арестованного лица, чье поведение как до, так и после ареста отражало его намерение уничтожить все уличающие его свидетельства, например, путем фальсификации или ликвидации счетов. Имелись также достаточные доказательства того, что оказавшись на свободе, обвиняемый может злоупотребить ею и пользуясь влиянием на своих сотрудников, уничтожить не найден-

3 См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. — М.: НОРМА, 2000. — С. 759.

4 Там же. С. 776.

5 Там же. С. 700.

6 Там же. С. 776.

7 Там же. С. 778.

8 Там же. С. 777.

ные улики, вероятное существование которых подтверждали другие документы, а также манипулировать свидетелями и склонить их к ложным показаниям⁹.

По делу Летелье против Франции от 26 июня 1991 г. Европейский Суд согласился с доводами Комиссии о том, что опасение давления на свидетелей в качестве одного из оснований к заключению под стражей могло быть оправданным в начале следствия, а после проведенных многочисленных допросов свидетелей оно перестает быть определяющим. Тем более, что в деле отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о том, что в период, когда обвиняемая находилась на свободе под подпиской о невыезде, она прибегала к запугиванию свидетелей¹⁰.

Рассмотренные решения Европейского Суда по правам человека убедительно свидетельствуют о том, что при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

следует тщательным образом исследовать основания, которые могли бы оправдать изоляцию обвиняемого (подозреваемого) от общества. Суд вправе принимать такое решение, если основания для ареста подтверждаются достоверными сведениями, содержащимися в материалах, подтверждающих обоснованность ходатайства для избрания данной меры пресечения.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в современное уголовно-процессуальное право начинают вторгаться так называемые нормы «мягкого права», содержащие положения различных международных соглашений, деклараций, стандартов, которые не являются нормативно-правовыми, но которые активно применяются Европейским Судом по правам человека и являются обязательными для российских правоприменителей. Таким образом, стоит серьезная задача о дополнении положений уголовно-процессуального законодательства нормами «мягкого» права¹¹.

9 См.: Европейский Суд по правам человека. С. 777.

10 Там же. С. 700.

11 См.: Воскобитова Л. А. Качество уголовно-процессуального закона. Стенограмма круглого стола «Качество уголовно-процессуального закона» (5 июня 2013 г., Академия МВД РФ, Зал ученого совета) // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 127.

КРИМИНОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПРОВЕДЕНИИ СОВМЕСТНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

Г. В. Дашков,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина», кафедра криминологии
и уголовно-исполнительного права, профессор)

В последнее время, в период определенного спада общественной значимости правовой науки, потребность в проведении совместных правовых исследований и разработок стала особенно ощутима. Собственные возможности фактически каждой в отдельности отрасли права, как показывает практика сегодняшнего дня, не позволяют на надлежащем уровне решать задачи, которые сейчас ставятся перед правовой наукой. Это, в частности, касается криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Очевидная их близость по многим параметрам, тем не менее, в должной мере не способствует развитию процессов взаимообогащения этих наук. Например, наш довольно значительный опыт работы в ряде диссертационных советов Российской Федерации (Академии МВД РФ, ВНИИ МВД РФ, НИИ Генеральной Прокуратуры РФ, МГЮА и др.) показывает, что кандидатские, да и докторские диссертации, касающиеся особенной части УК РФ, в основе своей редко касаются криминологических вопросов исследуемых тут преступлений. А уход от таких вопросов абсолютно непродуктивен и для уголовного права, и для криминологии. КПД (коэффициент полезного действия) ограниченных только рамками уголовного права исследований в данном случае реально близок к нулевому показателю.

Так что тут нечего пенять на имеющиеся случаи недостаточного внимания к науке со стороны правоприменителей и законодателей. Мы сами подчас виноваты в падении престижа правовой науки. В качестве иллюстрации этого тезиса возьмем, к примеру, группу преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности). Эти преступления, в большинстве своем, как бы смоделированы в качестве механизма уголовно-правового воздействия на злоупотребления в сфере рыночных правоотношений. Но модель оказалась далеко не идеальной, и в итоге большая часть содержащихся в гл. 22 УК РФ, а таких тут свыше 40, оказалось мертворожденными. Что нужно для того, чтобы разработать предложения по совершенствованию уголовной ответственности за преступления в сфере экономики? Одних словесных и письменных возмущений по поводу неэффективного законодательства тут конечно недостаточно. Нужны действительно комплексные, более того, совместные криминологические и уголовно-правовые исследования с соответствующими взаимоувязанными выводами и предложениями. Что же мы имеем в реальной действительности? Десятки, сотни диссертаций по анализу объективных и субъективных признаков тех или иных

преступлений в сфере экономической деятельности. Что же касается таких к примеру вопросов, почему столь высока латентность этих преступлений; каковы особенности их криминологической характеристики, влияющие на квалификацию преступлений; возможна ли, и насколько целесообразна декриминализация отдельных групп преступлений в сфере экономической деятельности и многое другое. Все подобные «частности», как правило, исключаются из поля зрения исследователя под предлогом, что здесь мол нужны самостоятельные криминологические разработки. В то же время криминологи тоже замыкаются в «своем» круге проблем без выхода на уголовное право, на вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Аналогичным образом ситуация складывается и в отношении многих других преступлений и, в первую очередь, преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; преступлений против порядка управления.

Еще более остро в сравнении с вопросами взаимодействия уголовного права и криминологии, стоит проблема обеспечения совместных криминологических и уголовно-процессуальных исследований, касающихся, главным образом, общесоциальных проблем этих отраслей права. А таких проблем в нашей стране, по мере развития правового государства, становится все больше и больше.

Одна из них касается казалось бы сугубо узко-процессуального, уголовно-процессуального вопроса совершенствования УПК РФ. Но это не так. Дискуссии, касающиеся проблем УПК, вышли далеко за пределы самой уголовно-процессуальной науки и практики, и причин тому немало. Так, например, уголовно-процессуальный кодекс 2001 года разрабатывался и принимался в довольно сложной, непростой и весьма противоречивой политической, экономической, социальной и правовой обстановках. Именно поэтому, многое здесь является результатом взаимных уступок, а главное — умения противоборствующих сторон найти надлежащую, желаемую для них поддержку у субъектов политической воли. Все эти обстоятельства, вполне

естественно, отрицательно повлияли, а также продолжают влиять и на правотворческую, и на правоприменительную деятельность в современной России. Вопрос не из простых, штопкой тут всех дыр не залатаешь. Существенно исправить имеющиеся тут просчеты, перекосы, устранить многочисленные пробелы одномоментно (силами только специалистов в области уголовного процесса, как это всегда фактически и делается), вряд ли возможно.

Без комплексного многопрофильного подхода (заезженные, но сверхточные для данной ситуации слова) предложить значимые, полезные современному российскому обществу пути совершенствования уголовного процесса — бесполезно. Тем не менее, и в научных разработках, и на практике, и в учебной литературе, которая самым непосредственным образом влияет на эту практику, взаимосвязь уголовного процесса с другими науками, в частности с криминологией, ограничивается отдельными частностями и носит скорее точечный, эпизодический характер. В качестве подтверждения сошлемся на довольно авторитетный учебник «Криминология» под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова (М.: Норма, 2013), где в разделе «Криминология и другие науки» (с. 26–28) применительно связи криминологии с наукой уголовного процесса говорится, что «в уголовно-процессуальном законодательстве содержится прямое предписание: следователь, прокурор, суд обязаны по каждому уголовному делу выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, и предлагать меры, направленные на их устранение». Абсолютно справедливо, правильно и своевременно, но ограничивать этим тезисом связь криминологии с уголовным процессом, особенно сейчас, по меньшей мере непродуктивно.

Именно поэтому, в целях обеспечения более масштабного, предметного взаимодействия криминологии и уголовного процесса, представляется в данном случае обратиться к отдельным, наиболее значимым и сложным, на наш взгляд, направлениям криминологических исследований и разработок, результаты которых в состоянии оказать положительное влияние и на развитие российской уголовно-процессуальной науки и практики. Одно из таких направлений, как представляется, касается современных правовых проблем реального соблюдения требований Кон-

ституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом. Вопрос этот приобретает все большую значимость и распространенность. Известные не одну сотню лет фольклорные утверждения типа «у сильного всегда бессильный виноват», «тот прав у кого больше прав», «с сильным не борись, а с богатым не судись», находят массу (гораздо больше чем ранее) подтверждений в нашей сегодняшней действительности. И это несмотря на то, что законодательных предпосылок для подобных явлений практически нет. Более того, в Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 19) четко указано, что все равны перед законом и судом. Вместе с тем, такого равенства никогда и нигде не существовало, да и вряд ли оно возможно в обозримом будущем. Причин тому несколько. Одна из них — наличие довольно большего числа законодательно закрепленных изъятий и исключений из принципа равенства всех перед законом и судом. Например, в разделе XVII УПК РФ (ст. 447) определены десять категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. И этот перечень «привелигированных» лиц имеет тенденцию к расширению. Но если, так называемый, правовой иммунитет имеет определенное общественное и правовое положительное значение, второе фактическое изъятие, сводящее к минимуму значимость ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, выражается в юридически не закрепленной, но абсолютно реальной возможности для значительной группы нарушающих закон граждан получить разного рода индальгенции от правового воздействия.

Неблагоприятное, в основе своей, воздействие на развитие общества правового, а особенно противоправного иммунитета, никем в принципе не оспаривается. Но только этого обстоятельства явно недостаточно для разработки, принятия и внедрения в практику соответствующих мер противодействия, сдерживания этих негативных явлений. Здесь нужны более обстоятельные аргументы в пользу сдерживания иммунитетов. А их, как правило, нет. Это особенно ощутимо, когда речь идет о фактической, да и о статистической распространенности применения правового и противоправного иммунитетов, их количественных и качественных характеристиках, причинах, предлагаемых мерах противодействия и сдерживания. Конечно, на этот счет нет четко

выраженного социального заказа на получение подобной информации, а без этого толчка извне в Российской Федерации, по сложившейся здесь традиции, трудно рассчитывать как на само проведение научных исследований, так и на высокое их качество.

В итоге проблема равенства всех перед законом и судом и в теории государства и права, и в конституционном праве, и в административном, и в уголовном праве и процессе, и в криминологии, в лучшем случае лишь упоминается на уровне ссылок на Конституцию и другие законодательные акты без надлежащей детализации и элементов критического анализа. Вместе с тем сложных неоднозначных теоретических и практических вопросов тут гораздо больше, чем бесспорных, всеми разделяемых, поддерживаемых и соблюдаемых положений. Например, многие проблемы в этой части связаны с применением правового иммунитета при совершении его носителем противоправных деяний, не связанных со службой (депутат безнаказанно оскорбляет своих собеседников в эфире, устраивает потасовки, драки с сотрудниками сервисных служб, с журналистами и т. п.).

Проблемы иммунитета, в том смысле как он трактуется в теории конституционного права, имеют существенную уголовно-процессуальную и криминологическую значимость хотя бы по той причине, что сам факт законодательного закрепления в Российской Федерации особых прав и привилегий для отдельных категорий граждан, далеко не всегда и во всех случаях соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, принципу правового и социального равенства.

И таких проблем, требующих научного осмысления совместно криминологами и процессуалистами, более чем достаточно (регионально-отраслевой аспект проблемы равенства всех перед законом и судом, этническая сторона этого вопроса и др.).

В числе взаимообогащающих и реально осуществимых направлений совместных уголовно-процессуальных и криминологических исследований представляется целесообразным обратить также внимание на имеющиеся в изобилии трудно решаемые на практике вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Эти вопросы, как показывает практика, касаются: основных положений о порядке взаимо-

действия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с конкретными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями (гл. 53 УПК РФ); выдачи лиц для целей уголовного преследования или для исполнения приговора (гл. 54 УПК РФ); передачи лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (гл. 55 УПК РФ). Но приоритетной в плане очередности проведения уголовно-правовых и криминологических исследований, здесь, в нашем представлении, является проблема выдачи лица для целей уголовного преследования или для исполнения приговора. Наглядной тому иллюстрацией является дело Эдварда Сноудена, где заинтересованными сторонами являются России и США, и дело Владислава Баумгертнера, где у России принципиально другая спорящая сторона — Белоруссия. И тем не менее, это и тому подобные обстоятельства остались фактически по ряду позиций вне правового поля, а общий один для всех, правовой подход, как бы привлекательным он не выглядел, во всяком случае в обозримом будущем, обречен на пробуксовку.

Немало пробельных моментов в теории и практике выдачи, устранение которых предполагает проведение междисциплинарных исследований, касается проблем реального обеспечения сочетания интересов государств, причастных к выдаче, с основными правами и свободами выдаваемого лица. К категории практически неисследованных ни в международном праве, ни в уголовном процессе, ни в криминологии относятся и вопросы, касающиеся процессов соотношения политических и правовых составляющих выдачи. В чем криминологическая суть этой проблемы? При всей привлекательности и правильности конечных целей бесспорно длительного процесса «вытеснения» любых, кроме строго закрепленных в законе, механизмов выдачи, в ряде нестандартных ситуаций применение общих для всех правовых норм

может выглядеть и оцениваться в обществе как несправедливое. В отдельных случаях эта несправедливость, к примеру в уголовном праве, нивелируется посредством института помилования. Не исключено, что нечто подобное в принципе возможно и в отношении выдачи, посредством наделения отдельных субъектов политической воли правом «властного усмотрения». Вопрос этот в некоторой степени означающий возврат к далекому прошлому, к временам абсолютной власти монарха, к категории однозначных не относится, но статуса гипотезы будущего научного исследования он, на наш взгляд, вне сомнения, заслуживает.

И еще об одном важном обстоятельстве, касающемся затронутых нами вопросов о роли криминологии в решении задач уголовно-процессуальной науки и практики. Здесь мы, в первую очередь, имеем в виду вопрос о целесообразности более подробной, чем это делается сейчас, криминологической оценки статистики уголовного судопроизводства. Информационная база для активизации исследований в этом направлении довольно представительна и постоянно расширяется. Это позволяет специалистам в области уголовно-процессуального права в рамках своих сугубо уголовно-процессуальных задач составлять соответствующие аналитические обзоры и выработать предложения и рекомендации. Но этого уровня анализа судебной статистики сейчас явно недостаточно для решения более масштабных задач. Для формирования соответствующих выводов имеющих не только чисто уголовно-процессуальное значение, по меньшей мере необходимо получить также данные: о региональном (не только на уровне округов) аспекте этой проблемы; о категории дел, по которым вынесены оправдательные приговоры; о личности судей, адвокатов, самих оправданных. В рамках чисто уголовно-процессуального анализа эта задача практически не решается и проведение совместных исследований здесь очевидно.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕГИСТРАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Н. А. Лопашенко,

доктор юридических наук, профессор
(ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, профессор)

Анк-Морпорк не зря назывался городом больших возможностей. К примеру, в нем имелась возможность не быть повешенным, насаженным на кол или четвертованным за преступления, совершенные где-то в горах.

Терри Пратчетт. Ноги из глины

1. Об уголовном законе и снижении преступности

Общеизвестно, что российский уголовный закон переживает далеко не лучшие свои времена. Бесконечные изменения в УК, вносимые нашим законодателем с упорством, достойным лучшего применения, привели к следующим основным результатам:

1) напрочь уничтожена системность уголовного закона (как на уровне соотношения положений Общей и Особенной частей, так и внутри них);

2) криминализация превратилась в любимый способ законодателя по решению любой проблемы в государстве. Однако ни одну из этих проблем так и не удалось действительно решить с помощью мер уголовной ответственности;

3) уголовный закон по отдельным своим главам (например, по главе преступлений в сфере экономической деятельности, по главе преступлений против общественной безопасности, можно продолжать) напоминает казусник: криминализируются частные случаи уже признанного преступным отклоняющегося поведения. В результате и ученые, и практики бесконечно обсуждают проблемы соотношения общих и специальных составов, не приходя к единому решению, а на практике плодятся неумное разнообразие уголовного и судебного преследования;

4) когда-то уважаемое уголовное наказание превратилось в посмешище для понимающих закон, в головную боль и манкие соблазны для су-

дейского корпуса, благодаря тем экспериментам, которые в этой области практикует законодатель в последние годы: существуют «мертвые» виды наказания, которые есть только в законе, множатся ситуации, когда судья поставлен в условия невозможности применения санкции вменяемой статьи УК, процветает безбрежное поле «открытых» санкций в виде лишения свободы, и т. д.;

5) все указанное, в конечном счете, оборачивается тем, что истинные ценности общества и государства не получают надежной уголовно-правовой охраны и защиты в государстве, зато под уголовно-правовую охрану ставятся те отношения, которые вовсе не требуют уголовно-правовой реакции, не достигая уровня объекта уголовно-правовой охраны, и преступными объявляются такие формы поведения, которые, в лучшем случае, могут быть отнесены к административным правонарушениям, а часто являются абсолютно нейтральным для права поведением.

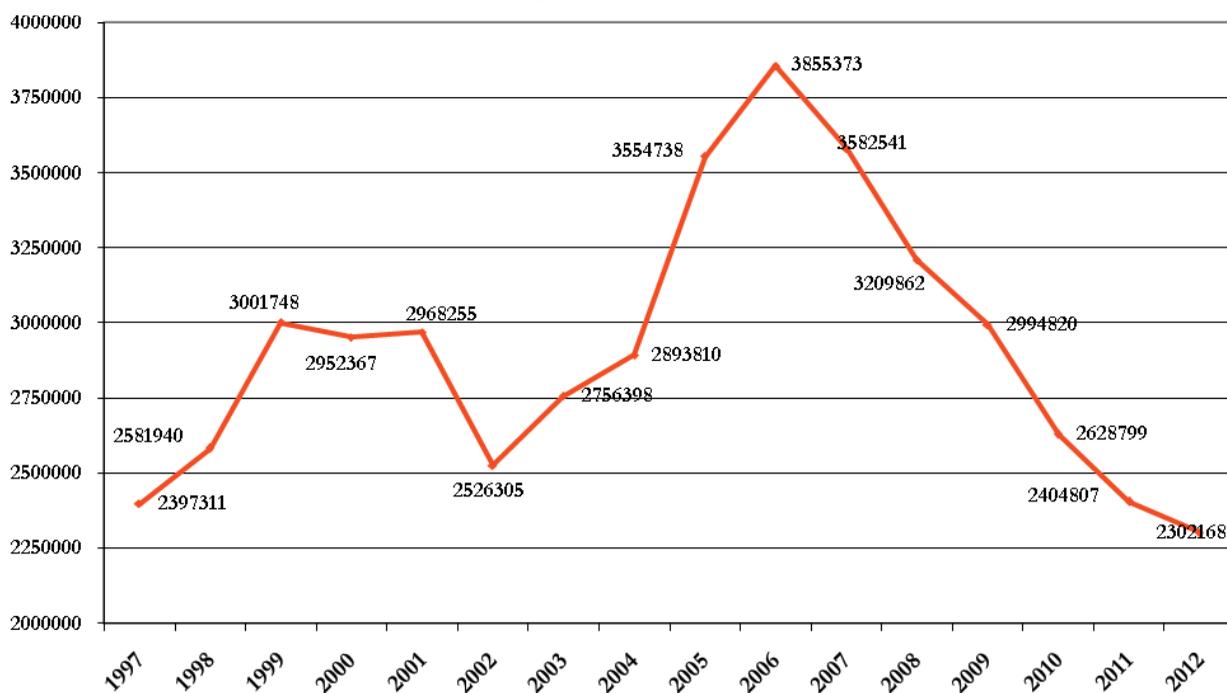
В таких условиях официальная статистика регистрации преступлений в стране вот уже на протяжении шести лет фиксирует снижение преступности, сравнимое с тектоническими изменениями. Это хорошо видно в следующих таблице и на диаграмме¹.

¹ Здесь и далее используется официальная статистика органов внутренних дел, публикуемая на сайте МВД России, в официальных сборниках по состоянию преступности, а также в сборниках

*Таблица № 1. Состояние преступности в России (1997–2012 гг.)
по данным официальной статистики*

1997 г.	2.397.311
1998 г.	2.581.940
1999 г.	3.001.748
2000 г.	2.952.367
2001 г.	2.968.255
2002 г.	2.526.305
2003 г.	2.756.398
2004 г.	2.893.810
2005 г.	3.554.738
2006 г.	3.855.373
2007 г.	3.582.541
2008 г.	3.209.862
2009 г.	2.994.820
2010 г.	2.628.799
2011 г.	2.404.807
2012 г.	2.302.168

*Диаграмма № 1. Состояние преступности в России (1997–2012 гг.)
по данным официальной статистики*

Криминологической ассоциации. По последним пяти полным годам регистрации преступности данные, в основном, заимствованы из статистического сборника, подготовленного Министерством внутренних дел Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, Департаментом надзорной деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. См.: Преступность и правонарушения (2008–2012). — М., 2013.

По сравнению со статистикой первого года действия УК, регистрация, таким образом, максимально выростала в 1,6 раза в 2006 г., и в последний полный год учета (2012) упала почти на 4%. Падение же, по сравнению с пиком регистрации, выражается в 40,3%.

Столь стремительное падение преступности объяснить сложно, впрочем, как и такой же стремительный рост ее в период с 2002 по 2006 гг., хотя на рост внимание обращается гораздо реже. Чаще криминологи падению не верят, оговаривая, что в основе, видимо, лежит искусственное

занижение уровня преступности (искусственное увеличение латентности). Вместе с тем, например, Я. И. Гишинский часто указывает на то, что такие же тенденции — по спаду регистрации — присущи и современной западной преступности, махинации, с учетом которой трудно заподозрить.

Поэтому и возникло желание посмотреть на российскую регистрацию преступности, в том числе, с другой стороны — со стороны судимости; проанализировать, насколько сопоставим учет преступности по этим показателям, и что вообще происходит с преступностью в стране.

2. Общие данные о судимости в стране и их анализ, соотношение с показателями государственной регистрации преступности

Судимость в России внутри периода 1997–2012 гг. менялась, однако таких резких взлетов и падений, которые мы наблюдали на примере ре-

гистрации преступности, здесь почти нет. Кроме одного и короткого временного периода.

Таблица № 2. Состояние судимости в России (1997–2012 гг.)

1997 г.	1.013.431
1998 г.	1.071.051
1999 г.	1.223.255
2000 г.	1.183.631
2001 г.	1.244.211
2002 г.	859.318
2003 г.	773.920
2004 г.	793.934
2005 г.	878.893
2006 г.	909.921
2007 г.	929.025
2008 г.	925.166
2009 г.	892.360
2010 г.	845.071
2011 г.	782.274
2012 г.	739.278

Пиковое значение судимости в России пережила в 2001 г., когда был зафиксирован абсолютный максимум судимости, не повторенный ни до этого года (включая данные о судимости за советский и постсоветский период), ни после — 1.244.211 осужденных.

Минимальное значение судимости за период действия УК РФ 1996 г. пришлось на 2003 г., когда были осуждены 773.920 человек. Последнее снижение показателей судимости началось в 2008 г. и продолжается до настоящего време-

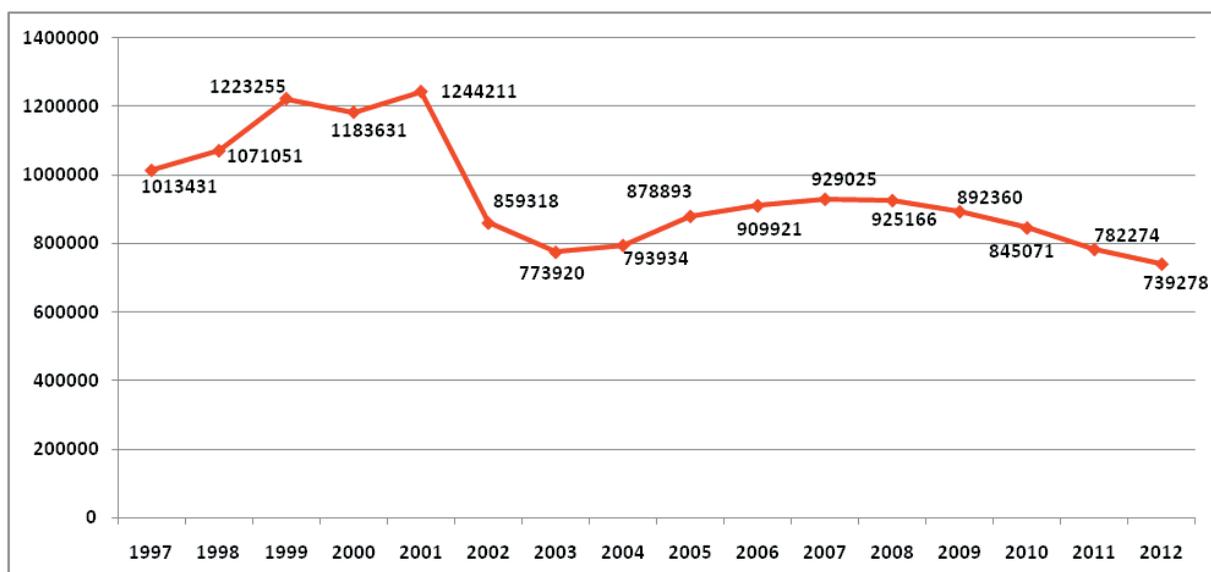
ни. Однако пока показатели судимости выше отмеченного в 2003 г.

За все время действия Уголовного кодекса был короткий промежуток времени, когда показатели судимости менялись сильно: это период с 2001 (когда был отмечен максимум судимости в стране) по 2003 годы. Осужденных в стране стало меньше принципиально: показатели упали с 1 244 211 до 773 920 осужденных, т. е. на 37,8%. При этом основное снижение показателей судимости произошло за первый год этого пери-

ода — в 2002 г. Объяснить его можно только одним: законодательными экспериментами с понятием мелкого и простого хищения. Как известно, в 2002 г. был принят Административный кодекс РФ, согласно которому максимальная граница хищения, отнесенного к мелкому, т. е. административно наказуемому, выросла с одного до пяти МРОТ. Соответственно, сократилось — существеннейшим образом — количество привлеченных к уголовной ответственности и судимых за кражи, мошенничества, присвоения и растраты

(все, кто совершил подобные хищения в размере от одного до пяти МРОТ, стали привлекаться не к уголовной, а к административной ответственности). Первоначальная редакция ст. 7.27 КоАП РФ действовала с 1 июля по 4 ноября 2002 г., т. е. чуть больше четырех месяцев. Но еще, значительный период времени, уголовный кодекс, к совершившим хищение в обозначенный период, применялся по принципу обратной силы уголовного закона, точнее сказать — не применялся, если размер хищения не превышал пяти МРОТ.

Диаграмма № 2. Состояние судимости в России (1997–2012 гг.)

Принимая во внимание несовместимость показателей преступности и показателей судимости (первые формируются по возбужденным уголовным делам, которые могут не дойти и часто не доходят до стадии судебного рассмотрения и вынесения приговора), все-таки, сравним их в диаграмме, чтобы понимать тенденции. С этой точки зрения корректнее сравнивать показатели привлечения к уголовной ответственности и показатели судимости, хотя и они, конечно, разнятся: прежде всего, не все привлеченные реально потом осуждаются (в отношении одних оказывается недостаточно доказательств, в отношении других — уголовные дела прекращаются, как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям). Кроме того, возможно временное несовпадение привлечения к ответственности и осуждения (привлечено лицо может быть в одном году, а осуждено — в следующем). Тем не менее, сопоставительный анализ столь разных

данных тоже полезен для верной оценки данных по каждой кривой.

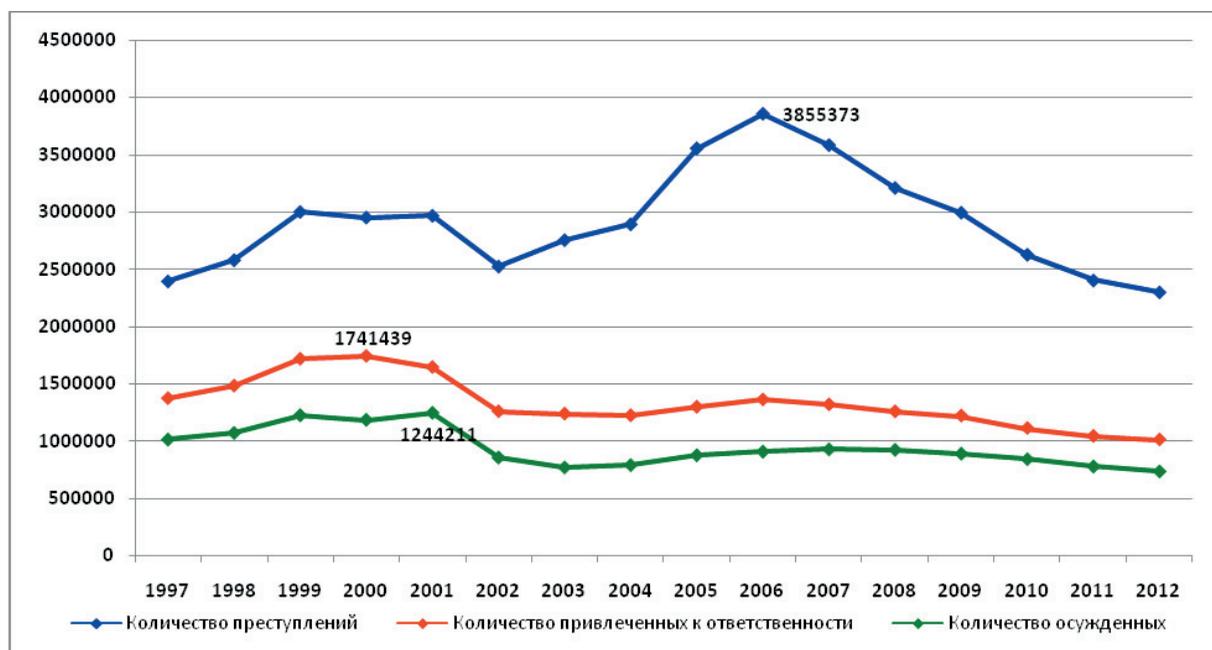
Как видим, кривые не совпадают ни по максимальным, ни по минимальным значениям даже годами, в которые они были достигнуты. Максимальное число регистраций уголовных дел (т. е. регистраций преступности) пришлось на 2006 г., привлечений к уголовной ответственности — на 2000 г., максимум осуждений — на 2001 г. Минимумом регистрации ознаменован 2012 г., минимум привлечения к ответственности относится к этому же году, а вот минимум показателей судимости достигнут в 2003 г.

По тенденциям: повторяют в основном друг друга кривые по привлечению к уголовной ответственности и судимости, что может косвенно подтверждать истинность этих тенденций, их соответствие реальной ситуации с преступностью. Крутой рост кривой показателей по возбужденным уголовным делам в период с 2002 по 2006 гг.,

и не менее крутое падение этих показателей в следующие шесть лет, не подтвержденные ни тенденциями движения показателей привлечения к уголовной ответственности, ни тенденциями

изменения показателей судимости, заставляют подумать, насколько верной была официальная регистрация преступности, не была ли она завышенной.

Диаграмма № 3. Состояние преступности и судимости в России (1997–2012 гг.)

Посмотрим на показатели преступности — привлечения к уголовной ответственности и судимости в рамках одной таблицы, рассчитав их

соотношение друг с другом по каждому отдельно взятому году, принимая за единицу показатели преступности.

Таблица № 3. Соотношение показателей преступности — привлечения к уголовной ответственности и судимости в России (1997–2012 гг.)

Год	Количество преступлений	Количество привлеченных	Количество судимых	Соотношение показателей по году (к количеству преступлений)
1997	2.397.311	1372161	1.013.431	1:0,6:0,4
1998	2.581.940	1481503	1.071.051	1:0,6:0,4
1999	3.001.748	1716679	1.223.255	1:0,6:0,4
2000	2.952.367	1741439	1.183.631	1:0,6:0,4
2001	2.968.255	1644242	1.244.211	1:0,6:0,4
2002	2.526.305	1257700	859.318	1:0,5:0,3
2003	2.756.398	1236733	773.920	1:0,5:0,3
2004	2.893.810	1222504	793.934	1:0,4:0,3
2005	3.554.738	1297123	878.893	1:0,4:0,2
2006	3.855.373	1360860	909.921	1:0,4:0,2
2007	3.582.541	1317582	929.025	1:0,4:0,3
2008	3.209.862	1256199	925.166	1:0,4:0,3
2009	2.994.820	1219789	892.360	1:0,4:0,3
2010	2.628.799	1111145	845.071	1:0,4:0,3

2011	2.404.807	1041340	782.274	1:0,4:0,3
2012	2.302.168	1010938	739.278	1:0,4:0,3

Таким образом, с наименьшим разрывом соотношение показателей преступности — привлечения к уголовной ответственности и судимости — было в период 1997–2001 гг. Самый большой разрыв в показателях приходится на период 2005–2006 гг..

Вернемся еще раз к пиковым показателям регистрации преступности, к их достижению и резкому падению регистрации (период 2003–2010 гг.). Что происходило в стране в этот период? Мы пережили четвертые в новейшей истории (2004 г.) и пятые (2008 г.) выборы президента России; по итогам четвертых выборов президентом стал В. В. Путин, по итогам пятых — Д. А. Медведев. Рост зарегистрированной преступности пришелся на президентство В. В. Путина, однако и снижение показателей началось в его же президентство, и продолжилось в эпоху президентства Д. А. Медведева. Весь этот период министром внутренних дел страны, т. е. лицом, которое могло бы влиять (при желании) на регистрацию преступности, был один и тот же человек — Р. Г. Нургалиев (2004–2012 гг.).

По данным аналитического «Левада-Центра», к числу крупнейших событий за 2006 г. (пиковый по показателям преступности) было отнесено (в порядке от самого важного к менее важным): предложение введения пособий («материнского капитала») в 250 тысяч рублей за рождение второго ребенка; катастрофы самолетов в Иркутске, Сочи, Донецке; дело Андрея Сычева, ставшего инвалидом из-за издевательств «старослужащих»; «газовую войну» между Россией и Украиной; зимние Олимпийские игры в Турине; уничтожение Ш. Басаева; «прямую линию» с Президентом РФ В. Путиным; запреты на ввоз алкогольных напитков и минеральной воды из Грузии и Молдавии; аресты мэров крупных городов; сентябрьский кризис в отношениях между Россией и Грузией; встречу «Большой восьмерки» в С.-Петербурге; телевизионные шоу «Танцы со звездами», «Звезды на льду»; убийство журналистки А. Политковской; введение Закона об обороте этилового спирта; чемпионат мира по футболу в Германии; волнения на национальной почве в карельском городе Кондопоге; взрыв на Черкизовском рынке в Москве; падение курса

доллара в конце года; 2-е место Димы Билана на конкурсе «Евровидение» и т. д.²

Не отмечены какими-либо масштабными событиями и годы, близкие к пиковым показателям преступности. Так, по данным википедии, в 2005 г. произошли такие события, как «оранжевая» революция в Украине; крупномасштабные акции протеста против монетизации льгот в России (в январе); кризис власти в Киргизии; вынесение первого обвинительного приговора по делу Ходорковского и Лебедева; кончина Папы Римского и выборы нового Папы; нападение боевиков на Нальчик в октябре и т. д. В 2007 г., с которого пошло снижение регистрации преступности, в числе самых значимых событий для России и россиян, по данным опросов ВЦИОМ, указаны: прошедшие выборы в Госдуму, рост цен, инфляция, выдвижение кандидатуры Д. А. Медведева на пост президента страны, смена правительства, конфликт с Грузией, повышение зарплат бюджетникам и пенсий, смерть Бориса Ельцина, аварии, катастрофы, теракты, экономический рост в стране, развитие социальных программ, реализация национальных проектов, подъем экономики, стабилизация рубля, увеличение ВВП³.

Реформа МВД началась уже почти за рамками отмеченного периода, в 2009 г., когда и подъем регистрации преступности уже произошел, и она стала стремительно падать.

Таким образом, в стране в тот период, когда стал фиксироваться резкий скачок регистрации преступности и такой же резкий ее обвал ничего масштабно влияющего на эти процессы, судя по всему, не происходило. Не может не обращать на себя внимание, что глобальное увеличение регистрации преступности в период с 2003–2006 гг. и ее снижение до уровня 2003 г., которое было достигнуто примерно в 2010 г., не подкреплялось одновременным и пропорциональным (или близким к пропорциональному) увеличением количества привлеченных к уголовной ответственности и количеством осужденных. *Поэтому исключить искусственную природу скачка преступности в нулевых годах нового столетия нельзя.* Для того, чтобы ответить

2 URL: <http://www.levada.ru/press/2006122501.html>.

3 URL: http://www.bal-con.ru/news/2007-12-28/rossiyane_itogi_2007_goda/

на вопрос: кому это было выгодно, требуются более глубокие и специальные исследования.

Для возможного объяснения глобальных перемен в регистрации преступности проверим еще

одно. Посмотрим, как повлияла на движение показателей регистрации преступности регистрация заявлений, сообщений о преступлениях, которые подавались в органы внутренних дел.

Таблица № 4. Соотношение показателей преступности с показателями поданных в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях в России (1997–2012 гг.)

Год	Количество заявлений	Количество преступлений	Соотношение показателей, регистрация преступлений в % от общего количества заявлений
1997	3.310.650	2.397.311	72,4%
1998	3.546.834	2.581.940	72,8%
1999	3.976.403	3.001.748	75,5%
2000	3.563.314	2.952.367	82,9%
2001	3.463.304	2.968.255	85,7%
2002	3.660.156	2.526.305	69,0%
2003	4.888.589	2.756.398	56,4%
2004	8.465.358	2.893.810	34,2%
2005	9.180.037	3.554.738	38,7%
2006	10.748.807	3.855.373	35,9%
2007	11.158.047	3.582.541	32,1%
2008	11.199.289	3.209.862	28,7%
2009	11.408.862	2.994.820	26,2%
2010	11.617.414	2.628.799	22,6%
2011	11.450.877	2.404.807	21,0%
2012	11.718.962	2.302.168	19,6%

Диаграмма № 4. Соотношение показателей преступности с показателями поданных в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях в России (1997–2012 гг.) (с линиями тренда)

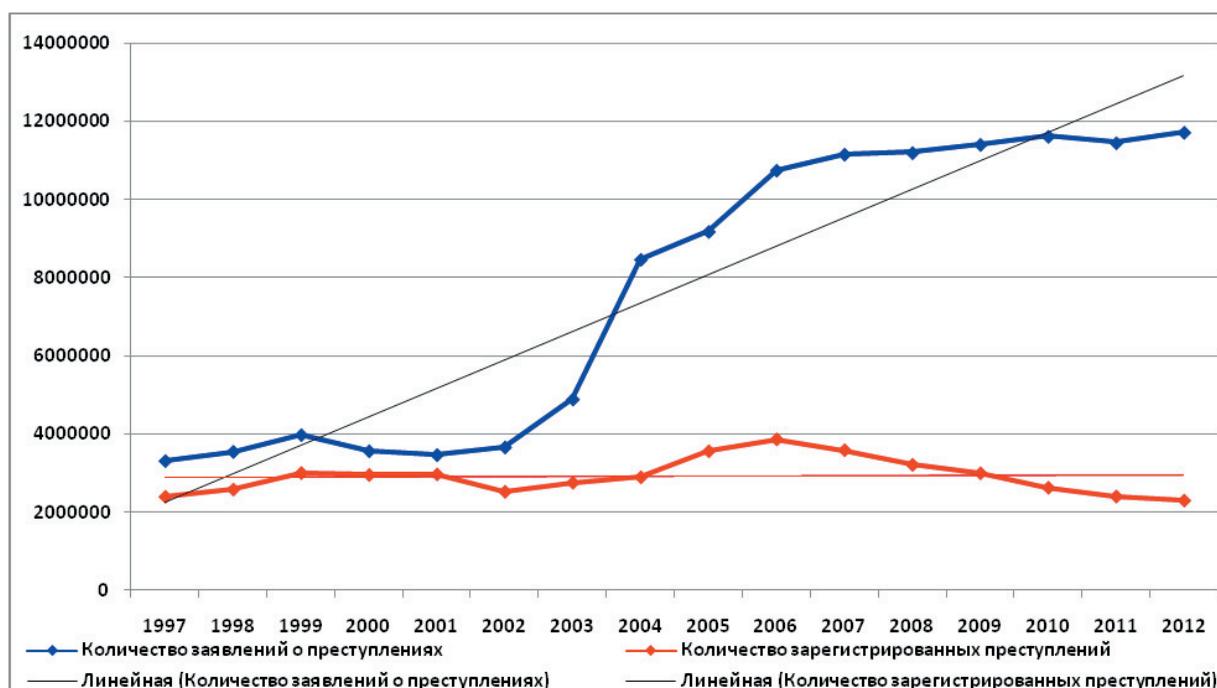

Диаграмма дает четкое представление о том, что тенденции регистрации заявлений о преступлениях и регистрации преступности в последние десять лет не только не совпадают, но кардинально расходятся.

Кривые соответствуют друг другу по тенденциям только в первые четыре года из проанализированных — 1997–2001 гг. В этот период большая часть заявлений реализуется в зарегистрированных уголовных делах, и оба показателя (и показатель поданных заявлений и показатель регистрации преступлений) синхронно (хотя и со своими особенностями и скоростями) растут.

С 2001 по 2002 годы тенденции меняются: при росте количества поданных в ОВД заявлений регистрация преступности падает.

С 2002 по 2006 год оба показателя принимают вновь одну направленность — они растут. Однако рост этих показателей уже несопоставимый: количество заявлений и сообщений о совершении преступления увеличивается в 2,9 раза (линия тренда этот рост хорошо показывает); количество зарегистрированных преступлений — в 1,5 раза. То есть регистрация преступлений растет в два раза медленнее, чем регистрация заявлений о преступлениях.

Отсюда можно сделать вывод, что *основания для роста регистрации преступлений до пиковых значений, отмеченных в 2006 г., все-таки, имели место: сообщений о совершенных преступлениях, поданных в органы внутренних дел, стало неизмеримо больше, и это не могло не сказаться на регистрации.* Правда, здесь возникают два вопроса, на которые я не знаю ответа.

Первый: почему вдруг стало стремительно увеличиваться количество обращений в ОВД с заявлениями — сообщениями о преступлениях? Как было показано выше, в социально-политической обстановке в стране глобальных катаклизмов в это время не было (замечу в скобках, что в год такого катаклизма — обвала курса рубля, в 1999 г., и в следующем за ним (смотрим в связи существованием принципа отложенного эффекта) — все показатели были спокойными, даже по количеству обращений в ОВД — снижались). Отчасти это можно объяснить (и я уже делала это ранее) тем, что выросла социальная активность граждан, которые перестали бояться обращения в милицию (тогда) и стали чаще апеллировать к защите закона. Но, думаю, именно лишь отча-

сти. Рост заявлений о преступлениях непропорционально велик.

Второй вопрос, на который я не знаю ответа: почему столь разными являются темпы роста регистрации заявлений о преступлениях и самих преступлений? Даже с учетом поправок на то, что с заявлениями в милицию стали обращаться по всем возможным поводам и не всегда психически здоровые люди, разница между темпами роста поданных заявлений и регистрации преступлений — огромна, почти в два раза.

А если принять во внимание еще и то, что исследовалось выше, а именно, тот факт, что резкий рост регистрации преступлений совсем не сказался на количестве привлеченных к ответственности и осужденных, более того, в некоторые годы того же самого периода последние показатели шли вниз, по сравнению с регистрацией преступности, то неизменно возникает и **третий вопрос:** это что же за преступность такая, существующая без преступников?

И здесь, в принципе, возможно одно объяснение, правильность которого нужно проверять: *российская правоохранительная система перестала к этому периоду справляться с валом преступности, она была рассчитана на гораздо менее высокий ее уровень, она полностью исчерпала свои ресурсы на уровне примерно двух с половиной миллионов преступлений в год.* И потому часть зарегистрированных уголовных дел не нашла реализации даже в привлечении виновных к уголовной ответственности на уровне дознания и предварительного следствия.

Дальнейший ход событий эту версию, на мой взгляд, подтверждает. Обладая (в отличие от нас) всей полной информацией по проблеме регистрации преступности и борьбе с ней, руководство страны принимает решение реформировать систему МВД. Правда, делает это так неуклюже и с такими ошибками, что только усугубляет ситуацию. А реформированное ведомство, доказывая свою состоятельность после реформирования, демонстрирует «успехи» в борьбе с преступностью.

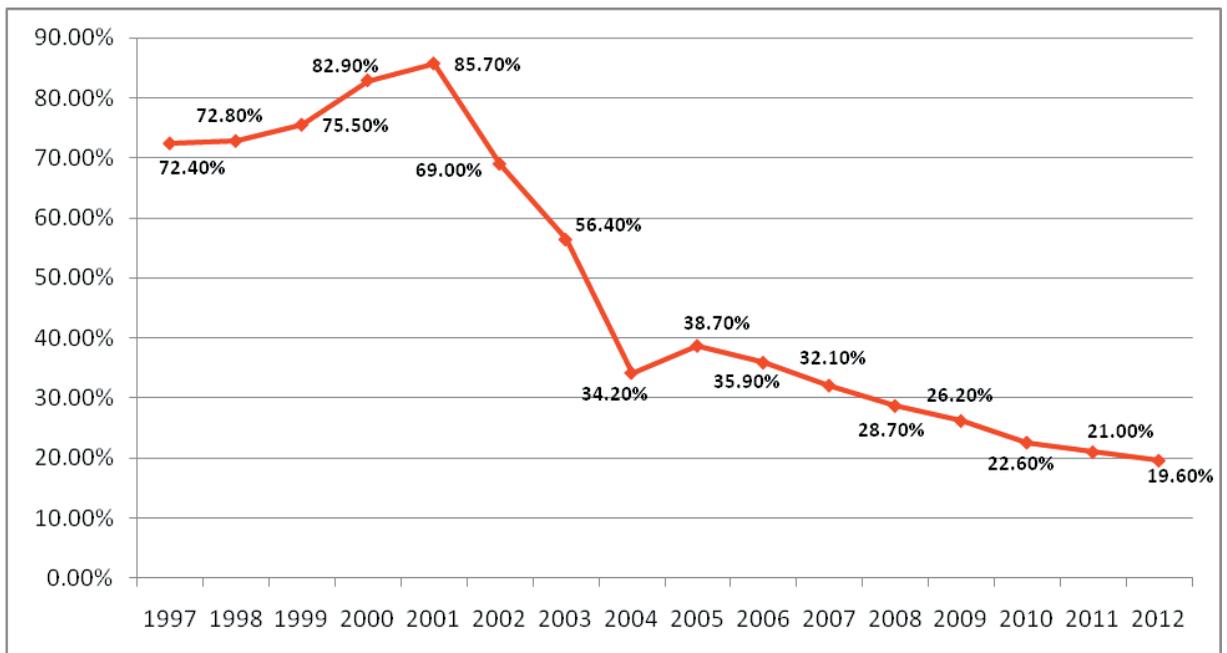
Вернемся к последней диаграмме. С 2007 г. мы наблюдаем следующее: чем больше становится заявлений о преступлениях, поданных в ОВД, тем меньше регистрируется преступлений. Линии трендов расходятся кардинально. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что рост количе-

ства обращений в ОВД с сообщениями о совершении преступления с 2007 года существенно замедлился и кардинальных изменений здесь уже не фиксируется. В период с 2007 по 2012 год количество заявлений в органы внутренних дел увеличилось на 5%, а количество зарегистриро-

ванных преступлений уменьшилось за этот же период на 35,7%.

Интересна и показательна диаграмма по изменению соотношения зарегистрированных преступлений и всего количества поданных в ОВД заявлений.

Диаграмма № 5. Динамика регистрации преступности (в процентном соотношении с показателями регистрации поданных в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях) в России (1997–2012 гг.)

Выделяются отчетливо два периода. Первый знаменуется ростом регистрации преступлений по отношению к количеству поданных в ОВД заявлений (1997–2001 гг.). Второй период (2002–2012 гг., т. е. он продолжается уже десятилетие) показывает нам падение регистрации преступлений (за исключением одного года — 2004); при этом в первые три года периода, это было даже не падение, а обвал регистрации при га-

лопирующем росте количества поданных в ОВД сообщений о преступлении. По сравнению с началом периода регистрироваться стало только 22,9% преступлений, то есть фактически лишь каждое четвертое.

Основной вывод, который можно сделать из всего сказанного: **падение регистрации преступлений не может иметь никаких, кроме искусственных, причин.**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В. Д. Ларичев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
главный научный сотрудник)

Одним из требований соблюдения прав человека в сфере уголовного судопроизводства является своевременное возбуждение уголовного дела. В связи с этим, деятельность по рассмотрению сообщений о преступлениях должна отвечать требованиям законности и обоснованности. Обоснованность обеспечивается строгим соблюдением требований уголовно-процессуального закона при собирании, проверке и оценке фактических данных, положенных в основу процессуального решения¹.

В то же время, при возбуждении уголовных дел нарушения требований закона весьма распространены. Они совершаются как на этапе приема сообщений о преступлениях (сокрытие преступлений от учета; отказ в приеме заявления под различными предлогами), так и при предварительной проверке сообщений о преступлениях и принятии процессуальных решений (необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; квалификация уголовно наказуемых деяний как административных правонарушений; несвоевременное принятие процессуального решения и т. п.)².

Отмеченные факты ведут не только к искажению истинного состояния преступности, ее структуры и динамики, но и причиняют ущерб конституционным правам и свободам, интересам потерпевших, не позволяя в законном праве граждан и организаций добиться наказания виновных и восстановить свои нарушенные права.

Именно поэтому, стадия возбуждения уголовного дела постоянно привлекает внимание ученых³.

Данная стадия порождает ряд дискуссионных вопросов, как в науке, так и на практике. Одним из них является определение необходимого и достаточного объема данных либо для возбуждения уголовного дела, либо для его отказа, методов производства проверки, доказательственного значения полученных сведений и т. п.⁴

³ См.: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. — М., 1961; Александров А. С., Круглов И. В. Необходимость и сущность коренной реформы досудебного производства // Уголовно-процессуальная деятельность. Теория. Методология. Практика: сборник научных статей / под ред. А. Ф. Лубина. — Н. Новгород, 2001. — С. 43–44; Диваев А. Б. Установление оснований для возбуждения уголовного дела о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2005; Ковтун Н. Н. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за преступление в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1992; Попов А. П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 1999. — С. 11 и др.

⁴ См.: Частнов К. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2010. — С. 70.

¹ См.: Белозеров Ю. Н., Чувилов А. А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. — М., 1973. — С. 14.

² Подробнее об этом см.: Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография / Г. П. Химичева, О. В. Мичурина, О. В. Химичева, В. С. Мичурин. — М.: МосУ МВД РФ, 2004. — С. 52–116.

В частности, на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, способы получения доказательств подробно регламентированы законом и имеют целый ряд гарантий их надежности, в связи с чем, именно они лучше всего служат назначению уголовного процесса. После возбуждения уголовного дела проводятся все необходимые следственные действия, судебные экспертизы, на основании которых следователем или дознавателем делается вывод о наличии или отсутствии события и состава преступления, виновности или невиновности в совершении данного деяния определенного лица. По результатам указанных следственных действий следователем принимается решение либо о составлении обвинительного заключения, либо о прекращении уголовного дела и уголовного преследования.

Таким образом, прекращение уголовного дела основывается на полностью исследованных материалах.

Стадия возбуждения уголовного дела, хотя, в определенной степени, и регламентирована нормами УПК, однако в меньшей степени. В соответствии со ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В то же время, согласно УПК РФ до возбуждения уголовного дела из следственных действий можно провести только осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов. Судебная экспертиза хотя и может быть назначена и произведена в соответствии со ст. 195 УПК РФ до возбуждения уголовного дела, однако, как справедливо отмечает Л. М. Володина, здесь возникают определенные

вопросы. В частности, статья 198 УПК РФ предусматривает круг прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы, но эти участники на данном этапе производства по делу отсутствуют. Возникают вопросы и относительно прав и обязанностей эксперта, поскольку эксперт в силу закона не наделен правом ознакомления с материалами проверки заявлений и сообщений о преступлении: он в соответствии с законом имеет право на ознакомление с материалами уголовного дела⁵.

Кроме того, как справедливо отмечает К. С. Частнов, является дискуссионным вопрос о доказательственном значении получаемых сведений на стадии проверки сообщений о преступлении⁶. Ряд ученых полагают, что доказательства могут быть собраны только после возбуждения уголовного дела, и, как следствие, объяснения и другие материалы, полученные в порядке ст. 144 УПК РФ, являются недопустимыми доказательствами по делу⁷, поскольку возможность их получения прямо не предусмотрена УПК РФ.

Таким образом, событие, исследованное на основании указанных материалов, нельзя признать полностью исследованным, а постановление об отказе в возбуждении уголовного дела носит лишь вероятный, но не окончательный характер.

Видимо по этой причине, встает вопрос об отказе от данного понятия. Как отметил глава МВД РФ Владимир Колокольцев на «правительственном часе» в Госдуме, понятие отказа в возбуждении уголовного дела может быть исключено из уголовного процесса. По его словам, в министерстве создана рабочая группа, задачей которой является изучение вопросов совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе, рассматриваются новеллы вплоть до исключения из уголовного процесса понятия отказа в возбуждении уголовного дела. По мнению экспертов, это позволило бы избежать принятия необоснованных решений на самом важном, первоначальном этапе уголовного процесса.

5 См.: Володина С. М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 4(9). — С. 8.

6 См.: Частнов К. С. Указ. соч. С. 71.

7 См.: Лупинская П. А. Основания и порядок принятия решения о недопустимости доказательств // Российская юстиция. — 1994. — № 11. — С. 3; Григорьева Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. — 1995. — № 11. — С. 5.

Он отметил, что подобная практика распространена во многих странах и может обеспечить более качественную защиту законных интересов наших сограждан. И что немаловажно — исключить при этом возможные злоупотребления и правонарушения со стороны самих правоохранителей⁸.

У данной позиции есть как сторонники, так и противники. Адвокаты говорят, что это приведет к пассивности органов дознания и нарушению прав граждан. Доследственная проверка будет проводиться небрежно, поскольку все равно никто не сможет отказать в возбуждении уголовного дела. В связи с этим, дознание будет работать спустя рукава⁹.

В то же время, отмечается, что сейчас зачастую сотрудники полиции не хотят возбуждать уголовное дело, и делают все возможное, чтобы в этом отказать, чтобы сократить количество работы, так как результаты работы меряются соотношением количества возбужденных дел и раскрытых¹⁰.

Как отмечается в прессе, отказ в возбуждении уголовного дела является наиболее распространенным итогом рассмотрения сообщения о преступлении, что является следствием «палочной системы». Решения об отказе в возбуждении уголовного дела принимаются даже в тех случаях, когда наличие признаков преступления не вызывает никаких сомнений. Практика такова, что решение о возбуждении уголовного дела принимается только в том случае, если есть уверенность в том, что преступление будет раскрыто¹¹.

В соответствии с п.п. 5 и 6 ст. 148 УПК РФ, отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суде в порядке, установленном ст.ст. 124 и 125 УПК РФ.

Признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения. То же самое касается и отказа руководителя

следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела. Отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное следователем, руководителем следственного органа может и соответствующий руководитель следственного органа.

В то же время, как отмечается в прессе, злость вышеуказанных нарушений проявляется в том, что после отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела сотрудниками органов дознания спустя определенное время вновь выносится такое же постановление. В связи с этим, делается вывод, что деятельность органов дознания по-прежнему направлена на укрытие преступлений от учета и создание ложного представления о положительных результатах своей работы у вышестоящего руководства. Реформа системы МВД никаких хоть сколько-нибудь значимых положительных перемен в этой сфере не принесла, что свидетельствует о ее несостоятельности¹².

Определенная доля истины в этих словах есть. Материалы практики показывают, что многие граждане и организации годами не могут добиться справедливости в данном вопросе и восстановить свои нарушенные права.

Наряду с этим, следует обратить внимание и на другой аспект этой проблемы. В соответствии со ст. 150 УПК РФ, предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Дознание производится по делам, указанным в п. 3 ч. 1 данной статьи. По остальным делам производится предварительное следствие. Следовательно, возбуждение уголовного дела по данным статьям должно осуществляться следователями.

Из этого правила есть отдельные исключения. В частности, в соответствии со ст. 157 УПК РФ, при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия. Таким образом, орган дознания может возбудить уголовное дело, по которому производство предварительного следствия обязательно, но только такое, по которому необходимо производство неотложных следственных действий.

8 См.: URL://ria.ru/investigation/20121017/903415286.html#ixzz2glc95prE .

9 См.: URL://www.gazeta.ru/social/2012/10/17/4815709.shtml.

10 Там же.

11 См.: URL://zakon.ru/Blogs/OneBlog/2130.

12 Там же.

В связи с этим, практика возбуждения уголовного дела строится по следующей схеме. Сотрудники органа дознания, к которому относятся органы внутренних дел Российской Федерации и иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, при установлении признаков преступления в результате проведения проверки по сообщениям о преступлении либо проведения оперативно-розыскных мероприятий, направляют материалы для возбуждения уголовного дела в следственный отдел.

Достаточно часто, в особенности по делам экономической направленности, следователи в силу разных причин (нежелание проводить большой объем работы по таким делам, большой загруженности, неясности перспективы расследования уголовного дела и т. п.) «не усматривают» в указанных материалах признаков состава преступления и возвращают материалы в оперативные подразделения. В ряде случаев оперативный сотрудник не направляет материалы в следственный отдел, а приезжает на консультацию по поводу возбуждения уголовного дела к следственным работникам, которые также «не усматривают» состава преступления.

В этих условиях оперативные работники вынуждены выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по надуманным и не вполне законным основаниям (не представилась возможность установления определенного лица, лицо уехало в командировку (отпуск), не проживает по адресу прописки, не получены ответы по запросам и т. п.).

При этом в соответствии с Приказом МВД России от 26 марта 2008 года № 280 «Об утверждении Положения по организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при расследовании и раскрытии преступлений» материалы доследственной проверки должны оцениваться с точки зрения достаточности для возбуждения уголовного дела.

Статья 17 УПК РФ закрепляет основной принцип оценки доказательств, заключающийся в том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь

при этом законом и совестью. Внутреннее убеждение при оценке доказательств должно быть достоверным, категоричным, единственно верным выводом на основании материалов дела, не допускающим никаких сомнений. Следователь, дознаватель, прокурор при оценке доказательств должен учитывать относимость, допустимость, достоверность, достаточность доказательств, всесторонность, полноту и объективность произведенного расследования¹³.

В принципе эти требования должны относиться и к оперативным работникам. Однако, в описанном выше случае, оперативные работники выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вопреки своим убеждениям о наличии в полученных ими материалах признаков составов преступления. В связи с этим, в последнее время все чаще в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела наряду с пунктом, предусматривающим отказ в возбуждении уголовного дела, фигурирует пункт, предусматривающий ходатайство перед прокурором об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Кроме того, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела является нарушением принципа законности. В связи с этим, виновные (в данном случае оперативные работники) могут понести наказание (чаще дисциплинарного характера) вопреки своим действиям и убеждениям.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют, по мнению автора, о наличии серьезных проблем в вопросе отказа в возбуждении уголовного дела.

Видимо по этим причинам в новом УПК Украины законодатель ликвидировал стадию возбуждения уголовного дела. В соответствии со ст. 214 УПК Украины следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее одного дня после подачи заявления, сообщения об уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им с любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного преступления, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование¹⁴.

13 Об этом см.: Карпенко В. М. Оценка доказательств следователем и дознавателем в досудебном производстве по уголовным делам: монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2009.

14 Положение о Едином реестре досудебных расследований, порядок его формирования и ведения утверждаются Генеральной прокуратурой Украины по согласованию с Министерством вну-

Анализируя новый уголовно-процессуальный закон, юристы как Украины¹⁵, так и России¹⁶, отмечают его несовершенство в части начала процедуры расследования.

Действительно, проводить следственные действия по каждому заявлению, которые могут быть разные, в том числе глупые и абсурдные, вряд ли целесообразно.

В связи с этим, Л. М. Володина отмечает, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела должен быть последовательным. По ее мнению, уголовно-процессуальный закон должен четко урегулировать порядок принятия и регистрации заявления или сообщения, поступившего в правоохранительные органы. Последующим шагом должно быть решение следователя (дознателя) о принятии материалов к своему производству, которое и должно стать собственно началом производства расследования. Отказавшись от возбуждения уголовного дела по факту и начиная расследование с момента получения сообщения (заявления) о совершенном преступлении, собрав необходимые доказательства причастности конкретного лица к совершению преступления, органы предварительного расследования могли

бы вынести акт возбуждения уголовного преследования конкретного лица. При этом были бы решены и иные проблемы уголовного процесса (признание лица подозреваемым, применение к нему мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры принуждения))¹⁷.

В целом с данными предложениями можно согласиться.

В то же время, представляется, что порядок принятия и регистрации заявления или сообщения, поступившего в правоохранительные органы, регламентирован достаточно полно. Осуществляя проверку заявлений и сообщений, правоохранительные органы могут сделать предварительную оценку полученных материалов. В случае, если в таких материалах не усматривается признаков преступления, они списываются в архив. Если, по их мнению, в материалах усматриваются признаки преступления, такие материалы направляются в следственные органы, которые начинают расследование.

Соответственно должны быть внесены определенные изменения в уголовно-процессуальный кодекс.

тренних дел Украины, Службой безопасности Украины, органом, осуществляющим контроль за соблюдением налогового законодательства.

15 См.: Корж В. П. Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовно-процессуального кодекса Украины // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной науч.-практич. конференции (Москва, 23 мая 2013 г.). В 2 ч. Ч. 2. — М.: Изд-во ООО «Буки Веди», 2013. — С. 170–172.

16 См.: Юрчишин В. Н. Новый УПК Украины уполномочил прокурора быть процессуальным руководителем досудебного расследования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 3(8). — С. 202–205.

17 См.: Володина Л. М. Указ. соч. С. 10–11.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор)

Продолжение проблемы. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства предусматривает многоуровневый подход к формированию процессуальных процедур этого сотрудничества. Часть 5 УПК РФ явилась результатом комплексного решения законодателем проблем взаимодействия компетентных органов государства по вопросам борьбы с транснациональной преступностью, профилактики правонарушений в области международного права и взаимосвязи судебных и процессуальных процедур. Вывод о многоуровневом механизме реализации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства базируется на анализе системы норм уголовно-процессуального права, системы международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам, норм уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ и ряда зарубежных стран, а также доктринальные выводы ученых-процессуалистов, международников о поиске глобального (универсального) механизма защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Законодательный уровень формирования процессуальных процедур международного сотрудничества в соответствии с международными договорами состоит в следующем. В соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ, установлены два правовых условия действия международных договоров:

первое — международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство; *второе* — если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим кодексом, то применяются правила международного договора. Анализ уголовно-процессуального законодательства РФ выявило следующие закономерности применения международных договоров:

а) *механизм участия органов прокуратуры РФ.* Законом определяются организация и порядок деятельности прокуратуры РФ и полномочия прокуроров определяются в том числе и международными договорами (ч. 2 ст. 3 ФЗ «О прокуратуре РФ»), а также предоставляется возможность осуществлять прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничать с ними, заключать соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участия в разработке международных договоров РФ ст. 2 ФЗ «О прокуратуре РФ»;

б) *механизм участия российской адвокатуры.* Законом определяется возможность адвокату представлять интересы доверителя в органах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, если иное не

установлено в международных договорах (п. 8 ч. 2 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. обязывает каждого адвоката соблюдать правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, которые основаны на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также на международных стандартах и правилах адвокатской профессии (ч. 1 ст. 1);

в) *механизм участия органов предварительного следствия*. Следственный комитет в пределах своих полномочий взаимодействует с компетентными органами иностранных государств, заключает соглашения, сотрудничает с международными организациями в соответствии с международными договорами и участвует в разработке международных договоров Российской Федерации в установленной сфере деятельности (ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ст. 3);

г) *механизм международной защиты участников уголовного судопроизводства*. ФЗ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» прямо говорит о том, что законодательством Российской Федерации о государственной защите является Конституция РФ, Федеральные законы, а также международные договоры (ст. 5);

д) *механизмы информационного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности* ФЗ от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» определил правовое регулирование отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности судов. Устанавливается, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом, то применяются правила международного договора (ч. 2 ст. 3). ФЗ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» относит к законодательству Российской Федерации в области персональных данных и международные договоры (ч. 1 ст. 4), и формулирует известное правило — если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 4). ФЗ

от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также включает в законодательство об информации и ее защите международные договоры (ч. 1 ст. 4). На основании Постановления Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 года были утверждены формы и методы обезличивания персональной информации (Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных»;

е) *механизмы противодействия преступности*. ФЗ РФ от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» к правовым основам деятельности относит общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры (ч. 1 ст. 3). Кроме того законом установлено, что по решению Президента Российской Федерации сотрудники полиции могут участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (ч. 2 ст. 2). Нормы о международных договорах как правовой основы деятельности также зафиксированы в ФЗ РФ от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ст. 1) и ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» (ст. 2). В ФЗ РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямых указаний на международные договоры нет. Но формулировки о необходимости соблюдения прав и свобод человека существуют. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей» говоря о принципах содержания под стражей, устанавливает необходимость соответствия принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации (ст. 4).

Таким образом, в механизме правового регулирования сферы уголовного судопроизводства, международные договоры рассматриваются как неотъемлемая часть правовой основы деятельности компетентного органа государства и их применение является непосредственным, если этим договором устанавливаются другие правила, чем предусматривает федеральный закон.

Правоприменительный уровень механизма реализации международных договоров. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Фе-

дерации», появившийся в сложное для юриспруденции время, заложил законодательные основы значения международных договоров как правовой основы для межгосударственных отношений и констатировал, что международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государства (преамбула). В обеспечении выполнения международных договоров РФ участвуют Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, стороны по договорам. Органы государственной власти соответствующего субъекта РФ и общее наблюдение за выполнением международных договоров осуществляет Министерство иностранных дел РФ (ст. 32).

Следует отметить, что комплекс универсальных международных договоров по правам человека имеет в правовой системе РФ особый статус. В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно *общепризнанным принципам и нормам международного права*, каждый вправе обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Следует согласиться с мнением ученых, что формулировка Конституции РФ «дает основания для такой «прописки» общепризнанных принципов и норм и международных договоров Российской Федерации в российской правовой системе, при которой эти принципы, нормы, договоры, не вторгаясь прямо во внутригосударственный нормативный комплекс, в российское законодательство, взаимодействует с ним в правоотношениях, в правоприменительном процессе, в структуре правопорядка»¹. Возникает вопрос, обсуждаемый в дискуссиях — а что делать с формулой УПК РФ «...международные договоры являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство» (ч. 3 ст. 1)? Если это не корректная формулировка, то почему не изменена законодателем? Должны ли ей руководствоваться правоприменители?

Существует широкий перечень договоров (конвенций) Совета Европы, вступивших в силу

для Российской Федерации и являющихся действующими в настоящее время². Средства и способы защиты прав и свобод человека и гражданина многообразны, но чаще всего они связаны с деятельностью судебной системы. Европейские стандарты защиты прав личности легли в основу современного судопроизводства России: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5 Конвенции), презумпция невиновности и право на справедливое судебное разбирательство (ст. ст. 6, 7 Конвенции), право на апелляцию по уголовным делам (ст. Протокола № 7 Конвенции), компенсация за ошибочный приговор (ст. 3 Протокола № 7 Конвенции), право не подвергаться суду или наказанию вторично (ст. 4 Протокола № 7 Конвенции), обеспечение прав потерпевших в уголовном процессе (ст. 13 Конвенции, Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г.).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.96 № 1-ФКЗ, единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем... применения всеми судами Конституции РФ, законов, *общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации*. 10 октября 2003 года Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Кроме того, последующие судебные правовые позиции Верховного Суда РФ не оставляют ни тени сомнения в необходимости применения международных договоров в сфере уголовного судопроизводства при соблюдении прав и свобод человека и обеспечения единства судебной практики (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 14 июня 2012 г. «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»). Уникальность этого документа состоит в том, что к Постановлению существует Приложение в виде «Перечня офици-

¹ Международное право: учебник для вузов / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. — М., 1995. — С. 116; Щерба С. П. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в государствах-участниках СНГ. — М., 2001.

² Договоры (конвенции) Совета Европы с участием Российской Федерации. Комментарий проф. Г. В. Игнатенко // Совет Европы и Россия. Спецвыпуск. Информационный бюллетень. — Екатеринбург: УрГЮА, 2002. — С. 23–25.

ально опубликованных международных договоров РФ, предусматривающих возможность выдачи лица для уголовного преследования, исполнения приговоров, а также передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он явился».

Таким образом, правоприменитель информирован Верховным судом РФ обо всех действующих международных договорах в этой области юриспруденции. Это создает определенность в понимании текстов договоров и их своевременном применении.

Верховный Суд РФ неоднократно в своих решениях отмечал значение применения Европейской Конвенции от 4 ноября 1950 г. и 27 июня 2013 года принял Постановление № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней», где предлагает судам единообразно применять нормы этой конвенции. Важнейшим выводом должен стать следующий тезис — необходимо изучать все решения Европейского Суда по правам человека, и не только тех, которые вынесены в отношении России, но и в отношении других стран, так как Европейский Суд предлагает толкование Европейской конвенции. Изучив правовые позиции и общие закономерности можно рекомендовать адвокатам и другим потенциальным заявителям — обжаловать в Европейский Суд дела, где обнаруживаются такие типичные нарушения, по которым уже вынесены решения Суда. В таких случаях решения будут предсказуемы в порядке применения Протокола № 14. Работникам прокуратуры, органам следствия, судьям следует не допускать таких нарушений, которые уже обнаружены Европейским Судом и признаны нарушением Конвенции, а значит, и нарушением российского права³. *Доктринальный уровень формирования модели применения международных договоров в механизме защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Ученые-международники обосновали наличие международного*

уголовно-процессуального права и показали его значение в правовой системе России: поднимались теоретические проблемы⁴; формулировались и решались проблемы международной уголовной юстиции⁵; рассматривалось международное сотрудничество в области предупреждения транснациональной преступности и органы международного уголовного правосудия⁶. По мнению *Кристофера Осаке* «сравнительное публичное право способствует гармонизации и унификации норм внутреннего публичного права национальных правовых систем, оказывая влияние на содержание разрабатываемых рекомендательных (модельных) документов, а в судебных решениях судьи, используя компаративистский научный метод, восполняют пробелы в праве, интерпретируя решения, вынесенные в рамках иных правовых систем⁷. Современные сравнительно-правовые исследования зарубежного уголовного процесса в настоящее время можно распределить по следующим проблемам: изучение тенденций развития международного процессуального законодательства и сопоставление процессуальных процедур⁸; исследование модельного подхода⁹; исследование механизма международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства при оказании правовой помощи по головным делам¹⁰; со-

4 Юрков А. П. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2001. — С. 5–7; Бирюков П. Б. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2001. — С. 13; Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — 2007. — С. 12; Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. ... в форме науч. доклада д-ра юрид. наук. — Москва, 2003. — С. 17.

5 Костенко Н. И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции: дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2002. — С. 111.

6 Рабаданова А. А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2006. — С. 5; Шарифуллин Р. А. Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — С. 7.

7 Кристофера Осаке. Сравнительное правоведение в схемах: общая и аособенная части: учеб.-практ. пос. — М.: Дело, 2000. — С. 13 (256 с.).

8 Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и исправ. — М.: Из-во «Зерцало», М, 2002. — С. 103–119, 208–222 (528 с.).

9 Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем. — СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Из-во юридического факультета СПбГУ, 2006. — С. 22–50 (264 с.).

10 Волженкина В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. — СПб.: Из-во «Юридически центр Пресс»,

3 Об инициативе составления единого сводного перечня всех подлежащих к принятию во внимание международных договоров России существуют разные мнения. — См. подробнее: «Известия», № 171 от 19.09.2003 г.; Муратова Н. Г. Механизм реализации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. матер. Всерос. нач.-практ. конф. в 3-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1. — С. 279–287 (461 с.).

поставление особенностей процессуальных основ в доказывании, применении мер принуждения и производстве следственных действий¹¹; исследование тенденций в формировании взаимосвязи региональных правоохранительных организаций и Интерпола¹²; закономерности сотрудничества с Европейским Союзом по уголовным делам¹³; Авторская последовательная модель процессуального механизма применения правил международных договоров состоит в следующем: создать

единый судебный орган государств-участников СНГ¹⁴; создать Международный уголовный Суд государств-участников СНГ¹⁵; сформировать Федеральную международно-правовую службу РФ и ее вертикаль в субъектах федерации¹⁶; обосновать и ввести новую должность в судах и правоохранительных органах — консультант-международник¹⁷; реализовать европейскую модель судебного контроля и создать должность следственного судьи (судебного следователя)¹⁸.

Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001. — С. 123–156 (359 с.); Бирюков П. М. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. — Воронеж, 1997. — С. 122–140; Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: монография. — Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2008. — С. 114–164; Табалдиева В. Ш. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учебное пособие. — М.: Из-во Московского психолого-социального ин-та, Воронеж: Из-во НПО «МОДЭК», 2004. — С. 81–93 (191 с.) и другие. См. более подробно об этой проблематике параграф 1.4. гл. 1 настоящей работы (прим. автора).

11 Бастрыкин А. И., Алдехандров О. И. Уголовные дела с участием иностранцев: вопросы тактики, организации и методики расследования. — Санкт-Петербург: Северо-западный филиал Российской правовой академии, 2003. — С. 3 (367 с.); Волеводз А. Г., Соловьев А. Б. Международный розыск, арест, конфискация и передача иностранным государствам денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также вещественных доказательств по уголовным делам. — М.: Из-во «Юрлитинформ», 2007. — С. 60–97 (440 с.); Гусаков А. Н. Криминалистика США: теория и практик ее применения. — Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та 1993. — С. 5–22 (128 с.); Зимин О. В., Болотский Б. С. Зарубежный опыт формирования системы противодействия легализации преступных доходов. — М.: ВНИИ МВД России, 2008. — С. 17–38 (189 с.) и другие.

12 Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции — Интерпол и тенденций формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 152–153.

13 Дамиричев Э. И. Сотрудничество Европейского Союза в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 200–202.

14 Муратова Н. Г. Международный судебный контроль в уголовной юстиции: проблемы законодательного регулирования и совершенствования практики // Правосудие в Татарстане. 2006. № 3(28). С. 17–21; Международная и внутригосударственная защита прав человека: учеб. пос. для вуза / под ред. Р. М. Валеева, Р. Г. Вазгизова (раздел 2 гл. 3 параграф 3–4 (С. 284–295)); Муратова Н. Г., Муратова Н. Д. Правовое значение создания единого судебного пространства государствами-участниками СНГ / Постсоветская государственность: проблемы интеграции и дезинтеграции: материалы VI международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург. 15 апреля 2006 г. Ч. 1. — С. 130–134; Права человека в международном и внутригосударственном праве: учебник / под ред. проф. Валеева Р. М. — Казань: Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. — 110 с.; Муратова Н. Г. Международный уголовный кодекс ФРГ и вопросы уголовной ответственности // ученые записки Казанского университета. Т. 150. Серия Гуманитарные науки. Книга 5. — 2008. С. 207–212.

15 Муратова Н. Г. Механизм реализации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. матер. Всерос. начн.-практ. конф.: в 3-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1 — С. 279–287 (461 с.); Муратова Н. Г., Чулюкин Л. Д. Применение Конституционным Судом норм международного права по соблюдению прав человека в уголовном судопроизводстве // Российский Ежегодник международного права. — СПб: РОССИЯ-НЕВА, 2005. — С. 209–217.

16 Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — С. 38; Муратова Н. Г. Защита прав граждан России Европейским Судом по правам человека (уголовное судопроизводство) // Актуальные проблемы защиты прав граждан и юридических: тезисы докладов на Всероссийской конференции 10–11 декабря 2003. — Ульяновск: УлГУ, 2004. — С. 291–295.

17 Муратова Н. Г. Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для судебного надзора по уголовным делам Российской Федерации // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации. — Екатеринбург: УрГЮА, 2003. — С. 64–67; Муратова Н. Г. Проблемы имплементации Римского статута Международного уголовного суда в России // Вестник экономики, права и социологии, 2007. № 3. — С. 99–106.

18 Муратова Н. Г. Следственный судья в судебной системе Франции и России // I международный симпозиум: сборник статей ученых Казанского университета (на русском и французском языках). — Казань, 2005. — С. 373–378; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. С. 35–37.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

С. П. Щерба,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный работник МВД России (ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», научно-исследовательский институт, отдел международного сотрудничества и сравнительного правоведения, заведующий)

Тема сегодняшней конференции не дань моде и не результат субъективного усмотрения ее организаторов.

Проблемы нормативного (легального) определения сути и содержания прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, создания надежных и доступных механизмов их защиты, установления критериев и пределов их ограничения при производстве по уголовным делам являются по-прежнему наиболее актуальными и острыми в сфере уголовного судопроизводства.

Их значимость особенно возросла в связи с ратификацией Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (ФЗ от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ), признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека, обязательным исполнением его окончательных решений.

К тому же поток запросов федеральных судов, а также жалоб и обращений граждан в Конституционных Суд Российской Федерации о несоответствии положений УПК РФ нормам международного права и Конституции Российской Федерации в части обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве свидетельствуют о том, что отдельные нормы и институты российского уголовно-процессуального законодательства не отражают реального смысла

и содержания фундаментальных и неотъемлемых прав участников уголовного процесса, умаляют и ограничивают их при производстве по уголовным делам¹.

Анализ многочисленных решений Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что в ряде норм уголовно-процессуального закона до сих пор нет адекватного отражения сущности и содержания того или иного принципа уголовного судопроизводства, а также вытекающих из них прав и свобод человека и гражданина.

Именно поэтому во всех решениях Конституционного Суда Российской Федерации его правовые позиции о сущности и содержании фундаментальных прав человека в сфере уголовного судопроизводства, о механизмах их защиты и пределах ограничения основываются на системном и взаимосвязанном толковании нормативных положений УПК РФ и Конституции Российской Федерации.

Так, например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ряда положений ст.ст. 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголов-

¹ См.: Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-процессуального законодательства России. 2001–2007 / (сост. Н. Т. Ведерников, А. Н. Ведерников). — М.: ЮНИТИДАНА; Закон и право, 2009. С. 3–4.

но-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева от 20 ноября 2007 г. № 13-П его правовая позиция обоснована следующим образом: «... Находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части 3 статьи 433, статей 437 и 438, частей 3 и 6 статьи 439, части 1 статьи 441, статьи 444 и части 1 статьи 445 УПК РФ нарушают статьи 19, 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой эти положения по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, — не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, а именно знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения» (п. 3.3).

При этом Конституционный Суд РФ в своих решениях неизменно подчеркивает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и в качестве таковых определяют смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, деятельность всех ветвей власти и обеспечиваются правосудием, что гарантировано ст. 18 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, на повестку дня поставлена важнейшая задача — наполнить содержание прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе тем смыслом, который отражен в Конституции Российской Федерации и нормах международного права, являющихся неотъемлемой частью правовой системы России.

Не случайно, поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 года» и Протоколов к ней» отмечено, что «содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод,

раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

В названном постановлении Пленума специально оговорено, что во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского Суда должны учитываться при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и иных международных договоров Российской Федерации (подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года).

Очевидно, что приведенные аргументы свидетельствуют о том, что важнейшей теоретической и прикладной проблемой является адекватное определение и отражение сути и содержания основных прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства России.

Так, требуется уточнить в законе право обвиняемого на соблюдение презумпции невиновности в соответствии со ст. 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, согласно которой «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком *путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты*» (курсив — С. Щ.).

Как видно, содержание презумпции невиновности, закрепленное в ст. 14 УПК РФ, должно быть наполнено смыслом нормы международного права и включать право обвиняемого на предоставление ему всех возможностей для защиты как участнику состязательного уголовного судопроизводства.

Должно быть коренным образом изменено и расширено содержание права человека и гражданина на неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ) с учетом понятия «жилище», сформулированного в уголовном и жилищном законодательстве России, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Но самое главное — содержание права человека на неприкосновенность жилища, отраженное в УПК РФ, должно быть по своей сути адекватно тому содержанию, которое изложено в нормах международного права. Между тем содержание права человека на неприкосновенность жилища

в ст. 12 УПК РФ необоснованно ограничено только правом на его неприкосновенность при производстве осмотра, обыска и выемки.

Именно такая формулировка закона позволяет осуществить в ходе дознания и следствия незаконные «обходы», проверки жилья по различным поводам. В то время как ст. 12 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что *каждый человек имеет право на защиту закона от любого произвольного посягательства на неприкосновенность его жилища* (курсив — С. Щ.).

В ст. 203 УПК РФ не раскрываются цели применения и содержание такой строгой принудительной меры как помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар. В данной статье закона не определено процессуальное положение обследуемого лица, сроки и пределы его недобровольного нахождения в стационаре, механизмы обеспечения его права на охрану здоровья и оказание медицинской помощи в период принудительного обследования.

Следовательно, принудительная мера — помещение подозреваемого и обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар не имеет адекватного юридического содержания и зачастую применяется незаконно и произвольно.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве до сих пор не раскрыто содержание таких неотъемлемых прав человека и гражданина как: право на неприкосновенность личности; право на неприкосновенность частной жизни; право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право потерпевшего на доступ к правосудию; на полную компенсацию причиненного вреда; на беспрепятственное участие в уголовном судопроизводстве, о чем совершенно обосновано сказано во многих трудах ученых — процессуалистов России².

Относительно проблемных вопросов о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства следует отметить, что в УПК РФ необходимо,

прежде всего, отразить нормативные положения ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 12 декабря 1949 года о том, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Основания и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина более четко конкретизированы в ст. ст. 8, 9 и 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 года. В соответствии с ее нормативными положениями ограничения прав и свобод человека допускается только в случаях, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в целях: 1) поддержания государственной и общественной безопасности, экономического благосостояния страны; 2) предотвращения беспорядков или преступлений; 3) охраны территориальной целостности государства; 4) защиты здоровья и нравственности; 5) защиты прав, свобод и репутации других лиц; 6) предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально; 7) обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны стран и безопасности государства.

Как видно, определение содержания и перечня случаев ограничения прав и свобод человека и гражданина отнесено к компетенции федерального закона.

К сожалению, в уголовно-процессуальное законодательство России, допускающее применение различных мер принуждения и ограничивающее права и свободы человека, до сих пор не включена общая фундаментальная норма, в которой должны быть установлены:

1) основания, условия и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства;

² См. например: Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. С. 106–107; Полторацкая Н. С. Реализация конституционного права неприкосновенности частной жизни: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000. — С. 40–41.

2) перечень случаев, при наличии которых ни при каких обстоятельствах не допускается ограничение прав и свобод при производстве по уголовным делам;

3) запрет на расширительное толкование оснований (критериев) для применения каких-либо ограничений прав и свобод человека и гражданина;

4) ответственность должностных лиц и судей за необоснованное ограничение прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам;

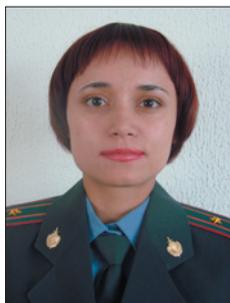
5) запрет на ограничение прав и свобод подозреваемых или обвиняемых в целях раскрытия преступления и собирания доказательств по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство, верно отмечает П. А. Лупинская, недопустимо использовать для усиления борьбы с преступностью путем ограничения прав лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении конкретного преступления. Уголовное судопроизводство должно защищать человека и гражданина от незаконного и необоснованного ограничения его прав и свобод. Охранительный тип уголовного процесса рассматривает задачу обеспечения защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод как равновеликую задаче раскрытия преступления и защиты прав потерпевшего, и предусматривает неразрывную связь между этими задачами³.

3 См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Юрист, 2003. — С. 20–21.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ТУРИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. А. Закаļина

(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, соискатель; Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», член)

Изучение криминологической характеристики преступности террористической направленности в российских¹ и зарубежных² городах-курортах³

1 По сведениям Управления анализа и организации гостиничной и туристской деятельности Федерального агентства по туризму Министерства спорта, туризма и молодежной политики России, доля лиц в коллективных средствах размещения региона Кавказских Минеральных Вод (далее — КМВ) составляет 67,1% от общего числа лиц, размещенных в коллективных средствах размещения Северо-Кавказского федерального округа (далее — СКФО), а доля лиц в коллективных средствах размещения курортов Краснодарского края — 57,9% от общего числа лиц, размещенных в коллективных средствах размещения Южного федерального округа (далее — ЮФО). Наиболее популярными являются курорты федерального значения КМВ (Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск) и курорты Черноморского побережья (Сочи, Анапа, Геленджик, Туапсе). Кроме того, при соответствующем развитии пляжного туризма курорты Черноморского побережья смогут принимать дополнительно более 12 млн туристов в год. См.: О признании курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск, расположенных в Ставропольском крае, курортами федерального значения и об утверждении Положений об этих курортах : Постановление Правительства РФ от 17.01.2006 № 14 // Российская газета. 2006. 25 января. № 13 (3979); Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2010 № 1230-р // Собрание законодательства РФ. 2010. 26 июля. № 30. Ст. 4146.

2 Автором выбраны те страны, курорты которых пользуются устойчивым спросом среди отечественных туристов и ежегодно включаются Российским союзом туристической индустрии (далее — РСТ) в рейтинг стран выездного туризма, который размещается на официальном сайте РСТ.

3 Город-курорт — это освоенная и используемая в лечебно-профилактических целях особо охраняемая природная территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями и сооружениями, включая объекты инфраструктуры. См.: О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: Федеральный закон РФ от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 25.06.2012) // Собрание законодательства РФ. 1995. 27 февраля. № 9. Ст. 713 ; 2012. 25 июня. № 26. Ст. 3446; Об утверждении Положения о признании территорий лечебно-оздоровительных местностей и курортами федерального значения: Постановление Правительства РФ от 07.12.1996 г. № 1426 (ред. от 20.12.2002) // Собрание законодательства РФ. 1996. 16 декабря. № 51. Ст. 5799 ; 2002. 30 декабря. № 52 (2 ч.). Ст. 5218.

на научном уровне ранее никогда не проводилось⁴. Хотя, безусловно, оно важно как для теории, так и для практической, в том числе правоприменительной деятельности, поскольку иностранный опыт исследования и противодействия наиболее опасному по своим последствиям виду преступности — терроризму⁵ — весьма полезен, особенно принимая во внимание озабоченность Правительства России созданием условий для улучшения качества жизни соотечественников, в том числе за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечением доступности и конкурентоспособности туристских услуг⁶. Кроме того, обя-

4 См., например: Мозеров В. И. Преступность в курортных городах и меры ее предупреждения (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1982; Боровой А. А. Организация функционирования городских и районных органов внутренних дел в городах-курортах: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1985; Волков В. Р. Организация и совершенствование деятельности участковых инспекторов милиции по охране общественного порядка и профилактике правонарушений в курортных городах: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1991; Мелехин О. Ю. Современные особенности борьбы с преступностью в условиях курортного региона (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998; Полтарыгин Р. В. Профилактика преступности несовершеннолетних и молодежи в условиях курортного региона: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.

5 Терроризм — взрывы, поджоги, убийства и другие преступления, совершаемые одиночками или группами лиц в целях дестабилизации социально-политической обстановки, устрашения населения и воздействия на политику органов государственной власти. См.: Максимов С. В., Эминов В. Е. Словарь криминологических терминов // Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 795.

6 См.: Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.10.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. 24 ноября. № 47. Ст. 5489; Об утверждении Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года: Распоряжение

занность государств обеспечивать безопасность отдыха прописана в международных правовых актах⁷.

Терроризм имеет многовековую историю, очень многолик и принимает различные формы: от системной идеологической, политической, религиозной, сепаратистской и даже партизанской борьбы до единичных кровавых актов. Он представляет «угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина»⁸, включая права на жизнь и отдых.

Популярность курортов как мест массового отдыха влечет, соответственно, их уязвимость. Так, угрозу для безопасности туристов на *юге Европы* — в Испании, представляет экстремистская организация «ЭТА-баски» (баск. Euskadi Ta Askatasuna — «Страна басков и свобода»), требующая полной автономии провинции басков и «знаменитая» убийством министра внутренних дел К. Бланко в 1973 г., а также совершением 30 июля и 9 августа 2009 г. терактов на курорте Пальма-де-Мальорка⁹. В северных районах Италии орудует марксистско-ленинская группировка «Красные бригады» (Brigati Rossi), преследующая целью свержение существующего режима, во имя чего были совершены убийство премьер-министра А. Моро в 1993 г., погром в Генуе во время встречи «Большой Восьмерки» в июле 2001 г. и ряд других акций¹⁰. На Кипре действует турко-кипрская община, борющаяся за независимость

Правительства РФ от 17.10.2008 № 1663-п // Собрание законодательства РФ. 2008. 1 декабря. № 48. Ст. 5639; Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2010 № 1230-п // Собрание законодательства РФ. 2010. 26 июля. № 30. Ст. 4146; Об утверждении Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)»: Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 // Собрание законодательства РФ. 2010. 26 июля. № 30. Ст. 4146, и др.

7 См., например: Глобальный этический кодекс туризма (принят в г. Сантьяго (Чили) 01.10.1999 г. резолюцией a/RES/406(XIII) на 13-й сессии Генеральной ассамблеи ВТО, 27.09.–01.10.1999) // Консультант плюс.

8 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Российская газета. 2012. 17 февраля. № 35.

9 Мухаматулин Т. ЭТА взорвала Мальорку // Взгляд. Деловая газета. 2009. 9 августа.

10 Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки. Баку: SADA, 2003. С. 202.

северной части и иницилирующая беспорядки на границе с Грецией.

Рассматривая страны *Ближнего Востока*, следует упомянуть, в первую очередь, Турцию, где действуют Рабочая партия Курдистана (или Курдская рабочая партия), ее молодежное крыло «Серые волки» и военное крыло «Силы народной защиты», борющиеся за национальную независимость. Их акции направлены как против представителей официальных властей (например, покушение на Папу Павла II), так и против обычных людей, в том числе туристов¹¹. Несколько терактов здесь были совершены россиянами¹². Израиль «известен» террористическими актами палестинских исламистов («Хамас», «Хизбалла», «Исламский джихад»), поставивших своей целью уничтожение израильского государства¹³.

Касательно стран *Индостана* следует отметить, что на полуострове Джафна (Шри-Ланка) угрозу для безопасности туристов представляют «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ), стремящиеся насильственным путем провозгласить автономию на северо-востоке острова¹⁴. В северных районах Индии (Пенджаб) орудуют сикхские и кашмирские сепаратисты, преследующие цель образовать суверенное государство Халистан¹⁵. Ряд терактов с многочисленными жертвами имели место в Индонезии: 12 октября 2002 г. на острове Бали (г. Кута) боевиками террористической группировки «Джамааисламия» были организованы взрывы в кафе «Паддис» и на дискотеке «Сари», унесшие жизни 190 туристов из Австралии, Японии, Германии и других

11 Например, взрывы в Стамбуле в 1993, 1994, 1999, 2005 гг., взрывы 10 и 16 июля 2005 г. в курортных городах Чешме и Кушадасы, в результате которых погибли 5 и около 35 отдыхающих получили ранения; 2 августа 2005 г. в г. Анталия сработали два взрывных устройства, заложенные в мусорные контейнеры и ранившие 6 человек, включая одного иностранного туриста. См.: «Хроника террора» // Спецназ России. 2005. август. № 8 (107). С. 35.

12 16 января 1996 г. группа вооруженных террористов с требованиями прекратить чеченскую войну и выпустить из кольца блокированную под с. Первомайское банду С. Радуева ворвалась на борт парома «Аврасия», который готовился взять курс из турецкого курорта Трабзон в г. Сочи. Впоследствии злоумышленники сдались турецким властям, из заложников никто не пострадал. С 15 по 16 марта 2001 г. три чеченских террориста захватили в Стамбуле 174-х заложников на борту самолёта, вылетающего в Москву. См.: Хинштейн А. Янычары плаща и кинжала // Московский комсомолец. 2001, 18–19 апреля. № 21678–21679.

13 Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки. Баку: SADA, 2003. С. 180.

14 См., например: В связи с напряженной ситуацией в Шри-Ланке: Сообщение МИД РФ от 18.01.2008 № 51-18-01-2008; Куприна Ю. На Шри-Ланке «Тигры освобождения Тамил Илама» убили 49 мирных жителей // Комсомольская правда. 2009. 10 марта. № 34.

15 Марченко В. Кашмир: Индийская Чечня // Завтра. 2000. 8 февраля. № 6 (323).

стран, 309 человек были ранены¹⁶; три года спустя здесь же вновь прогремели взрывы на курортах Джимбаран и Кута, ранения получили 49 местных жителей и 28 иностранных туристов; в августе 2003 г. «Джамааисламия» взяла на себя ответственность за взрыв у отеля «Мариотт» в центре индонезийской столицы Джакарты, когда погибли 16 человек и около 150 получили ранения. Здесь же в сентябре 2004 г. террорист-смертник взорвал автомобиль перед воротами австралийского посольства, в результате чего погибли 10 человек и свыше 200 получили ранения¹⁷. Следующий теракт имел место 17 июля 2009 г. в отелях «Ритц-Карлтон» и «Мариотт», тогда погибли 11 человек и 50 получили ранения¹⁸.

На *африканском* континенте туристы также рискуют стать жертвами терроризма. На юге Египта (в провинциях Асьют, Асуан, Луксор) обосновались исламские фундаменталисты («Аль-Гамаа аль-Исламия»), агрессия которых нацелена на уничтожение «безбожников» любым способом, в том числе путем расстрела автобуса с туристами в Луксоре в 1997 г., взрывов в Каире в 1996 и 2009 гг., в Табе в 2004 г. и Шарм-эль-Шейхе в 2005 г. В 2006 г. на египетском курорте Дахаб прозвучали сразу три взрыва (у ресторана и двух гостиниц), совершенных выходцами из бедуинских племен с севера Синая («Мученики Египта») и унесших 23 жизни, при этом раненых было более 80 человек¹⁹. В Тунисе террористической организацией «Аль-Каида» в апреле 2002 г. была взорвана древнейшая синагога на о. Джерба, погибли 14 немецких туристов²⁰. В Кении и Танзании той же организацией 7 августа 1998 г. были совершены два одновременных теракта, а 28 ноября 2002 г. три террориста-смертника подорвали ParadiseHotel в Кикамбале на северном побережье Кении, в результате чего погибло 16 человек²¹.

16 Сычева В. Взорванный рай, или После теракта на Бали вся мировая индустрия туризма может оказаться под прицелом международного террора // Итоги. 2002. 22 октября. № 42/332.

17 Зорин А. Рестораны под огнем // Российская газета. 2005. 3 октября. № 3889.

18 О террористических актах в столице Индонезии : Сообщение МИД РФ от 18.07.2009 г. № 1150.

19 Федяшин А. Египет. Пугающая повторяемость терактов // Эхо планеты. 2006. № 18-19. С. 12.

20 Гайдукевич Л. Развитие международного туризма и обеспечение безопасности туристов // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 2. С. 68.

21 Наступивший после этого кризис в туристической отрасли привел к финансовым убыткам свыше 1 млрд кенийских шиллингов (1 млн долларов США) в неделю, под угрозой увольнения оказались 500 тысяч человек, напрямую задействованных в сфере туризма, и 2500 тысяч человек, косвенно задействованных в данной сфере. Benjamin

Терроризм как негативное явление социально-политической жизни известен в России давно. Среди отечественных городов-курортов «лидером» является Пятигорск, где за период 1992–2012 гг. были зафиксированы 8 подобных преступлений, в результате которых 18 человек погибли, 135 ранены, причинен значительный материальный ущерб имуществу граждан и организаций²². В городе-курорте Ессентуки в указанный период имели место два теракта, в итоге 48 человек погибли, 175 ранены²³. 3 сентября 2003 г. имел место подрыв электропоезда Кисловодск — Минеральные Воды, в результате которого 7 человек погибли, около 80 ранены. 18 февраля 2011 г. боевики расстреляли московских горнолыжников, подорвали канатную дорогу на Эльбрус и едва не взорвали одну из гостиниц на поляне Азау, оставив около нее начиненный взрывчаткой автомобиль, своевременно обнаруженный и обезвреженный²⁴. Несколько терактов были организованы в городе-курорте Сочи и его окрестностях летом 2008 года: первый — в Блиново — унес две жизни; жертвой второго стал ночной прохожий в Адлере; третий на пляже в п. Лоо имел место 7 августа 2008 г., в результате двое погибли, восьмерых отдыхающих госпитализировали. Начавшаяся на следующий день война в Южной Осетии позволяет предположить, что таким образом Грузия могла намекать России на недопустимость вмешательства в разгоревшийся конфликт; другая версия не исключает теракта со стороны Кореи — ближайшего по Олимпиаде-2014 конкурента Сочи; третья связана с попыткой отвлечь внимание общественности путем совершения терактов от срыва сроков строительства олимпийских объ-

K. Kuto, James L. Groves. The Effect of Terrorism: Evaluating Kenya's Tourism Crisis // Review of Tourism Research. Volume 2. Issue 4. 2004. August. P. 88.

22 Речь идет о терактах 28.07.1994 г. (четверо террористов объявили заложниками 41 пассажира рейсового автобуса Пятигорск — Красногвардейское); 28.04.1997 г. (взрыв в зале ожидания железнодорожного вокзала); 06.10.2000 г. (два взрыва на платформе того же вокзала); 08.12.2000 г. (в районе Верхнего рынка одновременно были взорваны два автомобиля); 09.12.2007 г. (взрыв в автобусе Пятигорск — Ставрополь); 22.11.2007 г. (взрыв в автобусе Пятигорск — Владикавказ); 17.08.2010 г. (у кафе «Оскар» в центре города взорвалась легковая машина).

23 24.03.2001 г. — взрыв в автомобиле у здания местного ГИБДД; 05.12.2003 г. — взрыв в электричке, совершенный смертницей из террористической группировки Ш. Басаева («Риядус-салихийн»).

24 См.: Брежницкая Е. Тревожные горы, или Уникальные курорты Кабардино-Балкарии остаются закрытыми для посещения туристов // Российская газета. Региональный выпуск. 2011. 8 сентября. № 200 (5576). С. 19.

ектов; четвертая версия предлагает расценивать их в качестве «репетиций» перед масштабным терактом непосредственно во время спортивного праздника.

Следует отметить особенность терроризма в России, где в отличие от международного террористов, как правило, не берут на себя ответственность за нападения, т. е. они не отошли от традиционной насильственной преступности, а идеологию используют только в качестве ширмы.

Цена преступности террористической направленности как в российских, так и в зарубежных городах-курортах включает в себя не только моральный, физический и материальный вред, причиненный конкретным жертвам, но и экономический, причиненный имиджу курортных городов и, как следствие, их бюджетам и экономике государств, зачастую напрямую зависящих от туристской индустрии. В связи с этим П. Тарлоу (Колледж Стейшн, штат Техас, США)²⁵ прогнозирует рост числа террористических атак на курортах по ряду причин: во-первых, злоумышленники знают, что «туризм является одним из основных генераторов доходов на национальном и местном уровнях», поэтому рассматривают туристские объекты как идеальную возможность для причинения максимального ущерба; во-вторых, противодействие данному виду преступности затрудняют открытость границ и минимизация таможенных формальностей²⁶. С мнением П. Тарлоу солидарны Г. Харрис и К. М. Кац, которые указывают, что «вместо поиска эпитетов для восхваления достопримечательностей посещаемого региона, туристы в перспективе будут изучать пути ухода от потенциально опасных ситуаций»²⁷.

Из вышеизложенного следует, что туризм содержит в себе определенный криминогенный потенциал в силу имманентно присущей городам-курортам уязвимости и, соответственно, привлекательности для злоумышленников вви-

ду наличия устойчивой закономерности между силой общественного резонанса и «податливостью» органов власти при принятии выгодных террористам решений. Это, в свою очередь, актуализирует изучение данной темы в целях поиска путей повышения эффективности обеспечения безопасности отдыха, антитеррористической устойчивости и защищенности объектов туристской индустрии.

Особенно остра данная проблема для города-курорта Сочи, поскольку любое чрезвычайное происшествие во время Олимпиады-2014 сильно уронит имидж России, а потому властями уделяется пристальное внимание состоянию преступности в будущей олимпийской столице²⁸. До главного спортивного праздника остались считанные месяцы, и в такой обстановке руководство страны не может пойти на эскалацию конфликтов на Северном Кавказе, иначе смазанным окажется пропагандистский эффект от Олимпиады. К сожалению, она может стать мощным стимулом для боевиков, поскольку чем больше внимание приковано к региону, тем более эффективными, с точки зрения террористов, являются их действия, поэтому нельзя исключить вероятность масштабных терактов. Также актуальна данная проблема и для курортов КМВ, непосредственно граничащих с зонами вооруженных конфликтов и контртеррористических операций.

Причины и условия преступности террористической направленности в городах-курортах России аналогичны причинам и условиям таковой во всей стране: нерешенность социальных, национальных, религиозных проблем, влекущая дискриминацию, военные конфликты и сопутствующая им милитаризация, давние традиции использования терроризма для решения политических задач, слабость государственной власти, неспособность правоохранительных органов своевременно выявлять и обезвреживать террористов и их пособников, а также пресекать деятельность организаций, финансирующих террористические организации и иные незаконные вооруженные формирования, психологические деформации и пр. Кроме того, в изучаемых городах действуют специфичные терророгенные детерминанты:

25 Tarlow Peter E. *Terrorism and Tourism // Review of Tourism Research*. Volume 3. Issue 5. 2005. October. P. 18–21.

26 Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973 (ред. 26.06.1999) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Россия присоединилась к данной Конвенции на основании Федерального закона РФ от 03.11.2010 № 279-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. 8 ноября. № 45. Ст. 5744.

27 Годфри Харрис, Кеннет М. Кац. Стимулирование международного туризма в XXI веке. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 8.

28 См., например: Об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности в период подготовки и проведения XXII Олимпийских игр и XI Паралимпийских игр 2014 г. в г. Сочи: Приказ МВД РФ от 06.08.2007 № 696 // КонсультантПлюс.

массовое скопление людей (особенно в период отпусков)²⁹ их быстрая сменяемость, кратковременность и зачастую анонимность пребывания на курорте, особенно в частном секторе Черноморского побережья, наличие характерных причин латентности, весомый виктимный фактор, высокий транзитный потенциал, географическое расположение перечисленных городов в полиэтническом макрорегионе, приграничное положение с районами межнациональных конфликтов, где проживает немалое количество амнистированных членов незаконных вооруженных формирований, а также миграция населения из республик ближнего зарубежья и сопредельных субъектов федерации и пр.

В целях предупреждения рассматриваемого вида преступности принимаются различные меры организационного характера: проводятся межведомственные оперативно-профилактические целевые мероприятия и контртеррористические операции; в приграничных районах создаются постоянно действующие межведомственные оперативные группы из числа представителей пограничных комендатур, отделений пограничного контроля, таможенных постов, территориальных органов ФСБ и МВД России; организуются заградительные мероприятия по предотвращению противоправного ввоза (вывоза) оружия и взрывчатых устройств, в первую очередь из районов выполнения служебно-боевых задач; проводятся целевые операции «Арсенал», «Гастролер»; улучшается техническая оснащённость подразделений, несущих службу в приграничных районах; укрепляется сотрудничество с правоохранительными органами

соседних регионов и иностранных государств, осуществляется взаимный обмен оперативной информацией; с целью повышения эффективности использования возможностей Интерпола по перекрытию каналов контрабанды оружия иностранного производства на территорию страны, информируются филиалы НЦБ «Интерпола» для проверки по системе «IWETS» и пр.

В качестве основной политической меры предупреждения терроризма руководством страны избрана традиционная непродуктивная тактика: смена «неблагонадежных» руководителей северо-кавказских республик, «покупка» лояльности местных архаичных кланов, сохранение их у власти и одновременное назначение силовиков, не являющихся выходцами из региона. Однако масштабность проблем не позволяет решить их безболезненно и быстро, нужны значительные усилия по замене клановых элит на более сильные институты и понимание того, что эти усилия на первых порах могут приводить к дестабилизации. Представляется, что самая серьезная ставка в деятельности по предупреждению преступности террористической направленности должна быть сделана на социально-экономические меры. Сложность в том, что происходит воспроизводство террористов: все новые и новые люди уходят в горы, на путь террора становятся дети и внуки тех, кто начинал воевать с Россией 15 лет назад. Пока эта порочная цепь не будет разорвана проведением грамотной политики, направленной на экономическое развитие дотационного региона и решение острых социальных проблем (в первую очередь, на борьбу с безработицей), минимизировать проблему силовыми методами невозможно.

²⁹ Так, по данным Краснодарстата, в среднем за 2007–2012 гг. число официально прибывших на организованное лечение и отдых в г. Анапа почти в 2,7 раза больше числа местных жителей, в г. Геленджик — почти в 3 раза больше, в г. Сочи — почти в 1,7 раз больше, в г. Туапсе — почти в 2,7 раза больше. Если еще учитывать неорганизованных туристов в частном секторе, палаточных городках, автокемпингах и пр., то указанные цифры увеличатся многократно.

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЗАХВАТ НЕДВИЖИМОСТИ

Е. А. Рыбакова,

(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»),
Института сравнительного законодательного права, научный сотрудник;
Региональная общественная организация
«Союз криминалистов и криминологов», член)

Сложность изучения криминального захвата недвижимости заключается в том, что бывает трудно найти грань между совершением преступлений и гражданско-правовых сделок. В ч. 1 ст. 129 ГК РФ сказано, что объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства, либо иным способом. Парадокс состоит в том, что, с точки зрения обывателя, факт криминального захвата недвижимости очевиден, а с точки зрения действующего законодательства, все может быть запутанно и трудно доказуемо. К сожалению, это устраивает, прежде всего, две стороны возникающего противостояния: лиц, осуществляющих криминальный захват, и правоохранительные органы, которым удобно не вмешиваться в возникающий спор под благовидным предлогом «спора хозяйствующих субъектов».

Корпоративные захваты представляют высокоинтеллектуальный «бизнес», рейдер здесь — более высококвалифицированный профессионал в своем деле, чем среднестатистический сотрудник правоохранительных органов.

Рейдерство, как новое социально-правовое явление, качественно отличается от всех иных традиционных имущественных преступлений. Нередко рейдерство становится возможным благодаря наличию коррупционных связей. «Помощь» рейдерам со стороны должностных лиц может квалифицироваться как злоупотребление

должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), служебный подлог (ст. 292). Возбуждение «заказных» уголовных дел против руководителей намеченной к поглощению коммерческой структуры есть не что иное, как привлечение заведомо невиновного человека к уголовной ответственности (ст. 299). Вынесение заведомо неправосудного судебного акта, обеспечивающего легитимность рейдерского захвата, влечет ответственность по ст. 305 УК РФ.

Действия, проводимые во время рейдерского захвата, также могут сопровождаться совершением преступлений против личности. Однако далеко не всегда удастся «подвести» то или иное деяние под конкретную статью УК РФ. В результате, рейдеры зачастую вообще избегают наказания. В связи с этим, все чаще в юридическом сообществе звучат предложения «урезонить» рейдеров специальной уголовной статьей. Следственный комитет при МВД России предлагал ввести сразу две статьи: ст. 201.1 «Незаконное присвоение полномочий органа управления юридического лица» и ст. 201.2 «Злоупотребление правами участника (акционера) юридического лица». Именно это легло в основу уголовно-правовой составляющей «антирейдерского» пакета поправок в законодательство, который был направлен в различные ведомства и высшие суды для заключений — обсуждаются и альтернативные варианты изменений в УК РФ. Они касаются как введения ква-

лифицированных «рейдерских» составов в уже существующие статьи, так и других формулировок специальной нормы об ответственности за корпоративные захваты.

Все, что связано с рейдерством, связано с коррупцией. Если, например, возбуждается уголовное дело, спорное здание может быть описано как вещественное доказательство. Тогда с этим зданием ничего невозможно будет сделать. Рейдерский план отличается очень высоким процентом рентабельности, рейдеры ведь всегда составляют смету расходов и предполагаемых доходов. Корпоративный шантаж — разновидность инвестиционного бизнеса. И, как любая другая форма жизнедеятельности предпринимательства, он заинтересован в максимизации нормы прибыли, в частности — посредством сокращения времени оборота инвестированных в проект средств, осуществляя на всех отрезках дистанции поиски платежеспособных «покупателей проекта». Это системно отлаженный комплексный криминальный бизнес. Характерен специфический предмет посягательств на недвижимость или, точнее, имущественные хозяйственные комплексы.

Рейдерство является корпоративным видом преступности. Осуществляется с конечной целью получения прибыли — посредством оформления права собственности и быстрой продажи подконтрольным компаниям, которым, в свою очередь, нужно быстро продать имущество, для того чтобы конечный, третий, четвертый и т. п. покупатель был признан добросовестным приобретателем. Новый собственник будет отгорожен от претензий прежнего владельца статусом «добросовестного приобретателя» (Добросовестным приобретателем признается лицо, которое не знало и не могло знать, что приобретало имущество у лица, которое не имело права его отчуждать). Таким образом, потерпевшая сторона, в отношении которой осуществлен захват недвижимости, остается одна против всех в заведомо проигрышной ситуации.

В последнее время появилась тенденция упрощения схемы рейдерского захвата. В регистрирующий орган представляются документы о фиктивной купле-продаже недвижимости компании-«мишени». После регистрации сделки имущество выбывает из владения законного собственника, и рейдеры проводят цепь сделок для создания добросовестного приобретателя.

В настоящее время ущерб от рейдерства для экономики Российской Федерации по различным экспертным оценкам достигает от 20 до 50 млрд долл. ежегодно. Современное российское рейдерство — это фактически самостоятельный вид высокодоходной криминальной деятельности, которая нередко носит организованный характер (планирование преступной деятельности, разделение ролей, получение доходов, наличие источников финансирования и т. п.) и сопряжена с коррупционными злоупотреблениями в правоохранительной, судебной, чиновничьей и предпринимательской среде. Поэтому разработка мер по противодействию рейдерству, прежде всего в целях устранения причин, порождающих это явление, и реализация таких мер в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации имеет первостепенное значение. В российском законодательстве определение рейдерства отсутствует, а в научной литературе подходы к его определению неоднозначны.

Рейдерство выражается в незаконном насильственном или ненасильственном (довольно часто — в совокупном) криминальном захвате объектов чужой собственности, предприятий и их имущества с целью завладения, которое нередко сопровождается совершением обманных действий и причинением собственникам (владельцам) имущества физического и материального вреда (ущерба). Конечная цель криминальной рейдерской деятельности состоит в незаконном захвате (насильственном или ненасильственном) объектов чужой собственности, предприятий и их имущества путем перехода права собственности на соответствующие объекты «атакующему» лицу (лицам), консолидации контрольного пакета акций (в случае акционерного общества).

В научной литературе в основном различают три вида рейдерства: 1) «белое», которое предполагает законное поглощение компаний. Это так называемый зарубежный вариант рейдерства; 2) «серое», которое оказывается возможным ввиду несовершенства законодательства. В последние годы наблюдаются тенденции смены однозначно криминальных механизмов захвата объектов чужой собственности («черных» схем) технологиями, которые сами по себе не являются преступными, однако на отдельных этапах их реализации могут включать совершение различных преступлений, в том числе коррупционных

(«серые» схемы). Технологии захвата имущества по «серым» схемам, отличающиеся большей изощренностью и совершенством с интеллектуальной точки зрения, пока еще не нашли адекватной уголовно-правовой оценки в правоприменительной практике, чему во многом способствует несовершенство действующего уголовного законодательства. Учитывая то, что в данном случае незаконные действия по присвоению объектов чужой собственности облакаются в квазизаконную форму, указанный вид рейдерства можно назвать полузаконным; 3) «черное» — самый криминализованный вид рейдерства, который всегда связан с использованием явно незаконных методов (способов) захвата и отъема объектов чужой собственности, применением «силовой» атаки и нередко физического насилия в отношении собственника имущества (например, угрозы, шантаж, силовой захват предприятия и т. п.). В случае «черного» рейдерства собственник предприятия в лучшем случае «расстанется» с бизнесом на дискриминационных условиях. Ряд авторов «черное» рейдерство разделяют на две подгруппы: простое и квалифицированное, составной частью которых обязательно является «последующий силовой захват собственности».

Учитывая то, что в настоящее время рейдерство нередко совершается с коррупционным привлечением государственных, административных и силовых ресурсов и с использованием несовершенства законодательно-правовой базы, можно выделить две основные причины, способствующие росту рейдерских проявлений: 1) коррупция; 2) законодательно-правовые пробелы. В настоящее время рейдерство — составная и довольно мощная часть коррупционного рынка России. Существует тесная причинно-следственная связь между коррупцией и рейдерством — коррупционные правонарушения создают благоприятные условия для рейдерской деятельности; коррупция является питательной средой для рейдерства. Указанная взаимосвязь прежде всего обусловлена тем, что в России бизнес по захвату предприятий отличается большой латентностью и чрезвычайно выгоден: прибыль по разным оценкам составляет от 100 до 500% от вложенных средств. Применение рейдерских технологий, основанных на нарушении (частичном нарушении) законов, практически невозможно без участия коррумпированной государственной системы — различного уровня

коррумпированных чиновников (например, из администрации города или района), сотрудников органов, регистрирующих права собственности, судов, налоговых и правоохранительных (особенно оперативно-следственных) органов и т. п. Поэтому лица, участвующие в рейдерской деятельности, нередко имеют устойчивые связи в силовых структурах, судах и органах государственной власти, что позволяет им получать инсайдерскую (внутреннюю) информацию о делах потенциальной компании-жертвы. Уровень коррупции в сфере рейдерской деятельности наглядно демонстрируют результаты проведенного исследования по выяснению стоимости услуг, входящих в рейдерскую атаку: неправомерное судебное решение в г. Москве стоит 50–200 тыс. долл., в регионах — 10–20 тыс. долл.; получение копии нужного документа о купле-продаже из Регистрационной палаты в г. Москве — 30 тыс. долл., в регионах — 5 тыс. долл.; нейтрализация силовых ведомств (милиции, прокуратуры) — 30–60 тыс. долл.; возбуждение уголовного дела против определенного лица в целях его компрометации — от 50 тыс. долл. Нередко именно совокупное криминально-коррумпированное поглощение хозяйствующих субъектов ведет к слиянию криминальных и коррупционных структур (представители криминалитета плюс коррумпированные представители государственных органов), в результате чего появляется новая разновидность организованной экономической преступности — организованное рейдерство. Коррупционные связи между лицами, участвующими в рейдерской деятельности, и коррумпированной частью правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов могут довести до разорения любое эффективно функционирующее предприятие.

В настоящее время необходимы эффективные антирейдерские законодательные нововведения, направленные: на совершенствование корпоративного законодательства; развитие системы корпоративного управления и механизмов разрешения корпоративных конфликтов; обеспечение мер по усилению защиты прав собственности, имущественных и неимущественных прав лиц, вовлеченных в корпоративный спор; повышение ответственности крупных акционеров, менеджеров и органов управления обществ с целью создания необходимых правовых условий, препятствующих захвату предприятий, корпоративным кон-

фликтам и корпоративному шантажу (гринмейлу). Прежде всего необходимо совершенствование законодательства, направленного на корректировку организации и порядка деятельности по слиянию, объединению, поглощению, разделению, иной реорганизации и изменению статуса предприятий.

Московская Ассоциация аудиторов корпоративной безопасности считает, что полное искоренение захватов и поглощений невозможно, а эффективно лишь принимать предупредительные меры, просчитывать все возможные риски, и выделяет несколько признаков «рейд-пригодности» предприятия:

- «распыленный» пакет акций;
- недооцененный актив;
- организационные и правовые проблемы;
- противоречие внутренних документов общества действующему законодательству;
- нарушения при приобретении активов и акций;
- неправильное оформление владения активами и акциями;
- ошибки при определении функций и полномочий органов управления обществом;
- неурегулированность корпоративных отношений;
- нарушения законодательства, особенно порядка проведения собрания акционеров и заседания совета директоров, компетенции органов управления;
- нарушение порядка одобрения сделок;
- номинальные лица в органах управления;
- отсутствие защиты информации, несоблюдение режима конфиденциальности, в результате

чего ценная информация об обществе может быть получена без особых усилий;

- нарушения при работе с почтой и приемом корреспонденции;
- отсутствие нормально функционирующей службы безопасности объектов.

Информация — самое сильное звено в борьбе с рейдерством. В случае рейдерского захвата очень большое значение имеет даже не имущество или финансовые средства, а информация и документы:

- учредительные документы (устав, решение о создании юридического лица, приказ о назначении директора, а также свидетельства ИНН и ОГРН, свидетельства ПФ РФ и ФСС, письма статистики и т. п.);
- внутренняя документация (приказы, решения, письма, претензии, заявления и т. д.);
- финансовые документы (бухгалтерская отчетность, платежная документация и т. п.);
- кадровая документация (трудовые договоры, инструкции, трудовые книжки и т. д.);
- гражданско-правовые договоры (договоры аренды помещений и оборудования, контракты с поставщиками, договоры оказания услуг и т. п.);
- клиентская база данных;
- рабочая информация на внутренних серверах фирмы или на компьютерах сотрудников компании.

Если данная информация защищена (хранится в надежном сейфе или продублирована на удаленных серверах), то захват будет существенно затруднен.

ПИСАТЕЛЬ—КРИМИНАЛИСТ—КРИМИНОЛОГ

КАПИТАН ИЗ КЕПЕНИКА: ОДНА НЕМЕЦКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ¹

Уве Хелльманн,
Dr. iur. habil., профессор (Потсдамский университет (Германия), кафедра
уголовного и экономического уголовного права, заведующий)

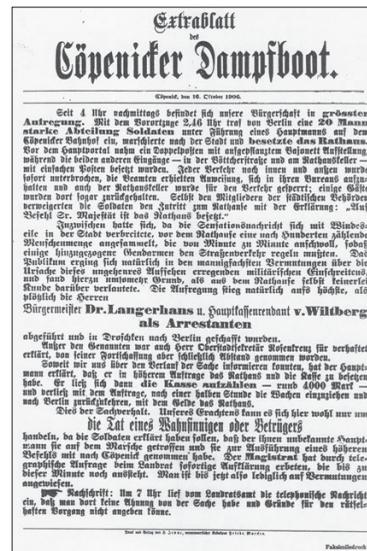
В отличие от России или США, где в общественном мнении даже особо опасные преступники иногда слывут «героями» (например, знаменитые *Сонька Золотая Ручка* и *Мишка Япончик* или „Billy the Kid“, а также „Bonnie and Clyde“), в Германии таких примеров «гlorификации» криминала практически не существует. Тем не менее большую известность все же получил уроженец Восточной Пруссии *Фридрих Вильгельм Фогт*, родившийся в 1849 в городе Тильзит.

Фотография Фридриха Вильгельма Фогта
из личного дела заключенного

В специальном издании газеты „Söpenicker Dampfboot“ [«Кепенский пароход»] от 16 октября 1906 года о деянии Фогта, совершенном в тогда еще не являвшимся частью Берлина, самостоятельном городе Кепеник (Söpenick, ныне Köpenick), писалось следующее:

¹ Перевод: Павел Головинков, Dr. iur., assessor iuris, главный научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета (Германия).

«С четырех часов вечера наша общественность пребывает в полном смятении. В два часа сорок шесть минут на главный вокзал нашего города на пригородной электричке из Берлина прибыл состоящий из двадцати человек отряд солдат. Под командованием капитана солдаты проследовали в город и захватили здание ратуши. Перед главными воротами ратуши были установлены двойные караулы, вооруженные байонетами с водворенными на них штыками. Два остальных входа в ратушу (со стороны Бетхерштрассе и Ратхаузкеллер) охранялись простыми постами. Всякое движение внутри и снаружи ратуши было тут же прекращено, чиновники получили распоряжение

не покидать своих кабинетов, а ресторан ратуши был закрыт для посетителей, некоторые из которых были там даже задержаны. Даже служащих городских учреждений солдаты не пропускали в здание ратуши с объяснением, что «По приказу Его Величества (имелся в виду Король Пруссии и кайзер Германского Рейха) ратуша захвачена».

Сенсационное сообщение о событиях в ратуше тут же распространилось по всему городу, что привело к скоплению на площади перед зданием ратуши толпы зевак, сперва насчитывавшей сотни человек и растущей с каждой минутой. В итоге вызванным жандармам пришлось даже регулировать движение на площади. Разумеется, публика была переполнена разнообразными инсинуациями по поводу причин столь скандального и доселе невиданного скопления военных. Догадки и слухи, порожденные толпой, подкреплялись, конечно, полнейшим молчанием о причинах произошедшего со стороны властей в ратуше. Разумеется, волнение толпы достигло панического размаха, когда неожиданно были арестованы и под конвоем выведены из здания ратуши и отправлены на пролетках в Берлин господин бургомистр д-р Лангерханс и господин главный кассир города (ответственный за городскую казну) фон Вильтберг.

Кроме них, арестованным был также объявлен господин главный городской секретарь Розенкройц, отправка которого в Берлин была однако отложена.

Согласно достигшей нас информации, капитан, командовавший «оккупацией» ратуши, заявил, что ему высочайше приказано занять ратушу и наложить арест на городскую казну. Около 4000 марок, хранившихся в городской казне, капитан реквизирует и, приказав солдатам через полчаса снять посты и вернуться в Берлин, с деньгами покинул здание ратуши.

Таково состояние дел. На наш взгляд речь здесь может идти только о деянии сумасшедшего или мошенника, поскольку солдаты заявили, что незнакомый им капитан остановил их отряд на улице и во исполнение высочайшего приказа приказал следовать с ним в Кепеник. Магистрат потребовал по телеграфу в вышестоящей инстанции (от советника администрации округа) немедленного разъяснения произошедшего, но ответа до сих пор не получил. Таким образом, в настоящее время мы располагаем лишь догадками.

Дополнение: В семь часов из администрации округа поступило телефонное сообщение о том, что

там никто понятия не имеет ни о Высочайшем приказе, ни об основаниях загадочного происшествия.»

Итак, практически сразу после произошедшего было ясно, что никакого «Высочайшего» приказа на проведение военной операции не было, а произошло преступление. Десять дней спустя полиция арестовала за завтраком *Фридриха Вильгельма Фогта* по подозрению в совершении этого деяния. *Калленберг*, бывший сокамерник Фогта, который был посвящен в его планы, сдал его полиции в ожидании вознаграждения на сумму 3000 марок.

1 декабря 1906 года Королевским Земельным судом II в Берлине *Фогт* был признан виновным в совершенных «в правовой взаимосвязи» (единство деяний) незаконном ношении военной формы, проступке против общественного порядка, неправомерном лишении свободы, мошенничестве и тяжкой подделке документов и приговорен к четырем годам тюремного заключения. В приговоре суда² была также подробно освещена предыстория деяния. Из показаний сокамерника *Фогта*, некоего *Калленберга*, известно, что Фогт еще находясь в заключении в исправительном доме, которое он отбывал по другому делу, развил план переодеться в офицера, привести солдат в свое подчинение и таким образом «пойти на дело». После освобождения из исправительного дома *Фогт* решил привести свой план в действие. *Фогт*, который никогда не служил в армии, пробрал у нескольких старьевщиков в Берлине и Потсдаме части военного обмундирования капитана прусского Первого пешего гвардейского полка и, облачившись в форму, взял под командование отряд солдат-гвардейцев, которых он повстречал в западном Берлине. Отряд состоял не из 20 (как писалось в газетах), а из 10 солдат. Приняв «командование» *Фогт* вместе с солдатами поехал в Кепеник на Берлинской городской электричке. Во время остановки в Руммельсбурге он угостил солдат пивом, а на вокзале в Кепенике выдал каждому из них деньги на обед. После этого последовала в общем и целом верно описанная в газете операция, проведенная в ратуше города Кепеник. По просьбе кассира Фогт выдал ему даже квитанцию о получении денег, которую он подписал «фон Мальцан», фамилией директора исправительного дома.

В отношении истинных мотивов преступления существует несколько предположений. Сам *Фогт*

² Опубликовано в: Rosenau, ZIS 2010, 284, 294 ff. URL: http://www.zis-online.com/dat/artikel/2010_3_437.pdf.

старался представить себя жертвой бюрократии. Якобы он хотел лишь завладеть паспортом, поскольку из-за многочисленных судимостей ему распоряжением полиции было запрещено пребывать на территории Великого герцогства Мекленбург-Шверин, в котором он проживал раньше, и на территории всего Берлина, куда он переехал к своей сестре. *Фогт*, по профессии сапожник, впервые попал в тюрьму 14-ти летнем возрасте на 14 дней, а в последствии еще четыре раза приговаривался к различным срокам лишения свободы. Таким образом, *Фогт* провел многие годы в тюрьмах и исправительных домах. *Фогт* утверждал, что паспорт ему был необходим, чтобы покинуть Германию, уехать за границу и начать там новую жизнь. Однако Земельный суд ему не поверил, а счел доказанным и обосновал приговор по обвинению в мошенничестве утверждением, что основанием действий *Фогта* было получение неправомерной имущественной выгоды. Тем не менее, суд отнесся к *Фогту* все же с определенной симпатией, поскольку во всяком случае обвинительный приговор, предусматривавший четырехлетнее тюремное заключение, был «очевидно мягким»³. Объявив приговор, председательствующий судья *д-р Диц* даже пожал *Фогту* руку и пожелал ему всего хорошего. Кайзер *Вильгельм II* помиловал *Фогта* в 1908 году, то есть уже по исполнению половины назначенного срока тюремного заключения. После освобождения *Фогт* воспользовался обрушившейся на него славой; он объездил всю Германию, публично выступал в роли капитана из Кепеника и раздавал автографы. Исторически не доказано, насколько *Фогт* действительно ездил с турне в США. В 1910 году он переехал в Люксембург, где и прожил до смерти, постигшей его в 1922 году.

Преступление *Фогта* получило широкую известность не только в Германии, но и за ее пределами. Им восхищались и титуловали «гениальной идеей». Одна немецкая газета сравнивала деяние *Фогта* с русскими налетами на банки (имелись в виду грабежи банков революционными группировками, которые они совершали, чтобы добыть валюту). Говорят, сам Кайзер Германии *Вильгельм II* узнав о произошедшем со смехом воскликнул: «Извольте ли видеть, что такое настоящая дисциплина! Ни один народ в мире за нами не угонится!»

Уже в 1906 году вышли в свет первые немые фильмы и театральные постановки, в которых отображались произошедшие события. Самый известный театральный спектакль был поставлен *Карлом Цукмайером*, который (кроме прочего) имел юридическое образование, хотя юристом никогда не работал. Написанная им в 1930 году трагикомедия «*Капитан из Кепеника. Немецкая сказка в трех частях*», театральная премьера которой состоялась в 1931 году, хотя и основывается на приговоре Земельного суда г. Берлина, не отображает произошедшее как дело рук преступника. В произведении *Цукмайера* события в общем и целом развиваются в соответствии с уголовно-процессуально установленными фактами, однако посредством незначительных изменений *Фогт* представляется в более позитивном свете. Он предстает перед публикой как гражданин, вступивший в конфликт с бюрократией лишь в незначительной степени по собственной вине⁴. Что касается мотивов *Фогта*, *Цукмайер* полностью опирается на показания, данные преступником в суде (заполучение паспорта). Более того, в спектакле *Фогт* практически не дотрагивается до городской казны и сам сдается полиции, после того как получает от нее обещание, что ему вернут паспорт после отбытия наказания. В 1933 году спектакль был запрещен национал-социалистами, а *Цукмайер* эмигрировал в США.

Премьера художественного фильма, снятого по драме *Карла Цукмайера*, состоялась в 1956 году. Известнейший немецкий актер *Хайнц Рюманн* играл роль *Фогта* и представил его веселым, хитроумным «маленьким» человеком, который высмеивает милитаризацию общества в кайзеровском Рейхе и пользуется ею в своей борьбе «добра против зла».

Образ *Фридриха Вильгельма Фогта* как «благородного грабителя», созданный *Карлом Цукмайером* и воспроизведенный *Хайнцем Рюманном* в его роли капитана из Кепеника, до сих пор сохранился в Германии. В немецком языке было даже придумано новое слово: «Кепеникиада». В 1996 году у ратуши в Кепенике был сооружен бронзовый памятник и вывешена мемориальная доска капитану из Кепеника. Памятная доска вывешена также в Висмаре на доме, в котором жил и работал *Фогт*. В Берлине именем капитана из Кепеника названа даже начальная школа.

3 Этого мнения придерживается Rosenau, ZIS 2010, 284, 287.

4 Подробно: Rosenau, ZIS 2010, 284, 285 ff.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ¹

1. Антонян Елена Александровна, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к. ю. н., доцент. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮУ имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>.

2. Бодров Николай Филиппович, аспирант кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮУ имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-85-24; 3) e-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>.

3. Борисов Сергей Викторович, доцент кафедры уголовного права ФГОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», д. ю. н., доцент. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; 2) телефон: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) e-mail: support@mosu-mvd.com; 4) официальный сайт: <http://www.mosu-mvd.com/>.

4. Григорьев Виктор Николаевич, профессор Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВПК МВД России (г. Москва), д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 142008, Московская область, г. Домодедово, мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3; 2) телефон: (495) 736-92-10, 736-91-91; 3) e-mail: vipk_main@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.vipk.mvd.ru>.

5. Гуляев Анатолий Петрович, профессор НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», д. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 23; 2) телефон: 8 (495) 954-10-91; 3) e-mail: priem@mael.ru; 4) официальный сайт: <http://www.mael.ru>.

6. Дашков Геннадий Владимирович, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮУ имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>.

7. Дубовик Ольга Леонидовна, главный научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права РАН, д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 119991,

г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; 2) телефон: 8 (495) 691-38-27; 3) e-mail: ecolaw@igpran.ru; 4) официальный сайт: <http://www.igpran.ru>.

8. Есаков Геннадий Александрович, заведующий кафедрой уголовного права ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, каб. 314; 2) телефон: 8 (495) 953-89-76; 3) e-mail: gesakov@hse.ru; 4) официальный сайт: <http://www.hse.ru>.

9. Зайцев Александр Олегович, аспирант кафедры уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». *Контактная информация о месте обучения:* 1) адрес: МГЮУ имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; 2) телефон: 8 (499) 244-87-37; 3) e-mail: zaytsev.alexander@bk.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>.

10. Зайцев Олег Александрович, проректор по научной работе НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 23; 2) телефон: +7 (495) 954-10-91; 3) e-mail: priem@mael.ru, oleg@mael.ru; 4) официальный сайт: <http://www.mael.ru>.

11. Закаляпина Лейла Александровна, соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮУ имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>.

12. Ильяшенко Алексей Николаевич, заместитель начальника ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» по научной работе, д. ю. н., профессор, полковник полиции. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; 2) телефон: (861) 258-42-86; 3) e-mail: onrio@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.krdu-mvd.ru>.

13. Кадников Николай Григорьевич, начальник кафедры уголовного права ФГОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; 2) телефон: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) e-mail: support@mosu-mvd.com; 4) официальный сайт: <http://www.mosu-mvd.com/>.

14. Калинин Игорь Александрович, начальник ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства

¹ Информация об авторах уточнена и подготовлена В. Н. Орловым.

внутренних дел Российской Федерации», генерал-майор полиции, кандидат педагогических наук. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; 2) телефон: (861) 258-40-03; 3) e-mail: onrgio@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.krdu-mvd.ru>.

15. Кибальник Алексей Григорьевич, заведующий кафедрой уголовного права и процесса ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 355009, г. Ставрополь, пл. Ленина 3А, ауд. 402, 1; 2) телефон: 8 (8652) 35-37-68 (доб. 4560); 3) e-mail: ug_pravo11a@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.ncstu.ru>.

16. Ковальчук Алексей Васильевич, адъюнкт кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД РФ», член Союза криминалистов и криминологов. *Контактная информация о месте обучения:* 1) адрес: 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; 2) телефон: 793-4766, ДЧ 336-2244, 8-985-960-10-33; 3) факс: 793-4766, 336-2444; 4) e-mail: kovalchusha@mail.ru; 5) официальный сайт: <http://www.mosu-mvd.com>.

17. Кузнецов Александр Павлович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 603144, ГСП-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3; 2) телефон: (831) 465-57-87, 465-59-76; 3) e-mail: namvd@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.namvd.ru>.

18. Ларичев Василий Дмитриевич, главный научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, д. 25; 2) телефон: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) официальный сайт: <http://www.vnii-mvd.ru>.

19. Лесников Геннадий Юрьевич, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра №4 по исследованию проблем административно-юрисдикционной деятельности полиции ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, д. 25; 2) телефон: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) официальный сайт: <http://www.vnii-mvd.ru>.

20. Лопашенко Наталья Александровна, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 41005656, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1; 2) телефон: (8452) 205-658; 3) e-mail: post@sgar.ru, lopashenko@yandex.ru; 4) официальный сайт: <http://news2.ssla.ru>, <http://sartraccr.ru/>, <http://www.crimpravo.ru>.

21. Мацкевич Игорь Михайлович, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9; 2) телефон: 8 (499) 244-85-62; 3) e-mail: msal@

msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msar.ru>.

22. Миндагулов Алькен Хайдарович, профессор кафедры уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности Гуманитарного университета транспорта и права им. Д. А. Кунаева (Республика Казахстан, г. Алматы). *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: Республика Казахстан, 050022, г. Алматы, ул. Курмангазы, 107 (угол ул. Байгурсынова); 2) телефон: 8(727) 292-98-87, 292-98-90, 292-60-34, 313-11-55; 3) e-mail: vuzkunaeva@vuzkunaeva.kz; 4) официальный сайт: <http://www.vuzkunaeva.kz>.

23. Муратова Надежда Георгиевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», д. ю. н., профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>.

24. Орлов Владислав Николаевич, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к. ю. н., доцент. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msar.ru>.

25. Подшибякин Александр Сергеевич, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; 2) телефон: 8(495)434-91-39; 3) официальный сайт: <http://www.mgimo.ru>.

26. Понятовская Татьяна Григорьевна, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; 2) телефон: 8 (499) 244-88-35; 3) e-mail: msal@msal.ru, ygolovnoepravo@inbox.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msar.ru>.

27. Рарог Алексей Иванович, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; 2) телефон: 8 (499) 244-88-35; 3) e-mail: msal@msal.ru, ygolovnoepravo@inbox.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msar.ru>.

28. Рыбакова Евгения Алексеевна, аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к. ю. н., доцент. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msar.ru>.

29. Смирнов Павел Алексеевич, ведущий научный сотрудник отдела международного сотрудничества и сравнительного правоведения НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15; 2) телефон: 8 (499) 256-00-85; 3) e-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) официальный сайт: <http://www.agprf.org>.

30. Тупанчески Никола, заведующий кафедрой уголовного права Юридического факультета им. Юстиниана Первого Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, Скопье), д. ю. н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: бул. «Гоце Делчев» бр. 9 1000 – Скопје, Македонија; 2) телефон: 3293-293; 3) e-mail: ukim@ukim.edu.mk; 4) официальный сайт: <http://www.ukim.edu.mk>.

31. Хелльманн Уве, заведующий кафедрой уголовного, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия), доктор права. *Контактная информация:* 1) телефон: +49 (0)331 977-0 2) факс: +49 (0)331 977-1130 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>.

32. Щерба Сергей Петрович, заведующий отделом международного сотрудничества и сравнительного правоведения НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15; 2) телефон: 8 (499) 256-00-85; 3) e-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) официальный сайт: <http://www.agprf.org>.

AUTORENINFORMATIONEN¹

1. Antonjan Elena Aleksandrovna, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

2. Bodrov Nikolaj Filippovitsch, Aspirant am Lehrstuhl für Gerichtsgutachten der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)». *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-85-24; 3) E-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

3. Borisov Sergey Viktorovich, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der föderalen staatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 117437, Moskau, Akademika Volgina Straße, Hausnummer 12; 2) Tel.: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) E-mail: support@mosu-mvd.com; 4) offizielle Internetseite: <http://www.mosu-mvd.com/>;

4. Grigoriev Viktor Nikolaevich, Professor am internationalen interministeriellen Zentrum für Ausbildung der Mitarbeiter für operative Einheiten des Generals-Leutnants A.N. Sergeev des allrussischen Instituts für Fortbildung des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 142008, Moskauer Region, Domododovo, Wohngebiet Aviatsonnny, Pichtovaja Straße, 3; 2) Tel.: (495) 736-92-10, 736-91-91; 3) E-mail: vipk_main@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.vipk.mvd.ru>;

5. Guljaev Anatoly Petrovich, Professor der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, geehrter Jurist der der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 117105 Moskau, Warschawskoje Chaussee, 23; 2) Tel.: +7 (495) 954-10-91; 3) E-mail: priem@mael.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.mael.ru>;

6. Daschkov Gennady Vladimirovich, Professor am Lehrstuhl für Kriminalistik der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)» Doktor der Rechtswissenschaften, Dok-

tor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

7. Dubovik Olga Leonidovna, führende wissenschaftliche Mitarbeiterin des Sektors für ökologisch rechtliche Forschungen am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 119991, Moskau, Snamenka, 10; 2) Tel.: +7 (495) 691-38-27; 3) E-mail: ecolaw@igpran.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.igpran.ru>;

8. Esakov Gennady Aleksandrovich, Leiter des Lehrstuhl für Strafrecht der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung Nationales Forschungsinstitut «Hochschule für Wirtschaft», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 119017, Moskau, Malaja Ordinka Straße, 17, Büro Nr. 314; 2) Tel.: 8 (495) 953-89-76; 3) E-mail: gesakov@hse.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.hse.ru>;

9. Saitsev Aleksandr Olegovich, Aspirant am Lehrstuhl für Gerichtsgutachten der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)». *Kontaktinformationen über den Studiort:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) телефон: 8 (499) 244-87-37; 3) E-mail: zaytsev.alexander@bk.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

10. Saitsev Oleg Aleksandrovich, Prorektor für Wissenschaft der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht», Verdienter Wirtschaftsarbeiter der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 117105 Moskau, Warschawskoje Chaussee, 23; 2) Tel.: +7 (495) 954-10-91; 3) E-mail: priem@mael.ru, oleg@mael.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.mael.ru>;

11. Sakaljatina Lejla Aleksandrovna, Aspirantin des Lehrstuhls für Kriminalistik und Strafvollzugsrechtes der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)». *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) E-mail: zaytsev.alexander@bk.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

12. Ijaschenko Aleksej Nikolaevitsch, stellvertretender Leiter für Wissenschaftsarbeit an der föderalen staatlichen fiskalischen

¹ Die Autoreninformationen sind von V.N. Orlov richtiggestellt und vorbereitet.

Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Krasnodar Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Polizeioberst. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 350005, Krasnodar, Jaroslavskaja Straße, 128; 2) Tel.: (861) 258-42-86; 3) E-mail: onrio@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.krdu-mvd.ru>;

13. Kadnikov Nikolay Grigorievich, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 117437, Moskau, Akademik Volgin Straße, 12; 2) Tel.: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) E-mail: support@mosu-mvd.com; 4) offizielle Internetseite: <http://www.mosu-mvd.com/>;

14. Kalinichenko Igor Aleksandrovich, Leiter der föderalen staatlichen fiskalischen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Krasnodar Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», General-Mayor der Polizei, Kandidat der Pädagogischen Wissenschaften. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 350005, Krasnodar, Jaroslavskaja Straße, 128; 2) Tel.: (861) 258-40-03; 3) E-mail: onrio@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.krdu-mvd.ru>

15. Kibalnik Aleksey Grigorievich, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht und Prozesses der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Nord-Kaukasischen Föderaluniversität», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 355009, Stavropol, Leninplatz 3A, Auditorium 402; 2) Tel.: 8 (8652) 35-37-68 (Durchwahlnummer 4560); 3) E-mail: ug_pravo11a@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.ncstu.ru>;

16. Kovalschuk Aleksej Vasiljevitsch, Doktorand an der Fakultät für Vorbildung der Wissenschafts- und Fachlehrkräfte an der föderalen staatlichen fiskalischen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes. *Kontaktinformationen über den Studiort:* 1) Adresse: 117437, Moskau, Akademika Volgina Straße, Hausnummer 12; 2) Tel.: 793-4766, Durchwahlnummer 336-2244, +79859601033; 3) Fax: 793-4766, 336-2444; 4) E-mail: kovalchusha@mail.ru; 5) offizielle Internetseite: <http://www.mosu-mvd.com>;

17. Kuznetsov Aleksandr Pavlovich, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Nizhegorodskiy Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation, verdienter Jurist der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 603144, GSP-268, Nizhny Novgorod, Ankudinowskoje Chaussee, 3; 2) Tel.: (831) 465-57-87, 465-59-76; 3) E-mail: namvd@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.namvd.ru>;

18. Larichev Vasily Dmitrievich, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung «Allrussisches Forschungsinstitut des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 123995, Moskau, G-69 GSP-5, Powarskaja Straße, 25; 2) Tel.: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) offizielle Internetseite: <http://www.vnii-mvd.ru>;

19. Lesnikov Gennady Yurjevich, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Forschungszentrums Nr. 4 für die Probleme der administrativen und jurisdiktischen Aktivitäten der föderalen

staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung «Allrussisches Forschungsinstitut des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 123995, Moskau, G-69 GSP-5, Powarskaja Straße, 25; 2) Tel.: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) offizielle Internetseite: <http://www.vnii-mvd.ru>;

20. Lopaschenko Natalja Aleksandrovna, Professorin des Lehrstuhls für Straf- und Vollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Saratover Staatliche Juristische Akademie», Leiterin des Saratover Zentrums für die Forschung der organisierten Kriminalität und Korruption, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 41005656, Russland, Saratov, Volskaja Straße, 1; 2) Tel.: (8452) 205-658; 3) E-mail: post@sgap.ru, lopashenko@yandex.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://news2.ssa.ru>, <http://sartracce.ru/>, <http://www.crimpravo.ru>;

21. Mazkevitsch Igor Michajlovitsch, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-85-62; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

22. Mindagulov Alken Haidarovitsch, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter der Kasachischen nationalen Al-Farabi-Universität, Legum Magister. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Republik Kasachstan, Almaty, Prospekt Al-Farabi 71, Lehrgebäude-3, 3. Stock, Raum Nr. 421; 2) Tel.: +7 (727) 377-33-36 (Durchwahlnummer 12-59); 3) E-mail: 4) offizielle Internetseite: <http://www.kaznu.kz/ru>;

23. Muratova Nadezhda Georgievna, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminalistik der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Kazan (Wolgaregion) Föderaluniversität», Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, verdiente Juristin der Republik Tatarstan. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 420008, Kazan, Kremlejwskaja Straße, 18; 2) Tel.: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) E-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>;

24. Orlov Vladislav Noikolaevitsch, Dozent am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

25. Podschibjakin Aleksandr Sergeevich, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht, Strafprozess und Kriminalistik der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung des «Moskauer Staatlichen Instituts für internationale Beziehungen (Universität) des Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 119454, Moskau, Vernadskij

Prospekt, 76; 2) Tel.: +7(495)434-91-39; 3) offizielle Internetseite: <http://www.mgimo.ru>;

26. Ponjatkovskaja Tatjana Grigorjewna, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-88-35; 3) E-mail: msal@msal.ru, ygolovno-epravo@inbox.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

27. Rarog Aleksej Ivanovitsch, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, Hausnummer 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-88-35; 3) E-mail: msal@msal.ru, ygolovno-epravo@inbox.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

28. Rybakova Evgeniya Alekseevna, Aspirantin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)». *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

29. Smirnov Pavel Alekseevich, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter der Abteilung für internationale Zusammenarbeit und Rechtsvergleichung des Forschungsinstituts der Akademie der Generalstaatsanwaltschaft der Russischen Föderation, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 123022, Moskau, wtoraja Swenigorodskaja Straße, 15; 2) Tel.: 8 (499) 256-00-85; 3) E-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.agprf.org>;

30. Tupancheski Nikola, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Justinian Fakultät für Jura der Ersten Universität der heiligen Kirill und Mefodij (Mazedonien, Skopje), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Boulevard „Goze Delchev“, 9 1000 – Skopje, Mazedonien; 2) Tel.: 3293-293; 3) E-mail: ukim@ukim.edu.mk; 4) offizielle Internetseite: <http://www.ukim.edu.mk>;

31. Hellmann Uwe, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Deutschland), Dr. iur. habil. *Kontaktinformationen:* 1) Tel.: +49 (0)331 977-0 2) Fax: +49 (0)331 977-1130 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

32. Shcherba Sergey Petrovich, Leiter der Abteilung für internationale Zusammenarbeit und Rechtsvergleichung des Forschungsinstituts der Akademie der Generalstaatsanwaltschaft der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Arbeiter der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 123022, Moskau, wtoraja Swenigorodskaja Straße, 15; 2) Tel.: 8 (499) 256-00-85; 3) E-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.agprf.org>;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS¹

1. Antonyan Elena Anatolievna, Associate Professor at Criminology and Criminal Executive Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

2. Bodrov Nikolay Filippovich, competitor at Judicial Examination Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel.: 8 (499) 244-85-24; 3) e-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

3. Borisov Sergey Victorovich, Associate Professor of Criminal Law Chair of FSEI HPE “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 12, Academician Volgin St., Moscow, 117437; 2) tel.: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) e-mail: support@mosu-mvd.com; 4) web-site: <http://www.mosu-mvd.com/>;

4. Grigoriev Victor Nikolaevich, Professor of the International Interdepartmental Centre of Training of Officers of Operative Departments by Major-General of Militia A.N. Sergeev of SIPD MIA of Russia (Moscow), Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 3, Pikhtovaya St., Aviatsionny Region, Domodedovo, Moscow Territory, 142008; 2) tel.: (495) 736-92-10, 736-91-91; 3) e-mail: vipk_main@mail.ru; 4) web-site: <http://www.vipkmvd.ru>;

5. Gulyaev Anatoly Petrovich, Professor of NSEI HPE “Moscow Academy of Economics and Law”, Doctor of Law, Professor, Honored jurist of Russia. *Contact information on the working place:* 1) address: 23, Warsaw Av., Moscow, 117105; 2) tel.: +7 (495) 954-10-91; 3) e-mail: priem@mael.ru; 4) web-site: <http://www.mael.ru>;

6. Dashkov Gennady Vladimirovich, Professor of Criminology and Criminal Executive Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical Academy by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, MSJU by O.E. Kutafin, 123995; 2) tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

7. Dubovik Olga Leonidovna, leading scientific worker of Ecological Legal Research Department of Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 10, Znamenka St., Moscow, 119991; 2) tel.: +7 (495) 691-38-27; 3) e-mail: ecolaw@igpran.ru; 4) web-site: <http://www.igpran.ru>;

8. Esakov Gennady Aleksandrovich, Head of Criminal Law Chair of FSAEI HPE “National Research University “High School of Economics”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: Office 314, 17, Malaya Or-

dynka St., Moscow, 119017; 2) tel.: 8 (495) 953-89-76; 3) e-mail: gesakov@hse.ru; 4) web-site: <http://www.hse.ru>;

9. Zaytsev Aleksandr Olegovich, post-graduate of Criminal Procedural Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”. *Contact information on the place of studying:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, MSJU by O.E. Kutafin, 123995; 2) tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

10. Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Pro-rector on Scientific Work at NSEI HPE “Moscow Academy of Economics and Law”, Honored scientific worker of RF, Doctor of Law, Professor, Honored worker of Professional Education of RF. *Contact information on the working place:* 1) address: 23, Warsaw Av., Moscow, 117105; 2) tel.: +7 (495) 954-10-91; 3) e-mail: priem@mael.ru; 4) web-site: <http://www.mael.ru>;

11. Zakalyapina Leyla Aleksandrovna, post-graduate of Criminology and Criminal Executive Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”. *Contact information on the place of studying:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, MSJU by O.E. Kutafin, 123995; 2) tel.: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

12. Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Deputy Chief of FSBEI HPE “Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs of the Russian Federation” on scientific work, Doctor of Law, Professor, Colonel of Police. *Contact information on the working place:* 1) address: 128, Yaroslavskaia St., Krasnodar, 350005; 2) Tel.: (861) 258-42-86; 3) e-mail: onrio@mail.ru; 4) web-site: <http://www.krdu-mvd.ru>;

13. Kadnikov Nikolay Grigorievich, Head of Criminal Law Chair of FSEI HPE “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 12, Academician Volgin St., Moscow, 117437; 2) tel.: 8 (499) 793-54-43; (495) 336-22-44; (495) 336-22-88; 3) e-mail: support@mosu-mvd.com; 4) web-site: <http://www.mosu-mvd.com/>;

14. Kalinichenko Igor Aleksandrovich, Head of FSCEI HPE “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Major-General of Militia, Candidate of Pedagogies. *Contact information on the working place:* 1) address: 128, Yaroslavskaia St., Krasnodar, 350005; 2) tel.: (861) 258-40-03; 3) e-mail: onrio@mail.ru; 4) web-site: <http://www.krdu-mvd.ru>;

15. Kibalnik Aleksey Grigorievich, Head of Criminal Law and Procedure Chair of FSAEI HPE “North-Caucasian Federal University”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: Office 402, 401, 3A, Lenin St., Stavropol, 355009; 2) tel.: 8 (8652) 35-37-68 (add. 4560); 3) e-mail: ug_pravov11a@mail.ru; 4) web-site: <http://www.ncstu.ru>;

16. Kovalchuk Aleksey Vasilevich, Competitor of Criminal Law Chair of FSBEI HPE “Moscow University of MIA RF”,

¹ Information about the authors is checked out and compiled by V.N. Orlov.

member of the Union of Criminalists and Criminologists. *Contact information on the working place:* 1) address: 13 Academician Volgin St., Moscow, 117437; 2) Tel.: 793-4766, add. 336-2244, +79859601033; 3) fax: 793-4766, 336-2444; 4) e-mail: kovalchusha@mail.ru; 5) web-site: <http://www.mosu-mvd.com>;

17. Kuznetsov Aleksandr Pavlovich, Professor of Criminal and Criminal Executive Law Chair of FSCEI HPE “Nizhegorodskaya Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of RF, Honored jurist of RF *Contact information on the working place:* 1) address: 3, Ankudinovskoye Av., Nizhny Novgorod, GSP – 268, 603144; 2) tel.: (831) 465-57-87, 465-59-76; 3) e-mail: namvd@mail.ru; 4) web-site: <http://www.namvd.ru>;

18. Larichev Vasilii Dmitrievich, leading scientific worker of FSCU “All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of RF. *Contact information on the working place:* 1) address: 25, Povarskaya St., GSP-5 G-69, Moscow, 123995; 2) tel.: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) web-site: <http://www.vnii-mvd.ru>;

19. Lesnikov Gennady Yurievich, leading scientific worker of Scientific Research Centre №4 on Studying the Problems of Administrative Jurisdictional Activity of Police of FSCU “All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of RF. *Contact information on the working place:* 1) address: 25, Povarskaya St., GSP-5 G-69, Moscow, 123995; 2) tel.: (495) 667-15-15, 667-35-05; 3) web-site: <http://www.vnii-mvd.ru>;

20. Lopashenko Natalya Aleksandrovna, Professor of Criminal and Criminal Executive Law Chair of FSBEI HPE “Saratov State Juridical Academy”, Director of Saratov Centre on Studying the Problems of the Organized Criminality and Corruption, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 1, Volskaya St., Saratov, 41005656, Russia; 2) tel.: (8452) 205-658; 3) e-mail: post@sgap.ru, lopashenko@yandex.ru; 4) web-site: <http://news2.ssla.ru>, <http://sartracc.ru/>, <http://www.crimpravo.ru>;

21. Matskevich Igor Mikhailovich, Professor of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of RF. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel.: 8 (499) 244-85-62; 3) e-mail: msal@msal.ru, krim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

22. Mindagulov Alken Khaidarovich, Senior scientific worker of Kazakh National University by al-Farabi, Master of Law. *Contact information on the working place:* 1) address: 1) address: Office 421, 3rd floor, SEB – 3, Building 71, al-Farabi St., Almaty, Kazakhstan Republic; 2) Tel: +7 (727) 377-33-36 (вн. 12-59); 3) e-mail: 4) web-site: <http://www.kaznu.kz/ru>;

23. Muratova Nadezhda Georgievna, Professor of Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair of FSAU HPE “Kazan (Privolzhsky) Federal University”, Doctor of Law, Professor, Honored jurist of the Republic of Tatarstan. *Contact information on the working place:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) tel.: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

24. Orlov Vladislav Nikolaevich, Associate Professor of Criminology and Criminal Executive Chair of FSBEI HPE “Moscow

State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) e-mail: msal@msal.ru, krim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

25. Podshibyakin Aleksandr Sergeevich, Head of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair of FSBEI HPE “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 76, Vernadsky St., Moscow, 119454; 2) tel.: +7(495)434-91-39; 3) web-site: <http://www.mgimo.ru>;

26. Ponyatovskaya Tatyana Grigorievna, Professor of Criminal Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel.: 8 (499) 244-88-35; 3) e-mail: msal@msal.ru, ygolovnoepravo@inbox.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

27. Rarog Aleksey Ivanovich, Professor of Criminal Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) телефон: 8 (499) 244-88-35; 3) e-mail: msal@msal.ru, ygolovnoepravo@inbox.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

28. Rybakova Eugenia Alekseevna, post-graduate of Criminology and Criminal Executive Law Chair of FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the place of studying:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel.: 8 (499) 244-88-35; 3) e-mail: msal@msal.ru, ygolovnoepravo@inbox.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

29. Smirnov Pavel Alekseevich, leading scientific worker of International Cooperation and Comparative Jurisprudence Department of SRI of Academy of the General Prosecution of RF, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: 15, 2nd Zvenigorodskaya St., Moscow, 123022; 2) tel.: 8 (499) 256-00-85; 3) e-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) web-site: <http://www.agprf.org>;

30. Tupancheski Nikola, Head of Criminal Law Chair of Law Department by Justinian the First of Saints Cyril and Methodius University (Skopje, Macedonia), Doctor of Law, Professor. *Contact information on the working place:* 1) address: “Gotse Delchev” Av., 9 1000 – Skopje, Macedonia; 2) tel.: 3293-293; 3) e-mail: ukim@ukim.edu.mk; 4) web-site: <http://www.ukim.edu.mk>;

31. Hellmann Uwe, Head of Criminal, Economical Criminal Law of Law Department of Potsdam University (Germany), Doctor of Law. *Contact information on the working place:* 1) Tel.: +49 (0)331 977-0 2) fax: +49 (0)331 977-1130 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

32. Scherba Sergey Petrovich, Head of International Cooperation and Comparative Jurisprudence Department of SRI of Academy of the General Prosecution of RF, Doctor of Law, Professor, Honored Scientific worker of the Russian Federation, Honored worker of Prosecution of RF. *Contact information on the working place:* 1) address: 15, 2nd Zvenigorodskaya St., Moscow, 123022; 2) tel.: 8 (499) 256-00-85; 3) e-mail: niigp@msk.rsnet.ru; 4) web-site: <http://www.agprf.org>.

АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ТИПЫ ПУБЛИКАЦИЙ И ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ¹

ЮЖНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СКК В РОССИИ
Калиниченко И. А. Краснодарский университет МВД России

Аннотация: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» ведет отчет своей истории с 11 марта 1977 года — со времени создания в городе Краснодаре школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД СССР. В 1983 году образовательное учреждение преобразуется в специальную среднюю школу милиции, в 1994 году — в юридический институт, в 2003 году — в академию, а в феврале 2006 года — в университет МВД России. За свою историю учебным заведением подготовлено почти 40 тысяч специалистов для России, стран ближнего и дальнего зарубежья: Вьетнама, Гвинеи, Кубы, Никарагуа. Личный состав университета неоднократно участвовал в мероприятиях по охране общественного порядка, борьбе с преступностью в различных регионах: в Закавказье, Средней Азии, на территории бывшей Югославии, в Восточном Тиморе. За личную смелость и мужество, проявленные при выполнении служебного долга, более 100 человек награждены орденами и медалями. В течение ряда лет университет входит в число лучших учреждений высшего профессионального образования МВД России.

Ключевые слова: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, университет МВД России.
Тип публикации: заметка.

Ильяшенко А. Н. Обсудили проблемы уголовной политики

Аннотация: 27 сентября 2013 года в Краснодарском университете МВД России состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы уголовной политики». В работе конференции приняли участие представители 26 образовательных и научных учреждений России и зарубежных стран, а также сотрудники практических подразделений — Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу.

Ключевые слова: Краснодарский университет МВД России, уголовная политика, конференция
Тип публикации: заметка

Григорьев В. Н. Начало уголовного производства: система сдержек и противовесов

Аннотация: делается вывод о необходимости смены научной задачи: вместо исследования вопроса о допустимости проверочных действий, следственных действий и мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела, следует разрабатывать систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного производства, и факторы подвижности этой системы.

Ключевые слова: уголовное производство, предварительное расследование по уголовному делу, возбуждение уголовного дела.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Волинский, В. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Волинский. — М.: ВНИИ МВД России, 2013.

2. Портнов, Андрей. Не читал, но осуждаю... // Зеркало недели / Андрей Портнов. — Украина. № 16.

3. Шульгина, Анна. Новый УПК: развенчивание мифов / Анна Шульгина // Судебно-юридическая газета. 22.07.2013.

Кибальник А. Г. Освобождение от уголовной ответственности: новые перспективы

Аннотация: рассматриваются следующие вопросы: 1) общие положения об освобождении от уголовной ответственности; 2) освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; 3) освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим; 4) освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях; 5) освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, дела об экономических преступлениях, истечение срока давности.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

Уголовное право России: практический курс. 4-е изд. / под ред. А. В. Наумова. — М., 2010.

Кузнецов А. П. Уголовная политика: межотраслевые коллизии и пути их разрешения

Аннотация: рассматриваются коллизии в уголовном праве и межотраслевые коллизии.

Ключевые слова:

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. — Свердловск, 1972.

2. Власенко, Н. А. Коллизия нормы в советском праве / Н. А. Власенко. — Иркутск, 1984.

3. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2005.

4. Воронков, А. В. Понятие должностных лиц в административном праве / А. В. Воронков // Правоведение. 1999. № 1.

5. Кондрашина, В. А. Ответственность за незаконное использование товарного знака по уголовному праву России / В. А. Кондрашина. — Казань, 2004.

6. Манохин, В. М. Нужны основы законодательства о службе / В. М. Манохин // Государство и право. 1997. № 9.

7. Незнамова, З. А. Коллизии в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук / З. А. Незнамова. — Екатеринбург, 1995.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1981.

9. Тилли, А. А. Время, пространство, закон / А. А. Тилли. — М., 1965.

10. Тимченко, В. А. Уголовно-правовая квалификация хищения и нецелевого расходования бюджетных средств / В. А. Тимченко, А. В. Вершинин // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — М., 2007. № 1.

11. Чанов, С. Е. Правовой статус должностного лица органов государственной власти и местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук / С. Е. Чанов. — Саратов, 2000.

12. Черданцев, А. Ф. Системность норм права: сб. учен. тр. / А. Ф. Черданцев. — Свердловск: СЮИ, 1970. Вып. 12.

Лесников Г. Ю. Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью

Аннотация: рассматриваются следующие вопросы: 1) теоретические вопросы уголовной политики, включая проблемы ее формирования; 2) реализация уголовной политики на федеральном и региональном уровнях; 3) проведение региональных криминологических исследований продолжает оставаться актуальным для получения более детальной картины преступности в Российской Федерации.

¹ Аннотации, ключевые слова, типы публикаций и пристатейные библиографические списки уточнены и подготовлены И. М. Мацкевичем и В. Н. Орловым.

Ключевые слова: уголовная политика, стратегия, тактика, борьба с преступностью, реализация политики, криминологические исследования.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

Кристи, Н. Простые слова для сложных вопросов / под общ. ред. Я. Гилинского; пер. с норвеж. Е. Рачинской; лит. ред. Л. Альперн; пред. Я. Гилинского. — СПб.: Алетейя, 2011.

Миндагулов А. Х. Есть ли альтернатива у суда присяжных?

Аннотация: в настоящее время идет интенсивная работа по подготовке новой редакции уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Хотелось бы, чтобы в нем были учтены критические замечания относительно суда присяжных. Но вероятнее всего ничего не изменится. Несмотря на то, что в проекте нового УПК производству по делам с участием присяжных заседателей посвящены тридцать шесть (608–643) статей (в действующем УПК — только одна глава и в ней 15 статей), все остается как есть, т. е. лишь создается видимость суда присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, новая редакция УПК, Республика Казахстан.

Тип публикации: научная статья

Библиография

1. Голик, Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы / Ю. В. Голик // Философия уголовного права. — СПб.: 2004.

2. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. — М.: 2006.

3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. — М.: 1997.

4. Пионтковский, А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория / А. А. Пионтковский. — Л., 1963.

5. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С. М. Казанцев. — Л.: 1991.

6. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений. Т. 8 / А. П. Чехов. — М., 1977.

Подшибякин А. С. Правовые основы криминалистики

Аннотация: можно предложить следующую систему нормативно-оперативных актов, составляющих правовую основу криминалистики: 1. Конституция Российской Федерации. 2. Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права. 3. Решения Конституционного Суда Российской Федерации. 4. Федеральные Кодексы (УК РФ, УПК РФ и др.), Федеральные законы. 5. Нормативные акты министерств и ведомств. 6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Именно правовая основа криминалистики как система способствует и ее развитию, и предотвращению нарушений законодательства при решении задач криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, правовая система, нормативно-правовые акты.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Белкин, Р. С. Криминалистика / Р. С. Белкин. — М.: Юрид. лит., 1988.

2. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.

3. Строгович, И. С. Уголовный процесс. Юридическое издательство НКЮ СССР / И. С. Строгович. — М., 1941.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

Антонян Е. А. Наказание в виде лишения свободы как объект теоретического исследования

Аннотация: в статье говорится о наказании в виде лишения свободы, как о теоретической модели специфической социальной подсистемы. При этом эта система ограничена внешними и внутренними факторами. Особое внимание обращается на внутренние факторы, среди которых выделен, в частности, режим отбывания наказания.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, система, режим.

Тип публикации: научная статья.

Бодров Н. Ф. Рецензирование заключений экспертов-почерковедов

Аннотация: указывается на необходимость единого понимания и оценки заключений экспертов-почерковедов. Существует два диаметрально противоположных подхода к оценке заключений: один

узкий, другой расширительный. Доказывается необходимость разработки теоретических подходов к решению этой задачи, на основании которых, в свою очередь, предлагается создать общее методическое руководство для экспертов.

Ключевые слова: экспертное заключение, рецензирование, качество.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Коробочкина, Т. А. Вопросы организации и методики рецензирования заключений экспертов / Т. А. Коробочкина, Г. Г. Царев. 1979. № 14.

2. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Проспект, 2012.

Борисов С. В. Проблемы формирования международно-правовых понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности

Аннотация: поднимается проблема унификации правовых средств для противодействия экстремизму и для международного сотрудничества в этой сфере. Приводятся легальные определения экстремизма из различных правовых источников, включая международно-правовые акты (Шанхайская конвенция), и дается их анализ.

Ключевые слова: экстремизм, конвенции, модельный закон.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учебное пособие / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова; отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Издательский Дом «Городец», 2009.

2. Гречухин, М. А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью / М. А. Гречухин // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М.: Международный юридический институт, 2011.

Дубовик О. Л. О потребности устранения дисбаланса между оценкой общественной опасности и наказуемостью экологических преступлений по главе 26 УК РФ

Аннотация: говорится о проблемах защиты окружающей среды уголовно-правовыми средствами. Дается анализ нового уголовного законодательства России, направленного против нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов, порчи земли, уничтожения критических мест обитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, нарушения режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Эти нововведения подвергаются критическому осмыслению.

Ключевые слова: окружающая среда, общественная опасность, запрет.

Тип публикации: научная статья.

Есаков Г. А. Негативные признаки состава преступления

Аннотация: в сравнительном плане на примере Германского уголовного Уложения, критически осмысливается понятие состава преступления, закреплённое в уголовном законодательстве России. В этом же аспекте поднимаемые вопросы анализируются применительно к общему праву и континентальному праву. Делается вывод о необходимости создания нормативно-правовой конструкции, которая может иметь условное наименование — «негативные признаки состава преступления». В эту конструкцию должны быть включены обстоятельства, исключающие уголовную ответственность.

Ключевые слова: состав преступления, негативные признаки преступления, позитивные признаки преступления.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Лист, Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / Франц фон-Лист; пер. с нем. Ф. Ельшевич; с предисл. М. В. Духовского. — М., 1903.

2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. В 2 т. / Н. С. Таганцев. — Тула, 2001. Т. 1.

3. Уголовное право: учебник. В 3 т. Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. — М., 2011. Т. 1.

4. Gropp, W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. — Berlin, etc., 1998.

5. Krey, V. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1: Grundlagen, Tatbestandsmäßigkeit, Rechtswidrigkeit, Schuld / V. Krey. — Stuttgart, etc., 2001.

6. Robinson, P. H. Criminal Law Defenses: A Systematic Analysis / P. H. Robinson // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. № 2.

7. Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Straftat und ihr Aufbau. 28., Neubearb. Aufl. Heidelberg, 1998.

Зайцев О. А. Институт уголовно-процессуального задержания по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии

Аннотация: в сравнительном виде исследуются проблемы, связанные с задержанием человека, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления. Делается вывод об обоснованной критике современного уголовно-процессуального закона России. Также в сравнительном виде даются основания задержания, предусмотренные законодательством РФ и ФРГ. Отдельно говорится о задержании на месте совершения преступления и об особенностях, так называемого, «общезначимого задержания».

Ключевые слова: задержание, подозреваемый, следователь, прокурор.

Тип публикации: научная статья.

Ильяшенко А. Н. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности по УК РФ и УК ФРГ: сравнительно-правовой анализ

Аннотация: в сравнительном виде анализируются различные виды уголовной ответственности за экстремистские преступления, на примере ФРГ и Российской Федерации. Делается вывод, что нормативная регламентация средств уголовно-правового противодействия экстремизму в УК РФ и в уголовном Уложении ФРГ имеет ряд схожих моментов. Сравнительно-правовое исследование норм об уголовной ответственности за экстремистские преступления выступает предпосылкой для дальнейшего совершенствования механизма предупреждения данных преступлений.

Ключевые слова: экстремизм, агрессия, предупредительный потенциал, законодательство.

Тип публикации: научная статья.

Кадников Н. Г. Новеллы российского уголовного законодательства о категоризации преступлений

Аннотация: говорится о классификации преступлений, как о необходимой составляющей дифференциации уголовной ответственности. Приводятся и критически анализируются классификации различных стран и правовых систем, в частности, Англии, США, Франции, Германии. Применительно к России рассматриваются положительные и отрицательные последствия введение в уголовный закон понятия уголовного проступка.

Ключевые слова: классификация, преступление, уголовная ответственность.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Крылова, Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции / Н. Е. Крылова. — М., 1996.

2. Крылова, Н. Е. Уголовное право современных зарубежных стран / Н. Е. Крылова, А. В. Серебrenникова. — М., 1997.

Ковальчук А. В. Электрическая энергия как «предмет» хищения или причинения имущественного ущерба? Анализ законодательных и научных подходов

Аннотация: дается анализ уголовного законодательства различных стран за уклонение от оплаты за потребленную электрическую энергию. Насколько важен этот аспект проблемы, свидетельствует тот факт, что такая ответственность предусмотрена в Японии, во Франции, на Украине, в Молдове и ряде других государств. Делается вывод, что применительно к российскому и белорусскому уголовному законодательству, посяательства на электрическую энергию должны рассматриваться не как хищение, а как разновидность причинения имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения.

Ключевые слова: электрическая энергия, уголовная ответственность, хищение.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Бойко, А. И. Уголовно-правовая квалификация незаконного пользования электроэнергией / А. И. Бойко // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. — М., 1985.

2. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. — СПб., 2002.

3. Вишнякова, Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. В. Вишнякова. — Омск, 2003.

4. Гельфер, М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией / М. Гельфер // Социалистическая законность. 1983. № 8.

5. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. — М., 2006.

6. Навроцкий, В. Уголовная ответственность за незаконное пользование электрической и другими видами энергии / В. Навроцкий // Социалистическая законность. 1984. № 2.

7. Навуково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. 9-те вид., переробл. та допов. Київ, 2012.

8. Тишкевич, И. С. Квалификация хищений имущества / И. С. Тишкевич. — Минск, 1996.

9. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / под ред. А. И. Рарога. — М., 2010.

10. Устинов, В. С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция) / В. С. Устинов. — Н. Новгород, 1998.

11. Хабаров, А. В. Посягательства против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Хабаров. — Тюмень, 1999.

12. Халиков, И. Х. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И. Х. Халиков. — Казань, 2005.

13. Хиллота, В. «Хищение» энергии (или к вопросу о модернизации уголовно-правовых положений) / В. Хиллота // Российская юстиция. 2008. № 8.

Мацкевич И. М. Десять причин преступности

Аннотация: приводятся основные точки зрения на причины преступности. Дается сравнительный анализ того, как определяются причины преступности в США и России. Приводится авторский взгляд на современные причины преступности, порожденные эпохой глобализации.

Ключевые слова: причины преступности, глобалистика, национальная рознь.

Тип публикации: научная статья.

Орлов В. Н. Состав отбывания уголовного наказания: понятие и элементы

Аннотация: вопросы, связанные с отбыванием уголовного наказания, наиболее эффективно исследовать посредством анализа состава отбывания наказания. Нельзя не отметить, что теория состава уголовного наказания рассматривалась не только в работах представителей русской школы уголовного права, но и в трудах современных юристов. Состав отбывания уголовного наказания образуют четыре группы признаков или элементов: 1) объект; 2) объективная сторона; 3) субъект; 4) субъективная сторона. Состав отбывания уголовного наказания и его элементы требуют не только дополнительной законодательной регламентации, но и дальнейшего всестороннего исследования.

Ключевые слова: состав наказания, уголовное наказание, элементы состава отбывания наказания, отбывание наказания, объект отбывания наказания, субъект отбывания наказания, объективная сторона отбывания наказания, субъективная сторона отбывания наказания.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В. В. Есипов. — Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1894.

Понятовская Т. Г. Объекты преступлений против собственности и качество уголовно-правовой охраны

Аннотация: рассматриваются проблемы качества уголовно-правовой охраны собственности. Утверждается, что право интеллектуальной собственности должно рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны со всеми вытекающими практическими последствиями. Не понятно, что охраняет российский уголовный закон: право собственности, его элементы, предметы собственности, отдельные интересы субъектов собственности) их правовые или именно имущественные блага либо собственность как некий абстрактный юридический феномен.

Ключевые слова: качество, интеллектуальная собственность, охрана.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

Бочкарев, С. А. Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. А. Бочкарев. — М., 2010.

Рарог А. И. Ответственность за взяточничество по законодательству России и Германии

Аннотация: в сравнительном ключе анализируются составы преступлений, предусматривающих ответственность за взяточничество по уголовному законодательству Германии и России. Делается вывод, что законодательство Германии, с точки зрения юридической техники, более удачно формулирует соответствующие правовые предписания. Предлагается учесть опыт германских коллег российских правоведов. В частности было бы полезно скоординировать размеры наказания за посредничество во взяточничестве.

Ключевые слова: должностное лицо, взяточничество, ответственность.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Степанова, И. Б. Уголовно-правовое противодействие коррупции: итоги реформирования / И. Б. Степанова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — М., 2012.

2. Krey/Hellmann/Heinrich. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Besonderer Teil ohne Vermoegensdelikte. 15. Voellig neubearbeitete Aufl age. Kohlhammer. 2012.

Тупанчески Н. Наука об уголовном праве и ее соотношение с рядом других (новых) наук о преступности

Аннотация: говорится о теоретических проблемах науки уголовного права, как науки позитивного уголовного права. Утверждается, что уголовно-правовая наука антропоцентрична, в центре ее внимания стоит человек. Более того, изучению подлежат дисциплины, которые прямо не относятся к предмету уголовного права в классическом его понимании: криминальная политика, экономическое уголовное право, медицинское уголовное право и уголовное право в сфере информатики. Делается вывод, что уголовно-правовая наука стоит перед серьезными вызовами нового времени.

Ключевые слова: наука, уголовное право, человек.

Тип публикации: научная статья.

ТРИБУНА МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Зайцев О. А., Орлов В. Н. Международный круглый стол по теме: «Принудительные меры в уголовном праве и уголовном процессе России и Германии» (Московская академия экономики и права (г. Москва), 20 ноября 2013 г.)

Аннотация: 20 ноября 2013 г. в Московской академии экономики и права состоялся международный круглый стол «Принудительные меры в уголовном праве и уголовном процессе России и Германии». Модератор круглого стола: Зайцев Олег Александрович, проректор по научной работе Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. С основными докладами выступили: заведующий кафедрой уголовного, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия), доктор права, профессор У. Хелльманн, главный научный сотрудник кафедры уголовного, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия) доктор права П. В. Головенков, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ А. П. Гуляев.

Ключевые слова: Московская академия экономики и права, принудительные меры, уголовное право, уголовный процесс, Россия, Германия

Тип публикации: заметка

Гуляев А. П. Применение мер принуждения в современном уголовном процессе России

Аннотация: необходимым дальнейшее реформирование организационно-правового статуса следственных органов страны в следующем направлении: 1) объединение всех действующих следственных органов страны в единый Следственный комитет; 2) включение его в систему судебной власти (внесение соответствующего дополнения

в Конституцию Российской Федерации); 3) законодательное обеспечение выборности руководителей следственных органов судебскими сообществами разного уровня.

Ключевые слова: мера принуждения, уголовный процесс, Следственный комитет, система судебной власти.

Тип публикации: научная статья.

Смирнов П. А. Задержание и первый допрос задержанного подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России и Германии

Аннотация: различие в режиме первого допроса задержанного лица в уголовном процессе России и Германии проявляется, прежде всего, в двух аспектах. Во-первых, это субъект допроса. В отличие от России, где данное действие проводится следователем (дознавателем), в Германии оно осуществляется представителем самостоятельной (судебной) ветви власти, свободным от ведомственных интересов. Безусловно, это не может не повысить значение (уровень) допроса на рассматриваемом этапе уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, как видно, срок до начала первого допроса по УПК ФРГ фактически может оказаться вдвое больше, чем установленные в УПК РФ 24 часа. Здесь такую возможность следует расценивать, скорее, как благо, поскольку российский срок, как показывает практика, не позволяет качественно подготовиться к допросу как собственно задержанному, так и следователю. Речь идет о необходимости разрешения многих организационных вопросов, имеющих при этом важные процессуальные последствия — участия защитника в уголовном деле (что является обязанностью следователя), согласования с ним (защитником) линии поведения на допросе и т. д. Выявляются некоторые весьма перспективные направления совершенствования уголовного процессуального законодательства обеих держав.

Ключевые слова: задержание, допрос, подозреваемый, уголовный процесс, УПК РФ, УПК ФРГ.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Веретенников, И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: автореф. дис.... канд. юрид. наук / И. А. Веретенников. — М., 2001.

2. Головенков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головенков, Н. Спица. — Издательство UniversitätsverlagPotsdam, 2012.

3. Головки, Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе / Л. В. Головки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).

4. Зайцев, О. А. К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве / О. А. Зайцев, У. Ф. Джагаев // Общество и право. 2013. № 2 (44).

5. Орлов, Ю. К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе / Ю. К. Орлов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).

6. Roxin, C. Strafverfahrensrecht / C. Roxin. — Munchen, 1995.

Зайцев А. О. Европейский суд по правам человека об основаниях для заключения под стражу

Аннотация: особый интерес вызывает практика Европейского Суда по правам человека относительно толкования вышеуказанных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В настоящее время в современное уголовно-процессуальное право начинают вторгаться так называемые нормы «мягкого права», содержащие положения различных международных соглашений, деклараций, стандартов, которые не являются нормативно-правовыми, но которые активно применяются Европейским Судом по правам человека и являются обязательными для российских правоприменителей.

Ключевые слова: Европейский Суд, права человека, мера пресечения, заключение под стражу.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Воскобитова, Л. А. Качество уголовно-процессуального закона. Стенограмма круглого стола «Качество уголовно-процессуального закона» (5 июня 2013 г., Академия МВД РФ, Зал ученого совета) / Л. А. Воскобитова // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1.

2. Де Сильвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основныххво-

бод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сильвиа. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.

КРИМИНОЛОГИЯ

Дашков Г. В. Современные потребности в проведении совместных криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных исследований и разработок

Аннотация: в последнее время, в период определенного спада общественной значимости правовой науки, потребность в проведении совместных правовых исследований и разработок стала особенно ощутима. Собственные возможности фактически каждой из отраслей права, как показывает практика сегодняшнего дня, не позволяют на надлежащем уровне решать задачи, которые сейчас ставятся перед правовой наукой. Это, в частности, касается криминологии, уголовного права и уголовного процесса.

Ключевые слова: криминология, уголовное право, уголовный процесс, исследования, разработка.

Тип публикации: научная статья.

Лопашенко Н. А. Размышления о регистрации преступности в России

Аннотация: падение регистрации преступлений не может иметь никаких, кроме искусственных, причин.

Ключевые слова: регистрация преступности, искусственные причины, снижение преступности, состояние преступности.

Тип публикации: научная статья.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ларичев В. Д. Проблемные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела

Аннотация: при возбуждении уголовных дел нарушения требований закона весьма распространены. Они совершаются как на этапе приёма сообщений о преступлениях (сокращение преступлений от учета; отказ в приёме заявления под различными предлогами), так и при предварительной проверке сообщений о преступлениях и принятии процессуальных решений (необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; квалификация уголовно наказуемых деяний как административных правонарушений; несвоевременное принятие процессуального решения и т. п.). Отмеченные факты ведут не только к искажению истинного состояния преступности, ее структуры и динамики, но и причиняют ущерб конституционным правам и свободам интересам потерпевших, не позволяют в законном праве граждан и организаций добиться наказания виновных и восстановить свои нарушенные права.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела, приём сообщений о преступлении, предварительная проверка сообщений, возбуждение уголовного дела, нарушение требований закона.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Александров, А. С. Необходимость и сущность коренной реформы досудебного производства / А. С. Александров, И. В. Круглов // Уголовно-процессуальная деятельность. Теория. Методология. Практика: сборник научных статей / под ред. А. Ф. Лубина. — Н. Новгород, 2001.
2. Белозеров, Ю. Н. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела / Ю. Н. Белозеров, А. А. Чувилов. — М., 1973.
3. Володина, С. М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела / С. М. Володина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4(9).
4. Григорьева, Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств / Н. Григорьева // Российская юстиция. 1995. № 11.
5. Диваев, А. Б. Установление основания для возбуждения уголовного дела о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Диваев. — Томск, 2005.
6. Жогин, Н. В. Возбуждение уголовного дела / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. — М., 1961.
7. Карпенко, В. М. Оценка доказательств следователем и дознавателем в досудебном производстве по уголовным делам: монография / В. М. Карпенко. — М.: ВНИИ МВД России, 2009.
8. Ковтун, Н. Н. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за преступление в стадии возбуждения уголовного дела: дис... канд. юрид. наук / Н. Н. Ковтун. — М., 1992.
9. Корж, В. П. Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовно-процессуального кодекса Украины / В. П. Корж // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной науч.-практич. конференции (Москва, 23 мая 2013 г.). В 2 ч. Ч. 2. — М.: Изд-во ООО «Буки Веди», 2013.

10. Лупинская, П. А. Основания и порядок принятия решения о недопустимости доказательств / П. А. Лупинская // Российская юстиция. 1994. № 11.

11. Попов, А. П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Попов. — Н. Новгород, 1999.

12. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: Монография / Г. П. Химичева, О. В. Мичурина, О. В. Химичева, В. С. Мичурин. — М.: МосУ МВД РФ, 2004.

13. Частнов, К. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис... канд. юрид. наук / К. С. Частнов. — Н. Новгород, 2010.

14. Юрчишин, В. Н. Новый УПК Украины уполномочил прокурора быть процессуальным руководителем досудебного расследования / В. Н. Юрчишин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3(8).

Муратова Н. Г. Международные договоры и их значение в механизме защиты прав личности в уголовном судопроизводстве

Аннотация: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства предусматривает многоуровневый подход к формированию процессуальных процедур этого сотрудничества. Современные сравнительно-правовые исследования зарубежного уголовного процесса в настоящее время можно распределить по следующим проблемам: изучение тенденций развития международного процессуального законодательства и сопоставление процессуальных процедур; исследование модельного подхода; исследование механизма международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства при оказании правовой помощи по головным делам; сопоставление особенностей процессуальных основ в доказывании; применении мер принуждения и производстве следственных действий; исследование тенденций в формировании взаимосвязи региональных правоохранительных организаций и Интерпола; заочности сотрудничества с Европейским Союзом по уголовным делам. Авторская последовательная модель процессуального механизма применения правил международных договоров состоит в следующем: создать единый судебный орган государств-участников СНГ; создать Международный уголовный Суд государств-участников СНГ; сформировать Федеральную международно-правовую службу РФ и ее вертикаль в субъектах федерации; обосновать и ввести новую должность в судах и правоохранительных органах — консультант-международник; реализовать европейскую модель судебного контроля и создать должность следственного судьи (судебного следователя).

Ключевые слова: международные договоры, уголовный процесс, защита прав личности.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис... д-ра юрид. наук / Л. Б. Алексеева. — Москва, 2003.
2. Бастрыкин, А. И. Уголовные дела с участием иностранцев: вопросы тактики, организации и методики расследования. — Санкт-Петербург: Северо-западный филиал Российской правовой академии, 2003.
3. Бирюков, П. Б. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. дис... д-ра юрид. наук / П. Б. Бирюков. — Казань, 2001.
4. Бирюков, П. М. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ / П. М. Бирюков. — Воронеж, 1997.
5. Волеводз, А. Г. Международная организация уголовной полиции-Интерпол и тенденций формирования региональных правоохранительных организаций / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста, 2011, № 1.
6. Волеводз, А. Г. Международный розыск, арест, конфискация и передача иностранным государствам денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также вещественных доказательств по уголовным делам / А. Г. Волеводз, А. Б. Соловьев. — М.: из-во «Юрлитинформ», 2007.
7. Волженкина, В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе / В. М. Волженкина. — СПб.: Из-во «Юридически центр Пресс», Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001.

8. Гусаков, А. Н. Криминалистика США: теория и практик ее применения / А. Н. Гусаков. — Екатеринбург: из-во Урал. ун-та, 1993.
9. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головки, Б. А. Филимонов. — 2-е изд., доп. и исправ. — М.: Из-во «Зерцало», 2002.
10. Дамирчиев, Э. И. Сотрудничество Европейского Союза в сфере уголовного судопроизводства / Э. И. Дамирчиев // Библиотека криминалиста, 2011, № 1.
11. Договоры (конвенции) Совета Европы с участием Российской Федерации. Комментарий проф. Г. В. Игнатенко // Совет Европы и Россия. Спецвыпуск. Информационный бюллетень. — Екатеринбург: УрГЮА, 2002.
12. Зимин, О. В. Зарубежный опыт формирования системы противодействия легализации преступных доходов / О. В. Зимин, Б. С. Болотский. — М.: ВНИИ МВД России, 2008.
13. Костенко, Н. И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Костенко Москва, 2002.
14. Кристофера, Осаке. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части: учеб.-практ. пос. / Осаке Кристофера. — М.: Дело, 2000.
15. Лазутин, Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: монография / Л. А. Лазутин. — Екатеринбург: изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2008.
16. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебное пособие для вуза / под ред. Р. М. Валеева, Р. Г. Вазгизова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007.
17. Международное право: учебник для вузов / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. — М., 1995.
18. Муратова, Н. Г. Защита прав граждан России Европейским Судом по правам человека (уголовное судопроизводство) / Н. Г. Муратова // Актуальные проблемы защиты прав граждан и юристских: тезисы докладов на Всероссийской конференции 10–11 декабря 2003. — Ульяновск: УЛГУ, 2004.
19. Муратова, Н. Г. Международный судебный контроль в уголовной юстиции: проблемы законодательного регулирования и совершенствования практики / Н. Г. Муратова // Правосудие в Татарстане. 2006. № 3(28).
20. Муратова, Н. Г. Международный уголовный кодекс ФРГ и вопросы уголовной ответственности / Н. Г. Муратова // Ученые записки Казанского университет. Т. 150. 2008.
21. Муратова, Н. Г. Механизм реализации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам / Н. Г. Муратова // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России) : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1.
22. Муратова, Н. Г. Правовое значение создания единого судебного пространства государствами-участниками СНГ / Н. Г. Муратова, Н. Д. Муратова // Постсоветская государственность: проблемы интеграции и дезинтеграции: материалы VI международной научно-теоретической конференции. — Санкт-Петербург. 2006. 15 апреля.
23. Муратова, Н. Г. Применение Конституционным Судом норм международного права по соблюдению прав человека в уголовном судопроизводстве / Н. Г. Муратова, Л. Д. Чулюкин // Российский Ежегодник международного права. — СПб.: РОССИЯ-НЕВА, 2005.
24. Муратова, Н. Г. Проблемы имплементации Римского статута Международного уголовного суда в России / Н. Г. Муратова // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3.
25. Муратова, Н. Г. Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для судебного надзора по уголовным делам Российской Федерации / Н. Г. Муратова // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации. — Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
26. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Муратова. — Екатеринбург, 2004.
27. Муратова, Н. Г. Следственный судья в судебной системе Франции и России / Н. Г. Муратова // I международный симпозиум: сборник статей ученых Казанского университета (на русском и французском языках). — Казань, 2005.
28. Права человека в международном и внутригосударственном праве: учебник / под ред. проф. Р. М. Валеева. — Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004.
29. Рабаданова, А. А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Рабаданова. — Москва, 2006.
30. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем / Н. Г. Стойко. — СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Из-во юридического факультета СПбГУ, 2006.
31. Табалдиева, В. Ш. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учебное пособие / В. Ш. Табалдиева. — М.: из-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: из-во НПО «МОДЭК», 2004.
32. Шарифуллин, Р. А. Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. А. Шарифуллин. — Казань, 2006.
33. Щерба, С. П. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в государствах-участниках СНГ / С. П. Щерба. — М., 2001.
34. Юрков, А. П. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / А. П. Юрков. — Казань, 2001.

Щерба С. П. Проблемы нормативного определения сущности и содержания прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе России

Аннотация: к сожалению, в уголовно-процессуальное законодательство России, допускающее применение различных мер принуждения и ограничивающее права и свободы человека, до сих пор не включена общая фундаментальная норма, в которой должны быть установлены: 1) основания, условия и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства; 2) перечень случаев, при наличии которых ни при каких обстоятельствах не допускается ограничение прав и свобод при производстве по уголовным делам; 3) запрет на расширительное толкование оснований (критериев) для применения каких-либо ограничений прав и свобод человека и гражданина; 4) ответственность должностных лиц и судей за необоснованное ограничение прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам; 5) запрет на ограничение прав и свобод подозреваемых или обвиняемых в целях раскрытия преступления и собирания доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: права и свободы, уголовный процесс, ограничения прав и свобод.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Кондрат, И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство) : монография / И. Н. Кондрат. — М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Полторацкая, Н. С. Реализация конституционного права неприкосновенности частной жизни: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Полторацкая. — СПб., 2004.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Юрист, 2003.
4. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. — М., 2000.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Заклятина Л. А. Туризм и терроризм: криминологический аспект

Аннотация: Изучение криминологической характеристики преступности террористической направленности в российских и зарубежных городах-курортах на научном уровне ранее никогда не проводилось. Хотя, безусловно, оно важно как для теории, так и для практической, в том числе правоприменительной деятельности, поскольку иностранный опыт исследования и противодействия наиболее опасному по своим последствиям виду преступности — терроризму — весьма полезен, особенно принимая во внимание озабоченность Правительства России созданием условий для улучшения качества жизни соотечественников, в том числе за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечением доступности и конкурентоспособности туристских услуг. Кроме того, обязанность государств обеспечивать безопасность отдыха прописана в международных правовых актах.

Ключевые слова: туризм, терроризм, город-курорт, предупреждение терроризма.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Арас, Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки / Дж. Арас. — Баку: SADA, 2003.
2. Боровой, А. А. Организация функционирования городских и районных органов внутренних дел в городах-курортах: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Боровой. — М., 1985.

3. Брежницкая, Е. Тревожные горы, или Уникальные курорты Кабардино-Балкарии остаются закрытыми для посещения туристов / Е. Брежницкая // Российская газета. Региональный выпуск. 2011. 8 сентября. № 200 (5576).

4. Волков, В. Р. Организация и совершенствование деятельности участковых инспекторов милиции по охране общественного порядка и профилактике правонарушений в курортных городах: дис. ... канд. юрид. наук / В. Р. Волков. — М., 1991.

5. Гайдукевич, Л. Развитие международного туризма и обеспечение безопасности туристов / Л. Гайдукевич // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 2.

6. Годфри, Харрис. Стимулирование международного туризма в XXI веке / Харрис Годфри, М. Кац. Кеннет. — М.: Финансы и статистика, 2000.

7. Зорин, А. Рестораны под огнем / А. Зорин // Российская газета. 2005. 3 октября. № 3889.

8. Куприна, Ю. На Шри-Ланке «Тигры освобождения Тамил Илама» убили 49 мирных жителей / Ю. Куприна // Комсомольская правда. 2009. 10 марта. № 34.

9. Максимов, С. В. Словарь криминологических терминов // Криминология: учебник / С. В. Максимов, В. Е. Эминов; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.

10. Марченко, В. Кашмир: Индийская Чечня / В. Марченко // Завтра. 2000. 8 февраля. № 6 (323).

11. Мелехин, О. Ю. Современные особенности борьбы с преступностью в условиях курортного региона (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Мелехин. — М., 1998.

12. Мозеров, В. И. Преступность в курортных городах и меры ее предупреждения (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук / В. И. Мозеров. — М., 1982.

13. Мухаматулин, Т. ЭТА взорвала Мальорку / Т. Мухаматулин // Взгляд. Деловая газета. 2009. 9 августа.

14. Полтарыгин, Р. В. Профилактика преступности несовершеннолетних и молодежи в условиях курортного региона: дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Полтарыгин. — М., 2002.

15. Сычева, В. Взорванный рай, или После теракта на Бали вся мировая индустрия туризма может оказаться под прицелом международного террора / В. Сычева // Итоги. 2002. 22 октября. № 42/332.

16. Федяшин, А. Египет. Пугающая повторяемость терактов / А. Федяшин // Эхо планеты. 2006. № 18–19.

17. Хинштейн, А. Янычары плаща и кинжала / А. Хинштейн // Московский комсомолец. 2001. 18–19 апреля. № 21678–21679.

18. Benjamin, K. Kuto. The Effect of Terrorism: Evaluating Kenya's Tourism Crisis / K. Kuto Benjamin, L. Groves James // Review of Tourism Research. Volume 2. Issue 4. 2004. August.

19. Tarlow, Peter E. Terrorism and Tourism / Peter E. Tarlow // Review of Tourism Research. Volume 3. Issue 5. 2005. October.

Рыбакова Е. А. Криминальный захват недвижимости

Аннотация: в настоящее время необходимы эффективные антирейдерские законодательные нововведения, направленные: на совершенствование корпоративного законодательства; развитие системы корпоративного управления и механизмов разрешения корпоративных конфликтов; обеспечение мер по усилению защиты прав собственности, имущественных и неимущественных прав лиц, вовлеченных в корпоративный спор; повышение ответственности крупных акционеров, менеджеров и органов управления обществ с целью создания необходимых правовых условий, препятствующих захвату предприятий, корпоративным конфликтам и корпоративному шантажу (гринмейлу). Прежде всего необходимо совершенствование законодательства, направленного на корректировку организации и порядка деятельности по слиянию, объединению, поглощению, разделению, иной реорганизации и изменению статуса предприятий.

Ключевые слова: криминальный захват, недвижимость, рейдерство.

Тип публикации: научная статья.

ПИСАТЕЛЬ-КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Хелльманн У. Капитан из Кёпеника: одна немецкая криминальная история

Аннотация: в отличие от России или США, где в общественном мнении даже особо опасные преступники иногда слышат «героями» (например, знаменитые *Сонька Золотая Ручка* и *Мишка Япончик* или *„Billy the Kid“*, а также *„Bonnie and Clyde“*), в Германии таких примеров «глотификации» криминала практически не существует. Тем не менее большую известность все же получил уроженец Восточной Пруссии *Фридрих Вильгельм Фогт*, родившийся в 1849 в городе Тильзит. Преступление *Фогта* получило широкую известность не только в Германии, но и за её пределами. Образ *Фридриха Вильгельма Фогта* как «благородного грабителя», созданный *Карлом Цукмайером* и воспроизведённый *Хайнцем Рюманном* в его роли капитана из Кёпеника, до сих пор сохранился в Германии. В немецком языке было даже придумано новое слово: «Кёпеникиада». В 1996 году у ратуши в Кёпенике был сооружён бронзовый памятник и вывешена мемориальная доска капитану из Кёпеника. Памятная доска вывешена также в Висмаре на доме, в котором жил и работал *Фогт*. В Берлине именем капитана из Кёпеника названа даже начальная школа.

Ключевые слова: Фридрих Вильгельм Фогт, капитан из Кёпеника, Кёпеникиада.

Тип публикации: очерк.

ANNOTATION, SCHLÜSSELWÖRTER, PUBLIKATIONSTYPEN UND VERSTECKTE BIBLIOGRAPHIEN¹

SÜDLICHE REGIONALE ABTEILUNG DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBANDES RUSSLANDS

Kalinichenko I.A. Krasnodarer Universität des Innenministeriums Russlands

Annotation: Die Geschichte der föderalen staatlichen fiskalischen Bildungseinrichtung der höheren beruflichen Bildung «Krasnodarer Universität des Innenministeriums Russlands» beginnt vom 11. März 1977 — mit der Gründung der Schule für den obersten Mitgliederbestand der Miliz des Innenministeriums der UdSSR. 1983 wird die Bildungseinrichtung in eine spezielle Mittelschule der Miliz, 1994 — ins Rechtsinstitut, 2003 — in die Akademie, und im Februar 2006 — in die Universität des Innenministeriums umgebildet. Im Laufe der Geschichte hat die Institution fast 40.000 Spezialisten für Russland, nahes Ausland und Fernausland Vietnam, Guinea, Kuba, Nicaragua ausgebildet. Die Mitarbeiter der Universität haben mehrmals in Aktivitäten zum Schutz der öffentlichen Ordnung, Bekämpfung der Kriminalität in verschiedenen Regionen im Kaukasus, in Zentralasien, dem ehemaligen Jugoslawien, in Ost-Timor teilgenommen. Für persönliche Tapferkeit und Mut bei dem Ausführen der Amtspflicht wurden mehr als 100 Menschen mit Orden und Medaillen ausgezeichnet. Im Laufe der Jahre wurde diese Universität zur besten Hochschule des Innenministeriums der Russischen Föderation.

Schlüsselwörter: Krasnodarer Universität des Innenministeriums Russlands, Universität des Innenministeriums Russlands

Publikationstyp: Anmerkung

Ijaschenko A.N. Diskussionen des Problems über Strafrecht

Annotation: am 27. September 2013 fand in Krasnodar Universität des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation die IV. internationale wissenschaftlich-praktische Konferenz «Moderne Probleme der Strafpolitik» statt. Vertreter der 26 Bildungs- und Forschungseinrichtungen aus Russland und dem Ausland nahmen in der Konferenz teil, sowie die Mitarbeiter von praktischen Abteilungen — Hauptverwaltung des Innenministeriums Russlands in der Region Krasnodar und Amt für Verkehr des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation im Südlichen Föderalen Bezirk.

Schlüsselwörter: Krasnodar Universität des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation, Strafpolitik, Konferenz

Publikationstyp: Notiz

Grigoriev V.N. Beginn des Strafverfahrens: gegenseitige Kontrolle

Annotation: es wird eine Schlussfolgerung über die Notwendigkeit der Veränderung der wissenschaftlichen Funktion gezogen: statt der Forschungsfrage von der Zulässigkeit der Testaktionen, Ermittlungsaktionen und prozessualen Zwangsmaßnahmen bis zur Einleitung eines Strafverfahrens ist es notwendig, gegenseitige Kontrolle zu entwickeln, die eine begründbare Barriere für den Anfang eines Strafverfahrens und die Faktoren der Mobilität bestimmt.

Schlüsselwörter: Strafverfahren, vorläufige Untersuchung einer Strafsache, Einleitung eines Strafverfahrens.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Volynskii, V. V. Gerichtliche Kontrolle der Tätigkeit der Voruntersuchung in de Etappe des Strafverfahrens [Sudebnyy kontrol za deyatelnostyu organov predvaritel'nogo rassledovaniya na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela]: dis. ... kand. jurid. nauk / V. V. Volynskii. — M.: Allrussisches wissenschaftliches Forschungsinstitut des Ministeriums für Inneres der Russischen Föderation, 2013.

2. Portnov, Andrey. Ich habe es nicht gelesen, aber ich verurteile... [Ne chital, no osuzhdayu...]. // Zerkalo nedeli / Andrey Portnov. — Ukraine. № 16.

3. Shulgina, Anna. Die neue Strafprozessordnung: Entweihung der Mythen [Anna. Novyy UPK: razvychivanie mifov] / Anna Shulgina // Sudebno-yuridicheskaya gazeta. 22.07.2013.

Kibalnik A. G. Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung: neue Perspektiven

Annotation: es werden folgende Fragen betrachtet: 1) allgemeine Bestimmungen für die Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung; 2) Befreiung von strafrechtlicher Haftung in Verbindung mit aktiver Reue; 3) Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung aufgrund der Versöhnung mit dem Opfer; 4) Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung in Fällen von Wirtschaftsverbrechen; 5) Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung im Zusammenhang mit dem Ablauf der Verjährungsfrist.

Schlüsselwörter: strafrechtliche Haftung, Befreiung, aktive Reue, Versöhnung mit dem Opfer, Fälle von Wirtschaftsverbrechen, Ablauf der Verjährungsfrist.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

Strafrecht Russlands: praktischer Lehrgang [pravo Rossii: prakticheskiy kurs]. 4. Auflage / pod red. A. V. Naumova. — M., 2010.

Kuznetsov A. P. Kriminalpolitik: interdisziplinäre Kollisionen und deren Konfliktauflösung und Möglichkeiten, sie zu lösen

Annotation: es werden Kollisionen im Strafrecht und interdisziplinäre Kollisionen behandelt.

Schlüsselwörter: Kriminalpolitik, Kriminalrecht, interdisziplinäre Kollisionen.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Alekseev, S. S. Probleme der Theorie des Rechtes: ein Kurs in 2 Bänden. Band 2 [Problemy teorii prava : kurs lektsiy v 2 t.]. T. 2 / S. S. Alekseev. — Sverdlovsk, 1972.

2. Vlasenko, N. A. Kollisionnorm im sowjetischen Recht [Kolliziya normy v sovetskom prave] / N. A. Vlasenko. — Irkutsk, 1984.

3. Volzhenkin, B. V. Beamtendelikte: Kommentar der Gesetzgebung und Gerichtspraxis [Sluzhebnyye prestupleniya: kommentariy zakonodatelstva i sudebnoy praktiki] / B. V. Volzhenkin. — Sankt-Petersburg: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2005.

4. Voronkov, A. V. Der Begriff Beamte im Verwaltungsrecht [Ponyatie dolzhnostnykh lits v administrativnom prave] / A. V. Voronkov // Pravovoeneniye. 1999. № 1.

5. Kondrashina, V. A. Verantwortung für illegale Benutzung eines Warenzeichens im Strafrecht Russlands [Otvetstvennost za nezakonnoe ispolzovanie tovarnogo znaka po ugolovnomu pravu Rossii] / V. A. Kondrashina. — Kazan, 2004.

6. Manokhin, V. M. Man braucht grundlegende Rechtsvorschriften im Amt [Nuzhnyi osnovyi zakonodatelstva o sluzhbe] / V. M. Manokhin // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 9.

7. Neznamova, Z. A. Kollisionen im Strafrecht [Kollizii v ugolovnom prave]: dis. ... d-ra jurid. nauk / Z. A. Neznamova. — Ekaterinburg, 1995.

8. Ozhegov, S. I. Russisches Wörterbuch [Slovar russkogo yazyika] / S. I. Ozhegov. — M., 1981.

9. Tilley, A. A. Zeit, Raum, Gesetz [Vremya, prostranstvo, zakon] / A. A. Tilley. — M., 1965.

10. Timchenko, V. A. Strafrecht wegen des Diebstahls und Missbrauches von Haushaltsmitteln [Ugolovno-pravovaya kvalifikatsiya hischeniya i netselovogo rashodovaniya byudzhethnykh sredstv] / V. A. Timchenko, A. V. Vershinin // Geschäftswelt in der Gesetzgebung. Ueitschrift für Wirtschaft und Recht [Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal]. — M., 2007. № 1.

11. Chanov, S. E. Rechtsstellung der offiziellen Organe der Staatsmacht und der Gemeindevertretung [Pravovoy status dolzhnostnogo litsa organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya]: dis. ... kand. jurid. nauk / S. E. Chanov. — Saratov, 2000.

12. Cherdantsev, A. F. Systemcharakter der Rechtsnormen [Sistemnost norm prava]: sb. uchen. tr. / A. F. Cherdantsev. — Sverdlovsk: Sverdlovsker Rechtsinstitut, 1970. Ausgabe 12.

¹ Die Annotation, Schlüsselwörter, Publikationstypen und Versteckte Bibliographien sind von Mazkevich I.M. und V.N. Orlov richtiggestellt und vorbereitet.

Lesnikov G. Yu. *Strafpolitik als Strategie und Taktik zur Kriminalitätsbekämpfung*

Annotation: es werden folgende Fragen betrachtet: 1) theoretische Fragen der Kriminalpolitik, einschließlich der Probleme ihrer Bildung; 2) Realisierung der Kriminalpolitik auf Bundes- und Regionalebene; 3) Durchführung der regionalen kriminologischen Forschung ist weiterhin von großer Wichtigkeit, um ein detaillierteres Bild der Kriminalität in der Russischen Föderation zu erhalten.

Schlüsselwörter: Kriminalpolitik, Strategie, Taktik, Kriminalitätsbekämpfung, Politikrealisierung, kriminologische Forschungen.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

Christie, N. Einfache Wörter für komplexe Themen [Prostyie slova dlya slozhnykh voprosov] / pod obshch. red. Ya. Gilinskogo; Übersetzung aus dem Norwegischen [per. s norvezhs.] E. Rachinskoy; lit. red. L. Alpern; pred. Ya. Gilinskogo. — Sankt-Petersburg: Aletjeja, 2011.

Mindagulov A. Kh. *Gibt es eine Alternative für Geschworenengericht?*

Annotation: derzeit gibt es eine intensive Arbeit an der Ausarbeitung der neuen Strafprozessordnung der Republik Kasachstan. Es wäre gut, wenn sie kritische Anmerkungen hinsichtlich des Geschworenengerichtes enthalten würde. Aber höchstwahrscheinlich wird sich nichts ändern. Trotz der Tatsache, dass der neue Entwurf der Strafprozessordnung die Teilnahme des Geschworenengerichtes in sechshunddreißig (608-643) Artikel enthält, und in der geltenden Strafprozessordnung ist es nur ein Kapitel und darin 15 Artikel enthalten sind, bleibt alles, wie es ist, d.h. es wird nur ein Ansehen des Geschworenengerichtes geschaffen.

Schlüsselwörter: Geschworenengericht, Neufassung der Strafprozessordnung, Republik Kasachstan.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Golik, Yu. V. Philosophie des Strafrechtes: eine moderne Darstellung des Problems [Filosofiya ugolovnogo prava: sovremennaya postanovka problemy] / Yu. V. Golik // Philosophies des deutsche Strafrechtes [Filosofiya ugolovnogo prava]. — Sankt-Petersburg: 2004.

2. Zhalinsky, A. E. Modernes deutsches Strafrecht [Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo] / A. E. Zhalinsky. — M.: 2006.

3. Naumov, A. V. Russisches Strafgesetz. Allgemeiner Teil: Vorlesungskurs [Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obschaya chast : kurs lektsiy] / A.V. Naumov. — M.: 1997.

4. Piontkovsky, A. A. Hegels Lehre vom Recht und Staat und seine kriminelle Rechtstheorie [Uchenie Gegelya o prave i gosudarstve i ego ugolovno-pravovaya teoriya] / A. A. Piontkovsky. — L.: 1963.

5. Geschworenengericht in Russland: Laute Strafverfahren der Jahre 1864-1917 [Sud prislyazhnykh v Rossii: Gromkie ugolovnyie protsessy 1864-1917 gg.]. / sost. S. M. Kazantsev. — L.: 1991.

6. Chechov, A. P. Gesammelte Werke [Polnoe sobranie sochineniy]. B. 8 / A. P. Chechov. — M., 1977.

Podshibyakin A. S. *Rechtsgrundlagen der Kriminalistik*

Annotation: man kann folgendes Betriebsregulierungssystem vorschlagen, das Rechtsgrundlage der Kriminologie bildet: 1. Verfassung der Russischen Föderation; 2. Internationale Verträge, allgemein anerkannte Prinzipien und Normen des Völkerrechtes; 3. Entscheidungen des Verfassungsgerichtes der Russischen Föderation; 4. Bundesgesetzbuch (StGB der Russischen Föderation, StPO der Russischen Föderation, etc.), Bundesgesetze; 5. Normative Akten der Ministerien und Abteilungen; 6. Plenarentscheidungen des Obersten Gerichtes der Russischen Föderation. Gerade die rechtliche Grundlage der Kriminologie als System trägt zu ihrer Entwicklung und Verhinderung der Verstöße gegen das Gesetz bei der Aufdeckung und Untersuchung von Straftaten bei.

Schlüsselwörter: Kriminalistik, Rechtssystem, Norm- und Rechtsakten

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Belkin, R. S. Kriminalistik [Kriminalistika] / R. S. Belkin. — M.: Yurid. lit., 1988.

2. Kriminalistik: Lehrbuch [Kriminalistika: uchebnik] / T. V. Averbjanova, R. S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. — 4-e izd. — M.: Norma; INFRA-M, 2013

3. Strogovich, I. S. Strafprozess [Ugolovnyiy protsess]. Yuridicheskoe izdatelstvo NKU UdSSR / I. S. Strogovich. — M., 1941.

INTERNATIONALER RUNDTISCH

Antonian E.A. *Strafe in Form des Freiheitsentzuges als Objekt der theoretischen Forschung*

Annotation: Dieser Artikel bezieht sich auf die Strafe in Form der Freiheitsstrafe als Objekt des theoretischen Modells einer spezifischen

sozialen Systemgruppe. Dabei ist dieses System durch externe und interne Faktoren beschränkt. Besonders sind hier interne Faktoren zu beachten, darunter die Art der Strafverbüßung.

Schlüsselwörter: Pönitentiare Politik, System, Art.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bodrov N.F. *Überprüfung der Ergebnisse der Handschriftenexperten*

Annotation: es wird auf eine Notwendigkeit für ein gemeinsames Verständnis und die Auswertung der Ergebnisse der Handschriftenexperten hingewiesen. Es gibt zwei diametral entgegengesetzte Konzepte zur Beurteilung der Ergebnisse: ein Konzept ist schmal, das andere ist erweiternd. Es wird eine Notwendigkeit der Entwicklung der theoretischen Ansätze zur Lösung dieses Problems bewiesen, aufgrund deren eine allgemeine Anleitung für die Experten vorgeschlagen wird.

Schlüsselwörter: Expertengutachten, Rezensieren, Qualität.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Korobochkina, T. A. Organisation und Methoden der Überprüfung von Gutachten [Voprosy organizatsii i metodiki retsenzirovaniya zaklyucheniy ekspertov] / T. A. Korobochkina, G.G. Tsarev. 1979. № 14.

2. Expertenbegutachtung: typische Fehler [Sudebnaya ekspertiza: tipicheskie oshibki] / pod red. E. R. Rossinskoy. — M.: Prospekt, 2012.

Borisov S.V. *Probleme der internationalen Rechtsbegriffe des Extremismus und extremistische Straftaten*

Annotation: es wird ein Problem der Vereinheitlichung der rechtlichen Mittel zum Extremismus-Widerstand und zur internationalen Zusammenarbeit in diesem Bereich aufgehoben. Es werden rechtliche Definitionen von Extremismus aus verschiedenen Rechtsquellen angegeben, einschließlich der internationalen Rechtsakten (Shanghai-Übereinkommen), und deren Analyse.

Schlüsselwörter: Extremismus, Konvention, Modellgesetz

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Interaktion vom internationalen Strafrecht und Rechtswesen [Vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i sravnitel'nogo ugolovnogo prava]: uchebnoe posobie / nach. red. N. F. Kusnetsova; otv. red. V. S. Komissarov. — M.: Izdatelskiy Dom «Gorodets», 2009.

2. Grechukhin, M. A. Strafrechtliche Herausforderungen der Bekämpfung der organisierten extremistischen Kriminalität [Ugolovno-pravovye problemyi borbyi s organizovannoy ekstremistskoy prestupnostyu] / M. A. Grechukhin // Organisierte Kriminalität im XXI. Jahrhundert: Probleme von Theorie bis zur Praxis: Sammlung der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz [Organizovannaya prestupnost v XXI veke: problemyi teorii i praktiki : sbornik materialov Mezhdunarodny nauchno-prakticheskoy konferentsii]. — M.: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut, 2011.

Dubovik O.L. *Über die Erfordernisse der Disbalanzbehebung zwischen der Bewertung der öffentlichen Gefahr und der Strafbarkeit der Umweltverbrechen gemäß dem Kapitel 26 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation*

Annotation: es handelt sich um die Umweltschutzprobleme durch Kriminalstrafrecht. Es wird eine Analyse des neuen russischen Strafrechts angeführt, die gegen Verletzung der Umweltvorschriften in den Betrieben, Verstoß von Gefahrstoffen und Abfällen, Grundbeschädigung, Zerstörung von kritischen Lebensräumen der Organismen, die in das Rote Buch der Russischen Föderation eingetragen sind, Verletzungen der Schutzgebiete und Naturstätten spricht. Diese Neuerungen werden kritisch betrachtet.

Schlüsselwörter: Umweltschutz, Gesellschaftsgefährlichkeit, Verbot.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Esakov G.A. *Negative Merkmale des Tatbestandes*

Annotation: im Vergleichsplan am Beispiel des deutschen Strafgesetzbuches wird das Konzept des Tatbestandes kritisch betrachtet, das im russischen Strafrecht verankert ist. Im gleichen Aspekt werden die aufgeworfenen Fragen in Bezug auf das Gewohnheitsrecht und kontinentales Recht analysiert. Es werden Schlussfolgerungen über die Notwendigkeit von Bildung einer Regulierungsstruktur gezogen, die einen Fachausdruck „negative Folgen des Tatbestandes“ haben kann. In diese Struktur müssen Umstände einbezogen werden, die negative strafrechtliche Verantwortung ausschließen.

Schlüsselwörter: Tatbestand, negative Merkmale eines Verbrechens, positive Merkmale eines Verbrechens.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. List, F. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil [Uchebnik ugolovnogo prava. Obschaya chast] / Franz fon-List; per. s nem. F. El'yashevich; s predisl. M. V. Dukhovskogo. — M., 1903.

2. Tagantsev, N. S. Russisches Strafrecht. Allgemeiner Teil. In zwei Bänden [Russkoe ugovnoe pravo. Chast obschaya. V 2 t] / N. S. Tagantsev. – Tula, 2001. Band I.

3. Strafrecht [Ugovnoe pravo]: Lehrbuch. In drei Bänden. Allgemeiner Teil / pod red. A. E. Zhalinskogo. – M., 2011. Band I.

4. Gropp, W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. – Berlin, etc., 1998.

5. Krey, V. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1: Grundlagen, Tatbestandsmäßigkeit, Rechtswidrigkeit, Schuld / V. Krey. – Stuttgart, etc., 2001.

6. Robinson, P. H. Criminal Law Defenses: A Systematic Analysis / P. H. Robinson // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. № 2.

7. Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Straftat und ihr Aufbau. 28., neubearb. Aufl. Heidelberg, 1998.

Zaitsev O.A. Institut für Strafprozessgesetzgebung der Russischen Föderation und der Bundesrepublik Deutschland

Annotation: in der Vergleichsform werden Probleme untersucht, die im Zusammenhang mit der Festnahme des Menschen, der eines Verbrechens beschuldigt oder verdächtigt ist, gebracht werden können. Es werden Konsequenzen aus der berechtigten Kritik des modernen Strafprozessrechtes in Russland gezogen. In der Vergleichsform werden auch Haftgründe angegeben, die in der Gesetzgebung der Russischen Föderation und der Bundesrepublik Deutschland festgeschrieben sind. Es wird auch individuell über die Festnahme am Tatort und die Besonderheiten der so genannten „allgemein möglichen Festnahme“ gesagt.

Schlüsselwörter: Festnahme, Verdächtiger, Ermittlungsführer, Staatsanwalt.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Ilyashenko A.N. Strafrechtliche Haftung für extremistische Straftaten nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation und dem Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland: eine rechtsvergleichende Analyse

Annotation: in der Vergleichsform werden verschiedene Arten der Strafbarkeit für extremistische Verbrechen am Beispiel der BRD und der Russischen Föderation analysiert. Es wird eine Schlussfolgerung gezogen, dass die normative Regelung von Mitteln des Strafrechtes gegen Extremismus im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation und des Strafprozessrechtes in Deutschland eine Reihe von Gemeinsamkeiten haben. Rechtsvergleichende Forschung der strafrechtlichen Verantwortlichkeitsnormen haben für extremistische Verbrechen eine Voraussetzung für den Mechanismus der Vorwarnung dieser Straftaten.

Schlüsselwörter: Extremismus, Aggression, Vorbeugungspotential, Gesetzgebung.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Kadnikov N.G. Novellen der russischen Strafgesetzgebung über die Kategorisierung von Verbrechen

Annotation: es handelt sich um die Einstufung der Verbrechen als notwendigem Bestandteil der Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit. Es werden Klassifikationen der verschiedenen Länder und Rechtssysteme vorgestellt und kritisch analysiert, unter anderem Englands, Amerikas, Frankreichs und Deutschlands. Im Hinblick auf Russland werden positive und negative Auswirkungen der Einführung des Begriffes Vergehen in das Strafrecht untersucht.

Schlüsselwörter: Klassifizierung, Verbrechen, strafrechtliche Verantwortung.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Krylova, N. E. Hauptmerkmale des neuen Strafgesetzbuches in Frankreich [Osnovnyie chertyi novogo ugovnogo kodeksa Frantsii] / N. E. Krylova. – M., 1996.

2. Krylova, N. E. Strafrecht im modernen Ausland [Ugovnoe pravo sovremennyih zarubezhnyih stran] / N. E. Krylova, A. V. Serebrennikova. – M., 1997.

Kovaltschuk A.V. Elektrische Energie als „Subjekt“ des Diebstahls oder Sachbeschädigung? Die Analyse der rechtlichen und wissenschaftlichen Konzepten

Annotation: es wird eine Analyse der Strafgesetze der verschiedenen Länder zur Vermeidung der Zahlung für die verbrauchte Elektrizität angegeben. Wie wichtig dieser Aspekt des Problems ist, wird durch die Tatsache bestätigt, dass diese Haftung für Japan, Frankreich, die Ukraine, Moldawien und einige anderen Ländern vorgesehen ist. Es wird festgestellt, dass, im Hinblick auf das russische und weißrussische Strafrecht, die Eingriffe auf elektrische Energie nicht als Diebstahl, sondern als eine Art von Sachschäden beim Fehlen von Anzeichen des Diebstahls betrachtet werden müssen.

Schlüsselwörter: elektrische Energie, strafrechtliche Verantwortung, Diebstahl.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Boiko, A. I. Strafrechtliche Qualifizierung der illegalen Nutzung von Strom [Ugovno-pravovaya kvalifikatsiya nezakonnoego polzovaniya elektroenergii] / A. I. Boiko // Fragen der Kriminalitätsbekämpfung [Voprosy borby s prestupnostyu]. Vypusk 42. – M., 1985.

2. Boitsov, A. I. Verbrechen gegen das Eigentum [Prestupleniya protiv sobstvennosti] / A. I. Boitsov. – Sankt-Peterburg, 2002.

3. Vishnjakova, N. V. Objekt und Subjekt der Verbrechen gegen das Eigentum [Ob'ekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti]: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 / N. V. Vishnjakova. – Omsk, 2003.

4. Gelfer, M. Von der Qualifizierung der illegalen Nutzung von Strom und anderer Energie [O kvalifikatsii nezakonnoego polzovaniya elektricheskoy i drugoy energii] / M. Gelfer // Sotsialisticheskaya zakonost. 1983. № 8.

5. Zhalinsky, A. E. Modernes deutsches Strafrecht [Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo] / A. E. Zhalinsky. – M., 2006.

6. Navrotsky, V. Strafrechtliche Haftung für unberechtigte Nutzung von Strom und anderen Energiequellen [Ugovnaya otvetstvennost za nezakonnoe polzovanie elektricheskoy i drugimi vidami energii] / V. Navrotsky // Sotsialisticheskaya zakonost. 1984. № 2.

7. Wissenschaftlich praktisches Kommentar des Strafgesetzbuches der Ukraine / za red. M. I. Melnik, M. I. Khavronjuk. 9. Aufl., überarbeitet. Kiew, 2012.

8. Tishkevich, I. S. Qualifizierung des Eigentumsdiebstahls [Kvalifikatsiya hischeniy imuschestva] / I. S. Tishkevich. – Minsk, 1996.

9. Strafgesetzbuch (StGB) der Bundesrepublik Deutschland: Text und wissenschaftlich praktisches Kommentar / hrsg. von A. I. Rarog. – M., 2010.

10. Ustinov, V. S. Russisches Strafrecht für die Haftung von Verbrechen gegen das Eigentum (Geschichte und Konzept) [Rossijskoe ugovnoe zakonodatelstvo ob otvetstvenosti za prestupleniya protiv sobstvennosti (istoriya i kontseptsiya)] / V. S. Ustinov. – N. Novgorod, 1998.

11. Khabarov, A. V. Verstöße gegen das Eigentum: Auswirkungen der Zivilregelung [Posyagatelstva protiv sobstvennosti: vliyaniye grazhdanskopravovogo regulirovaniya]: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 / A. V. Khabarov. – Tjumen, 1999.

12. Khalikov, I. H. Verursachte Sachschäden durch Betrug oder Untreue der unerlaubten Nutzung von Strom: Straf- und Kriminologieaspekte [Prichineniye imuschestvennogo uscherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem pri nezakonnom ispolzovanii elektroenergii: ugovno-pravovyye i kriminologicheskie aspekty]: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 / I. H. Khalikov. – Kazan, 2005.

13. Hilyuta, V. „Diebstahl“ von Energie (oder zum Thema der Modernisierung der Strafvorschriften) / V. Hilyuta // Rossijskaja yustitsiya. 2008. № 8.

Mazkevitsch I.M. Zehn Ursachen der Kriminalität

Annotation: es werden grundlegende Auffassungen für die Ursachen der Kriminalität angegeben. Es wird eine vergleichende Analyse gegeben, wie die Ursachen der Kriminalität in den USA und Russland zu bestimmen sind. Es wird die Meinung des Autors auf die zeitgenössische Ursachen der Kriminalität angeführt, die von der Ära der Globalisierung erzeugt sind.

Schlüsselwörter: Ursachen der Kriminalität, Globalistik, nationale Feindschaft.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Orlov V.N. Struktur der Abbüßung des Strafvollzuges: Konzept und Elemente

Annotation: Die Fragen, die mit der Abbüßung des Strafvollzuges zusammenhängen, sind wirksamer mit Hilfe der Strukturanalyse des Strafvollzuges zu erkunden. Es ist zu beachten, dass die Theorie der Straftat nicht nur in den Werken der Mitglieder der russischen Jura-Schule, sondern auch in den Werken der modernen Juristen untersucht wurde. Die Struktur der Abbüßung des Strafvollzuges bilden vier Gruppen von Funktionen oder Elementen: 1) Objekt, 2) objektive Seite, 3) Subjekt, 4) subjektive Seite. Die Struktur der Abbüßung des Strafvollzuges und seine Elemente benötigen nicht nur eine zusätzliche gesetzliche Regelung, sondern auch eine weitere eingehende Forschung.

Schlüsselwörter: Struktur der Bestrafung, Kriminalstrafe, Elemente der Struktur der Strafvollzugsabbüßung, Strafverbüßung, Objekt der Strafverbüßung, Subjekt der Strafverbüßung, objektive Seite der Strafverbüßung, subjektive Seite der Strafverbüßung

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Esipov V.V. Grundriß des russischen Strafrechts. Gesamtteil. Verbrechen und Verbrecher. Bestrafung und Bestrafte. [Ocherk russkogo ugovnogo prava. Chast obshchaya. Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazaniye] / V.V. Esipov. — Varshava: tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1894.

Ponyatovskaya T.G. Objekte der Verbrechen gegen das Eigentum und die Qualität des strafrechtlichen Schutzes

Annotation: es werden Probleme der Qualität des strafrechtlichen Schutzes behandelt. Es wird behauptet, dass die Rechte des geistigen Eigentums als Gegenstand des strafrechtlichen Schutzes mit allen damit verbundenen praktischen Konsequenzen betrachtet werden müssen. Es ist allerdings unklar, wie genau das russische Strafrecht beschützt wird: durch das Recht auf Eigentum, seine Elemente, Eigentumsgegenstände, individuelle Interessen des Subjekteigentums, ihr gesetzliches Gut oder Rechtsgut oder Eigentum als abstraktes Rechtsphänomen.

Schlüsselwörter: Qualität, Geistesgut, Schutz.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

Bochkarev, S. A. Strafrechtlicher Schutz des Eigentums: theoretische und instrumentelle Analyse [Ugolovno-pravovaya ohrana sobstvennosti: teoretiko-instrumentalnyy analiz]: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 / S. A. Bochkarev. — M., 2010.

Rarog A.I. Verantwortung für Bestechung nach den Gesetzen von Russland und Deutschland

Annotation: in der Vergleichsquelle werden die wichtigsten Straftaten, die für die Haftung aufgrund der Bestechung laut dem Strafrecht Deutschlands und Russlands vorgesehen sind, analysiert. Es wird eine Schlussfolgerung gezogen, dass die deutsche Regelung aus der Sicht der Rechtstechnik entsprechende gesetzliche Vorschriften erfolgreicher formuliert. Es wird den russischen Juristen vorgeschlagen, die Erfahrungen der deutschen Kollegen zu übernehmen. Insbesondere wäre es nützlich, die Abmessungen der Strafe für Vermittlerschaft der Bestechung zu koordinieren.

Schlüsselwörter: Beamter, Bestechung, Verantwortung.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Stepanova, I. B. Strafrechtlicher Schutz gegen Korruption: Die Ergebnisse der Reform [Ugolovno-pravovoe protivodeystvie korruptsii: itogi reformirovaniya] / I. B. Stepanova // Strafrecht: Entwicklungsstrategie im XXI. Jahrhundert [Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke]. — M., 2012.

2. Krey/Hellmann/Heinrich. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 15. Voellig neubearbeitete Auflage. Kohlhammer. 2012.

Tupancheski N. Die Wissenschaft des Strafrechts und ihre Beziehung mit einer Reihe von anderen (neuen) Wissenschaft über Kriminalität

Annotation: es handelt sich um theoretische Probleme der Wissenschaft des Strafrechts als positive Wissenschaft des Strafrechts. Es wird behauptet, dass die Strafrechtswissenschaft anthropozentrisch ist, und im Fokus deren ein Mensch steht. Darüber hinaus unterliegen der Studie folgende Disziplinen, die nicht direkt mit dem Thema Strafrecht im klassischen Sinne verwandt sind: Kriminalpolitik, Wirtschaftsstrafrecht, Medizinstrafrecht und Strafrecht im Bereich der Informatik. Man kommt zur Schlussfolgerung, dass die Strafrechtswissenschaft vor ersten Herausforderungen der modernen Zeit steht.

Schlüsselwörter: Wissenschaft, Strafrecht, Mensch.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel.

TRIBÜNE DER MOSKAUER AKADEMIE FÜR WIRTSCHAFT UND RECHT

Zaitsev O. A., Orlov V. N. Internationaler Rundtisch zum Thema: Zwangsmaßnahmen im Strafrecht und Strafverfahren in Russland und Deutschland“ (Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht (Moskau), 20. November 2013)

Annotation: am 20. November 2013 an der Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht fand ein internationaler Rundtisch zum Thema „Zwangsmaßnahmen im Strafrecht und Strafverfahren in Russland und Deutschland“. Der Moderator des Rundtisches war *Oleg Zaitsev*, Prorektor für Wissenschaftsarbeit der Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der höheren Berufsbildung der Russischen Föderation. Die grundsätzlichen Vorträge präsentierten: Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Deutschland), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor W. Hellmann, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts für Strafrecht und Wirtschaftsstrafrecht der

Universität Potsdam (Deutschland), Doktor des Rechtes P.V. Golovenkov, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht disziplinen Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Jurist der Russischen Föderation A.P. Gulyaev.

Stichwort: Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht, Zwangsmaßnahmen, Strafrecht, Strafverfahren, Russland, Deutschland Art der Veröffentlichung: note

Schlüsselwörter: Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht, Zwangsmaßnahmen, Strafrecht, Strafprozess, Russland, Deutschland

Publikationstyp: Notiz

Gulyaev A.P.: Zwangsmaßnahmen im modernen Strafprozess Russlands

Annotation: es ist notwendig, eine weitere Reform der Rechtsstellung der Ermittlungsbehörden des Landes in der folgenden Richtung durchzuführen: 1) die Vereinigung aller Ermittlungsbehörden des Landes in einen einzigen Untersuchungsausschuss; 2) die Aufnahme dessen ins System der Justizgewalt (Änderungen der entsprechenden Ergänzung in der Verfassung der Russischen Föderation); 3) die gesetzgebende Gewährleistung der Wählbarkeit der Leiter des Untersuchungsorgans durch Gerichtsgemeinschaften auf verschiedenen Ebenen.

Schlüsselwörter: Zwangsmaßnahme, Strafverfahren, Untersuchungsausschuss, Justiz – System

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Smirnov P.A. Festnahme und erstes Verhör des verhafteten Verdächtigen in der Strafgesetzgebung Russlands und Deutschlands

Annotation: Der Unterschied in der Art des ersten Verhörs der verhafteten Person im Strafprozess Russlands und Deutschlands manifestiert sich in erster Linie in zwei Aspekten. *Erstens* ist das das Subjekt des Verhörs. Im Gegensatz zu Russland, wo diese Aktion vom Untersuchungsführer (Ermittler) durchgeführt wird, wird diese in Deutschland vom Vertreter eines unabhängigen (judikativen) Zweiges der Gewalt, frei von amtlichen Interessen durchgeführt. Sicherlich kann es den Wert (das Niveau) des Verhörs auf der behandelnden Phase der Strafprozessaktivität nicht erhöhen. *Zweitens*, wie man sehen kann, kann die Zeit bis zum ersten Verhör laut Strafprozessordnung der BRD praktisch zwei Mal höher sein, als die festgestellte Strafprozessordnung der Russischen Föderation, die 24 Stunden beträgt. Hier sollte man eine solche Möglichkeit mehr als Segen betrachten, weil die russische Haftdauer in der Praxis es nicht ermöglicht, sich auf das Verhör vonseiten des Verhafteten als auch des Untersuchungsführers richtig vorzubereiten. Es handelt sich hier um die Notwendigkeit der Lösung vieler Organisationsfragen, die wichtige verfahrensrechtliche Folgen haben — die Teilnahme des Verteidigers im Strafverfahren (was zur Pflicht des Ermittlungsführers gehört), die Abstimmung mit ihm (dem Verteidiger) über der Verfahrensweise während des Verhörs usw.

Es werden einige sehr vielversprechende Richtungen zur Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung der beiden Mächte sichtbar.

Schlüsselwörter: Verhaftung, Verhör, der Verdächtige, Strafverfahren, Strafprozessordnung der Russischen Föderation, Strafprozessordnung in Deutschland

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Veretennikov I.A. Verhaftung des Verdächtigen als eine komplexe Rechtsinstitut [Zaderzhanie podozrevaemogo kak kompleksnyy pravovoy institut]: avtoref. dis. ... kandidat. jurid. nauk / I.A. Veretennikov. — Moskau, 2001.

2. Golovenko P. Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland. Wissenschaftliches und praktisches Kommentar und Übersetzung des Gesetztextes [Ugolovno-protsessualnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya. Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona] / P. Golovenko, N. Spitzka. — Verlag Universitätsverlag Potsdam, 2012.

3. Golovko L.V. Theoretische Grundlagen zur Modernisierung der Lehre von der materiellen Wahrheit im Strafverfahren [Teoreticheskie osnovy modernizatsii ucheniya o materialnoy istine v ugovnom protsesse] / L.V. Golovko / Bibliotheka kriminalista. Nauchnyy zhurnal, 2012, № 4 (5).

4. Zaitsev O.A. Zur Frage der Beglaubigung im Strafverfahren [K voprosu o svidetelstvovanii v ugovnom sudoproizvodstve] / O.A. Zaitsev, U.F. Dzhagaev / Obschestvo i pravo. 2013. № 2 (44).

5. Orlov, Yu.K. Gründung der Wahrheit als Beweisziel im Strafverfahren [Ustanovlenie istiny kak tsel dokayivaniya v ugovnom protsesse] / Yu.K. Orlov / Bibliotheka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2012. № 4 (5).

6. Roxin C. Strafverfahrensrecht / C. Roxin. — München, 1995.

Zaitsev A.O. Europäischer Gerichtshof für Menschenrechte über die Haftgründe

Annotation: Ein besonderes Interesse besteht in der Praxis des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte in Bezug auf die Auslegung der oben genannten Gründe für eine vorbeugende Maßnahme in Form der Verhaftung. In das moderne Strafprozessrecht dringen derzeit so genannte Regeln des „milden Rechts“, die verschiedene Bestimmungen internationaler Abkommen, Erklärungen, Standards, enthalten, die nicht normungsrechtlich sind, werden aber aktiv im Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte eingesetzt und sind für den russischen Vollstrecker notwendig.

Schlüsselwörter: Europäischer Gerichtshof für Menschenrechte, Sicherheitsmaßregel, Verhaftung

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Voskobitova L.A. Qualität des Strafprozessrechtes. Stenogramm des Rundtisches „Qualität der Strafprozessordnung“ [Kachestvo ugolovno-protsessualnogo zakona] (5. Juni 2013, Akademie des Innenministeriums, Halle des Wissenschaftlichen Rates) / L.A. Voskobitova / Kriminalisten- und Kriminologenverband. 2013. № 1.

2. De Silva M. Anwendungsfälle des Europäischen Gerichtshofes für Menschenrechte. Richtlinien der Rechtspraxis im Zusammenhang mit der Europäischen Menschenrechtskonvention und Grundfreiheiten [Pretzidenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. rukovodyashchie printsiy sudebnoi praktiki, otnosyashchiesya k evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod]. Sudebnaya praktika s 1960 po 2002 / M. de Silva. — St. Petersburg. Verlag „Yuridicheskiy tsentr“, 2004.

KRIMINOLOGIE

Daschkow G.V. Moderne Bedürfnisse in der Durchführung der gemeinsamen Kriminologie-, Strafrecht- und Strafprozessrechtforschungen und Ausarbeitungen

Annotation: in der letzten Zeit, insbesondere während der Rezession der sozialen Bedeutung der Rechtswissenschaft, wurde die Notwendigkeit in der Durchführung der gemeinsamen Rechtsforschung und Ausarbeitung spürbar. Eigene Fähigkeiten in jedem Zweig der Rechtsdisziplin, wie die Praxis zeigt, können nicht ordnungsgemäß die Aufgaben lösen, die jetzt vor der Rechtswissenschaft zu lösen sind. Dies gilt insbesondere für Kriminologie, Strafrecht und Strafverfahren.

Schlüsselwörter: Kriminologie, Strafrecht, Strafprozessrecht, Forschungen, Ausarbeitungen

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Lopashenko N.A. Überlegungen zum Thema Registrierung der Kriminalität in Russland

Annotation: das Sinken der Strafregistrierung darf keine anderen außer den künstlichen Gründen haben.

Schlüsselwörter: Strafregistrierung der Kriminalität, künstliche Gründe, Verringerung der Kriminalität, Kriminalität

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

STRAFPROZESS

Larichev V. D. Problematische Fragen der Verweigerung in der Einleitung eines Strafverfahrens

Annotation: bei der Einleitung eines Strafverfahrens kommen Rechtsverletzungen sehr häufig vor. Sie werden sowohl in der Phase der Entgegennahme der Berichte über Verbrechen (Verheimlichung eines Verbrechens; Verweigerung in der Antragannahme unter verschiedenen Vorwänden), als auch bei der Vorprüfung von Berichten über Verbrechen und Entscheidungsprozess (ungerechtfertigte Verweigerung in der Einleitung eines Strafverfahrens, Qualifizierung von Straftaten als Ordnungswidrigkeiten; vorzeitige Annahme einer prozessualen Entscheidung, usw.) begangen. Diese Tatsachen führen nicht nur zu einer Verzerrung des wahren Zustandes eines Verbrechens, seiner Struktur und Dynamik, sondern auch zu Schäden der verfassungsmäßigen Rechte und Freiheiten der Opferinteressen, und erlauben nicht, dass Bürger und Organisationen die Bestrafung der Schuldigen erreichen und ihre verletzen Rechte wiederherstellen.

Schlüsselwörter: Verweigerung in der Einleitung eines Strafverfahrens, Antragannahme über das Verbrechen, Vorprüfung der Mitteilungen, Einleitung eines Strafverfahrens, Verstoß gegen Gesetzesforderung

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Aleksandrov, A. S. Notwendigkeit und Wesen der grundlegenden Reform der vorgeordneten Untersuchung [Neobhodimost i suschnost korennoy reformy dosudebnogo proizvodstva] / A. S. Aleksandrov, I. V. Kruglov // Strafverfahren. Theorie. Methodologie. Praxis: eine Sammlung von wissenschaftlichen Artikeln [Ugolovno-protsessualnaya deyatel'nost. Teoriya. Metodologiya. Praktika: sbornik nauchnykh statey] / pod red. A. F. Lubina. — N. Novgorod, 2001.

2. Belosero, Yu. N. Probleme der Gewährleistung der Rechtmäßigkeit und Gültigkeit der Strafsache [Problemy obespecheniya zakonnosti i obosnovannosti vzbuzhdeniya ugolovno delo] / Yu. N. Belosero, A. A. Chuvilev. — M., 1973.

3. Volodina, S. M. Probleme der Reglamentierung eines Strafverfahrens [Problemy reglamentatsii vzbuzhdeniya ugolovno delo] / S. M. Volodina // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2013. № 4(9).

4. Grigorjeva, N. Ausschließung aus der Verhandlung wegen der unzulässigen Beweismittel [Isklyuchenie iz razbiratelstva dela nedopustimyh dokazatelstv] / N. Grigorjeva // Rossiyskaya yustitsiya. 1995. № 11.

5. Divaev, A. B. Festlegung von Gründen für ein Strafverfahren von Diebstählen [Ustanovlenie osnovaniya dlya vzbuzhdeniya ugolovno delo o hischeniyah]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. B. Divaev. — Tomsk, 2005.

6. Zhogin, N. V. Einleitung eines Strafverfahrens [Vozbuzhdenie ugolovno delo] / N. V. Zhogin, F.N. Fatkullin. — M., 1961.

7. Karpenko, V. M. Beweiswürdigung durch den Prüfer und den Ermittler in Vorverfahren der Strafsachen [Otsenka dokazatelstv sledovatelem i doznatelem v dosudebnom proizvodstve po ugolovnyim delam]: monografiya / V. M. Karpenko. — M. Allrussisches wissenschaftliches Forschungsinstitut des Ministeriums für Inneres der Russischen Föderation, 2009.

8. Kowtun, N. N. Sicherstellung von Unvermeidlichkeit der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für das Verbrechen in der Einleitung eines Strafverfahrens [Obespechenie neotvratimosti ugolovnoy otvetstvennosti za prestuplenie v stadii vzbuzhdeniya ugolovno delo]: dis.... kand. jurid. nauk / N. N. Kowtun. — M., 1992.

9. Korzh, V. P. Probleme der Untersuchung von Verbrechen unter der neuen Strafprozessordnung der Ukraine [Problemy rassledovaniya prestupleniy v usloviyah novogo Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Ukrainy] / V. P. Korzh // Aktuelle Probleme der Verbrechenaufklärung: Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz (Moskau, 23. Mai 2013) [Aktualnye problemy rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauch.-praktich. konferentsii (Moskva, 23 maya 2013 g.)]. In 2 Teilen. Teil 2. — M. : Izd-vo OOO «Buki Vedi», 2013.

10. Lupinskaya, P. A. Anhaltspunkte und Verfahren für die Entscheidung über die Unzulässigkeit von Beweisen [Osnovaniya i poryadok primeniya resheniya o nedopustimosti dokazatelstv] / P. A. Lupinskaya // Rossiyskaya yustitsiya. 1994. № 11.

11. Popov, A. P. Direkte Erfassung der Anzeichen von Verbrechen als Vorwand zur Einleitung eines Strafverfahrens [Neposredstvennoe obnaruzhenie priznakov prestupleniya kak povod k vzbuzhdeniyu ugolovno delo]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. P. Popov. — N. Novgorod, 1999.

12. Probleme der Verletzungen von Strafprozessordnung in der Einleitung und Beendigung von Strafverfahren, Behebungsmittel: Monographie [Problemy narusheniy ugolovno-protsessualnykh norm pri vzbuzhdenii i prekraschenii ugolovnykh del, sposoby ih ustraneniya : Monografiya] / G.P. Khimicheva, O. V. Michurina, O. V. Khimicheva, V. S. Michurin. — M. : Moskauer Universität der Innenministeriums der Russischen Föderation, 2004.

13. Chastnov, K. S. Strafverfahren und kriminalistische Aspekte der Untersuchungsverfahren in Strafsachen, die mit dem Missbrauch von Haushaltsmitteln und Landesmitteln zusammenhängen [Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie aspekty dosudebnogo proizvodstva po ugolovnyim delam o prestupleniyah, svyazannykh s netslevyimi rashodovaniem byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vneyudzhethnykh fondov]: dis. ... kand. jurid. nauk / K. S. Chastnov. — N. Novgorod, 2010.

14. Jurchishin, V. N. Neue Strafprozessordnung ermächtigt den Staatsanwalt, einen Führer der vorgeordneten Verfahren zu sein [Novyy UPK Ukrainy upolnomochil prokurora byit protsessualnyim rukovoditelem dosudebnogo rassledovaniya] / V. N. Jurchishin // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2013. № 3(8).

Muratova N.G. Internationale Verträge und ihre Bedeutung im Mechanismus des Rechteschutzes einer Person im Strafverfahren

Annotation: die internationale Zusammenarbeit im Bereich der Strafjustiz bietet einen mehrschichtigen Ansatz zur Bildung von Verfahrenswegen dieser Zusammenarbeit. Moderne rechtsvergleichende Studien des ausländischen strafrechtlichen Verfahrens kann man derzeit auf folgende Themen aufteilen: Untersuchung von Tendenzen in der Entwicklung des internationalen Verfahrensrechtes und Vergleich der Verfahrenswege; Forschung vom Modell-Ansatz, Forschung vom Modell-Ansatz im Bereich der internationalen Zusammenarbeit in Strafsachen in der Rechtshilfe der Hauptfälle, Vergleich der Merkmale der Verfahrenswege, Anwendung von Zwangsmaßnahmen und Ermittlungstätigkeit, Forschungstendenzen in den Beziehungen der regionalen Strafverfolgungsbehörden und Interpol,

Gesetzmäßigkeiten in der Zusammenarbeit mit der Europäischen Union für Strafverfahren. Kontinuierliches Modell der Verfahrensmechanismen der internationalen Vereinbarungsregeln des Autors besteht in folgendem: man muss eine einzige gerichtliche Instanz der GUS-Staaten bilden, man muss einen internationalen Strafgerichtshof für GUS-Länder bilden, man muss einen föderalen internationalen Rechtsdienst der Russischen Föderation und ihre Vertikale in den Subjekten der Föderation bilden, man muss eine neue Position — Berater für internationale Angelegenheiten in den Gerichten und Strafverfolgungsbehörden begründen und einführen, man muss ein europäisches Modell der gerichtlichen Nachprüfung realisieren und den Posten des Ermittlungsrichters (Untersuchungsrichters) einführen.

Schlüsselwörter: Internationale Verträge, Strafprozess, Vertretung der Rechte einer Person.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Alekseeva, L. B. Das Recht auf ein faires Verfahren: Realisierung in der Strafprozessordnung der Russischen Föderation von allgemein anerkannten Prinzipien und Normen des Völkerrechtes [Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratelstvo: realizatsiya v UPK RF obshepriznannyyh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava]: dis. ... d-ra jurid. nauk / L. B. Alekseeva. — Moskva, 2003.

2. Bastrykin, A. I. Straftaten im Zusammenhang mit Ausländern: Fragen zur Taktik, Organisation und Methoden der Untersuchung [Ugolovnye dela s uchastiem inostrantsev: voprosy taktiki, organizatsii i metodiki rassledovaniya]. — Sankt-Petersburg: Nord-westliche Filiale der Russischen Rechtsakademie, 2003.

3. Biryukov, P. B. Internationales strafprozessuales Recht und das Rechtssystem der Russischen Föderation: theoretische Probleme [Mezhdunarodnoe ugovolno-protseualnoe pravo i pravovaya sistema Rossiyskoy Federatsii: theoreticheskie problemy]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / P. B. Biryukov. — Kazan, 2001.

4. Biryukov, P. M. Internationale Zusammenarbeit bei der Bekämpfung der Kriminalität und des Rechtssystems der Russischen Föderation [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s prestupnostyu i pravovaya sistema RF] / P. M. Biryukov. — Voronezh, 1997.

5. Volevodz, A. G. Internationale Organisation der Kriminalpolizei und die Tendenzen der Gestaltung der regionalen Strafverfolgungsbehörden [Mezhdunarodnaya organizatsiya ugovolnoy politzii-Interpol i tendentsii formirovaniya regionalnykh pravoohranitelnykh organizatsiy] / A. G. Volevodz // Biblioteka kriminalista, 2011, № 1.

6. Volevodz, A. G. Internationale Ermittlung, Festnahme, Beschlagnahme und Übergabe vom Geld und Eigentum für die auswärtigen Staaten, die auf verbrecherische Weise erhalten wurden sowie Beweismittel in Strafverfahren [konfiskatsiya i peredacha inostrannym gosudarstvom denezhnykh sredstv i imushchestva, poluchennykh prestupnyim putem, a takzhe veschestvennykh dokazatelstv po ugovolnym delam] / A. G. Volevodz, A. B. Soloviev. — M.: iz-vo «Yurilitinform», 2007.

7. Volzhenkina, V. M. Normen des Völkerrechtes im Russischen Strafprozess [Normy mezhdunarodnogo prava v rossiyskom ugovolnom protseste] / V. M. Volzhenkina. — Sankt-Petersburg: Iz-vo «Yuridicheskiy tsentr Press», Sankt-Petersburger Juristisches Institut der Generalstaatsanwaltschaft der Russischen Föderation, 2001.

8. Gusakov, A. N. Kriminalistik in den USA: Theorie und Praxis ihrer Anwendung / A. N. Gusakov. — Ekaterinburg: iz-vo Ural. unta, 1993.

9. Gutsenko, K. F. Strafprozess in den westlichen Staaten [Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv] / K. F. Gutsenko, L. V. Golovko, B. A. Filimonov. — 2-e izd., dop. i isprav. — M.: Iz-vo «Zertsalo», 2002.

10. Damirchiev, E. I. Zusammenarbeit zwischen der Europäischen Union im Bereich der Strafjustiz [Sotrudnichestvo Evropeyskogo Soyuza v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva] / E. I. Damirchiev // Biblioteka kriminalista, 2011, № 1.

11. Verträge (Konventionen) des Europarates mit der Beteiligung der Russischen Föderation. Kommentar Prof. G.V. Ignatenko // Europarat und Russland. Sonderausgabe. Informationsblatt [Dogovoryi (konventsii) Soveta Evropyi s uchastiem Rossiyskoy Federatsii. Kommentariy prof. G. V. Ignatenko // Sovet Evropyi i Rossiya. Spetsvyipusk. Informatsionnyy byulleten]. — Ekaterinburg: UrGUA, 2002.

12. Zimin, O. V. Ausländerfährdung der Sztebildung gegen die Bekämpfung der Geldwäsche [Zarubezhnyy opyt formirovaniya sistemy protivodeystviya legalizatsii prestupnykh dohodov] / O. V. Zimin, B. S. Bolotskiy. — M.: Allrussisches wissenschaftliches Forschungsinstitut des Ministeriums für Inneres der Russischen Föderation, 2008.

13. Kostenko, N. I. Theoretische Probleme der Entstehung und Entwicklung der internationalen Strafgerichtsbarkeit [Teoreticheskie problemy stanovleniya i razvitiya mezhdunarodnogo ugovolnoy yustitsii]: dis. ... d-ra jurid. nauk / N. I. Kostenko. — Moskva, 2002.

14. Christofera, Osakve. Rechtsvergleichung in den Modellen: allgemeiner und besonderer Teil [Svravnitelnoe pravovedenie v shemah:

obschaya i sobennaya chasty]: ucheb.-prakt. pos. / Osakve Christofera. — M.: Delo, 2000.

15. Lazutin, L. A. Rechtshilfe in Strafsachen als sektorübergreifendes Regulierungssektor: Monographie [Pravovaya pomoshch po ugovolnym delam kak mezhotraslevoy normativnyy kompleks: monografiya] / L. A. Lazutin. — Ekaterinburg: izd. dom «Uraler Staatliche Juristische Akademie», 2008.

16. Internationaler und nationaler Schutz der Menschenrechte [Mezhdunarodnaya i vnurigosudarstvennaya zaschita prav cheloveka]: Uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. R. M. Valeeva, R. G. Vagizova. — Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2007.

17. Völkerrecht: ein Lehrbuch für Hochschulen [Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya vuzov] / pod red. G. V. Ignatenko, O. I. Tiunova. — M., 1995.

18. Muratova, N. G. Schutz der Rechte der russischen Bürger durch den Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte (Strafjustiz) [Zaschita prav grazhdan Rossii Evropeyskim Sudom po pravam cheloveka (ugolovnoe sudoproizvodstvo)] / N. G. Muratova // Aktuelle Probleme des Schutzes der Rechte der Bürger: Thesen der Allrussischen Konferenz am 10./11. Dezember 2003 [Aktualnyye problemy zaschity prav grazhdan i yuridicheskikh i tezisy dokladov na Vserossiyskoy konferentsii 10–11 dekabrya 2003]. — Ulanovsk: UIGU, 2004.

19. Muratova, N. G. Internationale gerichtliche Kontrolle in der Strafjustiz: Probleme der rechtlichen Regulierung und Verbesserung der Praxis [Mezhdunarodnyy sudebnyy kontrol v ugovolnoy yustitsii: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i sovershenstvovaniya praktiki] / N. G. Muratova // Justiz in Tatarstan. 2006. № 3(28).

20. Muratova, N. G. Internationale gerichtliche Kontrolle in der BRD und Probleme der strafrechtlichen Verantwortlichkeit [Mezhdunarodnyy ugovolnyy kodeks FRG i voprosy ugovolnoy otvetstvennosti] / N. G. Muratova // Schriftenreihe der Kazaner Universität. T. 150. 2008.

21. Muratova, N. G. Mechanismus der Umsetzung des Europäischen Übereinkommens von der Übertragung der Strafverfolgung [Mehanizm realizatsii Evropeyskoy konventsii o peredache sudoproizvodstva po ugovolnym delam] / N. G. Muratova // Probleme des modernen Staates und die Entwicklung der Voruntersuchung (zum der 150. Jahrestag der Ermittlungseinheit in Russland) [Problemy sovremennogo sostoyaniya i puti razvitiya organov predvaritel'nogo sledstviya (k 150-letiyu obrazovaniya sledstvennogo apparata v Rossii): sb. mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 3-h ch. — M.: Akademie für Leitung des Inneministeriums der Russischen Föderation, 2010. Ch. 1.

22. Muratova, N. G. Rechtliche Bedeutung der Bildung eines gemeinsamen Rechtsraumes der GUS-Länder [Pravovoe znachenie sozdaniya edinogo sudebnogo prostranstva gosudarstvami-uchastnikami SNG] / N. G. Muratova, N. D. Muratova // Postsowjetische Staatlichkeit: Probleme der Integration und Desintegration: Materialien der VI. Internationalen wissenschaftlich-theoretischen Konferenz. — St. Petersburg. 2006. 15. April.

23. Muratova, N. G. Anwendung vom Verfassungsgerichtshof der Regel des Völkerrechtes über die Menschenrechte im Strafverfahren [Primenenie Konstitutsionnykh Sudom norm mezhdunarodnogo prava po soblyudeniyu prav cheloveka v ugovolnom sudoproizvodstve] / N. G. Muratova, L. D. Culjukin // Russisches Jahrbuch des internationalen Rechtes [Rossiyskiy Ezhegodnik mezhdunarodnogo prava]. St. Petersburg: ROSSIYA-NEVA, 2005.

24. Muratova, N. G. Probleme der Umsetzung des Römischen Statuts des Internationalen Strafgerichtshofs in Russland [Problemy implementatsii Rimskogo statuta Mezhdunarodnogo ugovolnogo suda v Rossii] / N. G. Muratova // Informationsblatt für Wirtschaft, Recht und Soziologie. 2007. № 3.

25. Muratova, N. G. Urteile des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte und ihre Bedeutung für die gerichtliche Überprüfung in Strafsachen der Russischen Föderation [Resheniya Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i ih znachenie dlya sudebnogo nadzora po ugovolnym delam Rossiyskoy Federatsii] / N. G. Muratova // Anwendung der internationalen Abkommen im Bereich der Menschenrechte im Rechtssystem der Russischen Föderation [Primenenie mezhdunarodnykh dogovorov v oblasti prav cheloveka v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii]. — Ekaterinburg: UrGUA, 2003.

26. Muratova, N. G. System der gerichtlichen Überprüfung im Strafverfahren: Theoriefragen, Gesetzgebung und Praxis [Sistema sudebnogo kontrolya v ugovolnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / N. G. Muratova. — Ekaterinburg, 2004.

27. Muratova, N. G. Untersuchungsrichter in der Justiz von Frankreich und Russland [Sledstvennyy sudya v sudebnoy sisteme Frantsii i Rossii] / N. G. Muratova // 1. Internationales Symposium: Sammlung von Artikel von den Wissenschaftlern der Universität Kasan (auf Russisch und Französisch). — Kazan, 2005.

28. Menschenrechte im internationalen und nationalen Recht [Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave]: uchebnik / pod. red. prof. R. M. Valeeva. — Kazan: Kazan Staatliche Uljanov-Lennin Universität, 2004.

29. Rabadanova, A. A. Internationale Strafjustiz: Bildung, aktueller Stand und Perspektiven der Entwicklung [Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: stanovlenie, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. A. Rabadanova. — Moskva, 2006.

30. Stojko, N. G. Strafprozess der westlichen Staaten und Russlands: eine rechtsvergleichende theoretische Forschung der anglo-amerikanischen und römisch-deutschen Rechtssysteme [Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitelnoe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i Romano-germanskaoy pravovykh sistem] / N. G. Stojko. — St.Petersburg: Izdatelskiy Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Iz-vo juridicheskogo fakulteta SPbGU, 2006.

31. Tabaldieva, V. Sh. Internationale Zusammenarbeit in Strafsachen [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva]: uchebnoe posobie / V. Sh. Tabaldieva. — M.: iz-vo Moskovskogo psihologo-sotsialnogo in-ta; Voronezh: iz-vo NPO «MODEK», 2004.

32. Sharifullin, R. A. Internationale Zusammenarbeit bei der Verbrechenverhütung und Strafrechtspflege [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugolovnogo pravosudiya]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / R. A. Sharifullin. — Kazan, 2006.

33. Shcherba, S. P. Wirkung der Migration auf den Stand der Kriminalität in den GUS-Staaten [Vliyaniye migratsionnykh protsessov na sostoyanie prestupnosti v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG] / S. P. Shcherba. — M., 2001.

34. Jurkov, A. P. Internationales Strafprozessrecht und Rechtssystem der Russischen Föderation [Mezhdunarodnoe ugolovno-protsessualnoe pravo i pravovaya sistema Rossiyskoy Federatsii]: dis. ... d-ra jurid. nauk / A. P. Jurkov. — Kazan, 2001.

Shcherba S. P. Probleme der Normativdefinition und des Inhalts der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers im Strafprozess Russlands

Annotation: leider gibt es in der Strafprozessgesetzgebung der Russischen Föderation, die die Verwendung von verschiedenen Maßnahmen von Zwang und Einschränkung der Rechte und Freiheiten des Menschen zulässt, noch keine gemeinsame grundlegende Norm, in der folgendes festgelegt werden muss: 1) Gründe, Bedingungen und Grenzen der Beschränkungen der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgerrechte im Strafverfahren; 2) eine Liste der Fälle, bei denen unter keinen Umständen erlaubt ist, die Rechte und Freiheiten im Rahmen von Strafverfahren zu beschränken; 3) ein Verbot auf eine weite Auslegung der Anhaltspunkte (Kriterien) für den Einsatz von irgendwelchen Einschränkungen der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers; 4) Verantwortung der Beamten und Richter für ungerechtfertigte Einschränkung der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers im Strafverfahren; 5) Verbot auf die Beschränkung von Rechten und Freiheiten der Verdächtigen oder Beschuldigten, die aufgrund der Aufdeckung eines Verbrechens beschuldigt sind oder sich der Sammlung von Beweisen in einem Strafverfahren unetziehen.

Schlüsselwörter: Rechte und Freiheiten, Strafprozess, Beschränkung von Rechten und Freiheiten.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Kondrat, I. N. Menschenrechte und Strafprozessordnung (vorgerechtes Verfahren): Monographie [Prava cheloveka i ugolovno-protsessualnyy zakon: monografiya] / I. N. Kondrat. — M.: Yurlitinform, 2012.

2. Poltoratskaya, N. S. Realisierung des verfassungsmäßigen Rechtes der Privatsphäre: Theorie und Praxis [Realizatsiya konstitutsionnogo prava neprikosnovennosti chastnoy zhizni: teoriya i praktika]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / N. S. Poltoratskaya. — St.Petersburg, 2004.

3. Strafrecht der Russischen Föderation: Lehrbuch [Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik] / otv. red. P. A. Lupinskaya. — M.: Yurist, 2003.

4. Shadrin, V. S. Gewährleistung individueller Rechte bei der Untersuchung von Verbrechen [Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestupleniy] / V. S. Shadrin. — M., 2000.

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHES BÜRO

Zakalyapina L.A. Tourismus und Terrorismus: kriminologischer Aspekt

Annotation: Die Forschung der kriminologischen Merkmale der Terrorismus-Kriminalität in den russischen und ausländischen Kurort-Städten auf der wissenschaftlichen Ebene wurde noch nie durchgeführt. Natürlich ist es wichtig sowohl für die Theorie, als auch für die Praxis, einschließlich der Strafverfolgungstätigkeit, weil die internationale Erfahrung und Forschung der Bewältigung der gefährlichsten Art

von Kriminalität — Terrorismus — sehr nützlich ist, vor allem, wenn man die Besorgnis der Regierung Russlands mit der Gründung der Bedingungen zur Verbesserung der Lebensqualität von Landsleuten berücksichtigt, unter anderem durch die Entwicklung der Infrastruktur, Tourismus und Erholung, sowie die Sicherstellung der Verfügbarkeit und Wettbewerbsfähigkeit von touristischen Dienstleistungen. Darüber hinaus besteht die Verpflichtung der Staaten darin, die Sicherheit der Erholung zu gewährleisten, die in den internationalen Rechtsakten vorgeschrieben ist.

Schlüsselwörter: Tourismus, Terrorismus, Kurort-Stadt, Prävention von Terrorismus

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

Bibliographie

1. Aras J. Terrorismus gestern, heute und für immer [Terrorizm vchera, segodnya i naveki] / J. Aras. — Baku: SADA, 2003.

2. Borovoy A.A. Organisation des Funktionierens der Stadt- und Regionalvollzugsbehörden für innere Angelegenheiten in Kurort-Städten [Organizatsiya funktsionirovaniya gorodskikh i raionnykh organov vnutrennikh del v gorodakh-kurortakh]: dis. ... kand. jurid. nauk / A. A. Borovoy. — M., 1985.

3. Brezhitskaya E. Die unruhigen Berge, oder ein einzigartiger Kurort in Kabardino-Balkarien bleiben für Touristen geschlossen [Trevozhnye gory, ili unikalnye kurorty Kabardino-Balkarii ostayutsya zakrytymi dlya turistov] / E. Brezhitskaya / Rossijskaja Gaseta. Regionalnyy vypusk. 2011. 8 sentyabrya. № 200 (5576).

4. Volkov V.R. Organisation und Verbesserung der Tätigkeit von Milizabschnittsinspektoren für den Schutz der öffentlichen Ordnung und Kriminalprävention in den Badeorten [Organizatsiya i sovershenstvovanie deyatelnosti uchastkovykh inspektorov militsii po ohrane obshchestvennogo poryadka i profilaktike pravonarusheny v kurortnykh gorodakh]: dis. ... kand. jurid. nauk / V.R. Volkov. — M., 1991.

5. Gaydukevich L. Die Entwicklung des internationalen Tourismus und die Sicherheit der Touristen [Razvitie vtzhdunarodnogo turizma i obespechenie bezopasnosti turistov] / Gaydukevich L. / Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnih otnosheniy. 2005. № 2.

6. Godfrey, Harris. Stimulieren des internationalen Tourismus im XXI. Jahrhundert [Stimulirovanie mezhdunarodnogo turizma v XXI veke] / Godfrey Harris, M. Katz. Kenneth. — Moskau: Finantsi i statistika, 2000.

7. Zorin A. Restaurants unter Feuer [Restorany pod ognem] / Zorin / Rossijskaja Gaseta. 2005. 3 oktyabrya. № 3889.

8. Kuprina Yu. In Sri Lanka, „Freiheitstiger des Tamil Eelams“ haben 49 Zivilisten getötet [Na Shri-Lanke «Tigry osvobodzheniye Tamil Ilama» ubili 49 mirnykh zhitel'ey] / Yu Kuprina / Komsomolskaya Pravda. 2009. 10 marta. № 34.

9. Maksimov S.V. Wörterbuch der kriminologischen Begriffe [Slovar kriminologicheskikh terminov] / Kriminologiya: uchebnik / S.V. Maksimov, V.E. Eminov; pod red. V.N. Kudryavtseva, V.E. Eminova. 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, INFRA —M., 2013.

10. Marchenko V. Kaschmir — Indisches Tscheschenien [Kashmir: Indijskaya Chechnya] / V. Marchenko / Zavtra. 2000. 8 fevralya. № 6 (323).

11. Melekhin O. Yu. Moderne Funktionen des Kampfes gegen die Kriminalität in den Ferienregionen (Straf- und kriminologische Aspekte) [Sovremennyye osobennosti borby s prestupnostyu v usloviyakh kurortnogo regiona (ugolovno-pravovyye i kriminologicheskie aspekty)]: dis. ... kand. jurid. nauk / O. Melekhin. — M., 1998.

12. Moserov V.I. Kriminalität in Badeorten und ihre Präventionsmaßnahmen (bezogen auf die Materialien des Ministeriums für innere Angelegenheiten) [Prestupnost v kurortnykh gorodakh i meryi ee preduprezhdeniya (po materialam organov vnutrennih del)]: dis. ... kand. jurid. nauk / V.I. Moser. — M., 1982.

13. Muhamatulin T. ETA hat Mallorca in die Luft gesprengt [ETA vzorvala Malorku] / T. Muhamatulin / Vzglyad. Delovaya gazeta. 2009. 9 avgusta.

14. Poltarygin R.V. Prävention von Jugendkriminalität und Jugend in der Ferienregion [Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnih i molodezhi v usloviyakh kurortnogo regiona]: dis. ... kand. jurid. nauk / R.V. Poltarygin. — Moskau, 2002.

15. Sycheva V. Gesprengtes Paradies, oder nach dem Terroranschlag in Bali könnte die gesamte Welttourismusbranche im Visier des internationalen Terrors sein [Vzorvannyiy ray, ili posle terakta na Bali vsya mirovaya industriya turizma mozhet okazatsya pod pritsemom mezhdunarodnogo terrora] / V. Sycheva / Itogi. 2002. 22 oktyabrya. № 42/332.

16. Fedyashin A. Ägypten. Die erschreckenden sich wiederholenden Terroranschläge [Egipet. Pugayuschaya povtoryaemost teraktov] / A. Fedyashin / Eho planety. 2006. № 18-19.

17. Hinstein A. Janitscharen des Mantels und Dolches [Yanyicharyi plascha i kinzhala] / A. Hinstein // Moskovskiy komsomolets. 2001. 18-19 aprelya. № 21678-21679.

18. Benjamin K. Kuto. The effect of tourism: Evaluating Kenya's Tourism Crisis / K. Kuto Benjamin, L. Groves James // Review of Tourism Research. Band 2. Issue 4. 2004. August.

19. Tarlow, Peter E. Terrorism und Tourism / Peter E. Tarlow // Review of Tourism Research. Volume 3. Issue 5. 2005. October.

Rybakova E. A. Kriminelle Besitznahme der Immobilien

Annotation: derzeit sind effektive antiraidere gesetzliche Neuerungen nötig: gesellschaftliche Gesetzgebung; Systementwicklung der gesellschaftlichen Gesetzgebung und Konfliktlösungsmechanismen; Bereitstellung von Maßnahmen zum Schutz von Eigentumsrechten, wirtschaftlichen und moralischen Rechten von Personen, die in einem Unternehmensrechtsstreit beteiligt sind; Erhöhung der Verantwortung von Großaktionären, Manager und Regierungsunternehmen zur Schaffung der notwendigen rechtlichen Bedingungen, die die Beschlagnahme von Unternehmen, Unternehmenskonflikten und Unternehmenserpressung (greenmail) verhindern. Vor allem ist es notwendig, die Anpassung der Gesetzgebung, die sich an Organisation und Ordnung der Aktivitäten durch Fusion, Konsolidierung, Akquisition, Trennung, Reorganisation oder andere Änderungen im Status des Unternehmen richtet, durchzuführen.

Schlüsselwörter: Kriminelle Besitznahme, Immobilien, Kaperei.

Publikationstyp: Wissenschaftlicher Artikel

SCHRIFTSTELLER-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Hellmann U. Hauptmann von Köpenick: eine deutsche Kriminalgeschichte

Annotation: im Gegensatz zu Russland oder den USA, wo die gefährlichsten Verbrecher in der öffentlichen Meinung manchmal einen Ruf als „Helden“ haben (z.B. die berühmten *Sonka die Goldene Hand* und *Mischka Japonchik*) oder „*Billy the Kid*“ und „*Bonnie and Clyde*“), gibt es dagegen in Deutschland keine solchen Beispiele „der Glorifizierung“ der Verbrecher. Dennoch sehr populär wurde ein gebürtiger Ostpreuße Friedrich Wilhelm Vogt, der 1849 in Tilsit geboren wurde. *Vogts* Verbrechen war nicht nur in Deutschland, sondern auch im Ausland bekannt. Friedrich Wilhelm Voigts Bild als „edlem Räuber“, erstellt von Karl Heinz Zuckmayer und von Heinz Rühmann in der Rolle des Hauptmann von Köpenick wiedergegeben, ist noch in Deutschland erhalten. In der deutschen Sprache wurde sogar ein neues Wort erfunden: *Köpenickiada*. 1996 vor dem Rathaus in Köpenick wurde ein Bronzedenkmal errichtet und eine Gedenktafel dem Hauptmann von Köpenick gewidmet. Die gleiche Gedenktafel ist auch in Wismar auf dem Haus, wo *Vogt* lebte und arbeitete, zu finden. In Berlin ist sogar eine Grundschule nach dem Namen des Hauptmanns von Köpenick benannt.

Schlüsselwörter: Friedrich Wilhelm Vogt, Hauptmann von Köpenick, Köpenickiada.

Publikationstyp: Aufriß

ANNOTATIONS, KEY WORDS, TYPES OF PUBLICATIONS AND CLAUSE-BY-CLAUSE BIBLIOGRAPHY¹

SOUTHERN REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA

Kalinichenko I.A. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation: Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" starts its history since the 11th of March, when in Krasnodar a school for professional development for the militia officers of MIA USSR was founded. In 1983, the educational institution was transformed into a special intermediate school of militia, in 1994 it was transformed into Juridical Institute, in 2003 — into Academy, in February 2006 — into University of MIA of Russia. For its history, the educational institution trained almost 40 thousand specialists for Russia, countries of the far-abroad and neighboring countries, such as Vietnam, Guinea, Cuba, Nicaragua. The staff of the University many times participated in the events, aimed at the securing of law and order and criminality counteraction in different regions: in the Trans-Caucasian Region, Central Asia, within the territory of the former Yugoslavia, in Western Timor. For personal bravery and courage, demonstrated at service, more than a hundred officers of the staff were awarded medals. For several years, the University stays among the number of the best educational institutions of the higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, University of MIA of Russia

Type of publication: note

Ilyashenko A.N. The Problems of Criminal Politics Discussed

Annotation: on the 27th of September of 2013, in Krasnodar University of MIA of Russia, the IV International Scientific Practical Conference "Contemporary Problems of Criminal Politics" was held. In the work of the Conference, the representatives of 26 educational and scientific institutions of Russia and abroad took part, as well as the officials of practitioner departments — Head Department of the MIA of Russia in Krasnodar Territory and Transport Managing Department of the MIA of Russia within the Southern Federal Region.

Key words: Krasnodar University of MIA of Russia, criminal politics, conference

Type of publication: note

Grigoriev V.N. Beginning of the Criminal Proceedings: System of Suppressions and Counterbalance

Annotation: the author concludes about the necessity of changes in the scientific aims: instead of studying the question about the admission of verification activity, investigatory actions and measures of procedural compulsion before the opening a criminal investigation, it is necessary to develop a system of suppressions and counterbalance, defining the adequate barrier of criminal investigation and factors of lability of the system.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation on the criminal case, opening a criminal investigation

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Volynsky V.V. Judicial Control for the Activity of the Organs of Preliminary Investigation at the Stage of an Opening of a Criminal Investigation: Candidate of Law Thesis. — Moscow, HSRI MIA of Russia, 2013.

2. Portnov Andrey. Don't Read, Don't Damn // Mirrow of the Week. — Ukraine. № 16.

3. Shulgina Anna. New Criminal Procedural Code: Dispelling a Myth // Judicial Juridical Newspaper. 22.07.2013

Kibalnik A.G. Release from Criminal Responsibility: New Perspectives

Annotation: the author analyses the following questions: 1) general statements on the release from criminal responsibility; 2) release from criminal responsibility because of active repentance; 3) release from criminal responsibility because of the reconciliation with the victim; 4) release from criminal penalty on cases on economical crimes; 5) release from criminal responsibility because of expiry of periods of limitations.

Key words: criminal responsibility, release, active repentance, reconciliation with the victim, cases on economical crimes, expiry of periods of limitations

Type of publication: scientific article

Bibliography

Criminal Law of Russia: Practical Course. 4th Edition / Edited by A.V. Naumov. — Moscow, 2010.

Kuznetsov A.P. Criminal Politics: Interdepartmental Collisions in the Criminal Law and Interdepartmental Collisions

Annotation: the author analyses collisions in criminal law and interdepartmental collisions.

Key words: criminal politics, criminal law, interdepartmental collisions

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Alekseev S.S. Problems of the Theory of Law: Course of Lections in 2 Volumes. Volume 2. — Sverdlovsk, 1972.

2. Vlasenko N.A. Collision of Norms in the Soviet Law. — Irkutsk, 1984.

3. Volgenkin B.V. Official Crimes: Comment to the Legislation and Judicial Practice. — Saint Petersburg: "Juridical Centre Press" Publishers, 2005.

4. Voronkov A.V. Notion of the Officials according to the Administrative Law // Jurisdiction 1999. № 1.

5. Kondrashina V.A. Responsibility for Illegal Usage of Trademark according to the Criminal Law of Russia. — Kazan, 2004.

6. Manokhin V.M. There is a Need of the Legislative Bases on Service // State and Law. 1997. № 9.

7. Neznamova Z.A. Collisions in the Criminal Law: Doctor of Law Thesis. — Yekaterinburg, 1995.

8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. — Moscow, 1981.

9. Tili A.A. Time, Space and Law. — Moscow, 1965.

10. Timchenko V.A. Criminal Legal Qualification of Theft and Unauthorized Use of the Budget Funds / V.A. Timchenko, A.V. Vershinin // Business in Law. EconomicalJuridicalBulletin. — Moscow, 2007. № 1.

11. Chanov S.E. Legal Status of an Official of the State Power and Local Government: Candidate of Law. — Saratov, 2000.

12. Cherdantsev A.F. Systemic Character of Norms of the Law: Selected Scientific Works. — Sverdlovsk: SJI, 1970. Edition 12.

Lesnikov G.Y. Criminal Politics as a Strategy and Tactics of Criminality Counteraction

Annotation: the author analyses the following questions: 1) theoretical questions of criminal politics, including the problems of its formation; 2) realization of criminal politics on the federal and regional levels; 3) maintenance of regional criminological researches is still vital for getting a more detailed picture of criminality in the Russian Federation.

Key words: criminal politics, strategy, tactics, criminality counteraction, realization of politics, criminological research

Type of publication: scientific article

Bibliography

¹ Annotations, key words, types of publications and clause-by-clause bibliography elaborated and compiled by I.M. Matskevich and V.N. Orlov.

Kristy N. Simple Words for Complicated Questions / Edited by Y. Gilinsky; Translated from Norwegian by E. Rachinskaya; Literature edition by L. Alpern; Foreword by Y. Gilinsky. — Saint Petersburg, 2011.

Mindagulov A. Kh. Has the Trial Jury any Alternative?

Annotation: nowadays, an active work is held on the preparation of a new edition of the Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan. It is desirable, that it would take into account the critical notes to the trial jury. But probably nothing changes. In spite of the fact, that in the project of a new Criminal Procedural Code, thirty-six (608-643) chapters are devoted to the legal proceedings with the participation of the jury (thus, only one chapter including 15 paragraphs are devoted to the trial jury in the old one), everything remains as it is, i.e. there is only the visibility of the trial jury.

Key words: trial jury, new edition of the Criminal Procedural Code, the Republic of Kazakhstan

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Golik Y.V. Philosophy of the Criminal Law: Modern Attitude to the Problem // Philosophy of the Criminal Law. — Saint Petersburg, 2004.
2. Jalinsky A.E. Modern German Criminal Law. — Moscow, 2006.
3. Naumov A.V. Russian Criminal Law. General Part: Course of Lectures. — Moscow, 1997.
4. Piontkovsky A.A. Study by Hegel on Law and State and His Criminal Legal Theory. — Leningrad, 1963.
5. Trial Jury in Russia: High Profile Cases of 1864-1917 // Compiled by S.M. Kazantsev. — Leningrad, 1991.
6. Chekhov A.P. Full Selected Edition. Book 8. — Moscow, 1977.

Podshibiyakin A.S. Legal Bases of Criminalist Investigation

Annotation: the author proposes the following system of normative operative acts, making the legal foundation of criminalist investigation: 1. The Constitution of the Russian Federation; 2) International Treaties, universally recognized principles and norms of the international law; 3) Decisions by the Constitutional Court of the Russian Federation; 4) Federal Codes (the Criminal Code of RF, Criminal Procedural Code of RF, etc), Federal Laws; 5) Normative acts of the Ministries and Departments; 6) Decrees by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The legal basis of criminalist investigation as a system contributes to its development and prevention of law violations when solving problems of criminalist maintenance of detection and investigation of crimes.

Key words: criminalist investigation, legal system, normative legal acts

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Belkin R.S. Criminalist Investigation. — Moscow: Juridical literature, 1988.
2. Criminalist Investigation: Course book / T.V. Averianova, R.S. Belkin, Y.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. — 4th edition. — Moscow: Norma; INFRA-M, 2013.
3. Strogovich I.S. Criminal procedure. PCJ USSR Juridical Press. — Moscow, 1941.

INTERNATIONAL ROUND-TABLE DISCUSSION

Antonyan E.A. Penalty in the Form of Freedom as an Object of Theoretical Research

Annotation: the article is devoted to the penalty in the form of freedom deprivation as a theoretical model of a specific social system. Thus, this system is limited by internal and outer factors. Special attention is given to the internal factors, among which the regime of servicing the sentence is pointed out.

Key words: penitentiary politics, system, regime

Type of publication: scientific article

Bodrov N.F. Reviewing the Conclusions by the Handwriting Experts (Graphologists)

Annotation: in the article, the author points out the necessity of a unified understanding and evaluation of the conclusions, done by the handwriting experts. There are two completely opposite approaches to the evaluation of the conclusions: one of them is narrow, the other is lateral. The author substantiates the necessity of the elaboration of theoretical approaches, aimed at the solution of this task, by means of which, thus, the author proposes to create a unified methodological reference for the experts.

Key words: expert conclusion, reviewing, quality.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Korobochkina T.A. Questions of Organization and Methodology of Reviewing the Conclusions of the Experts / T.A. Korobochkina, G.G. Tsarev. 1979. № 14.

2. Forensic Examination: Typical Mistakes / edited by E.R. Rossinskaya. — Moscow: Prospect, 2012.

Borisov S.V. Problems of Formation of the International Legal Notion of Extremism and Crimes of Extremist Character

Annotation: the author claims about the problem of the unification of legal means in counteraction to extremism and in stimulation of international cooperation in the sphere. The author presents legal definitions of extremism from different legal sources, including international legal acts (Shanghai Convention). The author makes their analysis.

Key words: extremism, conventions, model law

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Cooperation of the International and Comparative Law: Manual / Scientific edition by N.F. Kuznetsova; responsible edition by V.S. Komisarov. — Moscow: "Gorodets" Publishers, 2009.
2. Grechukhin M.A. Criminal Legal Problems of Counteraction to the Organized Extremist Criminality // Organized Criminality in the XXI Century: Problems of Theory and Practice: Selected materials of the International scientific practical conference. — Moscow: International Juridical Institute, 2011.

Dubovik O.L. On the Necessity of Elimination of the Misbalance between the Evaluation of the Social Danger and the Punishability of Ecological Crimes according to the Chapter 26 of the Criminal Code of RF

Annotation: the author says about the problems of environmental protection by criminal legal means. The author makes the analysis of a new criminal legislation of Russia, aimed at the prevention of violations the rules of environmental protection within action, violation of rules of ordinance of hazardous substances and wastes, land devastation, destruction of critical habitats for the organisms, noted into the Red Book of the Russian Federation, violation of the regime of specially protected natural territories and natural objects. These innovations are critically reflected.

Key words: environment, social danger, prohibition

Type of publication: scientific article

Esakov G.A. Negative Features of the Corpus Delicti

Annotation: comparatively, at the example of the German Criminal Code, the author critically analyzes the notion of the corpus delicti according to the criminal legislation of Russia. In the same aspects, the aroused questions are analyzed regarding the general law and the continental law. The author concludes, that it is necessary to create a normative legal construction, which can have a conditional name — «negative features of corpus delicti». This construction should include the circumstances, excluding criminal responsible.

Key words: corpus delicti, negative features of crime, positive features of crime

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. List F. Coursebook of the Criminal Law. General Part / France fon List; translated from German by F. Elyashenko; foreword by M.V. Dukhovskiy. — Moscow, 1903.
2. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. General Part. 2 Vol. — Tula, 2001. Book 1.
3. Criminal Law: Coursebook. 3 Vol. General Part / Edited by A.E. Jalinsky. — Moscow, 2011. Vol. 1.
4. Gropp, W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. — Berlin, etc., 1998.
5. Krey, V. Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1: Grundsagen, Tatbestandsmassigkeit, Rechtswidrigkeit, Schuld / V. Krey. — Stuttgart, etc., 2001.
6. Robinson, P. H. Criminal Law Defenses: A Systematic Analysis / P. H. Robinson // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. № 2.
7. Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Straftat und ihr Aufbau. 28., neubearb. Aufl. Heidelberg, 1998.

Zaytsev O.A. Institute of the Criminal Procedural Detention according to the Legislation of the Russian Federation and the Federative Republic of Germany

Annotation: comparatively, the author analyses the problems, connected with the detention of a person, accused or suspected in a crime. The author concludes, that the critics of the modern criminal procedural legislation of Russia is adequate. Comparatively, the author makes the foundation for detention, provided by the legislation of RF and FRG. Special attention is given to the detention at the place of crime and to the special features of the so-called "all-possible" detention.

Key words: detention, the suspect, investigator, prosecutor
Type of publication: scientific article

Ilyshaenko A.N. Criminal Responsibility for Crimes of Extremist Character according to the Criminal Code of RF and the Criminal Code of the Federative Republic of Germany: Comparative Legal Analysis

Annotation: comparatively, the author analyses the different types of criminal responsibility for extremist crimes at the example of FRG and the Russian Federation. The author concludes, that normative regulations of criminal legal means of counteraction to extremist according to the CC of RF and in the Criminal Code of FRG have a lot in common. Comparative legal analysis of norms of criminal responsibility for extremist crimes is a presupposition for the further perfection of the mechanism of prevention of this type of crimes.

Key words: extremism, aggression, preventive potential, legislation
Type of publication: scientific article

Kadnikov N.G. Novels of the Russian Criminal Legislation on the Categorization of Crimes

Annotation: the author tells about the classification of crimes as an necessary part of the differentiation of criminal responsibility. The author presents and critically analyses the classification of different countries, including England, the USA, France, Germany. Regarding Russia, the author analyses positive and negative consequences of the introduction of criminal offence into the criminal legislation.

Key words: classification, crime, criminal responsibility
Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Krylova N.E. Basic Features of a New Criminal Code of France. — Moscow, 1996.
2. Krylova N.E. Criminal Law of Modern Foreign Countries / N.E. Krylova, A.V. Serebrennikova. — Moscow, 1997.

Kovalchuk A.V. Electric Energy as a "Subject" of Theft or Property Damage? Analysis of Legislative and Scientific Approaches

Annotation: the author makes the analysis of criminal legislation of different countries for non-payment for the consumed electric energy. The importance of the problem is pointed out by the fact that such responsibility is provided in Japan, France, Ukraine, Moldova, and in some other countries. The author concludes, that according to the Russian and Belorussian criminal legislation, encroachment on the electric energy is understood not as a theft, but as a type of infliction of property damage without any features of theft.

Key words: electric energy, criminal responsibility, theft
Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Boyko A.I. Criminal Legal Qualification of Illegal Consumption of Electric Energy // Questions of Criminality Counteraction. Edition 42. — Moscow, 1985.
2. Boytsov A.I. Crimes against Property. — Saint Petersburg, 2002.
3. Vishnyakov N.V. Object and Subject of Crimes against Property: Candidate of Law Thesis: 12.00.08. — Omsk, 2003.
4. Helfer M. On the Qualification of Illegal Consumption of Electric and Other Types of Energy // Socialistic Legality. 1983. № 8.
5. Jalinsky A.E. Contemporary German Criminal Law. — Moscow, 2006.
6. Navrotsky V. Criminal Responsibility for Illegal Consumption of Electric and Other Types of Energy // Socialistic Legality. 1984. № 2.
7. Scientific Practical Comment to the Criminal Code of the Ukraine / Edited by M.I. Melnikov, M.I. Khavronyuk. 9th edition, edited and fulfilled. Kiev, 2012.
8. Tishkevich I.S. Qualification of Theft of Property. — Minsk, 1996.
9. Criminal Code of the Federative Republic of Germany: Text and Scientific Practical Comment / Edited by A.I. Rarog. — Moscow, 2010.
10. Ustinov V.S. Russian Criminal Legislation on the Responsibility for Crimes against Property (History and Concept). — N. Novgorod, 1998.
11. Khabarov A.V. Encroaches against Property: Influence of Civil Legal Regulations: Candidate of Law Thesis: 12.00.08. — Tyumen, 1999.
12. Khalikov I.Kh. Inflicting Property Damage by Fraud and Abuse of Trust within Illegal Consumption of Electric Energy: Candidate of Law Thesis: 12.00.08. — Kazan, 2005.
13. Khilyuta V. "Theft" of Energy (or On Question on Modernization of Criminal Legal Regulations) // Russian Justice. 2008. № 8.

Matskevich I.M. Ten Causes of Criminality

Annotation: the author presents basic points of view on the causes of crimes. The author makes a comparative analysis of the ways, how

the causes of crimes are detected in Russia and the USA. The author presents his own point of view on the modern problems of criminality, aroused by the epoch of globalization.

Key words: causes of criminality, global science, ethnic strife
Type of publication: scientific article

Orlov V.N. Contents of Servicing Criminal Penalty: Notion and Elements

Annotation: questions, connected with the servicing of criminal penalty should be more effectively studied by the analysis of the contents of the penalty servicing. It is necessary to point out, that the theory of contents of servicing criminal penalty was studied not only in the works by the representatives of the Russian Juridicals school, but also in the works by modern jurists. The contents of servicing criminal penalty forms four groups of features or elements: 1) object, 2) objective side; 3) subject, 4) subjective side. The contents of servicing criminal penalty need not only additional legislative regulations, but also a further detailed studying.

Key words: penalty contents, criminal penalty, elements of the contents of servicing criminal penalty, servicing the penalty, object of penalty servicing, subject of penalty servicing, objective side of penalty servicing, subjective side of penalty servicing

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Esipov V.V. Essay on the Russian Criminal Law. General Part. Crime and Criminals. Penalty and the Punished. — Warsaw: Warsaw Educatory Department Press, 1894.

Ponyatovky T.G. Objects of Crimes against Property and Quality of Criminal Legal Protection

Annotation: the author analyses the problems of quality of the criminal legal protection of property. He claims, that the right of intellectual property should be regarded as an object criminal legal protection with all the provided practical consequences. It is not clear, what is protected by the Russian criminal law: the property right, its elements, subjects of property, separate interests of the subjects of property), its legal or property wealth or property as some abstract juridical phenomenon.

Key words: quality, intellectual property, protection

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Bochkarev S.A. Criminal Legal Protection of Property: Theoretical Instrumental Analysis: Candidate of Law Thesis: 12.00.08. — Moscow, 2010.

Rarog A.I. Responsibility for Bribery according to the Legislation of Russia and Germany

Annotation: comparatively, the author analyses the corpus delicti of crimes, providing responsibility for bribery according to the legislation of Germany and Russia. The author concludes, that the legislation of Germany, form the point of view of the juridical technique, is more adequately formulates the corresponding legal norms. The author proposes to take into account the experience of the German colleagues by the Russian specialists, including coordination of the terms of penalty for participation in bribery.

Keywords: official, bribery, responsibility

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Stepanova I.B. Criminal Legal Counteraction to Corruption: Results of Reforming // Criminal Law: Strategy of Development in the XXI Century. — Moscow, 2012.
2. Krey/Hellmann/Heinrich. Strafrecht. Besonderer Teil. Band I. Besonderer Teil ohne Vermoegensdelikte. 15. Voelligneubearbeitete Auflage. Kohlhammer. 2012.

Tupancheski N. Science of the Criminal Law and Its Correspondence to the Other Fields of Science on Criminality

Annotation: the article is devoted to the theoretical problems of the science of criminal law as a field of knowledge of the positive criminal law. The author claims, that the criminal law science is anthropocentric as its main attention is given to human. Moreover, some disciplines should be studied, which do not correspond directly to the subject of the criminal law in its typical understanding, such as criminal politics, economical criminal law, medical criminal law and criminal law in informational technologies. The author concludes, that the criminal legal science faces serious challenges of nowadays.

Key words: science, criminal law, human

Type of publication: scientific article

TRIBUNE OF MOSCOW ACADEMY OF ECONOMICS AND LAW

Zaytsev O.A., Orlov V.N. *International Round-Table Discussion on the Topic "Measures of Compulsion in Criminal Law and Criminal Procedure of Russia and Germany"* (Moscow Academy of Economics and Law (Moscow), November 20, 2013)

Annotation: in November 20, 2013, in Moscow Academy of Economics and Law, the international round-table discussion on the topic "Measures of Compulsion in Criminal Law and Criminal Procedure of Russia and Germany" was held. The moderator of the round-table discussion was Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Pro-Rector on the Scientific Work of Moscow Academy of Economics and Law, Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of RF, Honored worker of professional education of RF. The main reports were made by: Head of Criminal, Economical-Criminal Law Chair of Law Department of Potsdam University (Germany), Doctor of Law Professor U. Hellmann; leading scientific worker, lecturer of Criminal, Economical Criminal Law Doctor of Law, Professor P.V. Golovenkov; Professor of Criminal Legal Disciplines of Law Department of Moscow Academy of Economics and Law, Doctor of Law, Professor, Honored jurist of RF A.P. Gulyaev.

Keywords: Moscow Academy of Economics and Law, measures of compulsion, criminal law, criminal procedure, Russia, Germany

Type of publication: note

Gulyaev A.P. *Application of Measures of Compulsion within the Contemporary Legal Procedure in Russia*

Annotation: in the article, the author claims the further reforming of the organizational legal status of the investigatory organs of the country to be necessary in the following directions: 1) uniting of all the existing investigatory institutions of the country to a united Investigatory Committee; 2) introduction of the Committee to the system of the Judiciary Power (making the required amendments to the Constitution of the Russian Federation); 3) legislative securing of electivity of the leaders of investigatory institutions by judicial societies of different level.

Key words: measure of compulsion, legal procedure, Investigatory Committee, the system of the Judiciary Power

Type of publication: scientific article

Type of publication: scientific article

Smirnov P.A. *the Detention and the First Inquiry of the Detainee Suspect according to the Criminal Procedural Legislation of Russia and Germany*

Annotation: the differences in the regime of the first inquiry of the detainee within the legal procedure in Russia and Germany has, first of all, two main aspects. First of all, it is the subject of the inquiry. Unlike to Russia, where this act is held by the investigator (inquiry officer), in Germany this act is held by the independent (judicial) institute of power, free of interdepartmental interests. Of course, it strengthens the notion of the inquiry at the analyzed level of the criminal procedural activity. Second, as it is seen, the term till the inquiry starts according to the Criminal Procedural Code of Germany could be practically twice longer, making 24 hours, then the time, provided by the Criminal Procedural Code of RF. Actually, that fact should be treated rather than an advantage, because the Russian term is not enough to get prepared either by the detainee or the investigator. It deals with the necessity to solve many organizational questions, causing important procedural consequences — participation of the attorney in the criminal case (it is the obligation of the investigator), coordination of the case theory (by the attorney), etc. the author detects some rather perspective directions of perfection of the criminal procedural legislation of the both countries.

Key words: detention, inquiry, the detainee, legal procedure, the Criminal Procedural Code of RF, the Criminal Procedural Code of the Republic of Germany

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Veretennikov I.A. *Detention of the Suspect as a Complex Legal Institute: Abstract to the Candidate of Law Thesis.* — Moscow, 2001.

2. Golovenkov P. *Criminal Procedural Code of the Federative Republic of Germany. Scientific Practical Comment and the Translation of the Text of the Law / P. Golovenkov, N. Spitsa.* — Universitätsverlag Potsdam Press, 2012.

3. Golovko L.V. *Theoretical Bases of Modernization of the Study on Material Truth in the Criminal Legal Procedure // Library of the Criminalist. Scientific Bulletin.* 2012. № 4 (5).

4. Zaytsev O.A. *On the Question of the Examination in the Criminal Legal Proceedings / O.A. Zaytsev, U.F. Dzhagaev // Society and Law.* 2013. № 2 (44).

5. Orlov Y.K. *Detection of the Truth as an Aim of Averment in the Legal Procedure // Library of the Criminologist. Scientific Bulletin.* 2012. № 4 (5).

6. Roxin, C. *Strafverfahrensrecht / C. Roxin.* — München, 1995.

Zaytsev O.A. *European Court of Human Rights on Foundations of Taking into Custody*

Annotation: special interest is given to the practice of the European Court on Human Rights about the commentary on the bases for taking into custody. Nowadays, the norms of the so-called "soft law" intrude into the modern criminal procedural law, they often include the theses of different international agreements, declarations, standards, which are of not normative-legal character, but which are often applied by the European Court of Human Rights and are obligatory for the Russian applicators of the law.

Key words: European Court, human rights, measure of compulsion, taking into custody

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Voskobitova L.A. *Quality of the Criminal Procedural Legislation. Verbatim of the Round-Table Discussion "Quality of the Criminal Procedural Legislation"* (June, 5, 2013, Academy of the MIA RF, Scientific Council Hall) // *The Union of Criminalists and Criminologists.* 2013. № 1.

2. DeSilva, M. *Test Cases of the European Court of Human Rights. Guiding Principles of the Judiciary Practice, Connected with the European Convention on Human Rights and Main Freedoms Protection. Judicial Practice of 1960-2002.* — Saint Petersburg: "Juridical Centre Press" Publishers, 2004.

CRIMINOLOGY

Dashkov G.V. *Contemporary Needs in the Maintenance of Collaborative Criminological, Criminal Legal and Criminal Procedural Researches and Elaborations*

Annotation: in recent times, within the period of a definite decay of the social notion of the juridical science, the necessity of the maintenance of collaborate research and studying is great. Inhouse abilities practically of any separate field of jurisprudence, as proven by the practice of nowadays, do not allow to solve the arising problems adequately. This is also connected to criminology, criminal law and legal procedure.

Key words: criminology, criminal law, legal procedure, research, elaboration

Type of publication: scientific article

Lopashenko N.A. *Reflections on the Registration of Criminality in Russia*

Annotation: the decrease of the number of the registered crimes can have but only artificial causes.

Key words: registration of criminality, artificial causes, decrease of criminality, state of criminality

Type of publication: scientific article

LEGAL PROCEDURE

Larichev V.D. *Problematic Questions of Denial to Open a Criminal Case*

Annotation: when opening a criminal case, the violations of the requirements of the law are rather widespread. They are committed both at the stage of receiving a message about a crime (conceal of a crime from recording; denial to take the message under different pretexts) and within a preliminary checking of a message about crimes and taking procedural decisions (unsubstantiated denial to open a criminal case; qualification of the criminally punishable acts as administrative minor offences; inadequate taking of procedural decisions). The noted facts lead not only to the distortion of the true state of criminality, its structure and dynamics, but also inflict damage to the constitutional rights and freedoms, interests of the victims, don't let the civilians and organizations to press for legal penalty of the guilty and reinstate their violated rights.

Key words: denial to open a criminal case, receiving a message about a crime, preliminary checking of messages, opening a criminal case, violation of the requirements of the law

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Aleksandrov A.S. *Necessity and Essence of the Radical Reform of the Pre-Trial Procedure / A.S. Aleksandrov, I.V. Kruglov // Criminal Procedural Activity. Theory. Methodology. Practice: Selected Scientific Articles / Edited by A.F. Lubina.* — N. Novgorod, 2001.

2. Belozero Y.N. *Problems of Securing Legality and Substantiation in Opening a Criminal Case / Y.N. Belozero, A.A. Chuvilev.* — Moscow, 1973.

3. Bolodina S.M. Problems of Regulation of Opening a Criminal Case // Library of the Criminologist. Scientific Bulletin. 2013. № 4(9).
4. Grigorieva N. Exclusion of Inadequate Witness from the Judication // Russian Justice. 1995. № 11.
5. Divaev A.B. Detection of Foundation to Opening a Criminal Case on Theft: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Tomsk, 2005.
6. Zhogin N.V. Opening a Criminal Case / N.F. Zhogin, F.N. Fatkulin. — Moscow, 1961.
7. Karpenko V.M. Evaluation of Evidence by an Investigator and Inquiry Officer in Pre-Trial Procedure on Criminal Cases: Monograph. — Moscow: SSRI MIA of Russia, 2009.
8. Kovtun N.N. Maintenance of Unavoidability of Criminal Responsibility for a Crime at the Stage of Opening a Criminal Investigation: Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1992.
9. Korzh V.P. Problems of Investigation of Crimes within a New Criminal Procedural Code of Ukraine // Vital Problems of Crime Investigation: Materials of the International Scientific Practical Conference (May 23, 2013, Moscow), 2 Vol. Book 2. — Moscow: LLC "Buki-Vedi" Publishers, 2013.
10. Lupinskaya P.A. Foundation and the Order of Taking Decision on the Adequacy of Evidence // Russian Justice. 1994. № 11.
11. Popov A.P. Direct Detection of Features of Crime as a Foundation of Opening a Criminal Investigation: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — N. Novgorod, 1999.
12. Problems of Violations of Criminal Procedural Norms within Opening and Dropping Criminal Cases, Ways of Their Elimination: Monograph / G.P. Khimicheva, O.V. Michurina, O.V. Khimicheva, V.S. Michurin. — Moscow: Moscow University of MIA RF, 2004.
13. Chastnov K.S. Criminal Procedural and Criminalist Aspects of Pre-Trial Procedure on Criminal Cases on Crimes, Connected with Inappropriate Expenditures of Budget Funds and of State Non-Budget Funds: Candidate of Law Thesis. — N. Novgorod, 2010.
14. Yurchikhin V.N. New Criminal Procedural Code of Ukraine authorized the Prosecutor to hold of the Pre-Trial Procedure // Library of the Criminologist. Scientific Bulletin. 2013. № 3(8).

Muratova N.G. International Agreements and Their Notion in the Mechanism of Personal Rights Protection in Criminal Legal Proceedings

Annotation: international cooperation in the sphere of the criminal legal proceedings provides multiple approach to the formation of the procedural proceedings of this cooperation. Contemporary comparative legal studies of the foreign criminal procedure can be divided according to their reference to the following problems: studying the tendencies of development of the international procedural legislation and comparison of the procedural proceedings; studying the model approach, studying the mechanism of international cooperation in the sphere of criminal proceedings when rendering a legal assistance on criminal cases, comparison of procedural foundations in evidence, application the measures of compulsion and investigation, studying the tendencies in the formation of interdependence of regional law enforcement institutions and Interpol, regularities of cooperation with the European Union on criminal cases. The author's consequent model of application of rules of international treaties includes the following: the necessity to create a unified judicial institution of State — members of the CIS, form Federal international-legal service of the RF and its vertical departments within the Subjects of the Russian Federation, substantiate and introduce a new position in courts and law enforcement organs — that of international consultant, to realize a European model of judicial control and found a position of an investigating judge (magistrate).

Key words: international agreements, criminal proceedings, personal rights protection

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Alekseeva L.B. Right for Just Judicial Proceedings: Realization of Acknowledged Principles and Norms of the International Law in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Doctor of Law Thesis. — Moscow, 2003.
2. Bastrykin A.I. Criminal Cases with the Participation of the Foreigners: Questions of Tactics, Organization and Methodology of Investigation. — Saint Petersburg: the North-Western Subsidiary of Russian Juridical Academy, 2003.
3. Birykov P.B. International Criminal Procedural Law and Legal System of the Russian Federation: Theoretical Problems: Abstract to the Doctor of Law Thesis. — Kazan, 2001.
4. Biryukov P.M. International Cooperation in Criminality Counteraction and the Legal System of the RF. — Voronezh, 1997.
5. Volevodz A.G. International Organization of Criminal Police — Interpol and Tendencies of Formation of Regional Law Enforcement Organs // Library of the Criminologist, 2011, № 1.

6. Volevodz A.G. International Search, Arrest, Seizure and Transmission to the Foreign Countries of the Material Funds and Property, Gained by a Criminal Way, and Evidence on Criminal Cases / A.G. Volevodz, A.B. Soloviev. — Moscow: "Jurlitinform" Press, 2007.
7. Volgenkina V.M. Norms of the International Law in the Russian Criminal Proceedings. — Saint Petersburg: "Juridical Centre Press" Publishers, Saint Petersburg Juridical Institute of the General Prosecution of RF, 2001.
8. Gusakov A.N. Criminal Investigation in the USA: Theory and Practice of Application. — Yekaterinburg: Ural University Press, 1993.
9. Gutsenko K.F. Criminal Proceedings in the Western Countries / K.F. Gutsenko, L.V. Golovko, B.A. Filimonov. — 2nd edition, edited and fulfilled. — Moscow: "Zertsalo" Press, 2002.
10. Damirchiev E.I. Cooperation of the European Union in the Sphere of Criminal Proceedings // Library of the Criminologist, 2011, № 1.
11. Agreements (Conventions) of the European Council with the Participation of the Russian Federation. Comment by Professor G.V. Ignatenko // European Council and Russia. Special Edition. Bulletin. — Yekaterinburg: Urals State Juridical Academy, 2002.
12. Zimin O.V. Foreign Experience of Formation the System of Counteraction to Legalization of Criminal Profits / O.V. Zimin, B.S. Bolotsky. — Moscow: SSRI MIARF, 2008.
13. Kostenko N.I. Theoretical Problems of Formation and Development of the International Criminal Justice: Doctor of Law Thesis. — Moscow, 2002.
14. Christopher, Osakve. Comparative Jurisprudence in Charts: General and Special Parts: Manual. — Moscow: Delo, 2000.
15. Lazutin L.A. Legal Assistance on Criminal Cases as a Interdepartmental Normative Complex: Monograph. — Yekaterinburg: "Urals State Juridical Academy" Publishers, 2008.
16. International and Inter-State Defense of Human Right: Manual for Institutions / Edited by R.M. Valeev, R.G. Vazgizov. — Kazan: Kazan University Press, 2007.
17. International Law: Course Book for Universities / Edited by G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. — Moscow, 1995.
18. Muratova N.G. Protection of Rights of the Citizens of Russia by the European Court of Human Rights (Criminal Proceedings) // Vital Problems of Civil and Juridical Rights Protection: Theses of Reports at the All-Russian Conference, held in December 10-11, 2003. — Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2004.
19. Muratova N.G. International Judicial Control in the Criminal Justice: Problems of Legislative Regulations and Perfection of the Practice // Justice in Tatarstan. 2006. № 3(28).
20. Muratova N.G. International Criminal Code of FRG and Questions of Criminal Responsibility // Scientific Notes by Kazan University. Book 150. 2008.
21. Muratova N.G. Mechanism of Realization of the European Convention on Transmission of Proceedings on Criminal Cases // Problems of Modern State and Ways of Development of Preliminary Investigation Organs (On the 150th Anniversary of the Investigatory Department in Russia): Selected materials of the All-Russian Scientific Practical Conference; 3 Vol. — Moscow: Academy of Management of MIA of Russia, 2010. Part 1.
22. Muratova N.G. Legal Notion of the Foundation of a unified Judicial Field between the States — members of the CIS / N.G. Muratova, N.D. Muratova // Post-Soviet Statehood: Problems of Integration and Disintegration: Materials of the VI International Scientific Theoretical Conference. — Saint Petersburg, 2006. April 15.
23. Muratova N.G. Application by the Constitutional Court of the norms of International Law on Securing the Human Rights within the Criminal Proceedings / N.G. Muratova, L.D. Chulyukin // Russian Annual Bulletin of the International Law. — Saint Petersburg: ROSSIYA-NEVA, 2005.
24. Muratova N.G. Problems of Implementing of the Rome Statute of the International Criminal Court in Russia // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2007. № 3.
25. Muratova N.G. Decisions of the European Court of Human Rights and Their Notion to the Judicial Control of Criminal Cases of the Russian Federation // Application of International Agreements in the Sphere of Human Rights within the Legal System of the Russian Federation. — Yekaterinburg: Urals State Juridical Academy, 2003.
26. Muratova N.G. System of the Judicial Control within the Criminal Proceedings: Questions of Theory, Legislative Regulations and Practice: Doctor of Law Thesis. — Yekaterinburg, 2004.
27. Muratova N.G. Investigating Judge in the Judicial System of France and Russia // 1st International Symposium: Selected Articles by the Scientists of Kazan University (in Russian and French). — Kazan, 2005.
28. Human Rights in International and Inter-State Law: Course book / Edited by Professor R.M. Valeev. — Kazan: Kazan State University by V.I. Ulyanov-Lenin, 2004.

29. Rabadanova A.A. International Criminal Justice: Foundation, Modern State, Perspectives of Development: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Moscow, 2006.

30. Stoyko N.G. Criminal Procedure of the Western Countries and in Russia: Comparative Theoretical Legal Research of the English-American and Romanic Germanic Legal Systems. — Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishers, Law Department Press, 2006.

31. Tabaldieva V.Sh. International Cooperation in the Sphere of Criminal Proceedings: Course book. — Moscow: Moscow Psychological Social Institute Press; Voronezh: NSPI "MODEK" Press, 2004.

32. Sharifullin R. A. International Cooperation in the Sphere of Criminality Prevention and Criminal Justice: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Kazan, 2006.

33. Scherba S.P. Influence of Immigration on the State of Criminality in the States-members of the CIS. — Moscow, 2001.

34. Yurkov A.P. International Criminal Procedural Law and Legal System of the Russian Federation: Doctor of Law Thesis. — Kazan, 2001.

Scherba S.P. Problems of Normative Definition of the Essence and Contents of Rights and Freedoms of Human and Citizen in the Criminal Procedure of Russia

Annotation: unfortunately, criminal procedural legislation of Russia, admitting application of different measures of compulsion and limiting right and freedoms of human, are still don't include a fundamental norm, which should provide: 1) foundation, causes and limits of freedom and rights of human and citizen limitation in the criminal procedure; 2) the list of cases, preventing limitation of rights and freedoms of human and citizen in the criminal procedure; 3) proscription of wide understanding of foundations (criteria) for the application of limitation of rights and freedoms of human and citizen; 4) responsibility of officials and judges for inadequate decision to limit rights and freedoms of human and citizen in the criminal procedure; 5) proscription for limiting rights and freedoms of the suspects or accused in order to investigate a crime and gather evidence on the criminal case.

Key words: rights and freedoms, criminal procedure, limiting rights and freedoms

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Kondrat I.N. Human Rights and the Criminal Procedural Legislation (Pre-Trial Procedure): Monograph. — Moscow: Jurlitinform, 2012.

2. Poltoratskaya N.S. Realization of the Constitutional Law on the Privacy: Theory and Practice: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Saint Petersburg, 2004.

3. Criminal Procedural Right of the Russian Federation: Course book / Responsible edition by P.A. Lupinskaya. — Moscow: Jurist, 2003.

4. Shadrin V.S. Securing Personal Rights in Crime Investigation. — Moscow, 2000.

MOSCOW CRIMINOLOGICAL STUDY

Zakalyapina L.A. Tourism and Terrorism: Criminological Aspect

Annotation: studying of criminological characteristics of criminality of terrorist character in Russian and foreign resort-cities was never held at a scientific level before. Thus, it is absolutely important for the theoretical and practical law applicatory activity, as far as a foreign experience of research and counteraction is rather useful for the most dangerous in its consequences type of crime — terrorism, especially taking into account the concernment of the Russian Government about the creation of the domestic life quality, including by the development of the sphere of tourism and catering, making it available and competitive. Moreover, there is the obligation of the State to maintain security of the tourism, which is provided by the international legal acts.

Key words: tourism, terrorism, resort-city, prevention of terrorism

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. ArasJ. TerrorismYesterday, Today, Forever. — Baku: SADA, 2003.

2. Borovoy A.A. Organization of Functioning of City and Regional Internal Affairs Organs in Resort-Cities: Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1985.

3. Brezhitskaya E. Anxious Mountains, or Unique Resorts of Kabardino-Balkaria are Stay Closed for Tourism // Russian Newspaper. Regional Edition. 2011. September 8. № 200 (5576).

4. Volkov V.R. Organization and Perfection of the Activity of Local Police Inspectors on Securing the Law and Order and Offence Prevention in Resort Cities: Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1991.

5. Gaydukevich L. Development of the International Tourism and Securing the Safety of the Tourists // International Law and Relations Bulletin. 2005. № 2.

6. Godffrey Harris. Stimulating International Tourism in the XXI Century / Harris Godffrey, M. Kats Kenneth. — Moscow: Finance and Statistics, 2000.

7. Zorin A. Restaurants on Fire // Russian Newspaper. 2005. October 3. № 3889.

8. Kuprina Y. At Sri-Lanka "Tigers of Release of Tamil Ilam" killed 49 civilians // Komsomol Pravda. 2009. March 10. № 34.

9. Maksimov S.V. Dictionary of Criminological Terminology // Criminology: Coursebook / S.V. Maksimov, V.E. Eminov; edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. 5th edition, edited and fulfilled. — Moscow: Norma; INFRA-M, 2013.

10. Marchenko V. Cashmere: Indian Chechnya // Tomorrow. 2000. February 8. № 6 (323).

11. Melekhin O.Y. Contemporary Specific Features of Counteracting Criminality within Resorts (Criminal Legal and Criminological Aspects): Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1998.

12. Mozerov V.I. Criminality in Resorts and Ways of Its Counteraction (according to the materials of the Internal Affairs Organs): Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1982.

13. Mukhamatulin T. ETA Exploded Majorca // Outlook. Delovaya Newspaper. 2009. August 9.

14. Poltarygin R.V. Prevention of Criminality of the Minor and the Underage within the Resort Region: Candidate of Law Thesis. — Moscow, 2002.

15. Sycheva V. Exploded Heaven, or After the Terrorist Act at Bali, all the world tourist industry can be at point of the international terrorism // Itogi. 2002. October 22. № 42/332.

16. Fedyashin A. Egypt. Frighten Frequency of Terrorist Acts // Echo of the Planet. 2006. № 18–19.

17. Khinstein A. Yanychary of Coats and Stylet. // Moscow Komsomolets. 2001. April 18–19. № 21678–21679.

18. Benjamin, K. Kuto. The Effect of Terrorism: Evaluating Kenya's Tourism Crisis / K. Kuto Benjamin, L. Groves James // Review of Tourism Research. Volume 2. Issue 4. 2004. August.

19. Tarlow, Peter E. Terrorism and Tourism / Peter E. Tarlow // Review of Tourism Research. Volume 3. Issue 5. 2005. October.

Rybakova E.A. Criminal Seizure of Immovable Property

Annotation: nowadays, it is necessary to elaborate effective anti-raider legislative amendments, aimed at the following: perfection of corporate legislation; development of the system of corporate management and mechanisms of solving corporate conflicts; measures of forcing the protection of rights of property and other of persons, involved into a corporate arguing; rise the responsibility of large share holders, managers and administrative organs in order to create conditions, preventing the seizure of enterprise, corporate conflicts and corporate green-mailing. First of all, it is necessary to perfect the legislation, aimed at correction of organization and order of activity on the integration, unification, takeover, demerger, other reorganization and changing the status of an enterprise.

Key words: criminal seizure, immovable property, raiding

Type of publication: scientific article

WRITER-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

Hellmann U. Captain from Kepenik: A German Criminal Story

Annotation: unlike to Russia and the USA, where dangerous criminals are sometimes thought to be "heroes" (for example, Sonya the Golden Hand and Mishka the Japanese) or „Billy the Kid“, and „Bonnie and Clyde“, in Germany there is no such an example of glorification of criminals. Thus, a native of the East Prussia *Fredrick Wilhelm Fogt* became rather famous, he was born in 1849 in Tilsit. The crime by Fogt became rather known not only in Germany, but far out of it. The image of *Fredrick Wilhelm Fogt* as a "noble thief", created by Karl Suckmeier and played by Heinz Rumman in his character of a Captain from Kepenik, is still alive in Germany. In German even a new word "Kepenikiade" was invented. In 1996, near the Townhouse in Kepenik a bronze memorial and a memorial desk were built to the Captain from Kepenik. A memorial desk was also built in Wismar, on the wall of a house, where Fogt lived and worked. In Berlin, a primary school is named in honor of the Captain from Kepenik.

Key words: Friedrich Wilhelm Fogt, the Captain from Kepenik, Kepenikiade

Type of publication: feature

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛЕ «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

Уважаемые авторы!

Редакция журнала установила следующий порядок рецензирования статей

1. Материалы, направленные в инициативном порядке

1.1. Материалы лиц, не имеющих ученой степени (аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц), а также кандидатов и докторов наук, поступающие в редакцию в инициативном порядке, принимаются к опубликованию по итогам рецензирования (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук).

1.2. Материалы лиц, не имеющих ученой степени (аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц), без соавторства с кандидатами и докторами наук, направивших свои рукописи в инициативном порядке, принимаются для рецензирования руководителями отделов на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза, либо кафедры по месту их обучения; 2) письменного отзыва (рецензии) доктора или кандидата наук, работающего с автором в одном регионе (или

вузе) и не являющегося его научным руководителем (консультантом).

1.3. Материалы кандидатов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) принимаются для рецензирования, как правило, на основании письменного отзыва (рецензии) доктора или кандидата наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе) либо по решению кафедры соответствующего вуза. Материалы докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами, иными лицами, не имеющими ученой степени, и кандидатами наук) принимаются для рецензирования руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук без каких-либо решений (рекомендаций) и отзывов (рецензий).

2. Материалы, направленные в порядке, установленном договором

2.1. Материалы аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, от вузов (без соавторства с кандидатами и докторами наук), с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, проходят рецензирование (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук) на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза; 2) письменного отзыва (рецензии), подготовленного доктором или кандидатом наук,

работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом).

2.2. Материалы кандидатов, докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, поступают только на основании решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза.

3. Порядок рецензирования материалов

3.1. Материалы авторов, поступившие в редакцию для рецензирования, проходят обсуждение на заседании редколлегии журнала, на которое выносятся рецензии не менее 2-х членов редколлегии (1 письменная и 1 устная), являющихся специалистами в данной области. Непосредственную ответственность за своевременное рецензирование материалов несут руководители отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук или области исследования. В составе редколлегии в настоящее время функционируют следующие отделы (рубрики) (их состав может меняться):

- 1) поздравляем;
- 2) международный круглый стол;
- 3) стенограмма;
- 4) безопасность личности, общества, государства и международного сообщества;
- 5) криминология;
- 6) уголовное право;
- 7) уголовно-исполнительное право;
- 8) уголовный процесс;
- 9) криминалистика;
- 10) судебно-экспертная деятельность;
- 11) оперативно-розыскная деятельность;
- 12) московский криминологический кабинет;
- 13) писатель-криминалист-криминолог;
- 14) наука и практика за рубежом;

15) скорбим;

16) информация об авторах;

17) аннотации, ключевые слова, типы публикаций и при-
статейные библиографические списки;

18) к сведению авторов.

3.2. Материал считается принятым к публикации не только при наличии положительных рецензий, но и отрицательных в том случае, если ее поддержало большинство членов редколлегии, работающих в той же области наук или сфере исследования, что и автор статьи. Редакция имеет право пригласить автора на свое заседание для уточнения актуальности, научной новизны представленного для опубликования материала, а также для определения позиции автора, аргументации его выводов по указанной в статье проблеме. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

3.3. Рецензии на рукописи материалов, подготовленные членами редколлегии, направляются далее для ознакомления представителям вузов и авторам по их запросу. В случае отклонения материала от публикации в журнале представителю вуза и автору по их запросу направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку материала, повторное обращение в редакцию с откорректированным материалом или его замену другим материалом.

Редакция журнала,

Н. Ф. Бодров, ассистент журнала «Союз криминалистов и криминологов»

DIE VORGEHENSWEISE DER MATERIALIENREZENSION IN DER ZEITSCHRIFT „KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND“

Sehr geehrte Autoren!

Die Redaktion hat folgende Vorgehensweise der Artikelrezension festgelegt

1. Materialien, die auf Initiativordnung abgeschickt sind

1.1. Materialien der Autoren, die keinen akademischen Grad haben (Forschungsstudenten, Bewerber eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und andere) sowie der Doktoranden und Dokortitelinhaber, die in die Redaktion auf Initiativordnung einkommen, werden zur Publikation nach der Rezension (von Abteilungsleitern der Redaktionsleitung im entsprechenden Wissenschaftszweig) aufgenommen.

1.2. Materialien der Autoren ohne akademischen Grad (Forschungsstudenten, Bewerber eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und andere), ohne Mitautorenschaft mit Doktoranden und Dokortitelinhabern, die ihre Manuskripten auf Initiativordnung geschickt haben, werden von den Abteilungsleitern für die Rezension aufgrund der folgenden Regeln aufgenommen: 1) aufgrund der Entscheidung (Empfehlung) des Redaktionsbeirates der Universität bzw. wissenschaftlichen Rates (Rates) der Fakultät für Jura bzw. des Lehrstuhls der entsprechenden Universität; 2) aufgrund der schriftlichen Beurteilung (Rezension) des Doktoranden

oder Dokortitelinhabers, der mit dem Autor in der gleichen Region (bzw. Universität) arbeitet und nicht sein wissenschaftlicher Betreuer (Berater) ist.

1.3. Materialien der Doktoranden (u.a. Mitautorenschaft mit Forschungsstudenten, Bewerbern eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und denjenigen, die keinen akademischen Grad haben) werden in der Regel aufgrund der schriftlichen Beurteilung (Bewertung) des Dokortitelinhabers bzw. Doktoranden, der mit dem Autor in der gleichen Region (bzw. Universität) arbeitet, oder durch Lehrstuhlbeschluss der entsprechenden Universität rezensiert. Materialien der Dokortitelinhaber (u.a. Mitautorenschaft mit Forschungsstudenten, Bewerbern eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und denjenigen, die keinen akademischen Grad haben sowie Doktoranden) werden für die Rezension von den Abteilungsleitern der Redaktionsabteilung in den entsprechenden Wissenschaftszweigen ohne irgendwelche Beschlüsse (Empfehlungen) und Beurteilungen (Rezensionen) aufgenommen.

2. Materialien, die entsprechend den Vertragsregeln abgeschickt werden

2.1. Materialien der Forschungsstudenten, Bewerber eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und derjenigen, die keinen akademischen Grad haben, werden von den Universitäten (ohne Mitautorenschaft mit Doktoranden und Dokortitelinhabern), mit denen die Zeitschriftredaktion Vertragsbeziehungen hat, aufgrund der folgenden Regeln (von Abteilungsleitern der Redaktionsleitung im entsprechenden Wissenschaftszweig) rezensiert: 1) aufgrund der Entscheidung (Empfehlung) des Redaktionsbeirates der Universität bzw. wissenschaftlichen Rates (Rates) der Fakultät für Jura; 2) aufgrund der schriftlichen Beurteilung (Rezension), vorbereitet von einem Dokortitelinhaber oder Doktoranden, der mit dem

Autor in der gleichen Region (bzw. Universität) arbeitet und nicht sein wissenschaftlicher Betreuer (Berater) ist.

2.2. Materialien der Doktoranden, Dokortitelinhaber (u.a. Mitautorenschaft mit Forschungsstudenten, Bewerbern eines wissenschaftlichen Grades, Adjunkten und denjenigen, die keinen akademischen Grad haben) werden von den Universitäten, mit denen die Zeitschriftredaktion Vertragsbeziehungen hat, nur aufgrund der Entscheidung (Empfehlung) des Redaktionsbeirates der Universität bzw. wissenschaftlichen Rates (Rates) der Fakultät für Jura aufgenommen.

3. Die Vorgehensweise der Materialienrezension

3.1. Materialien der Autoren, die in die Redaktion zur Rezension eintreffen, werden in einer Sitzung der Zeitschriftredaktionsabteilung besprochen. Mindestens 2 Mitglieder der Redaktionsleitung, die Experten auf dem Gebiet sind, stellen ihre Rezensionen (eine schriftliche und eine mündliche) über die Materialien vor. Eine unmittelbare Verantwortung für die rechtzeitige Rezension der Materialien tragen die Abteilungsleiter der Redaktionsleitung im entsprechenden Wissenschaftszweig oder Forschungsgebiet. In der Redaktion funktionieren momentan folgende Abteilungen (Rubriken) (ihre Zusammensetzung kann verändert werden):

- 1) Herzlichen Glückwunsch;
- 2) Internationales Rundgespräch;
- 3) Stenogramm;
- 4) Sicherheit der Persönlichkeit, der Gesellschaft, des Staates und der internationalen Gemeinschaft;
- 5) Kriminologie;
- 6) Strafrecht;
- 7) Strafvollzugsrecht;
- 8) Strafverfahren;
- 9) Kriminalistik;
- 10) Gerichts- und Prüfungstätigkeit;
- 11) Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit;
- 12) Moskauer kriminologisches Büro;
- 13) Schriftsteller-Kriminalist- Kriminologe;
- 14) Wissenschaft und Praxis im Ausland;

15) Wir trauern mit;

16) Autoreninformationen;

17) Kurzbeschreibung, Schlüsselwörter, Arten von Publikationen und Literaturverzeichnis zum Artikel;

18) An alle Autoren.

3.2. Material wird nicht nur bei positiven, sondern auch bei negativen Rezensionen in dem Fall publiziert, wenn es von der Mehrheit der Redaktionsleitungsmitglieder unterstützt wurde, die im gleichen Bereich der Wissenschaft oder des Untersuchungsfeldes, wie der Autor, arbeiten. Die Redaktion ist berechtigt, den Autor zu einer Sitzung einzuladen, für die Konkretisierung der Aktualität des Materials, der wissenschaftlichen Novität des vorgestellten Materials sowie für die Position des Autors, die Argumentation seiner Schlussfolgerungen zur Problematik des Artikels. Die Vorgehensweise und die Publikationsreihenfolge des Artikels werden je nach dem Volumen der veröffentlichten Materialien und dem Rubrikverzeichnis in jeder konkreten Ausgabe bestimmt.

3.3. Rezensionen zu den Materialien, vorbereitet von den Mitgliedern der Redaktionsleitung, werden zur Kenntnisnahme an die Vertreter der Universitäten und die Autoren auf ihre Anfrage weitergeleitet. Im Falle einer Publikationsablehnung in der Zeitschrift wird an den Vertreter der Universität und den Autor auf ihre Anfrage eine Begründung der Ablehnung in schriftlicher (elektronischer) Form zugeschickt. Die Autoren haben das Recht auf die Nachbearbeitung des Materials, die erneute Vorstellung des korrigierten Materials in der Redaktion oder den Ersatz des Materials.

*Die Zeitschriftredaktion,
N.F. Bodrov, Zeitschriftassistent „Kriminalisten- und Kriminologenverband“*

THE ORDER OF REVIEWING THE MATERIALS IN THE BULLETIN "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"

Dear authors,
the Editorial Board of the bulletin accepted the following order of reviewing articles:

1. *Materials, sent intuiti personae*

1.1. Material, by persons, possessing no scientific degree (post-graduates, competitors, military post-graduate students and others), as well as that of candidates and doctors of science, sent to the Editorial Board intuiti personae, are accepted to the publication according to the results of the reviewing (which is held by the heads of the editorial board departments on the corresponding field of science).

1.2. Materials, by the persons, having no scientific degree (post-graduates, competitors and military post-graduates), written with no co-authorship with candidates and doctors of science and sent to the Editorial Board intuiti personae, are accepted to reviewing on conditions, that: 1) there is a decision (recommendation) of the editorial council of the institution or the Scientific Council of a Law Department of the Institution or its Law Chair; 2) there is a written review (comment) by a doctor of law or a candidate of

law, who works in the same region or institution with the author and who does not anyhow does scientific guidance or consulting to the author.

1.3. Materials, sent by the candidates of science (including these with the co-authorship with post-graduates, competitors, military post-graduates and others) are accepted to reviewing, as a rule, in case there is a written review (comment) by a doctor or a candidate of law, who works in the same region or institution with the author or there is a decision by the Chair of the corresponding institution. Materials by doctors of science (including these in co-authorship with candidates of science, post-graduates, competitors, military post-graduates and others) are accepted to reviewing by the heads of the departments of the Editorial Board on the corresponding field of science without any recommendations, comments, reviews or decisions.

2. *Materials, sent according to the contract.*

2.1. Materials by post-graduates, competitors, military post-graduates and others, having no scientific degree, (not written in co-authorship with candidates and doctors of science), but which have contracts with the Editorial Board of the bulletin, could apply for reviewing (which is held by the heads of the departments of the Editorial Board, corresponding to a definite field of science), in case: 1) there are decisions (reviews) by the Council of the institution or that of the Scientific Council of the Law Department of the institution; 2) there is a written review (comment) by a doctor or candidate of

science, who works in the same region or institution with the author, but does not provide any scientific guidance to him/her.

2.2. Materials by candidates, doctors of science (including these in co-authorship with post-graduates, competitors, military post-graduates and others, having no scientific degree) from institutions, which possess contracts with the Editorial Board of the bulletin, could be sent only in case there is a decision (comments) by the Editorial Council of the institution or the Scientific Council of the Law Department of the institution.

3. *The order of reviewing the materials.*

3.1. Materials by the authors, which were accepted by the Editorial Board of the bulletin, undergo the discussion at the meeting of the Editorial Board of the bulletin, where at least two members of the Editorial Board give their comments and reviews (1 written and 1 oral), being specialists in the corresponding field of science. The Heads of the departments of the Editorial Board are responsible for timely and adequate reviewing of the materials, regarding the definite field of knowledge or research. The Editorial Board nowadays include the following departments (rubrics) (their structure could differ):

- 1) congratulations;
- 2) international round-table discussion;
- 3) verbatim;
- 4) safety of personality, society, state and international community;
- 5) criminology;
- 6) criminal law;
- 7) criminal executive law;
- 8) criminal legal procedure;
- 9) criminal investigation;
- 10) forensic examination;
- 11) special investigative activity;
- 12) Moscow criminological study;
- 13) Criminalist-criminologist –writer;
- 14) Science and practice abroad;

- 15) Sympathies;
- 16) Information about the authors;
- 17) Annotations, key words, types of publications and clause-by-clause bibliography
- 18) Ad notam to the authors.

3.2. Materials considered to be accepted for publication in case it is supported by the majority of the Editorial Board, working in the same sphere of science as the author of the article, even if there are not only positive, but also negative reviews. The Editorial Board has right to invite the author to the meeting to specify the vitality and scientific novelty of the materials, presented for publication, and to define the author's point of view, argumentation of his/her conclusion about the problem, discussed in the article. The order and precedence of the publication of the article is defined regarding the corpus of the article and the list of rubrics in a definite edition.

3.3. Reviews to the manuscripts by the members of the Editorial Board are sent to be analyzed by the representatives of the institutions and authors according to their request. In case of denial to publish the material in the bulletin, the author and representatives of the institution could be sent a substantiated response in a written (electronic) form according to their request. Authors could finalize the article and appeal repeatedly to the Editorial Board for publication of the re-edited material.

*The Editorial Board of the Bulletin,
N.F. Bodrov, Assistant of the bulletin "The Union of Criminalists and Criminologists"*

УСЛОВИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ОПУБЛИКОВАНИЮ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛЕ «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

Данные условия и требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам, а именно:

1) представляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей, как правило, должны быть в пределах 0,24 п.л.; докторантов — 0,48 п.л.;

2) объем статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п.л. Авторам, преимущественно докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН;

3) публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакции;

4) авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;

5) представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение ее в Интернете на тех сайтах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение (договор);

6) решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Размещение материалов для публикации членом «Союза криминалистов и криминологов» является приоритетным. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов;

7) статья, представленная редакции журнала, не будет принята к рассмотрению, если: а) она опубликована или направлена в другие издания; б) ее автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, звание, почетное звание, членство в общероссийских организациях, телефон, e-mail; в) ее текст, аннотация к статье, библиография и сноски не оформлены в соответствии со следующими стандартами: ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», введенный в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г. постановлением Государственного комитета Российской Федерации

по стандартизации и метрологии от 25 ноября 2003 г. № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», утвержденный и введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. № 95-ст; г) не соблюдены следующие параметры: размер бумаги — А4 (210×297 мм); поля: верхнее, нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм; шрифт — Times New Roman; размер шрифта — 14; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная;

8) редакция журнала примет любые пожелания, предложения и замечания по совершенствованию ее деятельности. Возникающие вопросы можно разрешать путем электронной переписки по адресу: skk_vkk@mail.ru;

9) материалы, предлагаемые к опубликованию следует направлять: в электронном виде согласно приведенной форме на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отправить статью в журнал «Союз криминалистов и криминологов (СКК)»;

10) плата за публикацию рукописей не взимается. Публикации материалов авторов-членов «Союза криминалистов и криминологов», а также лиц, которые приобрели номер журнала «Союз криминалистов и криминологов» на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Купить издание» является приоритетным;

11) редакция журнала напоминает, что работает на общественных началах, и не имеет постоянного пожертвователя денежных средств, поэтому типографские расходы частично возмещаются за счет добровольной спонсорской помощи авторов или их доверенных лиц, общественных объединений, а также иных физических и юридических лиц;

12) о том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать на официальном сайте «Союза криминалистов и криминологов» — <http://crimescience.ru>, а также на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отследить статью в журнал «Союз криминалистов и криминологов (СКК)».

Редакция журнала,

А. В. Ковальчук, ассистент журнала «Союз криминалистов и криминологов»

BEDINGUNGEN UND ANFORDERUNGEN ZUR PUBLIKATION DER MATERIALIEN IN DER ZEITSCHRIFT «KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND»

Diese Bedingungen und Anforderungen gelten für alle Arbeiten, die bei uns einkommen, und zwar:

1) die vorgestellten Arbeiten der Forschungsstudenten, Adjunkten, Bewerber eines wissenschaftlichen Grades sollten normalerweise im Bereich 0,24 Druckliste sein; die Arbeiten der Doktoranden dagegen 0,48 Druckliste;

2) das Artikelvolumen eines Dokortitelinhabers sollte in der Regel nicht mehr als 1 Druckliste sein. Den Autoren, hauptsächlich den Dokortitelinhabern, bei denen die Zeitschriften die Artikel bestellt hat, wird die Gebühr in dem Fall zugerechnet, wenn der Autor seine Passnummer, Geburtsjahr, Monat, Geburtstag, Meldeadresse (Anmeldungsadresse) mit der Postleitzahl, Identifikationsnummer des Steuerzahlers teilt;

3) die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien können die Meinung der Redaktion nicht widerspiegeln;

4) die Autoren tragen die volle Verantwortung für die Auswahl und die Richtigkeit der angeführten Fakten, die Zitatensliste, die kriminologischen, soziologischen, psychologischen und andere Daten, die Eigennamen und andere Informationen, sowie die Verwendung der Daten, die nicht für die Presse bestimmt sind;

5) wenn der Autor den Artikel zur Veröffentlichung gibt, ist er damit einverstanden, dass der Artikel im Internet auf den Internetseiten gestellt wird, mit denen die Redaktion die entsprechende Vereinbarung (entsprechenden Vertrag) hat;

6) die Entscheidung zur Aufnahme der Artikel und anderer Materialien in die Zeitschrift trifft die Redaktion, die keinerlei Gewähr für die Veröffentlichung aller eingereichten Materialien übernimmt. Die Publikationsmaterialien der Mitglieder des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ sind vorrangig. Die Redaktion ist berechtigt, Änderungen im Text zu machen, die die Bedeutungen der Autorenmaterialien nicht verdrehen;

7) Artikel, der in die Zeitschriftredaktion eingereicht ist, wird nicht geprüft, wenn: a) er veröffentlicht oder an andere Verlage eingereicht wurde; b) der Autor seine persönlichen Daten nicht angegeben hat: Name, Vorname, Vatersname (vollständig, keine Initialen), Berufsbezeichnung, akademischer Grad, akademischer Titel, Ehrentitel, Mitgliedschaft in den gesamt-russischen Organisationen, Telefon, E-Mail; c) der Text, Kurzzusammenfassung zum Artikel, Bibliographie und Fußnoten gemäß den folgenden Normen nicht ausgestellt sind: staatlicher Standard 7.1-2003 „Bibliographische Aufnahme. Bibliographische Beschreibung. Allgemeine Anforderungen und Zusammenstellungsregeln“, die als staatlicher Standard der Russischen Föderation ab 1. Juli 2004 laut Beschluss des Staatskomitees der Russischen

Föderation für Standardisierung und Meßwesen vom 25. November 2003 Artikelnummer 332, staatlicher Standard 7.0.5-2008 „Literaturangabe“ in Kraft gesetzt sind.

Allgemeine Anforderungen und Zusammenstellungsregeln“, genehmigt und in Kraft gesetzt durch Beschluss der Föderalagentur für technische Regelung und Meßwesen vom 28. April 2008 Artikelnummer 95; d) folgende Angaben nicht beachtet sind: Papierformat — A 4 (210 × 297 mm); Ränder: oben, unten — 20 mm, links — 30 mm, rechts — 10 mm; Schriftart — Times New Roman; Schriftgröße — 14, Zeilenabstand — 1,5; Absatz — 1,25; Formeln werden in der Mitte platziert, ihre Nummern werden in Klammern auf der rechten Seite geschrieben; Tabellen werden von oben nummeriert (Tabelle 1 — Bezeichnung), Bilder und Figuren werden von unten nummeriert (Abbildung 1 — Bezeichnung), und in Bildbearbeitungssoftware bearbeitet; Fußnoten auf Quellenverzeichnis und Literatur werden unten auf der Seite platziert, die Seitenzählung wird automatisch weiterdurchgeführt;

8) die Zeitschriftredaktion freut sich über Anregungen, Kommentare und Vorschläge zur Verbesserung ihrer Tätigkeit. Wenn Sie irgendwelche Fragen haben, können Sie uns per E-Mail kontaktieren: skk_vkk@mail.ru;

9) die zu veröffentlichten Materialien sollten folgendermaßen abgeschickt werden: in elektronischer Form, gemäß der Form auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „den Artikel in die Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband“ senden“;

10) die Gebühr für die Veröffentlichung der Manuskripten wird nicht zugerechnet. Die Veröffentlichungen der Materialien der Autoren-Mitglieder des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ sowie der Personen, die die Ausgabe der Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband“ auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „die Ausgabe kaufen“ gekauft haben, sind vorrangig;

11) die Redaktion teilt Ihnen gerne mit, dass sie auf freiwilliger Basis arbeitet, und keine dauerhaften Geldspender hat, deshalb werden Druckkosten teilweise durch die freiwillige Sponsorschenschaft von den Autoren oder ihren Vertretern, den Verbänden und anderen Personen und Einrichtungen erstattet;

12) der Autor kann auf der Internetseite des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ <http://crimescience.ru> sowie auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „den Artikel in der Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband prüfen“ nachschauen, ob sein Artikel veröffentlicht wird.

*Die Zeitschriftredaktion
A.V. Kovaltschuk, Der Zeitschriftsassistent „Kriminalisten- und Kriminologenverband“*

CONDITIONS AND REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF THE MATERIALS IN THE BULLETIN “THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS”

The following conditions and requirements are adequate to all the materials, which are sent to our Editorial Board, including these:

1) the presented works by the post-graduates, military post-graduates? Competitors as a rule, should not be more than 0,24 p.s.; doctoral students could send 0,48 p.s.;

2) the corpus of articles by a doctor of science, as a rule, should be no more than 1 p.s. The authors, doctors of science mostly, whose articles were written on the contract, the fees are paid in case, the author provides the following data: number of passport, year, month and date of birth, registration address with postal code, TIN;

3) the materials, published in the bulletin are not necessarily reflect the outlook of the Editorial Board;

4) the authors are absolutely responsible for selection and authenticity of the presented facts, the list of quotations, criminological, sociological, psychological and other data, proper names and other information, not meant public media;

5) sending an article to be published, the author, thus, agrees to post it on the Internet on the sites, which are competent of it;

6) the decision about the acceptation or denial of the publication is taken by the Editorial Board, which do not guarantee all the articles to be published. The members of “The Union of Criminalists and Criminologists” have priority in publication of their materials. The Editorial Board has right to subedit, do not bring any changes to the author’s main idea;

7) the article, presented to the Editorial Board of the bulletin, is not accepted if: a) it was published or sent to other edition; its author does not provide his personal data: last name, name, patronymic (full), position, scientific degree, title, honoraries, membership in all-Russian organizations; phone number, e-mail; c) the text, annotation to the article and bibliography and references are not properly done, according to the following standards: ГОСТ 7.1-2003 “Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of composing”, accepted and introduced as a state standard of the Russian Federation since the 1st of July, 2004, by the Decree by The State Committee of the Russian Federation

on Technical Regulation and Metrology on November 25, 2003 № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5-2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Composing”, accepted and introduced by the Decree by the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology on April 28, 2008 № 95-ст. The parameters of the text should correspond to the following requirements: paper format — A 4 (210×297 mm); margins: upper, lower — 20 mm, left — 30 mm, right — 10 mm; font — Times New Roman; font size — 14; line distance — sesquialter; paragraph indentation — 1,25; formules are aligned to the center, its numbers are in parentheses, aligned to the right; tables and diagrams are enumerated from the top (Table — 1 Title), pictures are enumerated from the bottom (Picture 1 — Title) and are made in a graphic editor; reference to the sources and literature are done at the bottom of the page, pages are enumerated automatically continually;

8) the Editorial Board of the bulletin is ready to accept any remarks, regards and comments about the perfection of its work. All the arising questions could be discussed by e-mailing to the address: skk_vk@mail.ru;

9) materials for publication should be sent to: the item “Send an article to the bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists” on the <http://criminology.ru>;

10) the publication of the manuscripts is free of any charges. The publication of the materials by the authors — members of “The Union of Criminalists and Criminologists” and persons, who bought the editions of the bulletin in the item “Buy an edition” on the site: <http://criminology.ru>, are of priority;

11) the Editorial Board of the bulletin points out, that it works as a public service and does not possess any permanent sponsor, so the typographic expenses are often compensated by a voluntary financial aid by the authors or their agents, public organizations or other natural or legal persons;

12) the author could get information if his/her article is accepted for publication or denied, in the item “Monitor an article in the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists” on the official site of “The Union of Criminalists and Criminologists” — <http://criminology.ru>.

*The Editorial Board of the Bulletin,
A.V. Kovalchuk, Assistant of the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists”*

СКК

[Общая информация](#)[Свидетельство о регистрации](#)[Устав](#)[Реквизиты](#)[Контакты](#)[Журнал СКК](#)

Читательский билет

E-mail:

Пароль:

Поиск по сайту

 Заметили ошибку в тексте?
Выделите ее мышью и нажмите Ctrl + Enter

Союз криминалистов и криминологов

Общая информация

15 февраля 1995 г. впервые был создан «Союз криминалистов и криминологов» (далее – СКК 1995 г.). В то время учредителями выступали: 1) Эминов Владимир Евгеньевич, 2) Пономарев Павел Георгиевич, 3) Овчинский Владимир Семенович, 4) Горинов Константин Константинович, 5) Дашков Геннадий Владимирович, 6) Зубков Игорь Николаевич, 7) Лозбяков Виктор Павлович, 8) Мацевич Игорь Михайлович, 9) Селиверстов Вячеслав Иванович, 10) Чернышский Валентин Семенович, 11) Эмилия Рафаэль Алексеевич. На учредительном собрании СКК 1995 г. единогласно были избраны: Президентом – Эминов Владимир Евгеньевич, д. ю. н., профессор, вице-президентами – Владимир Семенович Овчинский, д. ю. н., Павел Георгиевич Пономарев, д. ю. н., профессор, научным секретарем – Игорь Михайлович Мацевич, к. ю. н., доцент. В Президиум СКК 1995 г. вошли видные ученые криминалисты, криминологи, а также практики в сфере борьбы с преступностью.

Союз криминалистов и криминологов 1995 г. продолжил и руководствовался традициями Русской группы Международного союза криминалистов (1897 – 1914 гг.), объединявшей видных русских ученых и практиков, разрабатывавших уголовно-правовые, криминалистические и криминологические проблемы под руководством профессора И. Я. Фойниченко, а также достижениями отечественных наук уголовно-правового цикла последующих десятилетий. Союз взаимодействовал с государственными органами и негосударственными организациями, ведущими борьбу с преступностью, государственными и иными научно-исследовательскими и учебными заведениями и организациями, разрабатывающими проблемы борьбы с преступностью.

По инициативе и под эгидой СКК 1995 г. были проведены десятки международных, российских научно-практических конференций, семинаров и круглых столов, организованы многочисленные презентации учебников, пособий и монографий.

В частности, 3-7 июня 1996 г. по инициативе СКК и Министерства юстиции США, а также при участии Российской академии наук, Верховного Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы налоговой полиции РФ, Государственного таможенного комитета РФ была организована и проведена под председательством Президента СКК Эминова В. Е. международная конференция «Проблемы борьбы с организованной преступностью в России и США». В Планарном заседании приняли участие: 1) от США: Синтия Янг, заместитель начальника отдела борьбы с организованной преступностью департамента юстиции США, Дженифер Личевски, старший федеральный прокурор США, Майкл Диттоу, старший федеральный прокурор США (Сопредседатель оргкомитета конференции), Стивен Дунтер, старший федеральный прокурор США, Майкл ди Преторо, сотрудник ФБР США; 2) от Российской Федерации: Кудрявцев В. Н., Вице-президент Российской академии наук, академик, Краснов М. А., помощник Президента России по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор и многие др.

22-23 июня 1999 г. по инициативе и поддержке «Союза криминалистов и криминологов» (г. Москва), Представительства Департамента Юстиции США в Москве, Американского Университета, Московского института МВД РФ, Комитета содействия правоохранительным органам по борьбе с организованной преступностью, Московского центра по изучению организованной преступности (проект «UReCOrCE») и Центра «ЮриИнфоР», при участии депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, руководителей Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Министерства по налогам и сборам РФ, Федеральной службы налоговой полиции РФ, Государственного таможенного комитета РФ, Российской академии наук была проведена конференция «Международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с транснациональной преступностью и коррупцией».

Указать весь перечень только лишь основных мероприятий, организованных по инициативе СКК 1995 г., вряд ли возможно в рамках данной заметки. Заметим лишь, что уровень конференций, семинаров, различных презентаций в то время был достаточно высок для подобного рода мероприятий.

11 июля 2002 г. Общественное объединение «Союз криминалистов и криминологов» прекратило свою деятельность.

Решение о возрождении «Союза криминалистов и криминологов» было принято в 2010 г.

29 июня 2010 г. под председательством проф. Эминова В. Е. состоялось учредительное собрание, на котором рассматривались следующие вопросы: 1) о создании региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» (далее – Организация); 2) об утверждении Устава Организации; 3) о принятии приглашенных в члены Организации; 4) об избрании Президиума Организации; 5) об избрании Ревизионной комиссии Организации; 6) об избрании Президента, Вице-президентов, ответственного секретаря Организации. По итогам учредительного собрания единогласно были избраны: Президентом – Мацевич Игорь Михайлович, д. ю. н., профессор, вице-президентами – Эминов Владимир Евгеньевич, д. ю. н., профессор, Владимир Семенович Овчинский, д. ю. н., ответственным секретарем – Орлов Владислав Николаевич, к. ю. н., доцент.

18 октября 2010 г. Министерством юстиции РФ выдано Свидетельство о государственной регистрации некоммерческой организации «Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов».

Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», воссозданная в 2010 г., является региональной общественной организацией, объединяющей на основе общности профессиональных интересов ученых и практиков, разрабатывающих основы социально-правовой политики, методологические, правовые, организационные, методические, технические проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. Союз продолжает традиции Русской группы Международного союза криминалистов (1897-1914 гг.) под руководством И. Я. Фойниченко, а также «Союза криминалистов и криминологов» (1995-2002 гг.) под руководством проф. В. Е. Эминова и, руководствуясь их принципами, объединяет ученых и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы. Союз взаимодействует с государственными органами и негосударственными организациями, ведущими борьбу с преступностью, государственными и иными научно-исследовательскими и учебными заведениями и организациями, разрабатывающими проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

Официальный сайт Союза криминалистов и криминологов:

<http://crimescience.ru>

Периодическое печатное издание, журнал «Союз криминалистов и криминологов». Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики.

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов» объединяет на основе общности профессиональных интересов учёных и практиков, разрабатывающих основы социально-правовой политики, методологические, правовые, организационные, методические, технические проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

Союз продолжает традиции Русской группы Международного союза криминалистов (1897-1914 гг.) под руководством И.Я. Фойницкого, а также «Союза криминалистов и криминологов» (1995-2002 гг.) под руководством проф. В.Е. Эминова и, руководствуясь их принципами, объединяет учёных и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы.

Целью Союза является объединение криминалистов и криминологов для содействия укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью и иными правонарушениями, профессиональной консолидации специалистов, работающих в различных сферах науки и правоохранительной практики, подготовке кадрового потенциала в области наук уголовно-правового цикла, координации фундаментальных и прикладных исследований в пределах полномочий, предусмотренных Уставом.